

Г · Н · Р Е У Т О В

**ПРАВДА
И ВЫМЫСЕЛ
О ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЕ**

Г. Н. РЕУТОВ

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

**Английская буржуазная историография
о происхождении войны,
внешней политике Англии
и международных отношениях
1939—1945 гг.**

Издание второе, исправленное и дополненное

Издательство „Международные отношения“
Москва 1970

О подготовке второй мировой войны, легендах и фальсификациях, которые нагромождают вокруг нее английские буржуазные историки, публицисты и государственные деятели, о внешней политике Англии и международных отношениях в 1939—1945 годах рассказывает эта книга.

Используя мемуары Черчилля и Идена, Монтгомери и Алана Брука, а также работы крупных английских ученых, автор показывает, что большинство легенд и версий о войне, распространенных на Западе, противоречит истине.

Настоящее издание пополнено анализом исследований, появившихся в Англии в последние годы.

Георгий Николаевич Р е у т о в.

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Редактор К. К. Степин. Переплет художника Г. И. Юдицкого. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор А. А. Павловский. Корректор Л. Ф. Крылова. А-05263. Сдано в набор 26/IX 1969 г. Подписано в печать 3/XII 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 17,54. Тираж 46 000 экз. Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 609. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб. 20 коп.

Прошло четверть века со дня окончания второй мировой войны, а ее события живы в памяти миллионов людей и продолжают привлекать внимание многих историков и публицистов как социалистических стран, так и стран капиталистического мира. И это не является случайным.

Тревожное время кануна войны, когда фашизм не без попустительства реакционных кругов Запада лихорадочно готовился к завоевательным походам, годы упорной и тяжелой борьбы народов, великая историческая победа Советского государства, результаты этой победы, оказавшие огромное влияние на ход послевоенного развития,— таково содержание этого хотя и короткого по времени, но важного периода новейшей истории (1933—1945 гг.).

Буржуазная историческая наука прилагает немало усилий, чтобы оградить трудящихся, широкую общественность капиталистических стран от влияния идей социализма. Реакционные политики, находящиеся на службе у монополистического капитала, публицисты, историки и социологи намеренно искажают и фальсифицируют события недавнего прошлого, пропагандируют выгодные империализму теории и версии о происхождении войны и международных отношениях 1939—1945 годов. События войны и предвоенных лет они излагают и комментируют с классовых позиций, используя в своих целях отравленные идеи антикоммунизма.

В деле защиты капиталистического строя наряду с буржуазной исторической наукой США и ФРГ видную роль играет историческая наука Великобритании. Здесь сложилась одна из самых представительных школ бур-

жуазных историков, занимающихся историей международных отношений периода 30-х годов и второй мировой войны. Свои теоретические концепции эта школа строит, опираясь на большой документальный, фактический материал, и более тонкими приемами и методами, по сравнению с североамериканскими или западногерманскими историками, подводит читателя к нужным ей выводам.

События кануна войны, периода 1939—1945 годов, внешнюю политику Англии и ее отношения с СССР и США большинство буржуазных историков освещает с позиций оправдания и защиты английского империализма, его интересов, внося свою лепту в борьбу международной реакции против сил демократии и социализма, в дело нагнетания международной напряженности.

Английская буржуазная историография, как сто или пятьдесят лет назад, продолжает заявлять о своей «объективности» и «беспристрастности». Однако внимательное изучение работ английских историков и публицистов, воспоминаний государственных и военных деятелей, анализ и сопоставление приводимых в них концепций и версий с фактами показывают, что предыстория войны, основные проблемы 1939—1945 годов подвергаются в ряде случаев глубоким искажениям, а иногда и прямой фальсификации.

Искажение предыстории и событий второй мировой войны, попытки опорочить внешнеполитическую деятельность Советского Союза, выступавшего за полный разгром агрессоров и оказавшего большую помощь народам Европы и Азии в освобождении от фашистского и империалистического рабства, характерны для работ многих буржуазных историков, публицистов и политических деятелей Англии. Это им необходимо для того, чтобы «аргументировать» переход США, Англии и их союзников к антисоветской политике «с позиции силы», «обосновать» отказ западных держав от сотрудничества с СССР и совместного решения послевоенных проблем.

И все же желанного единства мнений в английской буржуазной историографии нет. Часть историков и публицистов, оставаясь в целом на позициях защиты капиталистического строя, стремится к объективному освещению событий. В послевоенной Англии сложилось представительное направление, противостоящее реакционному большинству. По ряду принципиально важных вопросов

внешней политики оно выступает с критикой официальных установок, отвергает некоторые антиисторические версии и антисоветские догмы.

Советские историки, особенно за последние годы, много сделали для разоблачения буржуазных фальсификаций международных отношений 1933—1939 годов, периода второй мировой войны. Однако основное внимание уделялось анализу и критике работ, изданных в США и ФРГ.

В исследованиях академика И. М. Майского, члена-корреспондента Академии наук СССР В. Г. Трухановского, В. И. Попова, В. М. Кулиша, Л. В. Поздеевой, И. Н. Ундасынова¹, посвященных вопросам внешней политики Великобритании и международным отношениям 1933—1945 годов, вскрыты отдельные приемы извращения и фальсификации, к которым прибегают представители английской буржуазной историографии. Но эти работы не могут дать полного представления о закономерностях и характерных особенностях английской буржуазной историографии второй мировой войны в целом.

Работ, посвященных английской буржуазной историографии второй мировой войны, немного². Назрела необходимость создания исследований обобщающего характера с целью анализа всей совокупности исторической и мемуарной литературы, детального разбора и критики концепций и версий, используемых ею.

В данном исследовании делается попытка решить этот вопрос. Подвергая анализу английскую буржуазную историографию второй мировой войны, автор уделяет основное внимание проблеме происхождения войны, оценке ее основных событий, а также взаимоотношениям главных участников антигитлеровской коалиции, прежде всего Англии и СССР. Наряду с этим анализируются оценки, которые английские историки и публицисты дают итогам войны, а также объясняются причины ослабления позиций английского империализма. Из военных вопросов рассматриваются лишь те, которые тесно связаны с внешней политикой Англии и отношениями держав антигитлеровской коалиции (стратегия «странной войны» и ее влияние на англо-советские отношения 1939—1940 гг., «дюнкеркское чудо» и «битва за Британию», вопросы военно-стратегического планирования Англии и США 1941—1943 гг. и их отношение к открытию второго фронта и т. д.).

Предмет исследования — английская буржуазная историография внешней политики и международных отношений кануна и периода второй мировой войны в целом. Автор стремится показать ее основные закономерности, выявить главные концепции и версии. Особое внимание при этом уделяется показу их классовых основ.

Анализ источников и литературы, изучение и сопоставление правительственных и официальных изданий, а также работ отдельных буржуазных историков и публицистов позволяют определить закономерности в освещении главных проблем внешней политики Англии и международных отношений кануна войны и 1939—1945 годов, а также сделать вывод о наличии двух основных направлений в английской буржуазной историографии второй мировой войны (официозного и объективистско-критического), показать их различный, а иногда и прямо противоположный подход к анализу исторических фактов.

Основные направления английской буржуазной историографии второй мировой войны

Г л а в а 1

Публикации дипломатических документов. Мемуарная литература

Сборники документов. В арсенале средств идеологического воздействия английская буржуазная историография видное место отводит публикациям дипломатических документов. Сборники документов рекламируются издателями — обычно крупными буржуазными историками, находящимися на государственной службе, — как полные и достоверные исторические источники.

Капиталистическая Англия имеет давние традиции в издании дипломатических документов. Их первые сборники, широко известные под названием «Синих книг», были опубликованы в конце 30-х годов прошлого века. Издание специальной серии документов, относящихся к подготовке первой мировой войны, а затем межвоенному периоду, стало важным средством обоснования и оправдания внешнеполитического курса Великобритании.

Сразу же после начала второй мировой войны английское министерство иностранных дел (Форин оффис) начало подготовку «Белой книги» — сборника специально подобранных дипломатических документов о причинах конфликта. При этом ставилась цель не только дать официальное объяснение причинам войны, но и оправдать те маневры, которые делало правительство Чемберлена в конце августа 1939 года, а также затянувшуюся более чем на двое суток «паузу» с объявлением войны гитлеровской Германии. По мере подготовки издавались от-

дельные подборки документов, а 30 сентября 1939 г. «Белая книга» была опубликована полностью¹.

В последующие годы, вплоть до конца войны, издательская деятельность Форин оффиса была незначительной. И лишь когда наметился победный исход и большое значение приобрели вопросы послевоенного мирного урегулирования, началась подготовка к изданию дипломатических материалов межвоенных лет под названием «Документы английской внешней политики, 1919—1939»². Многотомная коллекция документов, издание которой не завершено до сих пор, является важным источником по внешней политике Англии и международным отношениям 20—30-х годов.

«Документы английской внешней политики» широко используются буржуазными авторами. Несмотря на определенные пробелы и искажения, издание представляет интерес и для советских историков, помогая вскрыть реакционные, антисоветские основы предвоенной политики правящих кругов Великобритании.

Решение об издании документов Форин оффиса было принято английским правительством в начале 1944 года и объявлено в палате общин 29 марта министром иностранных дел А. Иденом. Советский историк Б. Е. Штейн отмечал, что это было вызвано стремлением правящих кругов Англии оправдать свой внешнеполитический курс в период между двумя мировыми войнами, а также боязнью возможных разоблачений, которые могли быть сделаны в результате опубликования трофейных немецких документов³.

Не случайно работа по подготовке публикации с самого начала была разделена на две части, причем приоритет предоставлен второй половине — документам 1930—1939 годов. Главными редакторами были назначены профессор современной истории, служащий Форин оффиса Л. Вудвард и профессор Р. Батлер. Первый занялся подготовкой документов предвоенного, наиболее важного десятилетия (вторая серия), второй — 1919—1929 годов (первая серия). Общий план работы был составлен Форин оффисом.

В 1947 году, уже после выхода из печати первого тома документов, редакторы предложили министру иностранных дел лейбористского правительства Э. Бевину изменить план издания, выделив в новую, третью, серию все документы 1938—1939 годов. Предложение было принято.

Главная причина изменений заключалась в необходимости дать быстрый ответ на разоблачение английской политики «умиротворения» фашистских агрессоров, сделанных на Нюрнбергском процессе в 1946 году. Кроме того, правящие круги Великобритании считали, что Советское правительство ответит на отказ западных держав от совместного издания трофейных документов, который был дан в обстановке начатой «холодной войны», а также выпуск явно тенденциозного и антисоветского сборника⁴ публикацией трофейных немецких документов, имеющихся в распоряжении МИД СССР, документов, проливающих свет на английскую политику капитуляции и сговора с Гитлером в период 1938—1939 годов⁵. Так что Форин оффис принимал меры для подготовки «документального опровержения».

3 мая 1948 г., когда подготовка первого тома новой, третьей, серии английских дипломатических документов шла полным ходом, в палате общин было сделано заявление об изменении плана издания. В результате весной 1948 года окончательно определился план издания: первая серия (1919—1929 гг.) под редакцией Р. Батлера, вторая (1930—1937 гг.) и третья (1938—1939 гг.) под редакцией Л. Вудварда.

С 1946 по 1964 год было опубликовано 32 тома коллекции, причем 19 состоят из документов периода 1930—1939 годов. Издание третьей серии полностью завершилось в 1961 году.

Коллекция дипломатических документов, относящихся к 1919—1939 годам, как и собрание соответствующих документов о происхождении первой мировой войны⁶, издается на основе тематического принципа. Этот выбор редакторы издания Л. Вудвард и Р. Батлер объясняют единственной фразой. «Недостатки хронологического метода,— пишут они,— без какой-либо «сортировки» документов по содержанию настолько очевидны, что не нуждаются в упоминании»⁷.

Выбор обычного для английских изданий тематического принципа объясняется не только «пороками хронологического метода», сколько открывающимися широкими возможностями для различных препараций, пропусков и «причесывания» документов. Используя этот принцип, нетрудно выдвинуть на первый план те документы, которые подтверждают концепцию редакторов, или, наоборот, отодвинуть на задний план и даже совсем опустить

те из них, которые ей противоречат. Следует добавить, что большие возможности для маневрирования представляют издателям в ряде случаев и произвольный выбор хронологических рамок для той или иной темы.

Подчеркнем особо, что как коллекция документов об английской внешней политике 1919—1939 годов в целом, так и ее третья серия особенно являются далеко не полным и не объективным изданием. Хотя издатели всеми силами стараются скрыть это обстоятельство, оно становится совершенно явным для внимательного читателя. Так, производя отбор документов, редакторы нередко исключают из публикации даже те из них, которые отнесены ими же самими к разряду наиболее важных. С целью маскировки подобного рода пробелов применяются разные методы. Например, третья серия документов открывается материалами о подготовке гитлеровской Германией аншлюса Австрии. Ее исходная дата — 9 марта 1938 г. Это позволило на законном основании «забыть» о беседе лорда Галифакса с Гитлером в ноябре 1937 года, в ходе которой он дал понять, что Англия не заинтересована в судьбе Австрии, или о встрече английского посла в Берлине Гендерсона с фюрером 3 марта 1938 г. Материалы, опубликованные Советским правительством, показали, чьим интересам служит такая «забывчивость»⁸. Точно так же редакторы поступили с рядом важных документов по чехословацкому вопросу (отправной датой для него выбрано 16 марта 1938 г.), вследствие чего «выпали» протоколы совещания руководителей английского и французского правительств 29—30 ноября 1937 г.

После выхода в свет воспоминаний Л. Эмери, а затем А. Идена стало известно содержание этих переговоров. Бывший английский премьер, например, вполне определенно дал понять, что Англия не будет воевать из-за Чехословакии. Как пишет Иден, Н. Чемберлен заявил тогда французам, что англичане «не должны быть вовлечены в войну из-за Чехословакии... Он не думает, что было бы возможно мобилизовать общественное мнение Англии в поддержку вооруженного вмешательства на стороне Чехословакии, в то время как любая попытка прийти к разумному и мирному решению между Германией и Чехословакией будет поддержана»⁹.

В ряде случаев, приводя какой-либо документ или ссылаясь на него, редакторы произвольно «опускают» другой, связанный с ним и нередко не менее важный.

Так, например, во втором томе третьей серии нет ответа Гитлера на личное послание Н. Чемберлена от 13 сентября 1938 г. В примечании «разъясняется», что в архивах Форин оффиса его «найти не удалось». А иногда редакторы не делают даже и таких ссылок. В частности, без всяких объяснений в третьей серии отсутствуют записи важных бесед Н. Чемберлена и Э. Галифакса с Риббентропом, состоявшихся в Лондоне 10—12 марта 1938 г., а также послание английского премьера Гитлеру, переданное тогда же через германского министра иностранных дел¹⁰.

Таким образом, публикация «Документов английской внешней политики, 1919—1939», в частности ее третьей серии, не является сколько-нибудь полной. Судьба ряда важных документов, существование которых уже доказано, остается неизвестной.

Следует отметить, что в издание нередко включены документы в выдержках или с большими купюрами. Так, например, записка заместителя министра иностранных дел А. Кадогана, обобщающая итоги переговоров Галифакса с доверенным представителем Берлина капитаном Видеманом, имевших место в июле 1938 года, начинается с довольно странного оборота речи «с другой стороны». В сноске редактор «разъясняет», что, хотя документ и содержал «предварительный параграф или параграфы», найти их в архивах Форин оффиса «оказалось совершенно невозможным»¹¹.

Характерной чертой третьей серии коллекции является то, что в ней помещены лишь отдельные документы из переписки Форин оффиса с английским посольством в Москве. А если они и приводятся, то лишь с вполне определенной целью: представить доказательства «неспособности» Советского Союза оказать военный отпор фашистской Германии в дни судетского кризиса 1938 года или его «нежелание» пойти на союз с Англией и Францией летом 1939 года и т. д.¹² Ясно, что такой подход к публикации дипломатической переписки Форин оффиса с посольством в Москве не является случайным. Он отражает основную концепцию английской буржуазной историографии о «позиции Москвы» в 1938—1939 годах.

Подведем итоги. Коллекция «Документов английской внешней политики, 1919—1939», особенно ее третья, завершенная раньше других серия, является отнюдь не объективным и далеко не полным изданием, хотя по

количеству томов и их объему она намного превосходит известные публикации немецких, французских, итальянских дипломатических документов, а также английских, относящихся к проблемам происхождения первой мировой войны. Хотя ее редакторы неоднократно подчеркивают в предисловиях, что цель изданий состояла в том, чтобы «извлечь из архивов Форин оффиса полную документацию о характере и ходе осуществления политики, то есть показать, какой была английская политика», хотя они уверяют, что получили «полную свободу в выборе и классификации материалов»¹³, их утверждениям, как показывают многочисленные факты, верить нельзя. Задача издателей, выполнявших, признают они это или нет, волю правящих кругов Великобритании, была, конечно, иной: показать какую-то часть истины, чтобы извратить и скрыть ее от общественности в целом.

В отличие от предвоенного периода, которому посвящена обширная публикация дипломатических документов, период второй мировой войны обеспечен документальными источниками весьма плохо.

В 1939—1945 годах в «Синих книгах» было опубликовано лишь небольшое количество специально подобранных документов. Окончание войны не привело к серьезным изменениям. В 1951—1954 годах «Чатам хауз», правда, выпустил из печати двухтомник «Документы международных отношений, 1939—1946»¹⁴. Но в издание были включены главным образом уже опубликованные документы.

Сильный удар по попыткам фальсификации истории второй мировой войны наносят советские публикации документов. В 1948 году МИД СССР издал два тома трофейных документов из архива министерства иностранных дел фашистской Германии. Советское правительство пошло на это лишь после того, как правительства США, Англии и Франции, отказавшись от совместной с Советским Союзом публикации, приступили в явно антисоветских целях к их изданию сепаратным путем. «Ввиду этого,— говорится в предисловии к первому тому сборника,— Советское правительство сочло себя вправе в свою очередь предпринять публикацию тех секретных документов из архива министерства иностранных дел, которые оказались в числе трофеев, захваченных советскими войсками после победоносного вступления в Берлин»¹⁵.

Сборник «Документы и материалы кануна второй мировой войны» осветил многие темные места, и прежде всего в англо-германских отношениях 1937—1939 годов. Материалы из личного архива германского посла в Лондоне Дирксена, вошедшие во второй том¹⁶, являются, в частности, грозным обвинительным актом против «двойной игры», которую вели правящие круги Великобритании весной — летом 1939 года.

Большую ценность в восстановлении правдивой картины межсоюзнических отношений в годы войны представляет переписка глав правительств СССР, США и Англии 1941—1945 годов¹⁷. Издание в Советском Союзе полных текстов посланий глав правительств трех великих держав нанесло сильный удар по попыткам реакционных политиков, публицистов и историков тенденциозно толковать отдельные выдержки из этой переписки, начало чему было положено У. Черчиллем еще в конце 40-х годов.

Значительный интерес представляют совместная публикация МИД СССР и Министерства иностранных дел Чехословакии, предпринятая к двадцатой годовщине Мюнхена¹⁸, а также тематические подборки документов из архивов МИД СССР по вопросам внешней политики и международных отношений Советского Союза, в том числе протоколы переговоров делегации СССР с военными миссиями Англии и Франции, происходивших в Москве в августе 1939 года, а также материалы трех межсоюзнических конференций на высшем уровне — Тегеранской, Крымской и Потсдамской¹⁹.

Правдивые и строго научные публикации документов, изданные в СССР, в том числе протоколов межсоюзнических конференций на высшем уровне, выставляют в весьма неприглядном свете реакционных историков и публицистов Англии, которые намеренно извращают характер отношений внутри антигитлеровской коалиции 1941—1945 годов.

Мемуары, дневники и биографии. Важным источником изучения внешней политики Англии кануна и периода второй мировой войны являются воспоминания ее политических и военных деятелей, а также дипломатов. Из-за скудости документальных публикаций, относящихся к периоду войны, мемуарная литература остается в ряде случаев единственным источником. Работа с этой литературой, безусловно, не проста. Многие высказыва-

ния, нередко делаемые мемуаристами с целью самооправдания или рекламы, не соответствуют действительности. Как правило, большинство фактов и данных, сообщаемых ими, нуждаются в проверке.

Среди мемуарных работ государственных деятелей Великобритании первое место по своему значению и влиянию на буржуазную историографию международных отношений конца 30-х — первой половины 40-х годов занимает «Вторая мировая война» Уинстона Черчилля в шести томах²⁰.

У. Черчилль — опытный публицист и историк. При написании «Истории второй мировой войны» он использовал большое количество документов, в том числе личных. Многие из них на страницах шеститомника приводятся либо полностью, либо с незначительными сокращениями, что ценно для исследователя. Целый ряд событий и эпизодов войны, например разгром Франции, период «битвы за Британию», дипломатические конференции, в которых участвовал Черчилль, встречи с президентом США Ф. Рузвельтом, изложены автором ярко, со знанием дела. Все это, учитывая, что большинство английских документальных материалов военных лет не опубликовано, делает мемуары У. Черчилля немаловажным источником по истории второй мировой войны.

Но работа привлекает внимание не только этим. Ее автор — крупнейший консервативный и государственный деятель Англии 40—50-х годов — внес большой вклад в разработку и обоснование буржуазной историографией концепции второй мировой войны в целом. Многие ее версии и оценки, в том числе открыто антисоветские по своему содержанию, обязаны Черчиллю своим происхождением.

По своему содержанию шесть томов «Второй мировой войны» У. Черчилля далеко не равноценны. Первый из них, в котором описываются события предвоенных лет, и часть второго приближаются к историческому исследованию, где автор одновременно выступает как современник, активный участник событий. Что касается остальных, то основной метод, использованный при их написании, заключается в подборке нужных автору документов, главным образом личных, и увязке их друг с другом более или менее обширными комментариями. Такой метод давал У. Черчиллю почти полную свободу изложения своей концепции.

Начав работу над мемуарами вскоре после окончания войны, У. Черчилль закончил ее в 1953 году. Если первый том был написан еще до того, как развернулась «холодная война», отцом которой нередко и не без основания называют Черчилля, то последний том вышел из печати в самый ее разгар. Вследствие этого по характеру выводов и оценок первый и частично второй том резко отличаются от всех предыдущих. В этой связи замечание автора в предисловии к первому тому о том, что «уроки прошлого» должны быть учтены в будущем, звучит по меньшей мере иронически²¹.

В первом томе У. Черчилль критикует политику консервативных кабинетов С. Болдуина и Н. Чемберлена, способствовавшую перевооружению Германии и разрыванию фашистской агрессии. Но ответственность за это несут не только Англия и Франция. «Соединенные Штаты также не могут избежать приговора истории», — справедливо подчеркивает автор. «Моя цель, как одного из тех, кто жил и действовал в те дни, — пишет он в начале работы, — показать, как легко могла быть предотвращена трагедия второй мировой войны»²².

Критическая направленность первого тома объясняется тем, что в довоенные годы У. Черчилль находился в оппозиции к внешнеполитическому курсу консерваторов, возглавляемых С. Болдуином, а затем Н. Чемберленом. Критика предвоенной политики позволила ему более выгодно представить собственную деятельность в 1940—1945 годах. Последующие части мемуаров, написанные в разгар «холодной войны», являются своеобразной саморекламой. Их антисоветский характер очевиден.

Оценивая вторую мировую войну с позиции английского империализма, У. Черчилль называет ее «ненужной войной». Ведь ее итоги привели к резкому нарушению «баланса сил» в мире, к появлению новых стран социализма, сплотившихся в могучую систему. Это вызывает сильное недовольство лидера английских консерваторов. Он призывает вернуться к традиционной политике «баланса сил» в ее новом антисоветском оформлении: блок США, Англии и Франции против СССР и социалистических стран²³. Как известно, в этом У. Черчилль оказался неплохим пророком: менее чем через год после выхода из печати первого тома его воспоминаний, содержащего этот призыв, был создан НАТО.

Антони Иден, «молодой» лидер консерваторов, занимавший пост министра иностранных дел в правительствах С. Болдуина и Н. Чемберлена (1935—1938 гг.), в военном кабинете (1940—1945 гг.) и новом правительстве Черчилля (1951—1955 гг.), сам ставший премьер-министром (1955—1957 гг.), обратился к воспоминаниям, когда стало ясно, что его политическая карьера закончена. В 1960 году вышел том мемуаров, посвященный последнему периоду деятельности А. Идена, а через два года появилась книга воспоминаний о начале дипломатической карьеры, названная «Лицом к лицу с диктаторами». О событиях 1939—1945 годов Иден повествует в последнем томе воспоминаний, опубликованном в 1965 году²⁴.

А. Иден сообщает много интересных подробностей о процессе формирования внешней политики Англии в 1935—1938 годах. Он привлек много неопубликованных архивных и личных документов, в том числе протоколы кабинета, свои отчеты правительству о встречах и совещаниях с иностранными дипломатами и государственными деятелями. Кроме того, А. Иден использовал свой дневник тех лет и выступления в палате общин.

Основная идея первого тома воспоминаний — с документами и материалами в руках подтвердить «легенду», которая уже давно создана английской буржуазной историографией, а именно: А. Иден — идейный противник Н. Чемберлена, последовательный борец против фашистских диктаторов, ревностный сторонник коллективной безопасности в Европе.

Можно ли сказать, что автор справился со своей задачей? Нет, нельзя. Факты говорят о том, что деятельность А. Идена в Форин оффисе, на посту его бывшего шефа, была далеко не такой, как он ее изображает.

Во-первых, в своих воспоминаниях автор говорит лишь часть правды, скрывая от читателей факты, противоречащие «легенде». Так, сообщая о своем стремлении к совместным с Советским Союзом действиям против фашистской Германии, А. Иден умалчивает о том, что английское правительство, при его участии, смотрело сквозь пальцы на ее перевооружение и даже стремилось легализовать этот процесс²⁵. Оправдывая отказ от сотрудничества с СССР, Иден неоднократно заявляет, что правительственные круги Англии считали Советское государство слабым, неспособным стать союзником против гитлеровской Германии. Подводя итоги своего визита в

Москву в марте 1935 года, автор, например, подчеркивает, что в Англии существовало «почти всеобщее» мнение о том, что вооруженные силы Советского Союза находятся в «плохом состоянии»²⁶.

Другой довод Идена против активной борьбы с фашистской Германией — ссылка на общественное мнение Англии, которое якобы стояло за мир во что бы то ни стало²⁷.

Во-вторых, очень часто суть дела, мотивы действий английского правительства и своих собственных А. Иден пытается похоронить за массой деталей и подробностей.

В-третьих, хотя автор всеми способами подчеркивает свои разногласия с премьер-министром, используя для этой цели личные документы, общность их взглядов по коренным вопросам внешней политики несомненна. Английские буржуазные историки часто изображают А. Идена противником переговоров с Италией и, в частности, требования Муссолини о признании Англией захвата Эфиопии. Из письма Идена заместителю министра иностранных дел Р. Ванситарту от 4 августа 1938 г. видно, что он соглашался с итальянским требованием, но добивался «вывода итальянцев с Майорки, механизированных дивизий из Ливии, объяснений по поводу укрепления островов в Средиземном и Красном морях и т. д.»²⁸. Таким образом, если Чемберлен был готов пойти на признание без всяких условий, то Иден, заботясь об интересах английского империализма, стремился получить хоть кое-что взамен.

Попытки автора изобразить себя идейным противником Н. Чемберлена не дают желаемого эффекта. Будучи в 1935—1938 годах министром иностранных дел Англии, А. Иден как в печати, так и публично выступал против умиротворения фашистских агрессоров, однако, как об этом неопровержимо свидетельствуют факты и подтверждают его собственные воспоминания, он сам весьма мало делал для противодействия агрессии. Можно лишь согласиться с известным английским историком А. Тэйлором, который после выхода мемуаров Идена из печати писал: «Он выступал против диктаторов, но не оказывал им сопротивления»²⁹.

Второй том мемуаров А. Идена, второй по хронологии описываемых событий, названный «Подведение итогов», посвящен главным образом показу его деятельности в качестве министра иностранных дел в военном кабинете

У. Черчилля с конца 1940 по июль 1945 года. В первых главах Иден дает оценку событий, предшествовавших войне, описывая их с позиций отставного министра, «не согласного с внешней политикой», которую проводил Н. Чемберлен³⁰. Характерна позиция, которую занимает Иден, описывая первые недели второй мировой войны. Он совершенно опускает вопрос о том, почему Польша не получила помощи от Англии и Франции, обусловленной соответствующими соглашениями. Это нетрудно понять: 3 сентября 1939 г. Иден вошел в правительство Чемберлена, став министром по делам доминионов, и, следовательно, в достаточной мере ответствен за позицию кабинета.

Излагая свою деятельность в качестве министра иностранных дел, Иден пытается показать, что его роль в руководстве внешней политики Англии не уступала роли У. Черчилля. С этой целью он напоминает, что в военные годы неоднократно встречался с крупными политическими деятелями стран антигитлеровской коалиции — Сталиным, Рузвельтом, де Голлем, Хэллом и др. Автор описывает свои встречи с советским послом И. М. Майским в 1941 году. При этом Иден изображает английское правительство и себя лично сторонниками тесного сотрудничества с Советским Союзом. Однако общая для английских политиков и буржуазных историков концепция явно видна: предложения, а затем и требования СССР об оказании ему действенной помощи в борьбе с гитлеровской Германией, в частности об открытии второго фронта в Европе в 1941—1942 годах, утверждает автор, не могли быть выполнены³¹.

Довольно бегло говорит Иден о конференциях трех стран, возглавлявших антигитлеровскую коалицию: Тегеранской, Крымской и Потсдамской, не упуская, впрочем, случая бросить тень сомнения на политику СССР, на решения, согласованные союзниками. Он, например, заявляет, что соглашение о вступлении СССР в войну против Японии, достигнутое в Крыму, было ошибкой, «божьей карой», что уже через несколько недель после конференции Советское правительство якобы нарушило «Декларацию об освобожденной Европе»³². В этом Иден перекликается с буржуазными историками, выступающими с отрицательной оценкой советских позиций.

Второй том воспоминаний Идена почти ничего не добавляет к картине английской внешней политики

1939—1945 годов, уже нарисованной Черчиллем. Автор не сумел доказать тезис о своей ведущей роли в решении внешнеполитических проблем, а используемые им документы нередко свидетельствуют, что в антисоветских настроениях Иден почти ничем не отличался от Черчилля.

Воспоминания Г. Макмиллана (том первый — «Ветры перемен, 1914—1939», том второй — «Пожар войны, 1939—1945»³³), видного деятеля консервативной партии послевоенных лет, — продолжение традиции, начатой Ллойд-Джорджем, развитой У. Черчиллем и А. Иденом. Но в отличие от них, Г. Макмиллан стержнем мемуаров делает свою биографию и этапы карьеры. С 1931 года Макмиллан все большее внимание уделяет внешнеполитическим проблемам, что сразу сказывается на содержании первого тома воспоминаний.

Хотя автор, как правило, придерживается официозных взглядов, в ряде случаев его оценки идут вразрез с ними, что объясняется особой позицией, которую он вместе с У. Черчиллем занимал в консервативной партии. Так, англо-германское морское соглашение 1935 года он расценивает как «вопиющую ошибку» Англии, критикует отказ правительства от противодействия фашистской Италии, напавшей на Эфиопию. Мюнхен Макмиллан справедливо называет «поворотным пунктом» на пути к войне, подчеркивает личную ответственность Н. Чемберлена, капитулировавшего перед Гитлером уже во время его первой встречи с фашистским диктатором 15 сентября 1938 г.³⁴

Г. Макмиллан стремится доказать, что он, как и Черчилль, в 1939 году выступал за создание «фронта мира» с участием СССР. «Почему мы не сделали реальных усилий, чтобы вовлечь Россию в активный союз, и т. д.? — спрашивает он. — Возможно, верный ответ заключается в том, что все были за это ответственны...». Хотя правящие круги стремились сохранить за Англией статус великой державы, они не желали платить за это. Они выступали за мир, но были равнодушны к мероприятиям по его защите, замечает автор³⁵.

Конечно, это объяснение нельзя считать полным. Оно затушевывает главное: антисоветскую направленность политики «умиротворения» 30-х годов. Макмиллан утверждает, что «умиротворение» не было обдуманной политикой и Чемберлена нельзя обвинять в том, что он

стремился направить Гитлера на Восток, с тем чтобы Германия «растратила свои силы в конфликте с Россией». «Такого плана не существовало»³⁶, — бездоказательно заявляет автор. Макмиллан полностью солидарен с многочисленными антисоветски настроенными апологетами «умиротворения».

Второй том мемуаров охватывает период войны. Первая часть его, где речь идет о событиях 1939—1941 годов, представляет немалый интерес. Макмиллан вынужден признать, что правительство Чемберлена лишь под нажимом общественности и оппозиции пошло на объявление войны Германии и что это стало «личной трагедией» для премьера. Поэтому предательство Польши и бездействие Англии и Франции на западном фронте сопровождались яростной антисоветской кампанией и прямой помощью белофиннам в войне против СССР. Макмиллан сообщает, в частности, что 23 февраля 1940 г. в Лондоне было официально объявлено о скорой отправке 20—22 тыс. солдат для «помощи финским войскам»³⁷. Автора нельзя упрекнуть в некомпетентности: в конце 1939 года он стал членом специального комитета, руководившего помощью Финляндии.

Рассказывая о своей работе в министерстве снабжения, Макмиллан показывает суть англо-американских отношений в 1940—1941 годах, торгашеский характер военной помощи, оказываемой Соединенными Штатами Америки Англии. Эти свидетельства представляют немалый интерес.

Явно не симпатизируя СССР, автор признает, что вступление его в войну с Германией было весьма выгодно Англии. Макмиллан полностью поддерживает Черчилля в его отказе от выполнения требований Советского правительства открыть второй фронт в Западной Европе. В этом взгляды Макмиллана ничем не отличаются от господствующей официальной концепции буржуазной историографии.

Большая часть второго тома мемуаров Макмиллана посвящена описанию хода событий и действий Англии на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Здесь много биографического материала, не вызывающего большого интереса.

Значительный интерес для понимания внутренних пружин английской внешней политики довоенных лет, а также периода «странной войны» представляют воспо-

минания Л. Эмери, видного деятеля консервативной партии, представлявшего интересы колониальной буржуазии³⁸.

В плане критики внешней политики Чемберлена автор в какой-то мере напоминает Черчилля. Однако он идет дальше, называя по именам инициаторов мюнхенской политики. По языку и силе образов мемуары Л. Эмери несомненно превосходят работы Черчилля, Идена, Макмиллана.

Конечно, далеко не со всеми выводами автора можно согласиться. Так, например, он выступает защитником обанкротившегося курса на сближение с фашистской Италией, всячески обеляет капитулянтскую политику министра иностранных дел С. Хора во время итальянской агрессии против Эфиопии. Примечательна характеристика, которую дает Л. Эмери А. Идену на посту министра иностранных дел. «Антони Иден был назначен министром иностранных дел,— пишет он,— для того чтобы показать преданность Болдуина идее коллективной безопасности и нежелание идти на компромисс с Муссолини в вопросе об Эфиопии. Эта политика привела к плачевным результатам. Но тот факт, что Иден остался на своем посту (в правительстве Н. Чемберлена.— *Г. Р.*), ясно показывал, что в принципе мы от этой политики не отказались...»³⁹.

Но особенно серьезно звучит критика, когда речь заходит о мюнхенской политике Чемберлена. Л. Эмери подтвердил факт, на который уже давно указывали советские историки: идея Мюнхена родилась в правящих кругах Англии еще осенью 1937 года; она была сформулирована Чемберленом на совещании с премьер-министром Франции Шотаном и министром иностранных дел Дельбосом в конце ноября 1937 года⁴⁰.

Действия «творца» мюнхенской политики Н. Чемберлена автор расценивает весьма отрицательно. «Фактически он боялся лишь одного: как бы нас не вовлекли в какую-нибудь франко-русскую группировку, направленную против диктаторов»,— саркастически замечает Эмери. Другого капитулянта — французского министра иностранных дел Боннэ — Л. Эмери называет «честолюбивым конъюнктурщиком». Справедлива и оценка, которую автор дает мюнхенскому сговору. «Фактически Гитлер,— говорит Л. Эмери,— ведя войну нервов, сумел с помощью грандиозного шантажа запугать своих нерешительных».

тельных и миролюбивых противников... Мюнхен не только не способствовал укреплению мира, но и сделал войну более вероятной»⁴¹.

В отличие от многих мемуаристов и буржуазных историков Англии и Запада в целом, автор правильно характеризует позицию СССР в период чехословацкого кризиса. «Россия во время всего этого кризиса,— недвусмысленно подчеркивает он,— занимала абсолютно ясную позицию. Литвинов последовательно отстаивал идею коллективной безопасности, то есть по существу выступал за союз между Россией и западными державами...»⁴².

Двенадцатая глава мемуаров Л. Эмери носит примечательное название — «Игра в войну». Его автор выбрал не случайно. Он отмечает, что «странная война» явилась логическим следствием всей политики правительства Чемберлена в 1937—1939 годах. Интересны аргументы, которые приводятся для доказательства того, что концепция «странной войны» была разработана еще в сентябрьские дни 1938 года⁴³. Однако Эмери ничего не говорит о том, что лежало в основе и этой «концепции», и самой «странной войны». И все же из всего изложенного можно сделать следующий вывод: отказавшись от активных действий против фашистской Германии, правящие круги Англии и Франции сохраняли для себя возможность сговора с Гитлером, чтобы организовать «крестовый поход» против СССР.

Несмотря на ряд противоречивых оценок и выводов, мемуары Л. Эмери содержат правильную оценку политики, проводившейся правящими кругами Англии накануне и в первый период войны.

Гораздо меньший интерес представляют воспоминания С. Хора, Дж. Саймона, Э. Галифакса, занимавших в разные годы пост министра иностранных дел, а также ряда дипломатов и ответственных чиновников Форин офиса⁴⁴. Документальная основа их слаба. Основная цель авторов — оправдать не только политику «умиротворения», но и свое участие в ней.

Наиболее рьяно в защиту «умиротворения» выступает Н. Гендерсон. «Принципы, которыми я руководствовался,— откровенно сообщает он в книге, изданной через несколько месяцев после начала второй мировой войны,— ...заклучались в том, что мир в Европе основан на достижении взаимопонимания между Англией и Германией. Я был готов... делать все, что в моих силах, чтобы сбли-

зиться с нацистскими лидерами и, если возможно, завоевать их доверие и даже симпатию...»⁴⁵.

«Умиротворение, как его представлял м-р Чемберлен,— отмечает Гендерсон,— означало обеспечение справедливых решений путем переговоров... Те, кто его отвергают, помещают себя в одну кампанию с нацистскими экстремистами...»⁴⁶. И это писалось уже после начала войны. Бывший посол, еще и еще раз защищая свою деятельность в 1937—1939 годах, заявлял: «Если бы я мог начать снова, я бы во всех значительных случаях действовал так же, как я действовал в течение двух лет моего пребывания в Берлине...»⁴⁷.

Лишь Роберт Ванситтарт, являвшийся в 1930—1938 годах заместителем министра иностранных дел, резко отрицательно оценивает действия правящих кругов Англии. Эти круги, отмечал он, «думают прежде всего о собственных эгоистических интересах и только потом о международной безопасности». В разгар войны Р. Ванситтарт полностью признал ответственность Англии за ее начало⁴⁸.

Значительный интерес представляют биографические работы К. Фейлинг и Я. Маклеода — видного деятеля консервативной партии — о Н. Чемберлене и Ф. Вильямса о К. Эттли⁴⁹. Первые две основаны на личных дневниках и переписке Чемберлена. И хотя книга К. Фейлинг издана в 1946, а Я. Маклеода в 1961 году, обе они выполняют одну и ту же задачу: реабилитировать в глазах общественного мнения Англии как политику «умиротворения», так и ее главного идеолога и творца.

Что касается работы Ф. Вильямса, то она почти не затрагивает периода до 1945 года. И все же ряд признаний лидера лейбористской партии, использованных автором, весьма любопытен. Мы видим, что, как и У. Черчилль, он выступал сторонником «балканского варианта» второго фронта. Так же как и лидер консерваторов, он скорбит о том, что Ф. Рузвельт и военные руководители США «не поняли» вовремя Англию и действовали на руку Советскому Союзу⁵⁰.

Книга Ф. Вильямса — яркое доказательство того, что взгляды К. Эттли по вопросам внешней политики и англо-советских отношений, как, впрочем, и правого руководства лейбористской партии в целом, почти ничем не отличались от соответствующих воззрений консерваторов.

Биографическая работа графа Биркенхэда «Галифакс. Жизнь лорда Галифакса», опубликованная в 1965 году, интересна тем, что ее автор использовал дневники бывшего министра иностранных дел Англии и другие неопубликованные материалы. Автор стремится оправдать взгляды и действия Э. Галифакса, не останавливаясь перед критикой Н. Чемберлена, правда весьма поверхностной. Биркенхэд, например, приводит традиционный тезис английской буржуазной историографии, согласно которому неудача политики «умиротворения» объясняется тем, что Чемберлен плохо «знал мир», не имел опыта в вопросах «внешней политики» и «ошибочно верил» в плодотворность личных контактов с фашистскими диктаторами. В то же время он заявляет, что политика Чемберлена была поддержана «подавляющим большинством английского народа»⁵¹.

Автор стремится доказать недоказуемое, а именно, что после ликвидации Гитлером мюнхенского соглашения Англия резко изменила позицию, отказавшись от «умиротворения», что в марте 1939 года началась «новая глава» в английской внешней политике. Главная заслуга этого поворота принадлежит, конечно, Галифаксу. Ссылаясь на Галифакса, Биркенхэд проводит мысль о том, что летом 1939 года соглашение с СССР не было подписано не только потому, что Польша и Румыния не желали принять военную помощь социалистического государства, но главным образом якобы потому, что Москва не хотела действовать вместе с Англией и Францией⁵².

Однако выдержки из дневников Галифакса еще раз показывают, что препятствия соглашению трех государств выдвигались отнюдь не Москвой. Вплоть до 20-х чисел августа Англия продолжала секретные переговоры с Германией, надеясь на сделку, которая прямо или косвенно должна была привести к международной изоляции Советского Союза. В Форин оффисе готовились к переговорам с Герингом, который должен был тайно прибыть в Лондон для встречи с Н. Чемберленом 23 августа 1939 г.⁵³

Хотел Биркенхэд того или нет, но он приводит немало данных, демонстрирующих реакционный, антисоветский характер политики Великобритании в 1938—1939 годах, одним из авторов которой был лорд Галифакс.

Источником, раскрывающим в ряде случаев мотивы политики, проводившейся США перед войной и в начале

ее, является публикация материалов и документов английского посла в Вашингтоне (1933—1940 гг.), активного «миротворца» лорда Лотиана⁵⁴.

Интересный материал, в том числе по политическим проблемам периода войны, дают мемуары военных деятелей Англии: фельдмаршала Монтгомери, начальника имперского генерального штаба и председателя комитета начальников штабов армии, авиации и флота Алана Брука, начальника штаба при премьер-министре лорда Исмеля, председателя плановой комиссии Объединенного англо-американского комитета начальников штабов Л. Холлиса, заместителя начальника имперского генерального штаба Д. Кеннеди, фельдмаршала Александра⁵⁵. В значительной мере эти мемуары являются апологией английской «большой стратегии», попыткой «доказать», что, если бы «не близорукость и упрямство» Соединенных Штатов, итоги войны для английского империализма могли бы быть совершенно иными.

Рассказывая о войне, Монтгомери не раз выражает недоумение по поводу приемов и методов ее ведения, определявшихся «большой стратегией» Великобритании. Он, например, не понимает, чем было вызвано бездействие Англии и Франции во время «странной войны». В начале 1944 года, после капитуляции фашистской Италии, Монтгомери, как и некоторые другие высшие офицеры английской армии, считал, что если союзники откроют второй фронт и предпримут энергичные действия, то войну можно выиграть еще до конца года. Но, наученный опытом прошлого, он уже не верил в это⁵⁶.

Рассказывая о последних неделях войны, главнокомандующий английскими войсками во Франции открывает завесу над планами Лондона и Вашингтона. «Форсировав Рейн, мы устремились к Балтике. Моя цель состояла в том, чтобы прийти туда вовремя и создать прочный фронт против русского стремления войти в Данию и, таким образом, контролировать подступы к Балтике»⁵⁷, — пишет он. Однако у Монтгомери хватает здравого смысла, чтобы признать всю абсурдность и авантюристичность антисоветских планов, сводившихся в апреле 1945 года к тому, чтобы остановить продвижение Советской Армии на Запад силой, не останавливаясь перед возможными последствиями.

Две книги Артура Брайанта «Поворот потока» и «Триумф на Западе» интересны прежде всего потому, что

они основаны на дневниках Алана Брука, которые велись с сентября 1939 по июнь 1946 года. Участвуя вместе с У. Черчиллем во всех крупных совещаниях и межсоюзнических конференциях, в том числе Тегеранской, Крымской и Потсдамской, Алан Брук был хорошо знаком с политическими основами английской военной стратегии. В своих дневниках, не предназначенных для печати, английский военачальник нередко высказывается весьма откровенно.

Записи Алана Брука позволяют проследить, с каким упорством У. Черчилль отстаивал «балканский вариант» второго фронта, пытаясь торпедировать «Оверлорд», с каким недоверием он относился к восточному союзнику. Антисоветская направленность мышления фельдмаршала очевидна. Так, победы, одержанные Советской Армией в 1944 году, Алан Брук пытается объяснить огромным перевесом сил, который СССР якобы имел над врагом. В записи от 27 июля 1944 г. Алан Брук цинично заявляет, что не Германия отныне является «главной опасностью» для английских интересов в Европе, а Советский Союз⁵⁸.

Фельдмаршал горько сетует на печальные для Англии результаты войны. Не веря в возможность мирного сосуществования, в переговоры с СССР, которые он называет «фантастической идеей», Алан Брук вынужден признать, что английский империализм больше не способен играть сколько-нибудь самостоятельную роль на мировой арене.

Воспоминания военных деятелей Великобритании во многом дополняют высказывания политических руководителей и дипломатов. Нередко то, что обходят или замалчивают политики, раскрывают военные. И при внимательном анализе воссоздается всесторонняя и целостная картина английской внешней политики в период второй мировой войны.

Английская буржуазная историография располагает большим количеством источников по истории второй мировой войны. Однако публикация документов производится таким образом, что исследователи (за исключением отдельных официальных историков, получивших доступ непосредственно к архивам) лишены возможности ознакомиться с наиболее важными материалами правительственного уровня, определявшими внешнеполитический курс страны.

Что касается мемуаров политических и военных деятелей, то, во-первых, некоторые из них (Хора, Саймона, Киркпатрика, Стрэнга) дают мало нового, так как написаны без необходимой документальной основы и нередко лишь повторяют уже известные факты и версии; во-вторых, что характерно буквально для всех воспоминаний, их авторы намеренно приукрашивают характер и задачи внешнеполитической деятельности Англии, прибегая для этого не только к искажениям, но и к прямой фальсификации фактов и событий; в-третьих, всячески превозносят свою роль в происходивших событиях.

Как публикации документов, так и мемуарная литература не могут дать объективного представления о внешней политике Англии. Изданные в послевоенный период английские источники по истории второй мировой войны преследуют прежде всего следующую цель: представить ее причины, характер, а также ход международных отношений 1939—1945 годов в выгодном для английского империализма освещении.

Глава 2

Официальные и полуофициальные издания. Издания «Чатам хауз»

«История второй мировой войны» — официальная версия событий. Уже во время второй мировой войны правящие круги Англии стали ощущать отсутствие документально обоснованной концепции происхождения войны, международных проблем, связанных с нею. Официальная версия требовалась не только для того, чтобы обосновать с точки зрения господствующего класса причины мирового конфликта и его ход, но и задачи, политику на будущее.

В 1942 году военный кабинет принял решение о написании официальной истории войны. Но только в 1945—1946 годах началась подготовка к изданию двух серий: гражданской и военной. Первый том военной серии вышел из печати в 1948 году. Всего предполагалось издать 82 тома «Истории второй мировой войны», в том числе 32 — в военной и 50 — в гражданской серии. К настоящему времени выпущено свыше 50 томов.

«История второй мировой войны» издается канцелярским ведомством ее величества — крупнейшим правительственным издательством Англии — на основе архивных документов. При этом широко используются документы Форин оффиса, бывшего министерства экономической войны, военного, внутренних дел, а также других правительственных ведомств. Характерно, что ссылок на документы, используемые, как правило, в виде кратких

выдержек, в издании нет. Между тем известно, что «полная система» подстрочных примечаний существует на страницах закрытых экземпляров томов, хранящихся в секретном отделе канцелярии кабинета министров Англии¹. Ясно, что такой метод позволяет весьма вольно толковать использованные документы.

Вопросам внешней политики Англии и международным отношениям в издании уделено сравнительно мало внимания. Эти проблемы затрагиваются главным образом в связи с изложением военных и экономических вопросов. Однако в 1962 году был опубликован дополнительный том, посвященный внешнеполитическим проблемам. Его автор — официальный историк, служащий Форин оффиса, член Королевской академии наук Л. Вудвард².

Книга Л. Вудварда «Английская внешняя политика в период второй мировой войны» занимает особое место в «Истории второй мировой войны». Являясь частью официального издания, она в то же время — первая обобщающая работа по внешней политике Англии 1939—1945 годов. Ее автор знаком с архивами Форин оффиса, умело оперирует документальным материалом. Но доступ к источникам Л. Вудвард использует отнюдь не для объективного освещения событий. Его задача — обосновать правильность внешнеполитического курса Великобритании во время войны, в том числе по отношению к СССР. Характерно, что в книге Вудварда нет даже намека на критику действий Н. Чемберлена в 1939—1940 годах или У. Черчилля в 1940—1945 годах.

Заметное место автор отводит обоснованию антисоветской политики Великобритании в период 1939—1941 годов. Уже на первых страницах Вудвард откровенно заявляет, что после 17 сентября 1939 г. правительство Англии стало учитывать возможность объявления войны СССР, а советско-финская война вообще напрочь отбросила какой-либо «шанс на улучшение англо-русских политических отношений». Как видно из приводимых автором материалов, Англия и Франция активно обсуждали планы вмешательства в советско-финскую войну, оказывали сильное давление на правительство Швеции и Норвегии, добиваясь пропуска англо-французского экспедиционного корпуса в Финляндию. Более того, 27 декабря 1939 г. Форин оффис передал двум скандинавским странам меморандум, в котором потребовал

оказать Финляндии «неофициально... такую косвенную помощь, которую они только в силах оказать»³.

Общий характер рассуждений автора почти не меняется и тогда, когда он переходит к изложению событий 1941—1945 годов. Ясно прослеживается, например, стремление Вудварда переложить ответственность за межсоюзнические трения, особенно англо-советские, на Москву. Никак нельзя согласиться с его оценкой Великой Отечественной войны как некой «интермедии» в долголетней борьбе СССР с ведущими государствами капиталистического мира США и Англией⁴. Такой вывод прямо служит интересам международной реакции, грубо искажая суть героической борьбы советских народов с фашизмом.

С какой целью появилось такое высказывание на страницах официальной работы? По всей видимости, для того чтобы подготовить читателя к мысли о том, что именно СССР явился инициатором «холодной войны» и полного разрыва межсоюзнических связей с Англией и США в 1947—1948 годах. Однако «логика» изменяет автору, когда он говорит о выдвинутом в начале 1944 года предложении министра иностранных дел Бельгии П. Спаака о создании военно-политического блока западных держав, направленного против СССР. И хотя Вудвард утверждает, что Англия выступила против предложения Спаака, ибо «мировая организация (планы создания ООН.— *Г. Р.*) и англо-советский союз стояли на первом месте в наших (английского правительственного кабинета — *Г. Р.*) планах», он не может скрыть того факта, что весной — летом 1944 года состоялись первые совещания между Англией, Бельгией, Данией и Норвегией по вопросам создания такого блока. На этих совещаниях присутствовал А. Иден⁵.

Буржуазные историки Англии и США, как известно, стараются преувеличить отдельные расхождения, существовавшие между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в 1941—1945 годах, во взглядах на открытие второго фронта в Европе и сотрудничество с СССР в целом. Но если историки США делают это с целью показать, что американская точка зрения отличалась от английской и была более дружественной к СССР, то английские — с тем, чтобы указать на причины ослабления позиций империализма в Европе и мире, особенно английского, объясняя это «непониманием» Вашингтона общих задач, стоящих

перед западными державами после второй мировой войны, и даже «близорукостью» Ф. Рузвельта. Именно такой общей для английских реакционных историков концепции придерживается и Л. Вудвард при описании англо-американских отношений 1941—1945 годов.

В ряде работ советские историки наглядно показали несостоятельность этой концепции, отметив, что, несмотря на отдельные расхождения, чаще всего тактического характера, между Англией и США существовало довольно прочное единство взглядов по наиболее важным вопросам внешней политики и стратегии периода войны⁶.

В целом Вудвард не только приукрашивает внешнеполитическую деятельность Форин оффиса, но и искажает картину межсоюзнических отношений. И все же основная установка автора осталась неосуществленной. Вместо того чтобы обосновывать антисоветскую направленность английской политики 1939—1941 годов, «жесткий курс» 1944—1945 годов, многие документы и материалы, приводимые в книге, обращаются против тех, кто формулировал и проводил эту политику, а также против тех, кто оправдывает и рекламирует ее.

Составной частью военной серии «Истории второй мировой войны» является «Большая стратегия», изданная под редакцией профессора Кэмбриджского университета Дж. Батлера в шести томах⁷. Она посвящена одной проблеме — политическому руководству войной. «Большая стратегия» написана в духе традиционной концепции войны, характерной для английской буржуазной историографии в целом. Ее основное положение — победа антигитлеровской коалиции была обеспечена вооруженными силами и ресурсами Великобритании и США. Авторы «Большой стратегии» уделяют минимум внимания событиям на советско-германском фронте, значению исторических побед Вооруженных сил СССР в войне с фашистской Германией и милитаристской Японией. В то же время авторы чрезмерно гиперболизируют роль других театров военных действий: средиземноморского, тихоокеанского, западноевропейского, а следовательно, вклад английских и американских армий в завоевание победы над Германией.

Эта тенденция менее заметна в третьем томе «Большой стратегии», опубликованном в 1964 году, особенно в его первой части, написанной Дж. Гуайером. В ней больше внимания уделено политическим проблемам.

Шире освещены и события на советско-германском фронте.

Анализируя происхождение гитлеровского плана нападения на СССР в связи с операцией «Морской лев», автор приходит к выводу, противоречащему мнению многих буржуазных историков: Гитлер не рассматривал «Морского льва» всерьез, он считал, что бомбардировки и морская блокада заставят Англию пойти на заключение мира; его основное внимание начиная с июля 1940 года было сосредоточено на подготовке плана «Барбаросса», агрессии против Советского Союза. И все же в ряде случаев Дж. Гуайер не идет дальше повторения известных аргументов и версий английской буржуазной историографии. Так, он отвергает какую-либо возможность оказания помощи СССР в 1941 году путем наступательных действий английских войск. Более того, Гуайер утверждает, что и в 1942—1943 годах высадка союзников в Европе была невозможна. Защищая план Черчилля о необходимости предварительного очищения от войск «оси» побережья Северной Африки, выдвинутый еще в декабре 1941 года, автор повторяет своих многочисленных предшественников⁸.

Последние два тома «Большой стратегии» (пятый и шестой) написаны Дж. Эрманом. Хотя автор и утверждает, что стратегия Англии и США начиная с весны 1943 года «наилучшим образом отвечала задаче разгрома Германии», он не может привести сколько-нибудь убедительных аргументов в защиту этой точки зрения. Он всячески старается обелить позицию руководящих кругов Англии, и особенно Черчилля. Так, рассказывая о Тегеранской конференции трех союзных держав (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), где, как известно, Черчилль сначала не желал давать согласия на организацию вторжения в северо-западную Францию весной 1944 года (операция «Оверлорд»), Эрман пытается доказать, что впечатление советской делегации, «будто англичане предпочитают вместо операции «Оверлорд» организовать вторжение на Балканы», не соответствовало действительности⁹.

Весьма пространно излагая вопросы военного планирования, деятельность Черчилля, автор становится весьма кратким, когда речь идет о фактах, противоречащих его концепции. Так, в шестом томе, говоря о контрнаступлении немецких войск в Арденнах (декабрь 1944 г.), Эрман умалчивает о тяжелом положении, в ко-

тором оказались войска Англии и США, начисто «забывает» о помощи, оказанной им Советским правительством, начавшим досрочно, по просьбе Черчилля и Рузвельта, наступление в Польше. Тенденциозно освещаются в шестом томе и результаты Крымской конференции глав трех держав¹⁰.

Эрман не раз говорит о «таланте», «больших стратегических способностях» Черчилля. Но чем же тогда объяснить, что военно-политические планы Черчилля на 1944—1945 годы были отвергнуты Вашингтоном?

Отвечая на этот вопрос, Эрману приходится отметить постепенное падение удельного веса Великобритании в англо-американском союзе. Он приводит и другую причину. С конца 1943 года война вступила в стадию, «когда личная роль Черчилля в определении ее хода стала гораздо меньшей, чем это было раньше... К осени 1943 года вопрос о том, где и как наступать, уже был предreshен; теперь нужно было обеспечивать необходимые условия для успешного осуществления уже разработанных стратегических планов»¹¹. Получается, что для «стратегического гения» Черчилля не оказалось подходящего занятия. В действительности дело заключалось совсем в ином. Принятые решения не отвечали в должной мере интересам английского империализма. На заключительной стадии войны Англия как вследствие своего прогрессирующего ослабления, так и из-за быстрого роста мощи и влияния Советского Союза, демократических сил не могла выполнить тех задач, которые выдвигались ее правящими кругами.

«История второй мировой войны» не дает и не может дать ответа на вопрос: почему внешняя политика и «большая стратегия» английского империализма 1939—1945 годов не привели к тем результатам, которые ожидались правящими кругами Великобритании.

Задачи этого издания иные: 1) разработка официальной версии войны и роли в ней Англии, версии, отвечающей интересам господствующих классов; и 2) изучение опыта и уроков войны как с политической, так и с военной точек зрения (этой цели служит военная серия, включающая специальные обзоры отдельных военных кампаний, написанные, как правило, их активными участниками).

«Чатам хауз». Заметное место в английской буржуазной историографии международных отношений занимают

издания Королевского института международных отношений, в том числе ежегодник «Обзор международных событий», издающийся с 1925 года. Институт международных отношений — «Чатам хауз» — был открыт в 1920 году и с тех пор является основным учреждением Англии, ведущим исследовательскую и издательскую деятельность по внешнеполитическим проблемам. Издание «обзоров» было начато и в течение многих лет велось под руководством Арнольда Тойнби, занимавшего с 1925 по 1956 год пост генерального директора института.

Принципы этого издания просты: каждый «обзор» обычно состоит из статей разных авторов, посвященных внешней политике главных стран капитализма или отдельным международным проблемам. Статьи-обзоры пишутся на основе уже опубликованных документов и материалов.

До второй мировой войны очередной том выходил в свет обычно уже через несколько месяцев по окончании календарного года. Война нарушила традиционный порядок. Том о событиях 1938 года в 1939 году не появился. Первая часть его вышла из печати в 1941, вторая — лишь в 1951 году¹².

Война не только задержала публикации. Послевоенные издания института начинают терять информационный характер. Отказ от буржуазного объективизма, переход на рельсы открытой защиты внешнеполитического курса Англии становятся наиболее характерными.

Вскоре после окончания войны было решено приступить к подготовке особой, «военной» серии «обзоров». С целью более детального рассмотрения событий и учитывая необходимость обоснования внешней политики Англии, А. Тойнби и его помощники отказались от принципа «один год — один том», взяв за основу тематический метод.

Первый том серии «Обзор международных событий, 1939—1946» вышел из печати в 1952 году, а в 1959 году издание, насчитывающее 11 томов, было полностью закончено¹³.

Характерно, что, планируя издание, «Чатам хауз» «забыл» о том, что вторая мировая война шла не только в Западной Европе, Северной Африке, на Ближнем Востоке, но и на главном, советско-германском фронте. Многотомная серия, охватывающая не только период войны,

но и ряд послевоенных проблем, по сути дела обходит вопрос о роли Советского Союза в войне. Если в довоенных «обзорах» в отдельных статьях рассматривались (не будем говорить как) вопросы внешней политики СССР, давались краткие очерки его внутреннего развития, если Дальнему Востоку в период войны посвящен отдельный том, а Ближнему даже два, то у издателей не нашлось места, чтобы изложить ход событий на советско-германском фронте. Вряд ли можно считать это случайностью, и знакомство с изданием подтверждает этот вывод.

Редактор серии, автор предисловий и целого ряда статей А. Тойнби отмечает, что нарушение «баланса сил» в Европе как во времена Карла V или Наполеона, так и в период 30-х годов привело к длительным войнам и резким изменениям политической карты Европы. Но если в прошлом эти изменения были почти всегда выгодны Англии, то результаты второй мировой войны А. Тойнби не может признать закономерными. Скорбя об утраченных английским империализмом позициях, автор не останавливается даже перед оправданием фашистского «нового порядка» в Европе: «Гитлеровское насильственное военное, политическое и экономическое объединение Европы было практическим ответом на ее самые насущные нужды... Великим несчастьем для Европы было то, что частью цены, которую пришлось уплатить за освобождение от нацистской тирании, оказалась утрата величайшего блага, принесенного этой тиранией»¹⁴. Не будем говорить о циничности этого заявления, сделанного историком и философом, слывшим среди буржуазных исследователей прогрессивным. Во всяком случае, оправдывая гитлеровский «новый порядок», заявление Тойнби как бы перебрасывает своеобразный мостик к обоснованию «интегрированной» Европы, Европы антисоветской, Европы НАТО.

Весьма характерно, что мировые войны А. Тойнби считает «двигателем человеческого прогресса». «Обе мировые войны,— утверждает он в предисловии к книге У. Макнейла,— были, вероятно, частью цены, которую человечество должно было заплатить за быстрое революционное (?) продвижение к политическому, социальному и духовному единству, а это единство, в свою очередь, очевидно, является ценой, которая, принеся ему «дары данайцев», ускорила продвижение человечества вперед к

единству во всех нетехнических направлениях его деятельности»¹⁵.

Так А. Тойнби приходит не только к оправданию гитлеровского порядка в оккупированной Европе, но и к обоснованию «закономерности» и даже «прогрессивности» мировых войн. Причем делает он это в период существования средств массового истребления людей.

Остановимся на томах, которые имеют для данной работы особое значение. Это — «Мир в марте 1939 года», «Канун войны, 1939», «Временный триумф оси», написанные коллективами авторов под руководством А. Тойнби, и книга У. Макнейла «Америка, Британия и Россия. Их сотрудничество и конфликт, 1941—1946».

При знакомстве с первым из них невольно возникает вопрос: почему А. Тойнби избрал исходной точкой издania март 1939 года? Потому ли, что это был «поворотный пункт в истории», «действительное начало второй мировой войны», как он пишет в предисловии, или по другим причинам? Содержание тома подсказывает следующий ответ: издатель серии не только не собирався порывать с будущим среди английских буржуазных историков представлением об «особой роли» событий, происшедших в марте 1939 года, которые, в частности, дают им возможность говорить о «крутом повороте» во внешней политике Англии, отказе от «умиротворения» и даже «дипломатической революции», но и не хотел возвращаться к подлинной предыстории войны — политике «умиротворения», аншлюсу Австрии и расчленению Чехословакии.

Не случайно авторский коллектив второго из названных томов выдвигает на первый план «позитивные» действия Лондона весной — летом 1939 года и, наоборот, почти ничего не говорит об англо-германских секретных переговорах, хотя опубликованные к моменту его выпуска английские и немецкие дипломатические документы позволяли сделать достаточно глубокий и полный их анализ¹⁶. Весьма односторонне изложен ход англо-франко-советских переговоров 1939 года. Концепция, примененная здесь, весьма проста: Англия и Франция были готовы заключить соглашение с СССР против Гитлера, а Москва, подготавливая пакт с Берлином, этого не хотела. Советское правительство, заявляет К. Дафф, повторяя измышление руководителя английской военной делегации в Москве адмирала Дрэкса, вело переговоры главным

образом потому, что они оказывали давление на Гитлера, побуждая его на принятие условий Кремля. Вопрос о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии, с тем чтобы вступить в соприкосновение с немецкими войсками в случае агрессии Германии, был нужен СССР якобы лишь для «оправдания разрыва военных переговоров в наиболее подходящий момент». Однако документы Форин оффиса, на которые ссылается автор, свидетельствуют, что не Советский Союз, а Англия вела «двойную игру». Лондон начал переговоры в Москве, которые, по выражению английского посла в СССР Сидса, якобы «наносили тяжелый удар державам оси», на самом деле для того, чтобы облегчить сговор Англии и Франции с фашистской Германией¹⁷.

Третий том, озаглавленный «Временный триумф оси», охватывает события с 3 сентября 1939 г., когда Великобритания и Франция объявили войну Германии, и до 7 декабря 1941 г., дня вступления США в войну. И это, конечно, не может не вызвать возражений. Как известно, период успехов держав «оси», захвата ими стратегической инициативы отнюдь не заканчивается 7 декабря 1941 г. Достаточно вспомнить о поражении англичан в Сингапуре и Тобруке, американских войск — на Филиппинах, отступлении Советской Армии к Сталинграду и предгорьям Кавказа летом — осенью 1942 года. Если уж и говорить о переломе в ходе войны, то он, бесспорно, произошел в результате исторической победы под Сталинградом в конце 1942 — начале 1943 года. Тойнби и авторский коллектив об этом предпочитают не вспоминать.

Привлекает внимание и другое. Всего 20 страниц в начале тома отведено обзору военных действий с сентября 1939 по декабрь 1941 года, причем его автор — генерал Дж. Маршалл-Корнуэлл — ни словом не обмолвился о причинах «странной войны», позорного отказа Лондона и Парижа оказать помощь своему союзнику Польше. Скороговоркой говорится и о других важных событиях этого периода.

И все же авторы в ряде случаев делают небезынтересные выводы и признания. Так, весьма откровенно говорится о подготовке Англии и Франции к вмешательству в советско-финскую войну 1939—1940 годов, правильно оцениваются капитулянтские, пораженческие настроения правящих кругов Франции (но не Англии!) осенью

1939 года, надежды Гитлера, которые тот питал весной 1941 года, рассчитывая, что Англия предоставит ему «свободу рук» на Востоке¹⁸. Однако это отнюдь не меняет характера тома в целом, его антисоветской направленности.

Том, озаглавленный «Америка, Британия и Россия. Их сотрудничество и конфликт, 1941—1946», написан американским историком У. Макнейлом. Обращает внимание тот факт, что, в отличие от буржуазных историков Англии, американский историк нередко показывает подлинные мотивы английской политики. Например, откровенна оценка позиции Лондона в отношении движения Сопротивления в Европе. «Британская политика по отношению к оккупированной Европе, — замечает Макнейл, — характеризовалась серьезными противоречиями между непосредственными и конечными целями... Она старалась в кратчайший срок вызвать волнения, восстания и сопротивление всеми возможными способами. Но после окончания войны англичане надеялись увидеть общую реставрацию довоенных политических и социальных режимов, конечно, с некоторыми изменениями»¹⁹.

Весьма прямо говорит автор и об отношении правительства Черчилля к СССР летом — осенью 1941 года. «Официальные отношения с вновь приобретенным русским союзником, — подчеркивает У. Макнейл, — направлялись уверенностью, что серьезное, если не общее, поражение Советов неизбежно... Ожидая поражения России или отступления в Сибирь, британские военные власти готовились к отражению германского нападения на Средний Восток с кавказского направления». Американский историк отмечает, что с июля 1941 года английское правительство отрицательно относилось ко всем предложениям Советского Союза о начале военных операций в Западной Европе. «Англия с самого начала, — замечает Макнейл, — отказалась рассматривать серьезно какие-либо предложения о высадке во Франции в 1942 году...»²⁰.

Несмотря на то что Макнейл, подобно другим буржуазным историкам Англии и США, всячески преуменьшает значение советско-германского фронта и побед Советской Армии, ставя, например, на одну доску победу на Волге и Эль-Аламейн и даже высадку американских войск на Мидуэе и Гвадалканаре, все же он не может отрицать их влияния на общее изменение соотношения сил в 1943 году. «Красная Армия, — вынужден

заявить американский историк, оценивая результаты битвы на Волге,— нанесла вермахту удар, от которого он не смог оправиться... Это была победа русских, ибо поставки западных союзников не оказали серьезного влияния на их успех».

Здесь делаются сразу два важных признания. Во-первых, признается значение победы на Волге и, во-вторых, факт, который многие буржуазные исследователи США и Англии стараются отрицать или хотя бы замолчать, а именно: Советский Союз одержал эту победу без какой-либо серьезной помощи своих западных союзников. Реалистично звучит и оценка Макнейлом успехов Советской Армии летом 1943 года. «В это время,— отмечает он,— значительное увеличение производства вооружения русской промышленностью и растущее мастерство и уверенность Красной Армии открыли перспективы общей победы над Германией»²¹.

Однако реализм изменяет автору, когда дело доходит до оценки роли Советского Союза в освобождении ряда стран Юго-Восточной Европы от фашистского рабства, возможности демократического решения послевоенных проблем. Так, Макнейл говорит о серьезных «уступках», якобы сделанных Западом Советскому Союзу на Крымской конференции (февраль 1945 г.), а конференцию в целом называет «Ватерлоо западных держав». Но особенно резко автор выступает против советских предложений о признании новых демократических правительств Болгарии, Румынии и Венгрии, а также плана взимания репараций с Германии. Справедливые требования Советского правительства автор называет «предметом спекуляции»²².

Весьма характерно отношение Макнейла к Потсдамской конференции как «временному урегулированию» спорных вопросов. Такой вывод необходим автору для оправдания последующей политики США и Англии, политики отказа от согласованных в Потсдаме решений и развязывания «холодной войны».

Главными причинами, приведшими к «холодной войне», Макнейл считает «открытый разрыв между американской и русской политикой в Германии» и американский заем 1945 года Англии. В результате этих событий, делает вывод автор, Советский Союз «во второй половине 1946 года оказался перед лицом объединенного англо-американского фронта». Однако, как бы испугав-

шись — не зашел ли он слишком далеко, — американский историк тут же старается переложить ответственность на Советский Союз. Русская дипломатия, «сами русские, — пишет он, — начали создавать то, чего они больше всего боялись, — антирусскую коалицию во главе с Соединенными Штатами»²³.

Особенно много таких противоречий в последних главах исследования Макнейла. И это понятно. Находясь на антисоветских позициях «холодной войны», трудно претендовать на объективность, даже в буржуазном понимании этого слова.

Серия «Обзор международных событий, 1939—1946 гг.», конечно, далеко не исчерпывает все проблемы международных отношений периода войны. Тематика серии имеет серьезные пробелы, а тенденциозная направленность большинства ее материалов очевидна.

Заканчивая характеристику официозной литературы, отметим, что в английской буржуазной историографии официальные и полуофициальные издания влияют на оценки и характер подачи материала многими историками и публицистами, работающими над проблемами периода войны.

Глава 3

Исследования, монографии и публицистические работы буржуазных историков

Анализ работ английских буржуазных авторов о второй мировой войне и ее предыстории представляет немалую сложность. И дело не в их количестве. У многих авторов можно наблюдать почти полную общность мнений и взглядов по ключевым проблемам внешней политики Англии и международных отношений 1933—1945 годов. Многие из них, вне зависимости от социального положения и партийной принадлежности, повторяют официальные версии и оценки, кочующие из одной работы в другую. В этих условиях далеко не всегда можно подметить разницу между взглядами историков-консерваторов, либералов или лейбористов. Более того, иногда праволейбористские историки выступают с позиций более реакционных, чем, например, историки-консерваторы. Поэтому выделение школ и течений по признаку партийной принадлежности весьма трудное, если не невозможное, дело. Однако вряд ли правильно, как это делают, в частности, авторы историографического обзора в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг.», вообще отказываться от классификации английской буржуазной историографии второй мировой войны и международных отношений 30—40-х годов.

Историки и публицисты Англии на основе анализа

их работ, концепций, оценок и выводов можно разделить на два главных направления: официальное и объективистско-критическое. Первое развивает, комментирует и пропагандирует официальные версии и концепции, давая большую часть печатной продукции по внешней политике и истории международных отношений 30-х годов и периода войны. Состав официального направления весьма пестр: от консерваторов до лейбористов. Оно объединяет как официальных историков (Л. Вудвард, Дж. Батлер, А. Тойнби, Э. Карр, Дж. Уилер-Беннет, У. Медликот), так и работающих самостоятельно (Р. Сетон-Уотсон, М. Белов, Б. Лиддел Гарт, Г. Геторн-Харди, Дж. Лисор и др.). Состав второго более однороден. Это главным образом лейбористы, в том числе левые, а также беспартийные историки и публицисты, выступающие с объективистских и критических позиций (А. Тейлор, П. Рейнольдс, И. Кеннет, А. Верт, К. Уоткинс, А. Роуз, Я. Колвин, М. Гилберт, Р. Готт и др.). В конце 40 — начале 50-х годов из этого направления выделилась группа, которую в Англии нередко называют «школой Нэмира».

Основатель «школы» — известный историк Л. Нэмир — и его последователи сыграли заметную роль в критике официального направления, пропагандируемых им концепций и оценок. Однако, оставаясь на буржуазных позициях, они не могли преодолеть противоречивость и непоследовательность в подходе к историческим событиям.

В послевоенный период, и особенно за последние десять лет, из среды официального направления выделилась и обособилась группировка историков-ревизионистов. Она выступает с более реакционных позиций, чем представители официального направления, подвергая критике справа целый ряд их положений и оценок.

Как советские историки, так и английские историки-марксисты до сих пор не выделяли эту группировку. Между тем, хотя она и уступает по своей величине и масштабу действий соответствующей группировке в буржуазной историографии США, активность ее с каждым годом растет. Среди ее участников — Ч. Уилмот, книга которого «Борьба за Европу» получила официальную поддержку и считается реакционными историками своеобразным эталоном, биограф У. Черчилля Л. Брод, публицист Р. Томпсон, известный военный теоретик и историк Дж. Фуллер и др.

Характерная черта в деятельности этой группировки состоит в том, что история открыто ставится на службу современной политике и пропаганде английского империализма. Ревизия с антисоветских позиций событий и фактов периода второй мировой войны — основное кредо этой группировки. Несомненно, что международная напряженность, нагнетаемая кругами мировой реакции, обстановка «холодной войны» во многом способствовали ее оформлению и деятельности.

Остановимся на характеристике наиболее значительных работ историков двух направлений.

Официозное направление. Среди представителей официозного направления выделяются Р. Сетон-Уотсон, Э. Карр, Дж. Уилер-Беннет, У. Медликот. Р. Сетон-Уотсон — автор ряда работ по проблемам внешней политики Англии и стран Европы конца XIX — начала XX века, одним из первых исследовал внешнюю политику Англии и ее взаимоотношения с фашистскими государствами в 30-х годах. В 1938 году вышла из печати его книга «Британия и диктаторы»¹. Как отмечал автор, его задача состояла в том, чтобы показать «суть сложных разногласий, дать объяснение современным отношениям Англии с главными европейскими странами, и в частности с Германией, и проанализировать, насколько возможно., альтернативы, лежащие перед нами»².

Приводя факты о подготовке фашистских держав — Германии и Италии — к войне, рассматривая первые акты агрессии, совершенные ими, Сетон-Уотсон не видел или не желал видеть всей пагубности политики «умиротворения». Так, в одном месте он пишет о «полной справедливости» политики невмешательства по отношению к гражданской войне в Испании, в другом отмечает, что «главной целью» для Великобритании в 1938 году являлись «мир и безопасность».

Более того, историк-консерватор не исключает возможность договоренности с Гитлером, одним из условий которой является решение колониальной проблемы, то есть возвращение Германии некоторых колоний или компенсация за них. На это английский капитализм мог бы пойти, если бы Германия отказалась от войны «как инструмента политики» и вернулась в систему Лиги наций. Но значит ли это, что автор не видит опасности, закрывает на нее глаза? Нет. Он беспокоится о подчинении «экстремистским целям нацизма», подчеркивая необходи-

мость сохранения принципов «коллективной безопасности» и «максимума контактов» с Москвой³.

Однако в целом рекомендации автора неизменны: защищать «баланс сил» в Европе, а тем самым и «британские интересы», путем организации «фронта мира» из держав, заинтересованных в сохранении статус-кво и коллективной безопасности, не исключая при этом компромисса с фашистской Германией. Этот рецепт, как показало время, оказался совершенно несостоятельным.

Противоречия в суждениях и выводах, характерные для Сетон-Уотсона, проявились и в работах Э. Карра, посвященных международным отношениям в 20—30-х годах. Известный своими трудами о революции в России, он по поручению Форин оффиса занялся исследованием внешнеполитических проблем. В книге «Внешняя политика Англии с 1918 года по сентябрь 1939» Э. Карр критически рассмотрел взгляды ряда буржуазных историков Англии, особенно А. Тойнби, на причины противоречий между капиталистическими странами, отметив, что английское правительство с 1935 года, когда были заключены первые сделки с фашистской Германией, проводило «скорее классовую, чем национальную политику». Формой ее осуществления стало «умиротворение». И хотя Карр отказывается от сколько-нибудь серьезной критики этой политики, он признает, что Мюнхен был не только «высшей отметкой» «умиротворения», но и смертельным ударом для него⁴.

В 1942 году в Нью-Йорке была опубликована книга «Условия мира», в которой Карр много внимания уделял германской проблеме, высказывался против раздела и экономического ослабления Германии, за превращение ее в партнера западных держав в «новой Европе»⁵.

В 1948 году Карр выпускает второе издание своей довоенной книги «Международные отношения со времени мирных договоров». События межвоенных лет излагаются в ней нарочито бесстрастно, причем особое внимание уделено периоду середины 30-х годов, когда, по мнению автора, произошел серьезный поворот не только от мира к войне, но и во внешней политике Англии в сторону «поисков соглашения» с фашистской Германией. Характерно, что в книге Карра не содержится критики в адрес Н. Чемберлена, даже в связи с Мюнхеном, а события 1939 года излагаются бегло, без каких бы то ни было комментариев⁶.

В 1951 году, на основе лекций, прочитанных в американском университете имени Дж. Гопкинса, Карр издает книгу «Германо-советские отношения между двумя мировыми войнами, 1919—1939», в которой он весьма далек от объективного изложения внешней политики СССР накануне войны. Так, например, Карр утверждает, что «главная цель» советской политики в 1939 году состояла в том, чтобы «избежать изоляции» заключением соглашения либо с одной, либо с другой из соперничающих группировок капиталистических держав. Но почему же все-таки Москва не заключила договор с Англией и Францией? И тут буржуазный историк делает вынужденное признание: этого не хотело правительство Чемберлена, видевшее в агрессии фашистской Германии «меньшее зло, чем в победе, которая может увеличить силу Советов»⁷. Вывод — знаменательный для Карра.

Дж. Уилер-Беннет, так же как и Э. Карр, в течение ряда лет был тесно связан с официальными органами, в частности с Форин оффисом. В 1948 году вышла из печати его книга «Мюнхен. Пролог к трагедии»⁸, написанная в связи с десятой годовщиной мюнхенского соглашения и принесшая автору известность среди буржуазных историков. В 1954 и 1958 годах Уилер-Беннет опубликовывает еще две крупные работы: «Немезида силы. Германская армия в политике 1918—1945» и «Король Георг VI, его жизнь и царствование», упрочившие его репутацию респектабельного буржуазного историографа.

Структура первой работы несколько необычна. В начале книги Уилер-Беннет описывает непосредственную предысторию Мюнхена. Последующие части посвящены событиям 1933—1938 годов, подготовившим Мюнхен, предвоенным месяцам (октябрь 1938 — август 1939 г.).

Чем характерна эта работа, переизданная без каких-либо изменений и дополнений в 1963 году? Прежде всего обстоятельным раскрытием проблем на основе источников и литературы, серьезными, как правило, обоснованными выводами и оценками. В то же время она не лишена противоречий, а в ряде случаев автор просто пропагандирует официозные версии (например, о «недостаточной готовности» Советского Союза к войне в период «судетского кризиса» 1938 г. или об отсутствии «свободы выбора» у Н. Чемберлена в сентябре 1938 г.).

Несколько положений, выдвинутых Уилером-Беннетом, имеют особое значение, так как они противоречат

концепциям, господствующим в буржуазной историографии. Это, во-первых, отказ отождествлять политику «умиротворения» только с именами Н. Чемберлена и Э. Галифакса. Ее началом автор не без оснований считает 1933 год — «установление третьей империи» в Германии. Во-вторых, показ связи, хотя далеко и не полной, между внутривластной деятельностью французской реакции и капитулянтским внешнеполитическим курсом, подготовившим участие Франции в Мюнхене. В-третьих, в целом положительная оценка борьбы Советского Союза против фашистской агрессии, за создание системы коллективной безопасности в Европе. Вместе с тем с Уилером-Беннетом никак нельзя согласиться, когда он пишет о «дипломатической революции» марта 1939 года, сравнивает советско-германский пакт о ненападении с Тильзитом, Брест-Литовским миром и даже Мюнхеном⁹.

Несмотря на ряд серьезных ошибок и внутренних противоречий, книга Уилера-Беннета «Мюнхен. Пролог к трагедии» содержит серьезные обвинения в адрес как «умиротворения», так и тех политических деятелей Англии и Франции, которые проводили этот курс в жизнь.

Однако следующей работой автор уже зачеркивает некоторые из своих выводов. Во введении и эпилоге к «Немезиде силы» он скатывается на позиции оправдания ремилитаризации Западной Германии. «Советская угроза, — отмечает Уилер-Беннет, — заставила союзные правительства, вопреки их желанию и, возможно, против их лучших побуждений, считать вооружение Германии составной частью обороны Западной Европы». Более того, автор кощунственно сравнивает действия западных держав, приведшие к созданию западногерманского бундесвера, с необходимостью сопротивляться нацистской агрессии в 1939 году¹⁰. Эти выводы — несомненный результат пагубного влияния на маститого буржуазного автора обстановки и мифов «холодной войны».

Биографическая работа Уилера-Беннета «Король Георг VI»¹¹ не содержит сколько-нибудь оригинальных оценок как событий предвоенных лет, так и 1939—1945 годов.

Четвертый из названных буржуазных историков Англии — профессор Лондонского университета, автор двухтомника «Экономическая блокада»¹², вошедшего в официальную «Историю второй мировой войны», У. Медликот. Вскоре после начала мировой войны он опубликовал под грифом исторической ассоциации Англии брошюру

«Происхождение второй великой войны», характерную как рядом искажений и натяжек, так и откровенной пропагандой официальных версий и догм. Так, автор утверждает, что Советское правительство якобы приняло аншлюс Австрии в марте 1939 года, так же как это сделали Англия и Франция. Он полностью отказывается от критики Мюнхена и даже распространяет утверждение чемберленовцев о том, что условия мюнхенского соглашения «были лучше» годесбергских. Не сказав ничего об obstructионистской политике Англии и Франции в период переговоров с СССР летом 1939 года, Медликот пытается переложить ответственность на последнего. Советский Союз, клеветнически заявляет он, «в решительный момент отказался принять участие в эффективных мерах коллективной безопасности», а сами переговоры считал «средством принуждения» Германии к принятию советских условий. Заявляя, что СССР уже с весны 1939 года начал переговоры о пакте с Германией, автор пытается популяризировать еще одну лживую официальную версию¹³.

В 1940 году вышла из печати еще одна работа Медликота — «Английская внешняя политика после Версаля, 1919—1939». С некоторыми дополнениями она была переиздана в 1942 году.

Значительная часть этой работы отведена описанию событий 20-х и первой половины 30-х годов. Периоду, непосредственно предшествующему войне, автор уделяет мало внимания. Это позволяет Медликоту почти полностью отказаться от анализа действий английского правительства в самый ответственный период, а следовательно, обойти острые вопросы. Он, например, не дает оценок политике «умиротворения», пагубной деятельности Чемберлена и т. д. Более того, автор делает попытку оправдать мюнхенский сговор, и в частности территориальные требования фашистской Германии к Чехословакии. Фактически обеляет он и позицию правительства во время переговоров с СССР летом 1939 года¹⁴.

К теме происхождения войны Медликот возвратился через 20 лет. В 1963 году историческая ассоциация Англии выпускает его брошюру «Вступление в войну. 1939 год». Одновременно этот же текст был опубликован в сборнике «От Меттерниха до Гитлера. Аспекты английской и зарубежной истории, 1914—1939», изданном под редакцией Медликота в Нью-Йорке¹⁵.

В отличие от своих ранних работ, автор делает шаг вперед. Так, он вынужден признать, что весьма необычно для буржуазного историка, ответственность Англии и Франции за перевооружение Германии, право на которое было признано Англией и Францией еще в конце 1932 года. Медликот даже вводит новый термин — «ранняя политика умиротворения», отмечая, что ее возглавила Англия. Но тут же он утверждает, что эта политика проводилась с чисто «платоническими целями»: для укрепления веймарского режима, а также с целью направить Германию по мирному пути ¹⁶: «Пушки во имя мира!».

Мюнхенский курс 1938—1939 годов автор, как и ранее, не осуждает. Зато на протяжении нескольких страниц идут рассуждения о «военной слабости» Советского государства, которое Лондон и Париж «не принимали всерьез как в военном, так и в политическом отношении». Медликот ставит вопрос: стал бы Советский Союз сражаться в 1938 или в 1939 годах, если бы не подвергся прямому нападению ¹⁷? Эти рассуждения нужны ему, чтобы «доказать» правильность позиции Англии и Франции, заключивших мюнхенское соглашение.

Медликот пытается уверить читателя, будто не СССР, а Англия после 15 марта 1939 г. была настроена непримиримо к фашистской Германии. Ответственность за провал англо-франко-советских переговоров он возлагает целиком на Москву: это СССР потребовал включить в договор определение косвенной агрессии, якобы открывавшее ему путь к вмешательству в дела пограничных государств; это СССР требовал заключить военное соглашение до подписания политического. При этом Медликот делает вид, что не было ни указаний затягивать ход переговоров, данных английской военной миссии перед ее отправлением в Москву, ни секретных переговоров, которые велись Лондоном в это же время с Гитлером.

Изображая Англию непримиримым противником Германии, Медликот даже отказывается от традиционной для западной историографии трактовки советско-германского пакта о ненападении как «решающего шага» на пути Гитлера к войне. Война стала неизбежной, утверждает он, когда Англия отвергла домогательства Берлина, подписав 25 августа 1939 г. договор о взаимопомощи с Польшей ¹⁸. Однако буржуазный историк забывает сказать, что Гитлер не верил в силу этого соглашения и оказался прав. Несмотря на отчаянные просьбы Варшавы, Англия

и Франция не шевельнули и пальцем, чтобы оказать обусловленную соглашениями помощь Польше. Так в брошюре, рассчитанной на массового читателя, плохо знакомого с фактами, Медликот искажает историю.

Пристрастное отношение к событиям, искажение одних, замалчивание других фактов, пропаганда выгодных британскому империализму версий и догм — все это свойственно и другим представителям официозного направления, будь то «специалист» по проблемам советской внешней политики М. Белов, Г. Геторн-Харди или Б. Лиддел Гарт¹⁹. Однако они стараются сохранить хотя бы видимость объективности в своих оценках, стремятся так или иначе доказывать выдвигаемые положения.

Гораздо более бесцеремонно действуют историки-ревизионисты. Они нередко напрочь отказываются от аргументации своих положений и выводов, поступая по принципу, «если оценки противоречат истине, то тем хуже для истины».

Основоположником, «отцом» этой группировки в Англии следует считать Ч. Уилмота, книга которого «Борьба за Европу», опубликованная в январе 1952 года, выдержала в течение года семь тиражей. За год с лишним до выхода из печати последнего тома воспоминаний У. Черчилля о второй мировой войне, название которого «Триумф и трагедия» стало своеобразным знаменем историков-ревизионистов, Уилмот создал концепцию, объяснявшую причины «политического поражения» западных держав в войне. Надо сказать, что эта концепция возникла не без идейного влияния ревизионистского направления и близких к ним историков и публицистов в США. Суть этой концепции такова: Англия и США потеряли плоды победы из-за недооценки Ф. Рузвельтом «политических стремлений» СССР. Президент не доверял Англии, видел в ней лишь «символ империализма» и сделал в Ялте «роковые уступки» Сталину. В результате СССР не только получил «огромные выгоды» на Дальнем Востоке, но и стал господствующей державой в Европе. Определенную долю вины за это несут военные советники Рузвельта — Дж. Маршалл и Д. Эйзенхауэр, ибо они выступили против «балканских операций», предложенных в 1943—1944 годах Черчиллем, и тем самым сорвали возможность захвата Вены и Праги «раньше русских».

Целевая установка Уилмота, как это следует из его собственных слов, состояла в том, чтобы показать, «как

и почему западные союзники, одержав военную победу, потерпели политическое поражение, как и почему в процессе ликвидации нацистской Германии и освобождения Западной Европы они позволили Советскому Союзу захватить контроль в Восточной Европе и не допустить расширения на нее принципов Атлантической хартии, за которые они сражались»²⁰.

Другой представитель ревизионистской группировки — Л. Брод — автор широко распространенной биографии У. Черчилля — не только вольно обращается с фактами. В ряде случаев он полностью игнорирует историческую обстановку, в которой сложилась и действовала антигитлеровская коалиция. Как и другие историки-ревизионисты, Брод обрушивается на Рузвельта за его «уступки» Сталину в Ялте, имевшие «роковое влияние» на ход мировой истории. Позицию президента США, выступившего в начале 1945 года за сохранение дружественных отношений с советским союзником, он сравнивает с «методом Невилля Чемберлена в отношениях с Гитлером», то есть с политикой «умиротворения» предвоенных лет, а день 21 июня 1945 г., когда США и Англия отдали приказ об отводе англо-американских войск из пределов советской зоны оккупации Германии, расценивает как «день, решивший судьбу послевоенной Европы». И, разумеется, не случайно известная речь У. Черчилля в марте 1946 года в Фултоне (США), «план Маршалла» и образование НАТО расцениваются Бродом как «подтверждение» курса, который У. Черчилль проводил в годы своего премьерства²¹.

Об «умиротворении» Советского Союза Рузвельтом весной 1945 года пишет также Дж. Лисор в книге о генерале Л. Холлисе²². С нападка на Эйзенхауэра и Рузвельта выступает английский публицист Р. Томпсон. Черчилля он изображает как одинокого борца, выступавшего в Тегеране, Ялте и Потсдаме против капитулянтской тактики Рузвельта. «Трагедия Европы, следовательно, возникла в конечном счете из-за недоверия между британским и американским союзниками... — делает вывод Томпсон. — На Западе все было выиграно и потеряно между январем и июлем 1945 года...»²³.

Более трезво рассматривает англо-американские отношения и деятельность Рузвельта в последние месяцы войны в Европе Б. Гарднер. Однако и он в книге «Ненужный час. Трагедия 1945 г.», опубликованной в 1963 году, пе-

рассматривает оценку Ялты, отмечая, что она «выглядит теперь как некий дурман умиротворения»²⁴.

Не остались в стороне от влияния ревизионизма и военные историки Англии. Отдельные элементы ревизионистской концепции можно обнаружить в книге «Вторая мировая война, 1939—1945» известного буржуазного авторитета по военным проблемам Дж. Фуллера, опубликованной в 1948 году. Он адресует резкие упреки Эйзенхауэру и военным руководителям США в целом, обвиняя их в том, что они забыли о политических целях и лишь вели «игру в войну». В начале 1945 года, утверждает Фуллер, война перестала быть «стратегической проблемой» и превратилась в чисто политическую борьбу «между двумя политическими системами» — западными державами и Советским Союзом. В этих условиях Эйзенхауэр «проявил сверхосторожность», он не сделал ничего для оккупации Берлина «раньше своего восточного союзника».

Но не только Эйзенхауэру достается от Фуллера. Черчилль, пишет английский военный теоретик, подчинил политическую точку зрения военной и поэтому, согласно Клаузевицу, действовал «вопреки здравому смыслу»²⁵. Особенно резко нападает автор на принцип «безоговорочной капитуляции», выдвинутый США и Англией. Совершенно абстрагируясь от обстановки начала 1943 года, года провозглашения этого принципа, забывая о требованиях народов Англии и США оказать действенную помощь СССР, Фуллер оценивает его с одной точки зрения: принцип «безоговорочной капитуляции» позволил до конца разгромить реакционные силы Германии, Италии и Японии и тем самым создал благоприятные условия для роста международного влияния Советского Союза и начала народно-демократических революций в странах Юго-Восточной Европы и Азии. «Требование безоговорочной капитуляции означало политическую победу для СССР. Вот почему, по существу, война стимулировала коммунизм и способствовала его распространению»²⁶, — утверждает автор.

Свою версию Фуллер развивает в работе по военной стратегии «Руководство войной, 1789—1961». Антисоветский характер этих упражнений становится ясным, когда автор жалеет о том, что вторая мировая война не началась с конфликта между Германией и СССР. Если бы не гарантии Польше, данные Чемберленом, Англия и Фран-

ция в 1939 году могли остаться в стороне от конфликта, вооружиться до зубов и в удобный момент продиктовать свои условия ослабленным борьбой Германии и Советскому Союзу. Затем Фуллер обрушивается на Черчилля, заявившего 22 июня 1941 г. о поддержке борьбы советских народов. Но еще больше достается Ф. Рузвельту, выступавшему за укрепление сотрудничества с СССР в интересах общей победы и демократического мира ²⁷.

Характерны названия ряда параграфов в главах о второй мировой войне: «Антияпонская и прорусская политика президента Рузвельта», «Архитектура поражения», «Капитуляция перед Россией», «Разгром через победу». Политическую линию США в отношении Советского Союза Фуллер без каких бы то ни было доказательств называет «ультраумиротворением», а Ялтинскую конференцию «сверх-Мюнхеном» ²⁸.

Развил Фуллер свои нападки и на принцип «безоговорочной капитуляции». Однако, пожалуй, самую необоснованную оценку, даже с точки зрения буржуазной историографии, он дает Потсдамской конференции, изображая ее сплошным триумфом СССР, где делегаты были заняты только тем, что приветствовали победу Сталина ²⁹.

На ревизионистскую точку зрения в ряде случаев становится и бывший офицер английской разведки Б. Кольер, автор одного из томов военной серии официальной истории войны ³⁰. В работе под претенциозным названием «Утраченные победы: от Версаля к Суэцу», опубликованной позднее, он выступает с «традиционными» для ревизионистов нападками на Ф. Рузвельта за его стремление сохранить сотрудничество с СССР, принцип «безоговорочной капитуляции», Ялтинское соглашение. Однако у Кольера появляются и новые мотивы. Так, он критикует Эйзенхауэра за отсрочку операции «Оверлорд» на месяц, ибо это якобы уменьшило шансы западных союзников «на выигрыш войны с Германией, до того как русские заполнят Польшу и вступят в Берлин».

Берлин вообще является кошмаром ревизионистов. Кольер, в частности, заявляет, что даже в апреле 1945 года западные державы могли его захватить, «если бы они захотели это сделать». «Роковые ошибки», «провал рузвельтизма» — вот, по мнению автора, причины политического поражения Англии и США в войне ³¹.

Для Фуллера и Кольера, как и для других представителей английского ревизионизма, выступающих за пере-

смотр прошлого в угоду империалистической политике и пропаганде сегодняшнего дня, нет истории как науки; события и факты приобретают для них значение лишь в том случае, если, фальсифицировав и перелицевав, их можно заставить служить антисоветским целям.

Ревизионистская группировка в Англии выделилась из официозного направления историографии в начале 50-х годов, хотя отдельные элементы ее концепции можно обнаружить уже в 1948—1950 годах. Деятельность историков-ревизионистов, усилившаяся в США, а также обстановка антисоветской истерии, возникшая в Англии в кульминационные годы «холодной войны», во многом объясняют это.

Новый период активизации английских ревизионистов совпадает по времени с началом 60-х годов, когда, казалось бы, для этого не было благоприятных условий. Однако нельзя забывать о существовании влиятельных антисоветских и антикоммунистических кругов, которые и при консервативном, и при лейбористском правительстве оказывают большое влияние на внешнеполитический курс и идеологическую борьбу в Англии. Усиление этой борьбы в последние годы, в которой ревизионисты выступают под знаменами крайней реакции, можно объяснить своеобразным ответом господствующих классов, их политических идеологов на некоторую разрядку международной напряженности, наметившуюся в конце 50-х годов.

Объективистско-критическое направление. Наряду с активизацией крайне правых элементов в английской буржуазной историографии второй мировой войны все громче и громче, особенно в последние годы, заявляют о себе представители объективистско-критического направления.

С критикой политики «умиротворения», Мюнхена, позиции правящих кругов Великобритании в отношении СССР отдельные буржуазные авторы начали выступать еще до войны (антифашист, лауреат Нобелевской премии мира Н. Энджелл, прогрессивный издатель и общественный деятель В. Голланц, лейбористы К. Зиллиакус и Д. Притт и др.)³². Однако эти работы не являются историческими исследованиями. Цель их иная: оперативно выступить против внешнеполитических установок «мюнхенцев»; показать общественности альтернативу — возможность борьбы против фашистских агрессоров в сотрудничестве с Советским Союзом.

С началом второй мировой войны ряд историков и публицистов Англии выступили с решительным осуждением мюнхенской политики, за настоятельную необходимость англо-советского сотрудничества, причем не только в период войны, но и после нее³³. Сама реальность тех лет, наглядный крах политики «умиротворения», а затем образование антигитлеровской коалиции благоприятствовали этой деятельности.

После окончания войны обстановка начала быстро меняться. Реакционные круги Соединенных Штатов возглавили борьбу против СССР и демократических стран. Фултонская речь Черчилля и образование в 1947 году Западного союза во главе с Англией ознакомили активный переход английского империализма на позиции «холодной войны». В этих условиях деятельность прогрессивных историков стала наталкиваться на все большие и большие препятствия. Тем не менее она не прекратилась.

В 1946 году вышла из печати книга прогрессивного английского юриста и общественного деятеля К. Инграма «Годы кризиса. Очерк международных событий, 1919—1945». В отличие от подавляющего большинства буржуазных авторов, Инграм не отрывает внешнюю политику от внутренней, дает оценку наиболее важным внутривнутриполитическим событиям как в Англии, так и за ее пределами. Автор возражает против отождествления внешней политики СССР с внешней политикой капиталистических стран. «Мир естественен для развития Советов», — подчеркивает К. Инграм. Он выступает с разоблачением прогитлеровских тенденций среди чемберленовцев, стремившихся заключить «джентельменское соглашение» с фашистскими диктаторами, считавших фашизм меньшим злом по сравнению с большевизмом³⁴.

Инграм одним из первых среди английских историков, не имея еще в своем распоряжении документальных материалов, правильно показал смысл «двойственной игры» британской дипломатии летом 1939 года, причины провала англо-франко-советских переговоров. Автор отверг заявления реакционных публицистов и историков, пытавшихся бросить тень на действия СССР в 1939—1940 годах, обвинить его в агрессии. Знаменательны его оценки роли СССР в войне, Сталинградской битвы, позиции Советского правительства по поводу открытия второго фронта в Европе, а также Ялтинской конференции как конференции, заложившей основы «грядущего мира»³⁵.

Вместе с тем исследование не лишено недостатков, а автор в ряде случаев впадает в противоречия. Так, Инграм ничего не говорит о враждебной Советскому Союзу позиции Англии и США в период «странной войны», преувеличивает значение «битвы за Британию» осенью 1940 года, не показывает причин саботажа второго фронта Черчиллем, абсолютизирует роль атомной бомбы в разгроме Японии³⁶. Однако, несмотря на это, работа Инграма — первая обобщающая работа в Англии по периоду 1919—1945 годов — стала заметным явлением в развитии объективистско-критического направления.

Крупным шагом можно считать опубликование работ Л. Нэмира: «Дипломатические прелюды, 1938—1939», «Европа в упадке. История раскола, 1936—1940» и «Нацистская эра»³⁷. Первая из них, увидевшая свет в десятую годовщину Мюнхена, посвящена его предыстории. В отличие от книги Уилера-Беннета, опубликованной в том же, 1948 году, работа Нэмира — остро критическая. Она написана далеко не бесстрастным языком. Оценки Мюнхена, английской политики, последовавшей после 15 марта 1939 г., четки и бескомпромиссны. Нэмир совершенно справедливо подчеркивает антисоветскую направленность мышления Чемберлена, Галифакса и других капитулянтов-мюнхенцев. Вину за срыв переговоров с СССР летом 1939 года он возлагает на Англию. Одним из первых среди английских историков Нэмир ставит вопрос: чем объяснить, что Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу, несмотря на то что 25 августа был подписан англо-польский договор о взаимопомощи, а немцы имели на Западе только 23 плохо укомплектованные дивизии? Ответ Нэмира определен: фашистский диктатор надеялся на «новый Мюнхен»³⁸. После опубликования английских и немецких дипломатических документов эта точка зрения полностью подтвердилась.

Во второй книге, состоящей из отдельных очерков, Нэмир освещает ключевые проблемы международных отношений 1936—1939 годов.

Интересно написан очерк «Путь к Мюнхену», где автор вскрывает мотивы действий английского правительства. Подробно освещается один из принципиальных вопросов международных отношений предвоенных месяцев: ход англо-франко-советских переговоров. Нэмир одним из первых показал, что, посылая военные миссии в Москву, Лондон и Париж не собирались заключать соглашение,

которое могло остановить Гитлера. Военные миссии были поставлены в «абсурдное положение», и их провал отнюдь не случаен, делает вывод автор³⁹.

Здесь же Нэмир дает резкую, но справедливую характеристику выпущенному в 1948 году сборнику «Нацистско-советские отношения». Вскрывая его фальсификаторский характер, он отмечает, что подавляющее большинство немецких документов осталось вне рамок сборника. Так из 400 телеграмм, составлявших переписку МИД Германии и посольства в Москве между маем и августом 1939 года, в сборник включено лишь 28⁴⁰.

Значительная часть третьей книги, составленной также из отдельных очерков, уделена характеристике фашистских генералов и дипломатов. Специальный очерк посвящен разбору мемуаров государственных деятелей мюнхенского периода.

Но особый интерес вызывает эссе «Творцы Мюнхена». Этот очерк, как и «Путь к Мюнхену», получил высокую оценку со стороны буржуазных историков. Нэмир не без оснований считает, что визит Галифакса к Гитлеру в ноябре 1937 года открыл путь агрессии против Австрии и Чехословакии⁴¹.

Оценивая трилогию Нэмира как серьезный вклад в развитие критического направления, нельзя забывать, что она увидела свет в 1948—1952 годах, когда в Англии и других странах Запада реакционные круги усиленно раздували антисоветскую истерию и объективные исследования о войне и ее предыстории подвергались резкой критике⁴².

Одним из последователей Нэмира является А. Тейлор. В 1952 году вышла из печати его книга «Толки о войнах». Особый интерес в ней представляют главы «Полным ходом к Мюнхену» и «От Мюнхена к Праге». Влияние работ Нэмира, его концепций, безусловно, чувствуется в них.

В 1957 году Тейлор публикует новую работу — «Возмутители спокойствия. Разногласия по внешней политике, 1792—1939». Лишь последняя ее глава посвящена периоду между мировыми войнами. Основное содержание работы — обзор деятельности сторонников Лиги наций и системы коллективной безопасности, которых автор называет «сектантами» и противопоставляет группировке Черчилля, «Сектанты» по Тейлору — лейбористы и демократическая интеллигенция, выступавшие как против капи-

тализма, так и против войн, являющихся его следствием. Однако автор не может объяснить, почему же эта группировка позитивно относилась к борьбе Испанской республики против мятежников Франко⁴³.

Противоречия не случайны в работах Тейлора. Они говорят и о недостаточной прочности позиции, которую он занимает как историк, не выходящий за рамки буржуазной исторической науки, и о влиянии на его творчество антисоветских идей и версий.

Самой противоречивой, льющей воду на мельницу империалистической реакции является книга Тейлора «Происхождение второй мировой войны». В апреле — июне 1961 года в Лондоне вышли три ее тиража, а в 1965 году она была издана в Нью-Йорке. Примечательно, что с резкой критикой книги выступили как буржуазные авторы, так и историки-марксисты.

Тейлор переосмысливает события предвоенных лет, преувеличивая в одних случаях и преуменьшая в других роль и влияние отдельных факторов на события, приведшие к войне. Конечно, он не отрекается от всего и вся, отмечая, например, что Гитлер в «борьбе против большевизма и красной опасности» представлял коренные интересы европейского капитализма, что «экспансия на Восток» была главной его целью. Реальные его оценки деятельности Чемберлена, политики «умиротворения», позиции Советского Союза в критическое лето 1939 года⁴⁴.

Однако никак нельзя согласиться с целым рядом выводов и заявлений, проходящих через всю книгу Тейлора. Это, во-первых, искажение позиции Советского государства по отношению к борьбе в Испании (1936—1939 гг.); Тейлор заявляет, будто Москва была заинтересована не в победе республиканцев, а лишь в затягивании конфликта. Не меньшее удивление, во-вторых, вызывает утверждение, что аншлюс Австрии не являлся преднамеренным, что его якобы спровоцировал Шушниц, а не Гитлер. В-третьих, нельзя согласиться с заявлением о том, что якобы «нельзя ответить» на вопрос, как поступил СССР, если бы его попросили помочь Чехословакии в сентябре 1938 года; за этой оценкой позиции Советского Союза видна официальная версия правящих кругов Англии. «Сенсационна», в-четвертых, оценка мюнхенского соглашения. Оно, утверждает автор, было «триумфом британской политики», а не триумфом Гитлера. Даже самые реакционные английские историки не рискуют

говорить об этом. В-пятых, Тейлор делает фантастический вывод, когда пытается доказать, будто Гитлер не хотел большой войны в 1939 году и даже войны вообще. Но почему же война, причем мировая, все же началась? Из-за грубых дипломатических просчетов с обеих сторон, отвечает Тейлор⁴⁵. Эти оценки, по меньшей мере странные, во многом снижают значение ряда бесспорных положений автора. И отнюдь не случайно, что книга Тейлора была использована реваншистами ФРГ как аргумент в пользу реабилитации Гитлера и его политики⁴⁶.

В предисловии к американскому изданию «Происхождение второй мировой войны» (Нью-Йорк, 1965 г.) Тейлор развил и углубил свою ошибочную концепцию. Так, он пытается обосновать «линию случайности» в действиях Гитлера. Гитлер не готовился к захвату власти, нацисты не участвовали в поджоге рейхстага и даже были «захвачены им врасплох»; Гитлер, конечно, приказывал своим генералам готовиться к войне, но так поступали и англичане и другие нации; до весны 1936 года Германия не вооружалась вообще — это миф; вторжение в Бельгию и Голландию 10 мая 1940 г. — «оборонительное движение», а завоевание Франции — «непредвиденная премия». Тейлор считает, что Гитлер и в последующем «не готовился к большой войне». Даже после катастрофы под Сталинградом «Германия оставалась страной с мирной экономикой»⁴⁷.

Всему этому можно лишь удивляться. Книга Тейлора не только противоречива. Она дает аргументы тем, кто стремится к реабилитации внешней политики «третьего рейха».

В 1965 году вышел из печати пятнадцатый том «Оксфордской истории Англии», автором которого является Тейлор. Эта книга в 700 страниц под названием «Английская история, 1914—1945». Значительная часть ее посвящена событиям межвоенного периода и второй мировой войны. И снова Тейлор излагает свою версию о происхождении войны, причем в «линии случайностей» появляется новая деталь — «взаимный блеф» Германии и Англии, который, возможно, и явился причиной мирового конфликта⁴⁸.

По ряду международных проблем 1939—1945 годов Тейлор высказывается впервые. Со многим здесь согласиться нельзя: в частности, с оценками Дюнкерка и Ялтинской конференции. Однако ряд положений имеют

серьезное значение для критики официальных установок. Это прежде всего признание роли СССР в разгроме Германии. Тейлор отдает должное борьбе советских народов, отмечая, что именно они понесли наибольшие людские и экономические потери в войне. Роль же Англии и США была гораздо скромнее: они «ждали у моря погоды», в то время как русские «громили Германию». Тейлор отвергает антисоветскую версию о том, что СССР начал готовить разрыв с Англией и США — «холодную войну» — еще в 1943—1944 годах ⁴⁹.

Интересным явлением в английской историографии стали работы литератора, публициста и историка А. Роуза. Как член совета привилегированного оксфордского колледжа «Всех святых» он встречался с такими его воспитанниками, как Э. Галифакс, Л. Эмери, Дж. Саймон, Д. Даусон и др. В предвоенные годы Роуз в течение десяти лет был кандидатом в парламент от лейбористов, выступал против политики Чемберлена.

Свои взгляды на «умиротворение» и его творцов Роуз изложил в двух книгах — «„Все святые“ и „умиротворение“», а также «Умиротворение. Обзор политического упадка, 1933—1939», — которые весьма близки по содержанию ⁵⁰.

Историко-биографические работы Роуза характерны не только тем, что он рисует портреты «миротворцев», с которыми был знаком лично (Болдуин, Астор, Джонс, Даусон, Саймон), но и тем, что пытается показать, чего добивались эти люди, чем объяснить их политическую слепоту. Роуз подчеркивает антисоветскую суть «миротворцев», определявшую все их действия ⁵¹.

Аргументирована критика «умиротворения» и в книге М. Гилберта и Р. Готта «Умиротворители», опубликованной в 1963 году ⁵². Авторы стараются показать эту политику в целом, проследить различные ее формы: политическое, экономическое и колониальное «умиротворение». Не со всеми задачами они справились. Так, авторы даже не ставят вопроса о политике в отношении Италии, игравшей немалую роль в деятельности английских «миротворцев». Обходится и политика «невмешательства», без чего обзор «умиротворения» не может считаться полным.

Заслугой авторов является то, что они не только относят начало «умиротворения» к 1933 году, но и убедительно доказывают, что курс, направленный на уступки и в конечном счете на сотрудничество с Берлином, был

разработан и стал проводиться правительством Р. Макдональда. Гилберт и Готт одними из первых среди английских историков выступили против укоренившегося в буржуазной историографии мнения, будто Англия ничего не знала о подготовке аншлюса Австрии. Авторы показывают, что уже в 1936 году такие «миротворцы», как Т. Джонс и лорд Лотиан, совершив паломничество к Гитлеру, не только знали об этом, но и заверяли фюрера, что аншлюс не вызовет «разрыва веры» между Лондоном и Берлином. Сильной стороной исследования является систематическое, основанное на документах, изложение действий «миротворцев» при проведении колониальной политики, начатых правительством Болдуина. В меньшей степени удался авторам показ экономического «умиротворения», начало которого они почему-то относят к послемюнхенскому периоду⁵³.

В книге подвергаются критике не только действия консервативных правительств Болдуина и Чемберлена, их профашистская политика, но и деятельность правого руководства лейбористской партии. На ряде примеров показывается, что его позиция, особенно в 1939 году, мало чем отличалась от официальной. Другой сильной стороной книги является показ того, как после 1 сентября 1939 г. английские «миротворцы» во главе с Чемберленом старались оттянуть объявление войны Германии, рассчитывая на новую сделку с Гитлером⁵⁴.

Несмотря на ряд бесспорных удач, книга Гилберта и Готта не лишена недостатков, свойственных объективистско-критическому направлению в целом. В частности, авторы дают весьма спорную оценку мотивам, лежащим в основе действий «миротворцев», не позволяют читателю представить альтернативу английской политики в 1938—1939 годах — возможность решительного противодействия фашистской агрессии в сотрудничестве с Советским Союзом.

И все же работу следует считать полезной. Она является серьезным обвинением в адрес как Чемберлена и других «миротворцев», так и современных апологетов «умиротворения».

В 1963 году в Лондоне была опубликована книга К. Уоткина «Разделенная Британия»⁵⁵. Посвященная узкому вопросу — влиянию войны в Испании 1936—1939 годов на английскую политику и общественное мнение, она привлекает внимание как первая работа в анг-

лийской историографии, в которой последовательно критикуется как само «невмешательство», так и деятельность в связи с ним консервативной и лейбористской верхушки.

Английская буржуазная историография весьма тенденциозно подходит к событиям в Испании. Как в мемуарах государственных деятелей, так и в работах историков преобладает следующая концепция: фашистский мятеж 18 июля 1936 г. лишь опередил «коммунистическое восстание», политика «невмешательства», инициатором которой выступила Франция, будто бы не только отвечала интересам испанского народа, но и предотвратила перерастание гражданской войны в мировой конфликт.

Уоткинс отвергает тезис о том, что фашистский мятеж якобы был начат в целях предупреждения «коммунистического заговора». Полемика со сторонниками этого фальсификаторского тезиса и его опровержение — одно из самых сильных мест в книге. Отмечает он и клевету в адрес Советского Союза, который якобы вмешивался во внутренние дела Испании⁵⁶.

Значительная часть работы отведена анализу реакции политических кругов и общественного мнения Англии на испанские события. Уоткинс пишет, что инициатором «невмешательства» была не Франция, а Англия, правительство С. Болдуина. Тем самым он выступает против одной из догм буржуазной историографии. Главная причина проведения этой политики, отмечает далее автор, заключалась в животном страхе господствующих классов западных держав перед возможностью победы республиканцев над мятежниками и превращения Испании в «коммунистическое государство»⁵⁷.

Работа Уоткинса не лишена недостатков. К наиболее серьезным из них следует отнести его попытку обосновать «новую фазу» во внешней политике Англии, якобы начавшуюся на рубеже 1937—1938 годов. Нельзя не отметить, что автор явно недооценивает роль Советского Союза в защите Испанской республики, не учитывает, что в 1936—1938 годах Англия и Франция имели реальную возможность в сотрудничестве с СССР положить конец вмешательству фашистских держав во внутренние дела Испании.

Заметным явлением стала книга А. Верта «Россия в войне, 1941—1945», написанная на основе дневников и публикаций периода войны и изданная в 1964 году одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Ее автор — англий-

ский журналист, с июля 1941 и по 1948 год корреспондент Би-Би-Си и «Санди таймс» в Советском Союзе.

Работа А. Верта — первая обобщающая работа в Англии о Советском Союзе в войне, показывающая мужество и героизм советского народа, его вклад в общую победу над фашизмом. В предисловии автор подчеркивает народный характер войны, которую вел Советский Союз, беспримерный патриотизм и самопожертвование, проявленные в борьбе за Советскую власть.

В отличие от многих буржуазных авторов Верт признает огромное значение Сталинградской победы, а также сражений 1943 года под Курском и Белгородом, называя их «поворотными пунктами войны»⁵⁸.

Однако книга Верта также не лишена недостатков. Так, например, искажен характер советско-польских отношений в годы войны. Автор считает, что решение репарационного вопроса в Потсдаме означало раздел Германии. Нельзя согласиться и с его заявлением о том, что летом 1945 года Япония была готова капитулировать вне зависимости от того, вступит СССР в войну или нет⁵⁹.

И все же книга — серьезная работа по теме, которая остается «узким местом» в английской буржуазной историографии.

В 1965 году другой английский журналист — Ян Колвин — опубликовал работу о событиях 30-х годов, основанную на документах Р. Ванситтарта — заместителя министра иностранных дел Великобритании в 1930—1938 годах. Хотя книга озаглавлена «Ванситтарт в министерстве», ее содержание выходит далеко за рамки названия.

В отличие от большинства буржуазных авторов, утверждающих, что «умиротворение» не было направлено против СССР, Колвин отмечает, что курс, проводившийся Англией и Францией в 1935—1939 годах, имел «сопутствующую» идею: «направить Германию на Восток». Об этом говорили в аристократических клубах, в Сити, на загородных обедах в Кливдене — резиденции прогитлеровски настроенных миллионеров Асторов⁶⁰.

Сегодня трудно что-либо добавить к хронике событий 1938 года. Но Колвин находит, что сказать. Он пишет о контактах германской военной оппозиции Гитлеру с Лондоном. Прочитав все, что говорит об этом Колвин, можно прийти к выводу: в 1938—1939 годах Чемберлен, Галифакс и другие «миротворцы» не считали нужным поддер-

жать весьма скромные предложения группы Браухича — Гальдера — Геделера, ибо боялись, что свержение Гитлера может вызвать революционный взрыв в Германии.

Подробно описывает автор внешнеполитическую деятельность Лондона в период от Мюнхена и до начала войны. Здесь привлекает внимание вопрос о том, как возникла идея гарантий в марте 1939 года. Буржуазная историография Англии изображает гарантии Польше как какую-то неожиданную дипломатическую акцию, даже «импровизацию» Чемберлена и Галифакса. Колвин показывает, что это не так. Вопрос о гарантиях обсуждался по крайней мере в течение пяти дней (26—30 марта) ⁶¹. Следовательно, английское правительство имело время для консультаций с Объединенным комитетом начальников штабов и говорить о какой-то спешке, в результате чего гарантии оказались невыполнимыми, нельзя.

Книга Колвина посвящена Ванситарту. И он показывает, что этот опытный английский дипломат начиная с 1933 года не раз обращал внимание правительства на угрозу европейскому миру, которая росла в Германии, предупреждал, что гитлеровский режим развяжет войну «как только почувствует себя достаточно сильным» ⁶². Но ни Макдональд, ни Болдуин, ни Чемберлен не желали считаться с этим мнением. Ванситарт был снят с поста заместителя министра: его устранили как досадную помеху. И все же сюжет дипломатической карьеры Ванситарта не является главным в книге. Это работа о внешней политике Англии в тревожные предвоенные годы.

В 60-х годах объективистско-критическое направление в английской буржуазной историографии второй мировой войны заметно активизировало свою деятельность. Целый ряд официозных версий и догм, укоренившихся в буржуазной историографии, подвергается справедливой критике. К. Инграм, Л. Нэмир, частично А. Тейлор, М. Гилберт и Р. Готт, К. Уоткинс, Я. Колвин внесли заметный вклад в разработку исторически достоверной, реалистической концепции международных отношений 30-х годов.

В проблематике военных лет критическое направление представлено слабее. Здесь господствует официальная линия. Пожалуй, единственными исключениями являются работы К. Инграма и А. Верта. Между тем необходимость исторически правильного, объективного подхода к событиям 1939—1945 годов с каждым годом делается все более важной.

КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1

Буржуазные историки и мемуаристы Англии о внешней политике и международных отношениях 1933—1937 годов

Первые акты фашистской агрессии и Англия. Тучи крупнейшего конфликта в истории человечества — второй мировой войны — постепенно сгущались над Европой и миром. Сразу же после прихода к власти в Германии Гитлер начал вооружаться. Равенство в вооружениях с Англией и Францией по договоренности, а если не удастся — де-факто, ремилитаризация Рейнской области, аншлюс Австрии и полная ликвидация условий Версальского договора — таковы были первые вехи его внешнеполитической программы.

Как же реагировал Лондон на возникновение в Европе нового тоталитарного, агрессивного режима? Меньше чем через два месяца после прихода Гитлера к власти в кругах английского кабинета родилась идея подписания «пакта четырех» (Англия, Франция, Италия, Германия) с целью включения фашистской Германии в группу руководящих капиталистических держав Европы, в конечном счете направленного против СССР. Одновременно английское правительство доверительно дало понять Берлину, что оно не будет возражать против тайного перевооружения Германии. Как подчеркивают английские историки М. Гилберт и Р. Готт, ссылаясь на немецкие документы, премьер-министр «национального правительства» Р. Макдональд лично заявил об этом гитлеровско-

му послу в Лондоне Гешу. Вскоре он же поставил вопрос о личной встрече с Гитлером. Визит фюрера в Англию должен был, по мнению Макдональда, привести к развитию доверия и сотрудничества между Лондоном и Берлином¹.

Большинство буржуазных историков Англии предпочитают не вспоминать об этих и других фактах поддержки и поощрения фашистского режима. Документы из архива МИД Германии за 1933—1935 годы, убедительно подтверждающие прогитлеровскую позицию Уайтхолла, старательно замалчиваются. Остаются в тени и английские дипломатические документы, свидетельствующие об активной деятельности Форин оффиса в 1933—1935 годах по «легализации» вооружения Германии.

Англо-германское морское соглашение 1935 года стало не только первым явным актом политики «умиротворения» германского фашизма, но и важным шагом в ревизии версальской системы. Некоторые английские историки реалистически оценивают характер соглашения. Так Р. Сетон-Уотсон еще в 1938 году отмечал, что англо-германское соглашение противоречило принципам коллективного отпора агрессору. Англия пошла на нарушение версальской системы; ее действия опрокинули «общий дипломатический фронт, согласованный в Стрезе», подчеркивал Геторн-Харди, имея в виду, что соглашение было подписано без консультаций с Францией и Италией. Англия «простила все германские преступления», писал Р. Рейнер. «Вопиющей ошибкой» называет соглашение Г. Макмиллан².

Однако буржуазные историки не идут дальше. Они не видят или не хотят видеть, что переговоры с Германией, заключенное соглашение противопоставлялись правящими кругами Англии другой линии в международных отношениях — системе коллективной безопасности, которая как раз в то время начала складываться в Европе. Умалчивают они и о том, что соглашение создавало благоприятные условия для создания военного флота Германии на Балтике, что угрожало в первую очередь СССР³.

Английская буржуазная историография старается представить дело таким образом, будто у Англии в те годы не было свободы выбора: помешать перевооружению Германии она, мол, не могла, и, следовательно, ей приходилось спасать то, что еще было можно, то есть, легализуя, ограничить по возможности этот процесс⁴.

С такой постановкой вопроса согласиться, конечно, никак нельзя. Остановить вооружение Германии Англия могла как через Лигу наций, так и по линии договоренности с Францией и СССР. Но почему же это не было сделано? Решительное выступление против перевооружения могло привести к падению Гитлера и «хаосу, который последовал бы в Германии», отвечает Тейлор⁵.

Важным этапом политики «умиротворения» стал эфипский кризис. Действия Лондона в 1934—1935 годах определялись задачей «приобщения» режима Муссолини к англо-французскому согласию в Европе. Считалось, что союз с Италией предупредит сближение двух диктаторов — Муссолини и Гитлера — и обеспечит безопасность колониальных владений Англии и Франции в Северной и Восточной Африке. Этой программой Лондон руководствовался как в период созыва конференции трех держав (Англия, Франция, Италия) в Стрезе (апрель 1935 г.), так и в последующем.

Из мемуаров Идена и работы Колвина «Винситарт в министерстве» видно, что еще до начала итальянской агрессии Англия начала разрабатывать план раздела Эфиопии. Итогом явилось известное соглашение Хора — Лавалья, подписанное в Париже 9 октября 1935 г. Отметим подробно, на которую советскими историками не было обращено должного внимания: Муссолини извещался о каждом шаге секретных англо-французских переговоров. Хор и Иден не скрывают этого. Министр иностранных дел Франции, подчеркивает Иден, несколько раз информировал Муссолини по телефону о ходе переговоров⁶.

Однако соглашение не удалось провести в жизнь. Его содержание стало известно и было опубликовано французской прессой. Разразился политический скандал, который смел как само соглашение, так и Хора, на место которого был назначен Иден. Эти обстоятельства, безусловно, повлияли на оценки, которые дает соглашению английская буржуазная историография. Ее мнение почти единодушно, что бывает довольно редко. Разглашение плана Хора — Лавалья, отмечает Черчилль, вызвало в парламенте страшное потрясение. «Этот кризис чуть не стоил Болдуину его политической карьеры. Он потряс и парламент и всю страну до самого основания». Это была попытка «раздела Абиссинии», подчеркивает Рейнер. Общественное мнение расценивало соглашение как «по-

мощь агрессору», справедливо пишет Карр. К такому же выводу приходит и Иден⁷.

В этой связи неуклюже выглядят попытки Хора оправдать несостоявшуюся сделку. В своих мемуарах он уделяет этому особое внимание, называя план Хора — Лавалля «лучшим из возможных» и даже единственной «основой для компромисса с целью окончания разгоревшейся войны и восстановления фронта Стрезы». Поддерживает в этом Хора и Л. Эмери⁸.

Буржуазные авторы вынуждены признать, что провал англо-французского плана и отставка Хора ничего не изменили в английской политике. «Иден, — замечает Тейлор, — занял место Хора как министр иностранных дел. План Хора — Лавалля исчез, но в остальном ничего не изменилось...». Англия продолжала бесчестную игру вокруг жертвы агрессии. И хотя Лига наций приняла решение о торговых санкциях против Италии, это не остановило агрессора, так как эмбарго на поставки нефти наложено не было, а военные санкции даже не рассматривались. Между тем именно эти меры, а также закрытие Суэцкого канала, как признают некоторые английские историки, могли остановить агрессора. «Англия убедила Францию отказаться от нефтяного эмбарго, единственной меры, которая могла остановить вторжение», — писал в 1941 году публицист Г. Армстронг. «Если бы нефть была включена (в санкции. — Г. Р.), — подчеркивал К. Инграм, — нетрудно предвидеть, что итальянские военные усилия оказались бы бесполезными». «Одна из двух мер могла сразу прекратить войну: закрытие Суэцкого канала или эмбарго на поставки горючего Италии...», — отмечал лейборист М. Фут. А. Иден расценивал нефтяные санкции как оружие, «которое могло заставить Муссолини прийти к разумным условиям»⁹.

Справедливы ли эти мнения? Вполне. Достаточно сослаться на свидетельство самого Муссолини. Как сообщает переводчик Гитлера П. Шмидт, Муссолини сказал фюреру перед подписанием мюнхенского соглашения, что нефтяные санкции заставили бы его уйти из Эфиопии «в течение недели»¹⁰.

Почему же Англия отказалась от них? В воспоминаниях бывших государственных деятелей Англии развивается следующая версия: закрытие Суэцкого канала и нефтяные санкции могли привести Англию к войне с Италией. Результатом явился бы неизбежный развал «фрон-

та Стрезы» и сближение Муссолини с Гитлером. В этом единодушно убеждают читателя Хор и Эмери, Черчилль и Иден¹¹.

Английская буржуазная историография замалчивает тот факт, что позиция Англии в отношении нефтяных санкций была вызвана отнюдь не страхом войны, а боязнью краха фашистского режима в Италии. Как сообщает английский историк — марксист Э. Ротштейн, в дни эфиопского кризиса Н. Чемберлен откровенно заявил одному иностранному дипломату, аккредитованному в Лондоне, что военное поражение Муссолини неизбежно «привело бы к хаосу в Италии». Ф. Уолтерс, являвшийся в 1935 году помощником Генерального секретаря Лиги наций, впоследствии пояснял: в ответственных кругах Лондона, и в частности в Форин оффисе, боялись, что поражение Муссолини «приведет к победе коммунизма в Италии»¹². Таким образом, позиция Лондона в эфиопском кризисе во многом определялась классовыми интересами английской буржуазии. Чтобы не допустить краха фашистского режима в Италии и возникновения там революционной обстановки, Даунинг-стрит был готов пожертвовать Эфиопией.

Торжество итальянского агрессора многие буржуазные историки и публицисты Англии оценивают как сильный удар по системе коллективной безопасности и Лиге наций, как важную веху на пути к войне. «С момента абиссинского эпизода, — писал лейборист Г. Батлер, — было ясно, что Лига умирает...». «Победа Италии, — признает Карр, — была тяжелым ударом для Лиги...». «Это был смертельный удар, нанесенный как Лиге, так и Абиссинии», — вторит ему представитель объективистско-критического направления Тейлор и замечает, что Лигу наций «убила» публикация плана Хора — Лавая¹³.

Геторн-Харди даже склонен считать, что исход эфиопского кризиса означал «критический поворотный пункт» в предвоенной истории, ибо система коллективной безопасности, которую Англия считала «краеугольным камнем» внешней политики, была разрушена. К такому же выводу приходит крупный военный теоретик Англии Б. Лиддел Гарт. В первом томе воспоминаний, опубликованных в 1965 году, он отмечал, что «упущенный шанс» 1935 года был «самым фатальным поворотным пунктом в период между двумя мировыми войнами».

Лиддел Гарт подчеркивает, что провал коллективной безопасности в эфиопском кризисе «побудил Гитлера к новому вызывающему шагу в марте 1936 года». Согласно с этим и авторы «Истории газеты „Таймс“»¹⁴.

Ремилитаризация Рейнской зоны в оценках английской историографии. 7 марта 1936 г., когда итало-эфиопская война еще продолжалась, небольшие контингенты немецких войск вступили в Рейнскую демилитаризованную зону, нарушив одно из важных условий Версальского договора и Локарнских соглашений. Это событие не только разрушило систему союзов и гарантий Франции и тем самым безопасность ее восточной границы, но стало заметной вехой на пути ко второй мировой войне. Многие английские буржуазные историки, государственные деятели и публицисты называют его «поворотным пунктом» на пути к войне, «бескровной битвой», выигранной Гитлером.

Уже в предвоенные годы некоторые историки и публицисты сделали попытки осмыслить значение событий 7 марта 1936 г. Так, Р. Сетон-Уотсон писал, что два западных правительства «не были готовы предпринять военные действия» против гитлеровской агрессии и ограничились «негодующими протестами». Однако он не указывал на причины такой бездеятельности. Не давали ответа на этот вопрос и авторы обзора «Политические и стратегические интересы Соединенного королевства», подготовленного «Чатам хауз». Рассматривая события с точки зрения охраны «британских интересов», они отмечали следующие последствия ремилитаризации Рейнской зоны: 1) крах системы Локарнских соглашений; 2) «стратегическое отделение» Восточной Европы от Западной, что, «возможно», являлось главной целью Гитлера, и 3) рост в Англии и Франции «подозрений» по отношению к Германии¹⁵.

Отдавая приказ о вступлении войск в Рейнскую зону, Гитлер не без оснований рассчитывал, что Франция и Англия не будут препятствовать его действиям. Но если бы это все же произошло, командирам немецких частей были даны инструкции не вступать в столкновения и отступить. Одним из первых об этом сообщил известный консервативный деятель, историк дипломатии Г. Никольсон. Его книжка «Почему воюет Британия», рассчитан-

ная на массового читателя, увидела свет в начале 1940 года ¹⁶.

Когда значение этого факта было осмыслено, историки и публицисты Англии заговорили об «упущенной возможности», «последнем шансе» остановить Гитлера, «поворотном пункте» в истории предвоенных международных отношений и т. д. «Это был его (Гитлера. — Г. Р.) первый большой блеф в игре за господство в Европе», — писал в 1947 году английский публицист Л. Уивер. «Адольф Гитлер выиграл первую битву второй мировой войны, не открывая огня», — отмечал вслед за ним Дж. Уилер-Беннет. «Из-за пассивности в этом кризисе, как теперь совершенно ясно, Великобритания упустила свою последнюю возможность», — подчеркивал Г. Геторн-Харди. Сходные оценки содержатся в работах Я. Колвина, Л. Брода, мемуарах Э. Галифакса и П. Киркпатрика ¹⁷.

Некоторые авторы придают еще большее значение «упущенным возможностям». Так, Ч. Моват пишет: «Решительные действия против Италии в декабре 1935 и против Германии в марте 1936 года могли предотвратить вторую мировую войну». Лондону и Парижу следовало решительно выступить против акта германской агрессии, отмечают в своих воспоминаниях Л. Эмери, а также Дафф Купер — видный деятель консервативной партии Англии предвоенных лет ¹⁸.

Чем же объясняет буржуазная историография Англии, ее государственные деятели «фатальное бездействие» правительства С. Болдуина ранней весной 1936 года? Прежде всего настроениями «общественного мнения», английского народа, который тогда якобы стремился сохранить мир во что бы то ни стало. В Великобритании, утверждает Э. Карр, «общественное мнение было шокировано» действиями фашистской Германии, «но в целом было больше заинтересовано в предложениях Гитлера на будущее, чем в осуждении его действий в прошлом». «Англия восприняла событие очень спокойно. Она в целом считала, что немцы имеют моральное право сделать это...» ¹⁹, — замечает другой буржуазный автор — Р. Рейнер. Официозную версию об «инертности и безразличии» общественного мнения, заинтересованного в мире, разделяют историк А. Тейлор, консервативные деятели С. Хор, Э. Галифакс, а также видный представитель лейбористского движения Х. Дальтон. Но еще определеннее

высказывается по этому поводу А. Иден. «Едва ли один человек из тысячи в то время был готов пойти на действия вместе с Францией против оккупации Рейнской зоны Германией. Многие шли даже дальше и считали несправедливым, что Германия лишена возможности делать то, что она хочет на своей собственной территории почти через 20 лет после окончания войны. Эти мнения были представлены и среди моих коллег...», — отмечает он. Однако А. Иден всячески старается снять с себя ответственность за эту позицию²⁰.

Насколько справедлива картина, рисуемая Иденом? Какова его личная роль в событиях?

14 февраля 1936 г., получив рапорты генерального штаба и штаба ВВС о том, что вступление немецких войск в Рейнскую зону произойдет в ближайшее время, Иден пишет записку кабинету министров. Англия не должна сражаться за зону, но и отказываться от нее безоговорочно не следует; «было бы предпочтительно» совместно с Францией вступить в переговоры с Берлином «об условиях ликвидации наших прав в зоне», заявлял в ней министр иностранных дел. В итоге правительство отклонило какие-либо военные меры, то есть согласилось с тем, что было главным в предложении Идена. Далее Иден сообщает, что 6 марта он сделал серьезное предостережение о Рейнской зоне немецкому послу в Лондоне Гешу²¹.

Через три года после опубликования воспоминаний Идена публицист Колвин подверг сомнению это заявление. Он разыскал телеграмму Геша от 6 марта 1936 г., хранящуюся в архиве Бонна. Излагая разговор с Иденом, немецкий посол писал в ней, что английский министр выразил «большое удовлетворение» англо-германским морским соглашением и заявил о готовности продолжить переговоры об англо-германском «рабочем соглашении», включая вопрос о «воздушном пакте». Геш не упоминает о предостережении Идена по поводу Рейнской зоны. Учитывая важность вопроса, германский посол не мог не передать его в Берлин, конечно, при условии, что оно было сделано. «В течение всей беседы, — подчеркивает Колвин, — не было и намека на английские опасения в связи с возможным разрывом Локарно или вторжением в Рейнскую зону»²². Так Иден, прекрасно зная о готовящемся агрессивном акте, не только не предостерег Берлин, но заверил его в желании продолжить перегово-

ры. Версия, выдвинутая Иденом, нуждается в весьма серьезных коррективах. Она еще раз показывает, что его мемуары требуют критического подхода.

Вернемся, однако, к аргументам, которыми буржуазные историки и мемуаристы Англии обосновывают бездействие Лондона 7 марта 1936 г. Главный из них сводится к тому, что английский народ, не понимая всех последствий насильственной ликвидации системы Локарно фашистской Германией, полагал, что немцы «могут сами распоряжаться в собственном доме». Наиболее подробно об этом пишет Дафф Купер: «Многие англичане были неспособны понять значение этого акта. «Почему немецкие солдаты не могут вступить в свою собственную область?», — такова была естественная реакция несведущих людей. Они не могли понять, что этим актом безжалостный диктатор разорвал в клочья соглашение, от которого зависел мир в Европе»²³. Каких-либо конкретных данных в подтверждение этой весьма удобной для «миротворцев» версии ни Д. Купер, ни ее сторонники не приводят.

Мемуары А. Идена, Д. Купера, Г. Макмиллана показывают, что версия о «пассивности» общественного мнения имеет официальное происхождение. И не случайно, что она получила отпор прежде всего со стороны тех, кто в предвоенные годы выступал с позиций, оппозиционных официальному курсу. Они убедительно показали, что капитулянтские взгляды были присущи отнюдь не английскому народу, а прежде всего узкой группе политиков — идеологов «умиротворения». Так Х. Дальтон отмечал, что лживую формулу: «Немцы вошли лишь в свой собственный задний двор» выдвинул один из патриархов «умиротворения» лорд Лотиан. Ее сразу же подхватил и стал пропагандировать другой видный руководитель капитулянтов — издатель «Таймс» Джоффри Даусон, тесно связанный с руководством консервативной партии и ее лидером С. Болдуином²⁴.

9 марта 1936 г., то есть через два дня после вступления фашистских войск в Рейнскую зону, «Таймс» поместила передовую статью «Шанс на восстановление». В ней утверждалось, что действия Гитлера имеют положительное значение, ибо они, ликвидировав «старую структуру европейского мира, одностороннюю и неуравновешенную», дают возможность расширения и укрепления системы коллективной безопасности, возвращения Германии

в Лигу наций и для начала переговоров по европейским проблемам. А. Роуз, а также Дж. Уилер-Беннет, справедливо замечают, что эта статья отражала взгляды не столько Даусона, сколько правящих кругов в целом ²⁵.

Большую активность развил в те дни один из идеологов «умиротворения» член профашистской «кливденской клики» Т. Джонс. 8 марта 1936 г. он передал Болдуину предложения, согласованные с другими членами этой группы — лордом Лотианом, Асторами, весьма близким к руководящим кругам консервативным историком и философом А. Тойнби и др. «Кливденцы» рекомендовали правительству «не воспринимать трагически» события 7 марта «ввиду мирных предложений, которые их сопровождают», относиться к ним «не как к акту агрессии», приветствовать декларацию Гитлера о 25-летнем мире, «как сделанную чистосердечно», и т. д. ²⁶

Главный аргумент тех, кто хотел бы объяснить бездействие Уайтхолла «настроениями общественного мнения», не выдерживает критики. Если в Англии и имелись простые люди, выступавшие против опасности войны, то их никак нельзя смешивать с теми, кто намеренно дезориентировал общественное мнение с целью оправдания политики «умиротворения». Главная причина бездействия правительства Болдуина заключалась в боязни, что вооруженный отпор Гитлеру или решительное осуждение агрессивного акта Англией и Францией приведут в действие механизм франко-советского договора о взаимопомощи, что, в свою очередь, могло окончиться не только сокрушительным поражением, но и полным крахом нацистского режима в Германии.

Прямых заявлений об этом в работах буржуазных авторов нет. Однако несколько глухих замечаний можно найти у Черчилля, Роуза и Дальтона. Если бы Франция мобилизовала свою армию, насчитывавшую почти сто дивизий, отмечает Черчилль в первом томе своих воспоминаний «Вторая мировая война», то немецкий генеральный штаб «несомненно вынудил бы Гитлера к отступлению и на пути его претензий было бы создано препятствие, которое могло стать для него роковым» ²⁷.

Роуз, хорошо знавший закулисную деятельность «миротворцев», выдвигает обвинение уже в адрес рупора капитулянтских кругов «Таймс». «Таймс» не только не выступила против милитаризации Рейнской зоны, но была готова противодействовать франко-советскому пакту,

который, если бы он был проведен в жизнь, мог остановить Гитлера и обеспечить мир в Европе. «Мы делали работу Гитлера за него; игра была более обещающей, чем он мог даже надеяться», — восклицает автор²⁸.

Рассматривая вопрос о позиции Англии и Франции в связи с оккупацией Рейнской области, Дальтон, как и Черчилль, подчеркивает, что, если бы французская армия выступила против немецких войск, Гитлер «был бы вынужден отступить и, потерпев таким образом тяжелое дипломатическое поражение, вероятнее всего, был бы свергнут и, возможно, даже покончил бы с собой»²⁹. Хотя эти высказывания, сделанные теми, кто находился в 1936—1939 годах в оппозиции к внешнеполитическому курсу Болдуина — Чемберлена, не дают возможности дать сколько-нибудь полное представление о мотивах, которыми в марте 1936 года руководствовался Уайтхолл, они не оставляют сомнения в том, что позиция английского кабинета способствовала осуществлению фашистской агрессии.

Интересные факты о предыстории 7 марта 1936 г. сообщает в книге «Предвоенная политика Гитлера и военные планы, 1933—1939 гг.» Е. Робертсон. Его работа, изданная в 1963 году, написана на основе неопубликованных документов из немецких архивов. Робертсон открывает завесу над тем, что происходило в первые месяцы 1936 года в кругах английского кабинета. Решив, что демилитаризация Рейнской области не затрагивает «жизненно важные британские интересы», Уайтхолл в феврале стал подготавливать проект «рабочего соглашения» Англии, Франции и Германии по этому вопросу. Париж не был поставлен в известность о плане, ибо, как отмечает автор, его хотели предварительно согласовать с Берлином. Е. Робертсон отмечает, что английское правительство, «возможно, было готово предоставить Гитлеру право ремилитаризации Рейнской области постепенно, по стадиям»³⁰.

Факты, приводимые военным историком, во многом дополняют сообщенное Иденом. Правда, не все еще известно. Так, мы не знаем, составил Форин оффис проект «рабочего соглашения» или нет. Была ли извещена о нем Франция? Но суть позиции Лондона не меняется: это была капитуляция, и притом обдуманная. Не случайно 2—3 марта 1936 г., за пять дней до выступления Гитлера, встретившись с французским министром иностранных

дел Фланденом, Иден отказался дать какие-либо заверения, что Англия выполнит свои обязательства по Локкарнскому договору³¹.

Так мемуары Идена, материалы из работ Колвина и Робертсона воссоздают неприглядную картину действий правительства Болдуина и лично министра иностранных дел накануне 7 марта 1936 г.

Следует отметить, что позицию Лондона никак нельзя объяснить недостатком сил и средств для решительного отпора агрессору, на что ссылаются некоторые буржуазные авторы. По данным английских историков, Франция и ее союзники Польша и Чехословакия, даже без Англии, имели в 1935 году не менее 90 дивизий, а Германия — лишь 36, да и то неполного состава. И не случайно сам Гитлер оценивал 7 марта 1936 г. как огромный риск, игру ва-банк. «Мы вошли в Рейнскую зону с горсткой батальонов, — заявил он в 1939 году Шушнигу. — В то время я рисковал всем»³².

Нельзя не учитывать и позицию Советского Союза, который через своих послов в Париже и Лондоне заявил о полной поддержке возможных действий Франции и Англии. 17 марта 1936 г. соответствующее заявление было сделано публично народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым на сессии совета Лиги наций в Лондоне³³. Это говорит о том, что многочисленные высказывания буржуазных авторов об «упущенном шансе» лишены всяких оснований. Если Англия и Франция бездействовали, если Гитлер мог торжествовать, то произошло это главным образом потому, что «миротворцы» панически боялись краха нацистского режима, за которым, как они считали, последует «коммунистическая революция» в Германии. Для них Гитлер был прежде всего оплотом против большевизма. Доказательства этому в большом количестве содержатся у Т. Джонса. 8 марта 1936 г., в день, когда Болдуину было передано предложение «кливденцев», в дневнике Джонса появилась запись о его беседе с А. Тойнби, тогда только что вернувшимся из Германии. Тойнби, писал Джонс, после встречи с Гитлером был «уверен в его (Гитлера. — Г. Р.) искреннем желании мира в Европе, тесной дружбы с Англией... и оппозиции большевизму». 4 апреля Джонс встретился с Риббентропом, который «также охвачен страхом перед большевизмом, как и Гитлер... Риббентроп за мир (с Англией. — Г. Р.). 15 апреля снова бесе-

довал в «Карлтон-отеле» с Риббентропом, уверен, что он не хочет войны на Западе. Они (Риббентроп, Гитлер. — Г. Р.) разделяют страх в отношении России. Коммунизм является врагом, которому Германия не может противостоять одна, без помощи Великобритании». 15 мая, получив приглашение, Джонс вылетел в Берлин, где через два дня состоялась его встреча с Гитлером, который «убеждал в значении союза с Англией и огромном желании встретиться с мистером Болдуином». Вернувшись в Лондон, Джонс 22 мая обсуждал с премьером возможность организации встречи с Гитлером. При этом намечались «уступки» Германии за счет Австрии и Чехословакии; Джонс рекомендовал премьеру не выступать «в защиту Австрии» от аншлюса и помочь Берлину в вопросе «плоти и крови» — «защите» судетских немцев в Чехословакии. Главный пункт предложений Джонса заключался в организации поездки Галифакса в Берлин и встречи Болдуина с Гитлером³⁴.

Так идеолог «миротворцев», их закулисный организатор наметил программу, которая почти полностью была выполнена, правда не Болдуином, а Чемберленом.

Как бы ни старались некоторые буржуазные исследователи оправдать позицию, занятую правительством Болдуина в марте 1936 года, дневники Т. Джонса, наряду с фактами, приводимыми другими авторами, не оставляют сомнений, что в ее основе лежали профашистские и антисоветские идеи. «Гитлер мог сколько угодно давать волю своей мании величия и мечтать о мировом господстве, — справедливо подчеркивает Палм Датт, — он никогда не мог бы сделать что-нибудь для осуществления своих планов без прямого потворства и помощи со стороны Англии и Франции. Ликвидация Версальского договора и перевооружение Германии были обдуманной политикой лидеров британского империализма, поддерживаемой и их трусливыми французскими коллегами, которые также находились во власти антикоммунистического угара»³⁵.

Английская политика «невмешательства» и версии реакционных историков. Летом 1936 года обстановка в Европе накалилась. 18 июля испанские фашисты подняли мятеж против республиканского правительства; в Испании вспыхнула гражданская война. Бурные события

1936—1939 годов привлекли к этой стране внимание мирового общественного мнения.

Политика «невмешательства», которую провозгласили Англия и Франция, ее происхождение и цели, характер конфликта в Испании, позиции держав в связи с ним — эти вопросы до сих пор активно обсуждаются историками и мемуаристами Англии, причем нередко на них даются не только противоречивые, но и прямо противоположные ответы.

В 1936—1939 годах общественное мнение Англии, профсоюзы, консервативная и особенно лейбористская партия оказались расколотыми по коренному вопросу: как следует относиться к национально-революционной войне испанского народа против сил внутреннего и международного фашизма.

Полемика, развивавшаяся вокруг испанских событий, сразу же нашла свое отражение в печати. В первых работах, написанных журналистами Англии в конце 1936 года, поднимался вопрос о нейтралитете Англии, который помог бы сохранить «британские интересы» в Средиземноморье. Так, Х. Геннес и Т. Репард считали, что «невмешательство» лучше всего обеспечит звенья британской империи «вне зависимости от того, какая сторона выиграет». «Великобритания заинтересована в любой гражданской войне в Испании, — делал вывод Г. Блут, — лишь в одном — не допускать, чтобы другие державы получили выгоды в результате переворота и утвердились на испанской территории... Поэтому единственно возможный для нее и Франции курс... состоит в том, чтобы настаивать на подлинном невмешательстве и выводе итальянской армии из Испании. Это очень важно, ибо итальянская агрессия, возможно, установит прецедент косвенного нападения, наиболее опасного для британской империи». О своей поддержке политики, провозглашенной Лондоном и Парижем, заявлял в 1938 году Р. Сетон-Уотсон³⁶. Авторы этих высказываний интересовали не столько судьбы Испанской республики и народа, сколько «британские интересы».

И лишь немногие не скрывали своего смятения. Э. Монро в работе, финансировавшейся «фондом Рокфеллера», писала: «Победа крайне левых (в Испании. — Г. Р.) вызовет недовольство в Великобритании, ибо она увеличит коммунистические тенденции во Франции. Но поскольку экспансионистские державы открыто помогают

генералу Франко, победа крайне правых представляет еще большую опасность». И все же Монро никакого выхода кроме «невмешательства» не видела³⁷.

Более определенные суждения по вопросам, с которыми столкнулись правящие круги Великобритании в связи с событиями в Испании, содержатся во втором полутоме ежегодника «Обзор международных событий, 1937». Его авторы, А. Тойнби и Ф. Боултер, выступают с фашистских позиций, почти не стремясь их замаскировать. Учитывая тесную связь Тойнби, института международных отношений, выпускавшего ежегодники, с Форин оффисом, можно считать, что точка зрения авторов не отличалась от официальной. Прежде всего в книге протаскивается мысль о том, что Советский Союз якобы был замешан в подготовке «коммунистической революции» в Испании, которая должна была начаться в конце июля 1936 года, если бы ее не опередили мятежники. Тем самым авторы распространяют лживую версию, состряпанную пропагандой фашистских мятежников. Не в силах отрицать факт итало-немецкой интервенции, Тойнби и Боултер заявляют, что вообще якобы «трудно определить, были ли первыми русские, немецкие или итальянские интриги в Испании перед началом войны 17 июля 1936 г.». И поэтому об Италии, Германии и Советском Союзе «можно писать, объединив их»³⁸.

«Обзор» пропагандирует и другой официальный тезис, согласно которому война в Испании являлась якобы конфликтом между двумя идеологиями — фашизмом и коммунизмом, а отнюдь не борьбой демократических сил против реакции и фашизма³⁹.

Примечательна и постановка вопроса о происхождении пресловутой политики «невмешательства». Ее инициатором авторы считают французского премьер-министра, правого социалиста Л. Блюма. Что касается Англии, то она, как осторожно говорится в тексте, возможно, сама собиралась провозгласить «невмешательство», но, к своему удивлению, нашла его готовым на Кэ д'Орсэ. В «Обзоре» выдвинут еще один фальшивый тезис, сразу же подхваченный многими публицистами и историками: о мотивах и целях, которыми руководствовалось английское правительство, принимая «невмешательство». Эти мотивы, конечно, представлялись как благородные: не допустить превращения испанского конфликта в «открытую войну» между великими державами⁴⁰.

Таким образом, в полуофициозной работе выдвигается сразу несколько лживых версий: о подготовке «коммунистического заговора» в Испании, о борьбе «коммунизма с фашизмом» как сути конфликта, о французском происхождении политики «невмешательства» и ее позитивных целях. Все эти версии стали широко использоваться буржуазными историками, публицистами и государственными деятелями, причем не только в Англии.

Характер и содержание версий, приводимых А. Тойнби и Ф. Боултером, определялись установками, исходившими из правительственных кругов. Это косвенно подтверждает Иден, когда пишет, что в августе 1936 года он дважды встречался с делегацией лейбористской партии, чтобы опровергнуть мнение, будто инициатором политики «невмешательства» выступила Англия. Иден вспоминает, что в ту осень он неоднократно выступал публично, доказывая, что идея «невмешательства» родилась в Париже⁴¹. Если такое свидетельство что-либо и доказывает, то только то, что эта версия, как, впрочем, и многие другие, которых неукоснительно придерживается официальное направление, родилась в кругах Уайтхолла и Форин офиса.

«Обзор» за 1938 год стал вехой для всего издания. С этого времени, как уже говорилось, оно теряет информационный характер и становится пропагандистом официального внешнеполитического курса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это объясняется прежде всего тем, что испанские события, вызвав бурные отклики в Англии, заставили руководителей «Чатам хауз» отбросить остатки буржуазного объективизма. Сразу же стали видны симпатии, с которыми правящие группировки Англии относились к мятежникам. Недаром А. Тойнби и Ф. Боултер замечали, что, если война будет выиграна франкистами, «британские интересы не окажутся в опасности», хотя бы по той простой причине, что фашистско-клерикальный блок «не сможет провести реконструкцию опустошенной Испании без использования лондонского денежного рынка»⁴².

Большинство буржуазных исследователей Англии освещают гражданскую войну в Испании и связанные с ней события с крайне реакционных позиций. С антисоветскими выпадами выступают даже такие авторы, как Х. Томас или А. Тейлор. Первый из них, например, вполне серьезно заявляет, что Советский Союз якобы хотел,

чтобы в 1936 году Англия и Франция оказали поддержку испанским республиканцам, а Германия и Италия — мятежникам, что привело бы к мировой войне, в которой Москва играла бы роль арбитра. Со сходных позиций оценивает помощь Советского Союза республиканцам и Тейлор. «Конфликт в Испании, — замечает он, — был более приемлем для русских, чем конфликт вблизи их собственных границ. Они также считали, что он приведет к охлаждению в отношениях между двумя западными демократиями и фашистскими державами... Их интересы заключались не в том, чтобы республика одержала победу, а в том, чтобы гражданская война в Испании затянулась...»⁴³. В связи с этим возникает вопрос: почему высказывания, грубо извращающие саму суть советской внешней политики, продолжают появляться на страницах «солидных», респектабельных изданий? Очевидно, дело тут не только в антисоветских настроениях, которые привели к искажению ряда острых проблем предвоенных лет, или в некритическом восприятии той или иной официальной версии, но и в противоречиях, свойственных мировоззрению буржуазных авторов.

Прогрессивные публицисты и историки Англии уже в предвоенные годы выступили против клеветы, которая усердно нагромождалась реакцией вокруг испанских событий. Супруги У. и З. Коутс в книге «Мировые события и СССР», опубликованной в начале 1939 года, справедливо подчеркивали, что политика «невмешательства» «на деле продолжает оставаться вмешательством фашистских держав на стороне мятежников»⁴⁴.

Анализируя проблемы «невмешательства», известный публицист К. Зиллиакус убедительно доказал лживость ряда аргументов, использовавшихся официальными кругами. Работая с 1920 года по 1939 год в секретариате Лиги наций, он хорошо знал закулисную сторону деятельности английской дипломатии. В 1939 году одним из первых К. Зиллиакус показал фальшь трех доводов, особенно часто выдвигавшихся для обоснования политики «невмешательства»: что она 1) имеет якобы французское, притом социалистическое, происхождение, 2) позволила сохранить «европейский мир» и 3) означает «неучастие в идеологическом конфликте». Отметив, что правящие круги Англии и Франции отнюдь не содействовали локализации конфликта, Зиллиакус подчеркивал, что с испанскими мятежниками можно было покончить в несколько

недель, «если бы Лондон и Париж, на основе международного права и устава Лиги наций, разрешили испанскому правительству закупить оружие, а помощь мятежникам считали агрессией против Испании». Несколько лет спустя, в 1945 году, он уточнил свой вывод. «Не приходится сомневаться в том, что если бы фашистская агрессия в Испании была остановлена совместными англо-франко-советскими действиями, это привело бы к созданию союза трех держав... и пресекло гитлеровскую агрессию»⁴⁵.

В 1940 году Дж. Макинтош, а за ним и Дж. Армстронг разоблачали еще одну лживую версию, распространенную реакционными кругами, а именно: будто бы фашистские мятежники и республиканцы получали «равную помощь». На основе цифровых данных Дж. Армстронг показал, что военная помощь Италии и Германии генералу Франко во много раз превышала помощь, оказанную республиканцам. «Теперь все знают, — заключал он, — что помощь, присланную из России, после того как итальянская интервенция уже началась, и добровольцев-идеалистов из демократических стран, прибывших также после начала фашистской интервенции... никак нельзя сравнивать с «поддержкой», оказанной диктаторами»⁴⁶.

Несмотря на критику, некоторые из лживых версий прочно закрепились в английской буржуазной историографии. Одна из наиболее распространенных сводится к тому, что гражданская война в Испании была чисто «идеологическим конфликтом» между коммунистами и фашистами. Ее сторонники утверждают, будто компартия Испании готовила «вооруженный заговор» для захвата власти. Ярым пропагандистом этой версии выступил реакционный английский журналист А. Ловедей, опубликовавший в 1939 году «документы», полученные из рук франкистской пропаганды. В 1940 году Дж. Макинтош высказал сомнение в их подлинности. Однако только в 1963 году К. Уоткинс убедительно доказал, что «документы» о так называемом коммунистическом заговоре являются стопроцентными фальшивками. Анализируя их содержание в книге «Разделенная Британия», Уоткинс пришел к выводу, что испанские рабочие не имели и не могли иметь того количества оружия, которое якобы было подготовлено для «заговора». «...Если коммунисты имели оружие, которое им приписывают документы, —

спрашивает Уоткинс, — то почему же в июле, когда начался мятеж, рабочие были почти совершенно безоружны, до тех пор пока правительство не решило раздать его им?». Далее он разоблачает тех, кто версию о «коммунистическом заговоре» пытался «подкрепить» ссылками на решения Коминтерна и программу испанской компартии. «Анализ показывает, — писал в заключение Уоткинс, — что она не могла планировать вооруженное выступление в Испании хотя бы по той простой причине, что необходимые условия, считавшиеся ею крайне важными для успеха, еще не существовали»⁴⁷. Так прогрессивный историк нанес сильный удар по лживой версии, взятой на вооружение буржуазной историографией.

Пожалуй, самые прочные позиции в работах буржуазных английских историков и публицистов вплоть до последнего времени занимала версия о французском происхождении политики «невмешательства». У большинства авторов 40—50-х годов нет и следа какой-либо критики в ее адрес. И только в начале 60-х годов А. Тейлор, Х. Томас и К. Уоткинс выступили против нее. Они доказали, что политика «невмешательства» родилась в недрах консервативного кабинета и была сформулирована при активном участии министра иностранных дел А. Идена. Когда в конце июля 1936 года французские министры приехали в Лондон, «национальное правительство первым предложило невмешательство Блюму, тот предложил его лейбористским лидерам, а они, в свою очередь, своим сторонникам — все во имя европейского мира», — пишет А. Тейлор. «Английское правительство, — делает вывод Х. Томас, подробно рассмотрев политику Англии в 1936 году, — во всех отношениях являлось действительным инициатором невмешательства, хотя идея пакта (о невмешательстве. — Г. Р.) была впервые предложена Блюмом...». То, что «невмешательство» родилось на английской почве, выросло и окрепло, питаясь плодами политики «умиротворения» и антикоммунизма, убедительно показал К. Уоткинс. По ряду соображений, из которых немаловажную роль играло стремление парализовать возможные действия лейбористов, замечает он, Уайтхолл передал инициативу провозглашения этой политики «социалистическому правительству» Франции⁴⁸.

Трезвые, обоснованные суждения А. Тейлора, Х. Томаса, К. Уоткинса весьма основательно подорвали одну из самых живучих фальшивых версий буржуазной исто-

риографии кануна второй мировой войны. Тем самым были подтверждены выводы советских историков, отвергающих легенду английской буржуазной историографии о происхождении политики «умиротворения»⁴⁹.

Чем же объяснить, что большинство буржуазных авторов столь упорно ее отстаивают? В первую очередь тем, что, защищая предвоенный внешнеполитический курс в целом, они стремятся скрыть те внутренние причины, которыми руководствовалось правительство Болдуина, провозглашая «невмешательство». Среди них не последнее место занимал страх перед «коммунистической революцией» в Испании, которая могла не только подорвать позиции английского капитала на Пиренеях, но и оказать большое влияние на судьбы Народного фронта во Франции и рабочее движение в Англии. И не случайно К. Уоткинс среди причин, приведших к возникновению «невмешательства», отмечает антисоветские настроения, характерные в 30-е годы для многих политических деятелей Англии и Франции, а также их страх перед тем, что Испания станет коммунистическим государством⁵⁰.

Почти все буржуазные историки изображают «невмешательство» как особую политику, характерную только для отношений с Испанией. Тем самым они искусственно отрывают ее от внешнеполитического курса Англии 1933—1939 годов. Выходит, что «невмешательство» — это одно, а «умиротворение» — нечто совершенно другое. Между тем «невмешательство» лишь одно из проявлений «умиротворения». Оно оказало влияние как на позицию правительства Н. Чемберлена при аншлюсе Австрии, так и особенно на возникновение мюнхенской политики. В свою очередь, мюнхенское предательство во многом определяло позицию Англии на заключительном этапе гражданской войны в Испании.

С неменьшим упорством, чем версию о французском происхождении «невмешательства», многие авторы продолжают защищать тезис о том, что эта политика преследовала единственную цель локализации конфликта и тем самым предотвращения «большой войны» в Европе. С разными оттенками и вариациями на это ссылаются Дж. П. Гуч и Э. Карр, О. Рейнольдс и Х. Томас. Пишет об этом и А. Иден⁵¹. Однако эта точка зрения встретила серьезный отпор. «Невмешательство» в теории должно было уменьшить опасность превращения испанского конфликта в «общеевропейскую войну», подчеркивал

Дж. Макинтош в работе «Пути, которые вели к войне», на практике же оно «превратилось в фарс и было одной из главных причин поражения испанского правительства». «Невмешательство на деле было фарсом», — повторыет лейборист М. Фут. Оно стало «божьим даром» для испанских нацистов, отмечает Р. Блют. «Республика имела большие ресурсы, поддержку большинства населения. Она победила бы, если бы встретила такое отношение, которое диктовалось международным правом... Английская и французская политика, а не политика Гитлера и Муссолини, решила исход гражданской войны в Испании»⁵², — подводит итог А. Тейлор.

Критики официальной точки зрения на «невмешательство» убедительно показывают, что оно играло на руку фашистским мятежникам и облегчало проведение итало-германской интервенции. Однако они не идут дальше. Никто из них не говорит о том, что «невмешательство», а это ясно показал ход событий в 1938—1939 годах, обернулось против его инициаторов. Оно облегчило Гитлеру и Муссолини не только подготовку новых актов агрессии, но и, в конечном счете, развязывание второй мировой войны. И все же сам факт, что в английской историографии идет полемика, что антикоммунистические версии взяты под обстрел, — явление примечательное. Конечно, позиции реакционных историков еще далеко не сломлены и предстоит острая борьба по многим вопросам, среди которых вопрос о мотивах английской политики в отношении Испании занимает видное место.

Когда и как родилось «умиротворение». Проблема «умиротворения» фашистских держав — Германии и Италии — является центральной в трудах английских историков, посвященных кануну войны. Рассматривая политику «умиротворения», многие буржуазные исследователи пытаются обосновать его «необходимость и неизбежность». Они нередко ссылаются на миролюбивые настроения английского народа, общественного мнения, но совершенно обходят антисоветскую подоплеку этой политики. Как правило, называют Н. Чемберлена, С. Хора, Э. Галифакса и других «миротворцев» министерского ранга и ничего не говорят о тех, кто стоял за кулисами, идейно обосновывая и направляя проведение в жизнь капитулянтского, антисоветского курса.

В английской буржуазной историографии господствует мнение, согласно которому политика «умиротворения» начала проводиться с весны 1937 года, когда Н. Чемберлен стал главой консервативного правительства. Сторонники этого мнения нередко тесно связывают политику с личными качествами нового премьера. Получается, что ответственный политический курс страны определялся не интересами ее правящих кругов в целом, а одним человеком. Вот лишь несколько примеров этого.

У. Черчилль: «Чемберлен был убежден, что ему выпала особая миссия прийти к дружескому соглашению с обоими диктаторами — итальянским и германским, — и считал себя способным добиться этого».

Официозный историк *Р. Лаффан:* «Чемберлен верил в возможность «сесть за один стол» и договориться с Гитлером и Муссолини. Навыки «бирмингемского бизнеса» он перенес в «большую политику».

А. Тейлор: Чемберлен «верил, что европейские диктаторы — Гитлер и Муссолини — являются такими же разумными государственными деятелями, как и он сам, или, во всяком случае, с ними следует обращаться как с таковыми и что их неудовлетворенность может быть умиротворена в разумной дискуссии».

Д. Томпсон: Свой опыт бизнесмена и некоторые черты лорд-мэра Бирмингемца, а им он был до 1937 года, Чемберлен перенес на внешнюю политику⁵³.

Другие ссылаются на недостаток у Чемберлена политического опыта и кругозора и даже незнание Европы. Так, оксфордский профессор Х. Тревор-Рупер писал, что Чемберлен «не знал истории и мира: для него политический кругозор был ограничен его собственным ограниченным горизонтом», в связи с чем он «просто не мог считать, что Гитлер фундаментально отличается от него самого»⁵⁴.

Д. Купер, военный, а затем морской министр в правительствах Болдуина — Чемберлена, добавляет к характеристике свой вывод. «Он (Чемберлен. — Г. Р.) никогда не вращался в большой мировой политике или финансовых делах, и континентальная Европа была для него закрытой книгой. Он был преуспевающим лорд-мэром Бирмингема, и для него диктаторы Германии и Италии походили на лорд-мэров Ливерпуля и Манчестера... Эти укоренившиеся неверные представления лежали в основе его политики и объясняют его ошибки». Сходные оценки

дают и другие современники Чемберлена, а Ллойд Джордж, как известно, сравнивал его кругозор с кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей»⁵⁵.

Закономерен вопрос: насколько личные недостатки Чемберлена отражались в политике правительства и можно ли ими вообще объяснять его действия и промахи? Действительно, Чемберлену не доставало политического опыта. Однако было бы ошибочно объяснять этим его приверженность идее «прямых переговоров» с Гитлером и Муссолини. Ведь за лидером консервативной партии, премьером стояли влиятельные круги монополистического капитала. За его спиной действовали такие идеологи «умиротворения», как миллионер, владелец газет «Таймс» и «Обсервер» Джон Астор, «закулисный организатор» Том Джонс, издатель «Таймс» Джоффри Даусон, как, впрочем, и вся профашистская «клевденская группа». Об этом буржуазные исследователи, за немногим исключением, предпочитают умалчивать⁵⁶.

Нельзя не отметить, что в последние годы деятельность апологетов Чемберлена даже оживилась. Два примера свидетельствуют об этом особенно ярко. В 1961 году видный деятель консервативной партии Англии Ян Маклеод опубликовал биографическую работу «Невилль Чемберлен»⁵⁷. В центре внимания автора мюнхенская политика, которую Маклеод считает единственно возможной и правильной. В сентябрьском номере журнала «Раунд тэйбл» за 1963 год, основанного, кстати, одним из видных «миротворцев» 30-х годов лордом Лотнианом, была напечатана статья без подписи «Пересмотренное умиротворение», автор которой обрушился на критиков Чемберлена, начиная от Нэмира и кончая Черчиллем. Всех их он называет ревизионистами. «Политика, на которой остановился Чемберлен, была, по всей видимости, единственно возможной в обстановке 1937—1938 годов»⁵⁸, — делает вывод «Раунд тэйбл».

Наряду с направлением, которое ставит своей задачей реабилитацию Чемберлена и его сторонников, в английской историографии кануна второй мировой войны появилось и постепенно окрепло другое. Его представители стремятся критически осмыслить действия «миротворцев», показать мотивы их политики. Они выступают против версии о том, что стремление английского народа не допустить войны «не позволяло Чемберлену действо-

вать иначе», опровергают тех, кто считает, что «умиротворение» как политика появилось лишь в 1937 году. Вместе с тем их критика далеко не всегда последовательна, а выводы не лишены противоречий.

Хотя полемика по проблеме «умиротворения» началась в Англии еще в 1938 году, по настоящему она развернулась лишь с весны 1939 года, после того как Гитлер разорвал мюнхенское соглашение. Откровенными апологетами «умиротворения» выступали и выступают те, кто прямо или косвенно был связан с правящей верхушкой, ее действиями. Так, известный историк дипломатии, консерватор Г. Никольсон, опубликовавший в конце 1939 года популярную книжку «Почему воюет Англия», одним из первых выдвинул тезис о том, что Чемберлен, проводя свой капитулянтский курс, якобы учитывал «идеи и желания большинства, возможно даже преобладающего большинства общественного мнения»⁵⁹.

Усердно отстаивал принципы «умиротворения» один из проводников этой политики Н. Гендерсон, занимавший в 1937—1939 годах пост посла в Берлине. Как отмечал Гендерсон на первых страницах своей тенденциозной книги «Провал миссии», его стремление завоевать «доверие и даже симпатию» нацистских лидеров, чтобы прийти к «взаимопониманию» между Англией и Германией, полностью совпадало с желанием Чемберлена и его предшественника на посту премьера С. Болдуина⁶⁰.

Своеобразную оценку «умиротворению» дал биограф Идена и Галифакса А. Джонсон. Вопреки фактам, он отрицал, что «умиротворение» основывалось на «какой-либо идее капитуляции» перед фашизмом. «...Это была, — утверждал Джонсон в 1941 году, — с самого начала искренняя попытка сохранить демократический образ жизни и мышления без интенсивных всеобщих вооружений и идеологического экстремизма...». О том, что «умиротворение» — политика вынужденная, альтернативы которой не было, что единственная цель Чемберлена заключалась в сохранении мира, что никаких антисоветских планов правящие круги Англии якобы не имели, писали многочисленные представители исторической науки Англии и государственные деятели⁶¹.

В начале 60-х годов оригинальную точку зрения на природу «умиротворения» выдвинули представители критического направления М. Гилберт и Р. Готт. «Умиротворение было складом ума... Оно было тесно связано

с христианскими идеалами доброты и всепрощения... Оно видело возможность европейского мира и процветания, возникающую из англо-германского сотрудничества. Умиротворение выросло как из симпатий, так и из страха». Анतिकоммунизм никогда не лежал в основе «умиротворения», утверждают они⁶². Выступив в целом с правильных позиций, английские историки в своей попытке рассмотреть «умиротворение» с разных сторон и дать его законченный портрет явно идеализируют его корни.

В конце 30-х годов некоторые публицисты и историки, стремясь понять подлинные мотивы «умиротворения», отказались от отождествления его с личностью Чемберлена и попытались рассмотреть вопрос исторически. На основе анализа событий первой половины 30-х годов Э. Карр пришел к выводу, что решительный поворот к «умиротворению» фашистских агрессоров произошел в Англии еще в 1935 году, что с этого времени правительство Болдуина проводило скорее классовую, чем национальную политику⁶³. Однако ни в этой, ни в других работах Карр ничего не говорит о целях, которые преследовали правящие круги Великобритании, прибегая к «умиротворению» фашистских держав.

Решительно отвергает официальный тезис о времени возникновения «умиротворения» английский дипломат лорд Р. Ванситтарт. В книге «Уроки моей жизни», изданной в 1944 году, он писал: «Невилль Чемберлен, конечно, не был изобретателем умиротворения; трагедия заключалась в том, что он считал его возможным»⁶⁴. Возникновение капитулянтской политики Р. Ванситтарт, как и Карр, относит к 1935 году.

Серьезный анализ политики Великобритании в Европе с начала 30-х годов и вплоть до начала второй мировой войны в книге «Мюнхен. Пролог к трагедии» сделал Дж. Уилер-Беннет. Обобщив большой фактический материал, он показал, что курс на «умиротворение» фашистских агрессоров был взят Уайтхоллом не в 1937 или 1935 году, а еще раньше — в 1933 году, когда фашизм захватил власть в Германии. Пожалуй, первым среди буржуазных историков Англии Уилер-Беннет поставил вопрос об ответственности тех, кто проводил его в жизнь. «Так как политика умиротворения Германии начала проводиться с момента учреждения третьей империи, — подытоживает он свои рассуждения, — то ответственность за нее должна быть возложена на пред-

шественников Чемберлена и Галифакса». И автор здесь же называет их по именам: премьер-министры Р. Макдональд (1931—1935 гг.) и С. Болдуин (1935—1937 гг.), министры иностранных дел Дж. Саймон и А. Иден⁶⁵. Хотя книга Уилера-Беннета не лишена противоречий и ошибок, она стала серьезным обвинением «миротворцев».

К сходным выводам приходит и другой буржуазный автор — А. Роуз. Зарождение политики «умиротворения» он также относит к 1933 году, а его первые крупные акты на международной арене к 1935 году, когда правительство Болдуина заключило морское соглашение с Германией и выдвинуло лицемерное предложение о санкциях в защиту Эфиопии. Заслугой Роуза является то, что он одним из первых среди буржуазных авторов не только разоблачил закулисную деятельность «миротворцев», но и показал, какое огромное влияние оказывали на них монополистические круги, особенно «кливденская группа» во главе с миллионерами Асторами. Так, он сообщает, что Макдональд и Болдуин прежде, чем сформировать правительство, обсуждали кандидатуры министров с издателем «Таймс» Джоффри Даусоном — деятелем «более могущественным, чем любой из них». В свою очередь, Даусон во многом зависел от Асторов. А. Роуз в какой-то мере ответил на вопрос историка Х. Тревор-Рупера о том, какие социальные группы английского общества поддерживали «миротворцев»⁶⁶.

Конкретную дату рождения «умиротворения» называют М. Гилберт и Р. Готт. Первая глава их книги «Миротворцы» названа «Рождение умиротворения: 1933». Гилберт и Готт также подчеркивают особую роль, которую сыграла группировка кливденцев в возникновении «умиротворения». В 1935—1937 годах ведущие члены «кливденской группы» — лорд Лотинан, Т. Джонс и примыкавший к ним философ и историк А. Тойнби — выезжали с визитами к Гитлеру, причем первый — дважды. Из бесед в Берлине они вынесли впечатление, что англо-германское взаимопонимание и даже сотрудничество вполне возможны, а Гитлер «искренен в своем желании мира в Европе и дружбы с Англией». Эти визиты оказали прямое влияние на всю последующую деятельность «кливденцев» и правительств Макдональда — Болдуина. В отличие от многих буржуазных авторов, Гилберт и Готт не скрывают, что Н. Чемберлен с большой подозрительностью относился к Советскому государству, что влияло

на всю его политику. «Желание Чемберлена обеспечить дружбу с Германией, — пишут они, — отражало его постоянное недоверие к России... Его политика не была новой. Новшество Чемберлена заключалось в том, что он ввел ноту эффективности в болдуиновскую политику дрейфа»⁶⁷.

С тем, что правительство Болдуина, «умиротворяя» Германию, действовало чуть ли не бессознательно, согласиться, конечно, нельзя. Однако вывод о том, что политика Чемберлена «не была новой», правилен.

К периоду 1933—1935 годов относит зарождение «умиротворения» и Колвин⁶⁸.

Как видно из приведенных примеров, часть буржуазных историков Англии выступает за пересмотр обветшавшей официозной версии о возникновении «умиротворения». Английские и германские дипломатические документы, опубликованные в 40—50-х годах, несмотря на тенденциозность их подборки, помогли им обосновать выводы. Главный из них имеет принципиальное значение: «умиротворение» как политический курс, направленный на удовлетворение агрессивных appetитов германского фашизма, возникло в 1933 году, сразу же после прихода Гитлера к власти. Но что лежало в его основе? Конечно, никак нельзя согласиться с теми буржуазными исследователями, которые утверждают, будто никаких подспудных мотивов, кроме сохранения европейского мира, Макдональд, Болдуин и особенно Чемберлен, как и «миротворцы» в целом, не имели. Но чем же тогда они руководствовались? Какие тайные помыслы и надежды вынашивали те, кто сознательно способствовал развитию агрессивных планов Гитлера?

Большинство историков и публицистов, обеляя неблагоприятную деятельность руководителей Англии, даже не упоминают о тех антисоветских настроениях, которые господствовали в 1933—1939 годах среди ее правящих кругов. Хор, Саймон, Галифакс, занимавшие в разные годы посты министров иностранных дел и, конечно, прекрасно знавшие подноготную «умиротворения», в своих воспоминаниях также умалчивают об этом. Но можно ли путем замалчивания исторических фактов скрыть правду? Конечно, нет. «Адвокаты кооперации с Германией или просто нейтралитета в европейских делах были бы более честны, если бы признали, что, боясь и ненавидя Россию, они были готовы предоставить Германии господ-

ство на континенте от Пиренеев до Украины»⁶⁹, — писал А. Тейлор, указывая на то главное, что тщательно скрывается «миротворцами» и их апологетами.

Антисоветские помыслы во многом определяли действия правящих кругов Англии. Многочисленные заявления Гитлера и других главарей фашизма о том, что они спасли Европу от «большевистской революции», что Германия является «плотиной против коммунизма», которую следует поддержать, находили благоприятную почву за Ла-Маншем. Начиная с 1936 года хвалебные высказывания о Гитлере и его деятельности стали все чаще и чаще появляться на страницах английских изданий. «Несомненно, Гитлер, — писал, например, М. Кэмпбелл, — спас Германию от полной большевизации и за это заслужил чистосердечное спасибо цивилизованного мира»⁷⁰.

Уже тогда некоторые публицисты и общественные деятели обращали внимание на классовый характер политики «умиротворения». Так, прогрессивный публицист, лауреат Нобелевской премии мира 1933 года Н. Энджелл выступил с острыми памфлетами против «умиротворения». В одном из них, названном «Мир с диктаторами?» (1938 г.), он заявил, что отказ Англии от сотрудничества с СССР объясняется «неистойвой ненавистью», которую ее влиятельные круги питают к Советской власти. «Нежелание консерваторов в недавнем прошлом достичь максимума в сотрудничестве с Россией было обусловлено их страхом перед большевизмом», — писал он в другой работе, опубликованной вскоре после начала войны. «Правительство и Сити, — подчеркивал в начале 1939 года Зиллиакус, — поддерживали нацистскую Германию и помогали ей перевооружиться, потому что они считали нацизм „плотиной против большевизма в Европе“»⁷¹.

Глубокий вывод, вскрывающий тайные желания «миротворцев» (от Макдональда до Чемберлена), сделал в небольшой, но весьма интересной брошюре-памфлете В. Голланц. В предвоенные годы он был известен не только как прогрессивный издатель, но и как активный антифашист, неоднократно призывавший Запад к сотрудничеству с СССР. В памфлете «Спасает ли Чемберлен мир?», написанном в марте 1939 года, сразу же после расчленения Гитлером Чехословакии, Голланц выступил против заявлений «миротворцев» о том, что они руководствуются «стремлением к миру». В глубине души у Чем-

берлена, замечал он, лежит что-то «более сильное, чем его любовь к миру, и это что-то — ненависть к социализму и социальному прогрессу, которая определяет все, что он и его класс — класс богатых предпринимателей — делает». Переходя от частного к общему, Голланц делал следующий вывод: за «умиротворением» и, конечно, за политикой «национального правительства», со времени прихода Гитлера к власти, несомненно, скрывается один постоянный принцип — стремление «направить» нацистскую агрессию с Запада на Советский Союз⁷².

Приведенные примеры говорят о том, что прогрессивные публицисты уже в 1938—1939 годах показали классовую основу политики «умиротворения», определявшуюся антисоветскими планами правящих кругов Англии.

В послевоенные годы крупный буржуазный историк Дж. Уилер-Беннет, представители критического направления К. Инграм, А. Тейлор, А. Роуз, М. Гилберт и Р. Готт, Я. Колвин, бывшие государственные деятели Д. Купер и А. Иден (одни прямо, другие с теми или иными оговорками) были вынуждены признать, что антикоммунизм является одним из главных факторов, определявших внешнеполитический курс Англии в 1936—1939 годах⁷³. И это, конечно, подрывает позиции тех, кто, продолжая отстаивать ложную версию, твердит, что никаких иных мотивов, кроме стремления предотвратить войну и сохранить мир, у «миротворцев» не было.

Несмотря на то что апологеты «умиротворения» прибегают к различным приемам, пытаясь скрыть подлинные цели, лежавшие в основе капитулянтской политики 1933—1939 годов, оправдать деятельность «миротворцев», их усилия не дают ожидаемых результатов. Из среды английских историков, работающих над проблемами предвоенного периода, выросло критическое направление. Его представители не только стремятся к объективному освещению фактов истории, но и, что не менее важно, учитывают некоторые ее уроки.

Глава 2

Аншлюс Австрии. Судетский кризис и мюнхенский сговор

Н. Чемберлен, А. Иден и аншлюс Австрии. Период 1937—1938 годов являлся кульминационным и в развитии политики «умиротворения». В эти годы были ликвидированы последние остатки версальской системы в Европе, разрушены военные союзы Франции с государствами «малой Антанты», окончательно обесценено значение франко-советского договора о взаимопомощи 1935 года.

Аншлюс Австрии и расчленение Чехословакии фашистской Германией, ставшие возможными в условиях «умиротворения», при руководящей роли в нем английского империализма, политика изоляции Советского Союза открыли дорогу Гитлеру ко второй мировой войне.

Все эти события нельзя понять без учета одного определяющего фактора — антисоветской основы политики «умиротворения», основы, которая наиболее полно проявлялась именно в 1937—1938 годах. Об этом, приводя многочисленные факты, не раз заявляли в своих работах советские историки¹.

Событиям 1937—1938 годов, политике Н. Чемберлена английская буржуазная историография уделяет большое внимание. Ее представителями написаны сотни исследовательских и популярных работ.

Однако это отнюдь не означает, что решены уже все проблемы. Реакционные историки по-прежнему прилага-

ют усилия, чтобы оправдать внешнеполитический курс 1937—1938 годов. Правда, иногда они вынуждены признать, что он оказался «фатальной ошибкой», «заблуждением», но всегда отрицают антисоветские мотивы, лежавшие в его основе. Поэтому перед прогрессивными историками, представителями критического направления стоит задача полного разоблачения апологетов «умиротворения», их концепций и выводов.

С приходом Н. Чемберлена на Даунинг-стрит, 10 (май 1937 г.) политика «умиротворения», заложенная его предшественниками — Р. Макдональдом и С. Болдуином, приобрела осязаемые черты. Основной целью Чемберлена являлось «умиротворение» фашистских диктаторов в расчете на установление «западной безопасности»², вспоминает И. М. Майский.

Соглашение с Германией и Италией, отмечал Дж. Уилер-Беннет в работе «Король Георг VI», изданной в 1958 году, должно было предотвратить раскол Европы, конечно Европы капиталистической, «на два лагеря». «Главная цель Чемберлена в проведении им своей политики, — подчеркивал далее автор, — состояла в том, чтобы достичь общего решения в Европе посредством взаимных уступок и заключения соглашения четырех держав: Великобритании, Франции, Германии и Италии...». «Сближение с Муссолини он (Чемберлен.— Г. Р.) хотел начать с признания итальянского захвата Абиссинии как прелюдии к общему урегулированию расхождений. Гитлеру он был готов предложить колониальные уступки»³, — отмечает У. Черчилль.

И Чемберлен сразу пошел по этому пути. При этом он действовал в обход Форин оффиса, А. Идена. Прямую связь с дуче премьер установил, как сообщает С. Хор, через свою сводную сестру, проживавшую осенью 1937 года в Риме⁴. Контакт с Гитлером был достигнут, когда в ноябре того же года на «лисью охоту» в Германию был приглашен лорд Галифакс. Все это не могло не привести к возникновению трений между премьером и министром иностранных дел. Однако впоследствии, вероятно исходя из чувства партийной солидарности, А. Иден выступил в оправдание этих беспрецедентных для английской дипломатии действий. В воспоминаниях, опубликованных в 1962 году, он писал: «Я думаю, что он (Чемберлен.— Г. Р.) считал Форин оффис несправедливым и враждебным по отношению к гитлеровской Германии, а его ме-

тоды слишком медленными для нашего времени. Он надеялся на лучший результат через личные контакты»⁵.

Устами Галифакса правительство Англии фактически дало согласие на все требования фашистской Германии. Оно не выдвинуло возражений не только против захвата Австрии, части Чехословакии и Данцига, но и пошло на уступки в колониальном вопросе, согласившись рассматривать его как «часть общего урегулирования». Взамен же Англия не получила ничего. Гитлер даже отказался начать англо-германские переговоры, которых так добивался Чемберлен. Не удивительно, что впоследствии не только А. Иден, но и С. Хор расценили итоги визита Галифакса как явную неудачу. Резко отрицательно отзывается и А. Тейлор. «Галифакс, — отмечал он в книге «Происхождение второй мировой войны», — сказал все, что Гитлер хотел услышать. Он назвал нацистскую Германию „плотиной Европы против большевизма“»⁶.

Однако далеко не все буржуазные историки согласны с этим мнением. Возьмем хотя бы биографа Чемберлена К. Фейлинг, выступавшую с позиций безусловной реабилитации «миротворцев». «Чемберлен был чрезвычайно доволен, что Галифакс установил контакт с Гитлером»⁷, — отмечает и Л. Брод.

Беспрецедентная капитуляция Чемберлена и Галифакса лишь укрепила решимость Гитлера осуществить планы агрессии против Австрии и Чехословакии. В этой связи нельзя не вспомнить о странном на первый взгляд совпадении. 5 ноября 1937 г. на строго секретном совещании высших фашистских сановников, проходившем под руководством Гитлера, был рассмотрен вопрос о возможных действиях Германии, направленных не только против Австрии и Чехословакии, но и против западных держав, в частности Франции. Закрывая его, фюрер заявил, что время начала действий может наступить значительно раньше, чем считали еще совсем недавно. А через две недели Галифакс, беседуя с Гитлером, раскрыл ему все карты.

В 1948 году на эту странную взаимосвязь обратил внимание Х. Тревор-Рупер. А в 1952 году Нэмир, анализируя протокол секретного совещания на фоне событий осени 1937 года, сделал весьма важный вывод. «Будущее было предопределено в ноябре 1937 года, — писал он. — Через две недели после секретной конференции у Гитлера, которая означала «переход к планированию

агрессии», английское правительство сообщило ему о своей готовности согласиться с изменением территориального статус-кво в Центральной Европе... В этом же месяце руководящие французские министры заявили немцам, что Франция была бы готова изучить возможность переориентации своей политики в Центральной Европе и «урегулирования франко-германских интересов», из чего последние правильно заключили, что Франция встревожена «растущей опасностью, развивающейся в Центральной Европе», и хочет уменьшить риск, которому подвергается в этом районе через свой союз»⁸.

Вторая часть высказывания Нэмира становится понятной, если учесть, что 29—30 ноября 1937 г., через несколько дней после возвращения Галифакса из поездки, в Лондоне состоялось совещание с участием Чемберлена, Галифакса, Идена, французского премьера Шотана и министра иностранных дел Дельбоса. Руководители французского правительства, заслушав сообщение Галифакса с беседы с Гитлером, присоединились к точке зрения английских «миротворцев», а 2 декабря 1937 г. Иден информировал Риббентропа о результатах англо-французских переговоров. На это указывает в своей работе Колвин⁹.

Несмотря на то что вывод Нэмира имел принципиальное значение для понимания дальнейшего хода событий, английские историки не обратили на него должного внимания. Только А. Тейлор через девять лет напомнил о значении решений 5 ноября 1937 г., а еще через два года Робертсон назвал их «поворотным моментом» в довоенной политике Гитлера, ибо они «совершенно ясно» указывали, что после захвата Австрии и разгрома Чехословакии Гитлер пойдет не на Восток, а на Запад¹⁰.

Еще раз подчеркнул важность этих событий Колвин. В книге «Ванситтарт в министерстве» он обращает внимание на слова Гитлера, который 5 ноября 1937 г. заверил своих сановников, что Англия и Франция «уже втайне списали чехов со счета». На возражения генералов и Нейрата Гитлер повторил, что уверен в том, что Англия не будет участвовать в конфликте в Центральной Европе¹¹.

Чем руководствовался Гитлер, высказываясь так определенно? Только ли интуицией, о которой так много пишут буржуазные авторы? Вряд ли это так. Его уверенность основывалась на более серьезных вещах: как на

сообщениях германского посольства из Лондона, так и на оценке всего внешнеполитического курса Англии. Через несколько дней Галифакс лично подтвердил этот вывод.

Колвин обращает внимание и на встречу Риббентропа с Муссолини, состоявшуюся также в ноябре 1937 года, на которой итальянский диктатор окончательно отказался от каких-либо претензий на Австрию, признав ее «германским государством № 2». «Таким образом, — подводит итоги Колвин, — в ноябре 1937 года Гитлер получил как от Италии, так и от Англии определенные заверения в незаинтересованности конечной судьбой Австрии»¹².

Однако большинство английских историков игнорируют эти факты. Одно из замечаний Робертсона помогает понять причину. Многие буржуазные авторы, отмечает он, поступали так в предвоенные годы, когда в Англии «подчеркивалась антисоветская направленность „Майн кампф“»¹³. Полностью восприняв гитлеровскую теорию о фашистской Германии — «бастионе против большевизма», правящие круги Англии закрывали глаза на подготовку агрессии как против малых европейских стран, так и против самих западных держав.

В январе 1938 года произошли события, обострившие и без того ненормальные отношения между Чемберленом и Иденом. 11 января Ф. Рузвельт направил английскому премьеру предложения об участии США в реорганизации версальской системы. Вашингтон предусматривал, в частности, выработку новых основ отношений между государствами, эффективных мер по сокращению вооружений, средств защиты «экономической безопасности» и процветания «всех народов» на основе американского принципа «равных возможностей» и т. д. Это был американский вариант мюнхенской политики. И Чемберлен расценил американские предложения как посягательство на особую роль Англии в переговорах с Германией и Италией.

В отсутствие Идена, отдыхавшего в январе 1938 года на французской Ривьере, английский премьер отклонил предложение Вашингтона.

Мнение многих английских историков сводится к тому, что, несмотря на общий и «идеалистический характер» предложений Рузвельта, отклонять их не следовало¹⁴.

Вернувшись в Лондон, Иден стал добиваться изменения этой позиции. «...Я сказал,— писал он впоследствии, излагая содержание разговора с премьером,— что согласен с рузвельтовской оценкой европейской ситуации и что я не разделяю оптимизма в отношении наших дискуссий с диктаторами... Моя точка зрения была такова: мы должны действовать параллельно, делая все возможное, чтобы улучшить англо-американские отношения и одновременно подготовить дискуссию с Германией и Италией. Вся моя интуиция была против того, чтобы в настоящее время признать захват Абиссинии де-юре»¹⁵.

Высказывания Идена дают понять, почему и в чем он расходился с премьером. Метод Чемберлена состоял в том, чтобы идти напролом, путем уступок добиваясь расположения Гитлера и Муссолини. Иден не был против конечной цели, но считал, что, стремясь к ней, следует кое-что выторговать для Англии. Это подтверждает, в частности, памятная записка, составленная Иденом, после того как правительство все же приняло решение о переговорах с Италией. В ней он подчеркивал, что считает возможным вести их на следующей основе: юридическое признание захвата Абиссинии в обмен за выполнение Римом «джентльменского соглашения», заключенного ранее, о выводе части итальянских «добровольцев» из Испании¹⁶.

Между тем в январе 1938 года в Лондон стали поступать сообщения о том, что Гитлер намерен в ближайшие два-три месяца захватить Австрию. Об этом, в частности, рассказал приехавший из Берлина Н. Гендерсон. Правительство фактически не возражало, поручив Гендерсону встретиться с Гитлером и обсудить «возможность общего решения»¹⁷.

На основе ряда данных, в том числе агентурных, Форин оффис пришел к правильному выводу, что Муссолини поддержит гитлеровский план аншлюса Австрии. «Поэтому,— объяснял впоследствии Иден,— я все больше и больше склонялся к тому, чтобы не открывать совещаний в Риме. Было бы унижением для нас вести переговоры, когда Гитлер войдет в Вену, в то время как Муссолини усилит свои войска в Испании и будет настаивать на признании его абиссинской империи». В этой обстановке Чемберлен не только установил секретные контакты с итальянским послом в Лондоне Гранди, в обход Идена, но и открыто поддержал Гранди против своего

министра во время их общей беседы 18 февраля 1938 г.¹⁸ 20 февраля, после того как кабинет дважды высказался за начало переговоров в Риме, Иден подал заявление об отставке.

В своих мемуарах он не раз подчеркивает принципиальный характер своих разногласий с Чемберленом. Однако в это трудно поверить. С. Хор, хорошо знавший обстоятельства дела, указывает, что разногласия Идена с Чемберленом возникли лишь из-за срока переговоров с Италией. Эту же точку зрения разделяет и Черчилль. «...Иден подал заявление об отставке из-за решения (правительства. — *Г. Р.*) вести переговоры с Италией в данное время и при данных обстоятельствах»¹⁹, — объяснял он причину отставки.

Английские историки в своем большинстве согласны с этими выводами. Расхождения между Иденом и Чемберленом, писал в 1944 году У. Хэдли, «касались больше методов, чем целей». Это мнение поддержал и П. Рейнольдс. Совершенно категорично пишет о причинах отставки Тейлор. «Чемберлен был готов заключить это соглашение по принципу: признание Абиссинии за вывод итальянских войск из Испании; Иден возражал... С его стороны не было предложено каких-либо действий: ни прекращения итальянских поставок в Испанию, ни тем более контрвмешательства на стороне испанских республиканцев. Спор шел лишь из-за того, будет или нет принята частная формула»²⁰.

Большой интерес представляет попытка К. Зиллиакуса объяснить мотивы конфликта, возникшего между премьером и министром иностранных дел. «Имеются два момента, — писал он в памфлете «Между двумя войнами?», опубликованном весной 1939 года, — которые необходимо отметить, говоря об этой отставке: первое, что, хотя м-р Иден ушел из правительства, он остается лояльным членом консервативной партии. Он не присоединился и никогда не присоединится к левым... Второе — м-р Иден подал в отставку не из-за принципа, не на основе разногласий между политикой Лиги и Чемберлена... Расхождения... (между Иденом и Чемберленом. — *Г. Р.*) связаны с различными аспектами интересов правящего класса»²¹.

К. Зиллиакус, безусловно, прав, подчеркивая, что и Иден и Чемберлен представляли интересы одного и того же класса. Иден в своей политике следовал по той же

столбовой дороге «умиротворения», что и Чемберлен. С него нельзя снять ответственности ни за март 1936 года, ни за политику «невмешательства» в Испании, ни за бездеятельность Англии в период подготовки Гитлера к аншлюсу Австрии. Мемуары Идена лишь подтверждают этот вывод.

Любопытную оценку роли Идена еще до выхода в свет его воспоминаний дал Л. Эмери. «Антони Иден, — писал он, — был назначен министром иностранных дел, для того чтобы показать преданность Болдуина идее коллективной безопасности и нежелание идти на компромисс с Муссолини в вопросе об Эфиопии. Эта политика привела к плачевным результатам. Но тот факт, что Иден остался на своем посту, ясно показывал, что в принципе мы от этой политики не отказались»²².

Отставка Идена не повлияла на политику Чемберлена. 21 февраля 1938 г. он откровенно заявил итальянскому послу, что считает Австрию потерянной, а новый министр иностранных дел — Э. Галифакс — сразу же начал переговоры с Римом²³.

Зная, что Гитлер в начале марта 1938 года готовит аншлюс Австрии, Чемберлен и Галифакс ничего не сделали, чтобы его остановить. Беседа 10 марта с Риббентропом, подчеркивает Робертсон, Галифакс «не сделал каких-либо замечаний» о серьезности обстановки в Австрии. Нацистский посол мог с полным правом сообщить в Берлин: «Создается впечатление, что Чемберлен и Галифакс хотят добиться мирного взаимопонимания среди четырех великих держав Европы без Советского Союза»²⁴.

Учитывая, что это говорилось буквально накануне вступления гитлеровских войск в Австрию, трудно отделаться от мысли, что Галифакс и Чемберлен не только давали понять, что Англия не будет возражать против аншлюса, но и поощряли Гитлера на него. Однако, приводя эти заявления, Робертсон даже не пытается дать им должную оценку: яркий пример непоследовательности, столь характерной для многих буржуазных исследователей.

Отставка Идена и аншлюс Австрии, нередко рассматриваемые в тесной связи, по разному оцениваются английской историографией. «Ударом по политике умиротворения» назвал в 1941 году аншлюс Австрии биограф У. Черчилля Л. Брод. Отставка Идена, отмечал Уилер-

Беннет, «шокировала английский народ» и вместе с захватом Австрии «стала первым крупным ударом по народному доверию, которым до тех пор пользовался Чемберлен». «Отставка Идена, — писал А. Джонсон, — была ударом, от которого национальное правительство никогда на деле не оправилось». Другие, вольно или невольно оправдывая «миротворцев», заявляют, что Англия во время аншлюса «ничего не могла сделать», что у Чемберлена «не было альтернативы»²⁵.

Другой тактики придерживаются те, кто сам проводил в жизнь «умиротворение» или был причастен к нему. С целью оправдания действий или, вернее, бездействия правительства махровый «миротворец» С. Хор, например, выдвигает аргумент о том, что английский и французский народы «не были готовы идти на войну», чтобы защитить независимость Австрии. И только Г. Тинт указывает на социальный смысл позиции Лондона в марте 1938 года. Большинство «правых» в Англии, как и во Франции, подчеркивает он, считали необходимым «умиротворить нацистский оплот против коммунизма»²⁶.

Нельзя не сказать о странной точке зрения А. Тейлора на происхождение аншлюса. «Вскоре распространилось мнение, что гитлеровский захват Австрии является результатом преднамеренного заговора, подготовленного заранее, первым шагом к господству в Европе», — писал он в книге «Происхождение второй мировой войны» о тех историках и публицистах, которые справедливо отмечали, что Гитлер еще до марта 1938 года стал готовиться к аншлюсу. «Это мнение — не что иное, как миф. Кризис в марте 1938 года был спровоцирован Шушнигом, а не Гитлером. Германия не готовилась к нему ни в политическом, ни в военном отношении»²⁷, — утверждает Тейлор.

Мемуары Идена, документальные свидетельства Робертсона не оставляют от версии Тейлора буквально камня на камне. Трудно понять, почему Тейлор почти через десять лет после опубликования английских и немецких документов, относящихся к 1937—1938 годам и свидетельствующих о тщательной подготовке фашистской Германии к аншлюсу, допустил такую грубую ошибку. Но каковы бы ни были ее причины, он, несомненно, сыграл на руку тем кругам западногерманской и мировой реакции, которые ныне стремятся к реабилитации Гитлера и его политики.

Апология мюнхенской политики. Аргументы «за». Судетский кризис и последовавшее за ним мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, заключенное Англией, Францией, Германией и Италией 30 сентября 1938 г., сыграли особую роль в международных отношениях кануна второй мировой войны. Мюнхен стал последним крупным рубежом на пути к мировой войне. Мюнхенское соглашение и его быстрый крах разоблачили перед всем миром реакционный характер политики «умиротворения», полную несостоятельность идей «миротворцев».

Проблемы мюнхенской политики не случайно оказались в центре внимания как публицистов и историков, так и политических деятелей Англии. В них как в фокусе преломилась антисоветская направленность всей политики «умиротворения», начиная с ее возникновения. Отсюда стремление многих буржуазных исследователей извратить смысл событий, замаскировать враждебный СССР характер действий западных держав, особенно Англии.

Одной из задач советских историков, работающих над проблемами международных отношений предвоенных лет, является задача разоблачения многочисленных извращений и фальсификаций предыстории Мюнхена, фальсификаций, имеющих во многих случаях антисоветскую основу. «Это тем более важно, — подчеркивает академик И. М. Майский, — что западная дипломатия, западные политики, историки и публицисты в послевоенные годы приложили немалые усилия к сокрытию действительной истины о Мюнхене и к созданию различных фальсификаций о нем в надежде если не вполне обелить себя за тяжелые грехи 1938 года, то, по крайней мере, найти какие-либо „смягчающие вину обстоятельства“»²⁸. Это важно потому, что с попытками реабилитации Мюнхена продолжают выступать как реакционные историки, так и реваншистская пропаганда ФРГ.

Мюнхен, по мысли правящих кругов Англии и Франции, должен был стать поворотным пунктом в объединении капиталистической Европы против социалистического государства. Но он не стал им. «Золотой век» «умиротворения» оказался коротким и закончился провалом. Это обстоятельство не могло не вызвать разногласий при оценке как действий Чемберлена в судетском кризисе, так и самого мюнхенского соглашения.

Дискуссия по вопросу о роли Англии в подготовке Мюнхена, о том, был он неизбежен или нет, началась еще

весной 1939 года, сразу после событий 15 марта. В ходе нее оформились две основные группировки. В первую из них входят историки и публицисты, критикующие мюнхенскую политику и ее творцов. Многие из них не без оснований отмечают, что мюнхенское соглашение не только приблизило войну, но и сделало ее неизбежной. В другую — сторонники и прямые апологеты «миротворцев», стремящиеся, вопреки фактам, «доказать» правоту чемберленовцев, во что бы то ни стало обелить их действия. Если в первой группировке основу составляют прогрессивные историки и публицисты, то во второй находятся те, кто связан партийной и классовой солидарностью, ослеплен ненавистью к коммунизму или сам находился в 1937—1939 годах среди «миротворцев» (К. Фейлинг, Я. Маклеод, Н. Гендерсон, С. Хор, Э. Галифакс и др.).

Характерной чертой дискуссии стала борьба вокруг аргументов «за» и «против» Мюнхена. Почти все доводы в защиту мюнхенской политики были выдвинуты правительственными кругами Англии еще в 1938—1939 годах, а затем подхвачены и широко распространены буржуазной прессой. Таково, например, происхождение версии, согласно которой условия мюнхенского соглашения были более благоприятны для Чехословакии, чем ультимативные требования, предъявленные Чемберлену в Бад-Годесберге 22 сентября 1938 г., во время его второй встречи с Гитлером. Следовательно, Мюнхен, делают вывод его сторонники, был определенным достижением. Эта версия была выдвинута Чемберленом 3 октября 1938 г. во время дебатов по итогам мюнхенского соглашения в палате общин. Одним из первых в 1940 году ее подхватил известный ныне буржуазный исследователь У. Медликот, а наиболее полное воплощение она нашла, пожалуй, 21 год спустя в книге «Невилль Чемберлен» Я. Маклеода²⁹.

Другой не менее распространенный довод апологетов «умиротворения» заключается в том, что мюнхенское соглашение, «предотвратив войну», позволило Англии и Франции «выиграть год», необходимый для укрепления обороны. Источник его все тот же — правительственные круги и те, кто стоял за ними. Ссылки на неподготовленность Англии к войне могли лучше всего воздействовать на публику. И «миротворцы» пустили их в ход. Из дневников Т. Джонса видно, что вопрос о том, как лучше использовать этот аргумент для оправдания сговора с Гитлером, весьма волновал его в сентябрьские дни 1938 года.

Тезис о «слабости английской обороны», столь удобный для сторонников Мюнхена, занял видное место на страницах многих изданий. Об этом пишут Н. Гендерсон и историк Дж. Гуч. Почти в одинаковых выражениях ссылаются на военную слабость Англии в 1938 году лейборист М. Фут и консервативный деятель С. Хор. Поистине титанические усилия прилагает консерватор Я. Маклеод, чтобы доказать слабость Англии в 1938 году и значительный рост ее вооружений в 1939 году³⁰.

Маклеод, отмечал А. Тейлор, неоднократно повторяет два положения: 1) Гитлер «был жаден», и война, следовательно, оказалась неизбежной и 2) Чемберлен, зная о недостаточности английских вооружений, хотел лишь выиграть время. «Оба пункта, — подчеркивает Тейлор, — стали настолько распространенной догмой, что любая попытка поставить их под вопрос или даже беспристрастно исследовать встречается не аргументами, а криками оскорблений и гнева»³¹.

Несколько по-иному поступают другие адвокаты Мюнхена. Так, Хэдли, отметив, что сентябрьский кризис 1938 года возник «непосредственно из-за английской и французской неподготовленности», делает попытку переложить вину на Францию. Целый раздел его сравнительно небольшой работы назван: «Французская неподготовленность». В результате может возникнуть ложное впечатление, что именно нежелание Франции идти на войну из-за Чехословакии оказало решающее влияние на Чемберлена, которому ничего не оставалось, как сесть в самолет и вылететь на поклон к Гитлеру. О внутренней борьбе во Франции, о ее неспособности сражаться пишут Г. Батлер и А. Джонсон, К. Фейлинг и Б. Кольер³². В то же время замалчивается тот факт, что именно Англия играла первую скрипку в союзном дуэте, что капитуляция французских правящих кругов накануне Мюнхена во многом определялась действиями Лондона.

Видное место среди доводов, к которым прибегают сторонники Мюнхена, занимают ссылки на «общественное мнение», настроения английского народа. Так, историк дипломатии Г. Никольсон в популярной книжке «Почему воюет Англия» утверждал, что Чемберлен, идя на уступки Гитлеру за счет Чехословакии, отражал «идеи и желания подавляющего большинства общественного мнения». «В течение всех трех недель переговоров (с Гитлером в сентябре 1938 г. — Г. Р.), — уверяет С. Хор, —

Чемберлена преследовал кошмар тех личных трагедий, которые война и бесконтрольная военная оккупация (Чехословакии. — Г. Р.) принесли многим простым людям». «Политика Чемберлена как до, так и включая Мюнхен полностью одобрялась большинством его соотечественников», — писал в 1944 году У. Хэдли. Несколько позже на это сослался Дж. Геторн-Харди. О нежелании английского народа идти на войну из-за Чехословакии писал и А. Тейлор³³.

Некоторые авторы, очевидно, считая, что одних ссылок на общественное мнение Англии недостаточно, идут гораздо дальше, утверждая, что «миротворцы» отражали интересы не только английского народа, но чуть ли не всего человечества. В 1940 году в книге «Английская внешняя политика после Версаля» У. Медликот писал: «Европейская война с целью сохранить Судетскую область за чехословацким правительством не получила бы поддержки английского и нейтрального общественного мнения; попытка разрешить законные претензии немецкого народа являлась правомочной и оправданной». Еще дальше в своих обобщениях зашел А. Тойнби, утверждавший, что Чемберлен «являлся представителем огромного большинства людей не только в Соединенном Королевстве и заморских доминионах, но и всего мира за пределами Германии, Италии и Японии...»³⁴.

Что скрывается за всеми этими заявлениями? Да и каким образом определялись настроения английского народа, не говоря уже об «огромном большинстве» человечества? Если часть общественности Англии пошла на короткий срок за «мюнхенцами», то главным образом потому, что поверила их лживым заявлениям о необходимости сохранить мир. Она, конечно, не понимала, что за этими фразами кроется не только предательство чехословацкого народа, но и ликвидация европейской безопасности, совершаемая на антисоветской основе.

Защитники Мюнхена используют и другие аргументы, а нередко ссылаются сразу на целый ряд причин. Многие из них подверглись критическому разбору в книге П. Рейнольдса «Британская внешняя политика в межвоенные годы». Ее автор систематизировал аргументы апологетов мюнхенской политики. Кроме рассмотренных Рейнольдс перечисляет следующие: Англия и Франция не могли оказать «эффективной помощи» Чехословакии, а Польша и Румыния отказались пропустить совет-

ские войска; у западных держав не было «моральных основ» для противодействия «самоопределению» судетских немцев; английские доминионы, особенно Южная Африка, Канада и Австралия, не хотели воевать за Чехословакию; у правительства не было уверенности в необходимости «превентивной войны» против Германии; Мюнхен все-таки отодвинул начало войны³⁵.

Следует отметить, что даже у отдельных историков, выступающих с прогрессивных позиций, можно встретить противоречивые высказывания и мнения, объективно льющие воду на мельницу современных апологетов «умиротворения», а также западногерманских реваншистов, стремящихся обелить довоенную политику Гитлера.

Недоумение, например, вызывает статья А. Тейлора «Мюнхен двадцать лет спустя», опубликованная в день 20-й годовщины мюнхенского соглашения. В ней автор выдвигает несколько положений, претендующих на сенсацию. Это, прежде всего, заявление о том, что судетский кризис якобы «был создан в Лондоне, а не в Берлине». Гитлер, пишет Тейлор, не имел определенных планов на 1938 год: захват Австрии был «импровизацией последнего момента», а в «чешскую дверь» он начал заглядывать, только после того как она «уже была приоткрыта» английским правительством³⁶.

С таким «объяснением», конечно, нельзя согласиться. Давно доказано, что планы агрессии против Австрии и Чехословакии стали разрабатываться Берлином еще в 1937 году. Гиперболизируя вину английских «миротворцев», Тейлор приходит к явно абсурдному выводу.

Версия о «неопределенной позиции» СССР. Особое место среди аргументов защитников Мюнхена занимает версия о «неопределенной позиции» СССР в период судетского кризиса. Она сводится к следующему: Советский Союз в период судетского кризиса, и особенно в сентябре 1938 года, «искусно скрывал» свои подлинные намерения; он якобы ничем не подтвердил свою готовность выступить в соответствии с договорами 1935 года в защиту Чехословакии, а следовательно, и не собирался этого делать.

Происхождение версии тесно связано с настроениями, господствовавшими в 1938 году в правительственных кругах Лондона. Об этом, в частности, сообщает Х. Дальтон.

Во время встречи лейбористской делегации 17 сентября 1938 г. с Чемберленом и Галифаксом, рассказывает он, премьер-министр заявил, сославшись на информацию французского министра иностранных дел Ж. Боннэ и мнение генерального штаба Англии, что очень сомневается в возможностях русских «что-либо сделать» для защиты Чехословакии. «Что касается России,— сообщала К. Фейлинг о взглядах английского премьера накануне Мюнхена,— то Чемберлен оставался скептиком. Из консультаций с Литвиновым в Женеве ничего, на чем бы он мог основываться, по его мнению, не было выяснено...»³⁷.

К. Фейлинг пытается создать своеобразное алиби Чемберлену: Советский Союз, мол, ничем не обнаружил своих намерений защищать Чехословакию, и, следовательно, Лондон не мог принимать его в расчет. Но в одном она права. Чемберлен действительно был «скептически» настроен в отношении СССР. И дело тут заключалось не в Советском государстве, которое сразу же определило свою позицию — позицию безусловной защиты Чехословакии,— а в явном нежелании руководящих кругов Великобритании действовать совместно с ним против фашистской агрессии в Европе.

Версия о «неопределенной позиции» СССР была сформулирована английским министром лордом Уинтертоном 11 октября 1938 г. Советский посол в Англии И. М. Майский сразу же заявил протест и передал специальное сообщение в печать. Однако на следующий день лорд повторил свои измышления. Последовало новое и более резкое заявление Майского. В конце концов, отвечая на запрос лейбористов в палате общин, Чемберлен был вынужден дезавуировать высказывания Уинтертона³⁸. Однако они были подхвачены печатью, а затем и буржуазными историками.

Одно из первых в исторической литературе и явно тенденциозное высказывание о роли Советского Союза в судетском кризисе принадлежит Г. Никольсону. «Россия, хотя она и была связана с Чехословакией и Францией, не желала присоединиться к «фронту мира»... Все последующие переговоры СССР игнорировал»,— уверял он в 1939 году, не утруждая себя какими-либо доказательствами. О «неопределенной позиции» СССР, который якобы и «не пытался» найти способ оказания военной помощи Чехословакии, писал в 1943 году Р. Сетон-Уотсон. С этой же фальсификаторской версией еще через год выступил

автор дополнительной главы в обобщающей работе А. Гранта и Г. Темперли «Европа в XIX и XX столетиях» Л. Пенсон³⁹. В последующие годы тезис о «неопределенной позиции Кремля» занял прочное место в работах английских буржуазных авторов, обрастая новыми деталями и подробностями.

Однако защищая ложную концепцию, некоторые буржуазные авторы не могут избежать серьезных противоречий. Так, М. Белов, считающийся специалистом по Советскому Союзу, в работе «Внешняя политика Советской России» приводит факты, свидетельствующие о твердой позиции Москвы в защиту Чехословакии. А через несколько страниц вдруг следует неожиданный вывод: «Если бы Советское правительство намеревалось действовать, оно должно было пойти дальше в раскрытии своей позиции после речи Литвинова 23 сентября (имеется в виду выступление на пленуме Лиги наций в Женеве. — Г. Р.). Также мало вероятно, что оно готовило свой народ к возможности вовлечения в войну...»⁴⁰.

Белов пытается усмотреть какие-то расхождения между позицией Советского правительства и заявлениями наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Что касается выступлений М. М. Литвинова в Лиге наций, из которых следовало, что СССР готов безоговорочно выполнить свои обязательства, то странным является как раз тот факт, что Англия и Франция не сделали из них должных выводов. «Является парадоксальным,— писал по этому поводу У. Черчилль,— что это публичное и безоговорочное заявление одной из великих заинтересованных держав не сыграло своей роли ни в переговорах Чемберлена, ни в поведении Франции»⁴¹.

Нелепые подозрения и выводы характерны и для некоторых других изданий. Наиболее бесцеремонен С. Хор. Грубо извращая смысл действий советского посла в Англии И. М. Майского, он называет его заявления о готовности СССР прийти на помощь Чехословакии «плодом коммунистической пропаганды». С Хор заявляет, конечно бездоказательно, что Советский Союз «не хотел», да и «не мог» помочь Англии и Франции в ее борьбе против Германии. Он, мол, исходя из корыстных соображений, стремился вызвать войну между ними. Не отстает от С. Хора и современный апологет Мюнхена Я. Маклеод. «То, что Россия действительно была готова оказать помощь, всегда являлось сомнительным... Советская полити-

ка, после нападения Германии на Польшу в следующем году, лишь подтвердила этот диагноз»⁴², — утверждает он, фальсифицируя факты.

Если буржуазные авторы, выступающие с антисоветских позиций, не останавливаются перед грубыми передержками и фальсификациями, чтобы бросить тень на Советское государство, то сомнения и двусмысленности можно встретить и у тех, кто в целом стремится к объективному освещению предвоенных событий. Показателен в этом смысле опять-таки А. Тейлор. Рассмотрев политику СССР в судетском кризисе, он восклицает: «Что бы он делал, если бы его попросили (Чехословакия, Англия и Франция. — *Г. Р.*), — это гипотетический вопрос, на который нельзя ответить». Тем не менее это не мешает Тейлору уже на следующей странице и далее приводить выдержки из советских и чехословацких архивных документов, совершенно ясно свидетельствующих, что Советское правительство как в мае, так и в сентябре 1938 года было готово выполнить свои обязательства перед Прагой⁴³. Ясно, что такую позицию Тейлор занял отнюдь не из-за недостатка данных о позиции СССР. Скорей всего это дань лживой антисоветской версии.

Возникает вопрос: есть ли вообще какие-либо основания сомневаться в позиции СССР в период судетского кризиса? Таких оснований, конечно, нет. Начиная с марта 1938 года и до самого заключения мюнхенского соглашения Советское государство предлагало создать единый фронт СССР, Англии и Франции против фашистской агрессии в рамках Лиги наций или вне ее. 15 марта, через несколько дней после аншлюса Австрии, народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с американскими журналистами, а его заместитель В. П. Потемкин в разговоре с посланником Чехословакии З. Фирлингером заявили о полной готовности СССР выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи 1935 года. На вопрос о путях для оказания помощи М. М. Литвинов ответил, что «какой-нибудь коридор найдется». Однако предложение СССР немедленно созвать международную конференцию для обсуждения конкретных мер, могущих приостановить развитие агрессии, было отклонено английским правительством под фальшивым предлогом, согласно которому советские предложения, якобы, вызовут раскол Европы «на враждебные блоки» и усилят опасность «вооруженного конф-

ликта»⁴⁴. Париж и Вашингтон последовали в этом за Лондоном.

Тогда Советский Союз выступил самостоятельно. 23 апреля чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер сообщил в Прагу о решении Советского правительства оказать военную помощь Чехословакии, если его об этом попросят⁴⁵.

Когда Германия в августе 1938 года возобновила подготовку агрессии, М. М. Литвинов предупредил германского посла в Москве Шуленбурга, что в случае нападения на Чехословакию СССР выполнит свои договорные обязательства, «сдержит свое слово и сделает все, что в его силах». В начале сентября, в ответ на запросы Парижа, Советское правительство трижды заявляло о полной готовности прийти на помощь Чехословацкой республике. Ясные ответы были даны и на запросы чехословацкого правительства. Сначала 20, а затем 22 сентября Советский Союз выразил полную готовность как выполнить обязательства по советско-чехословацкому договору, так и оказать помощь в случае обращения Чехословакии в Лигу наций, и даже не дожидаясь решения ее главного органа — совета⁴⁷.

21 сентября 1938 г., в тот день, когда Англия и Франция, оказав беспрецедентное давление на Прагу, вынудили чехословацкое правительство принять их капитулянтский план, М. М. Литвинов выступил с речью на пленуме Лиги в Женеве. Он не только заявил о готовности Советского государства выполнить свои договорные обязательства, но и призвал Париж и Прагу созвать совещание представителей генеральных штабов для разработки конкретных мер помощи Чехословакии. 23 сентября М. М. Литвинов и И. М. Майский в беседе с членами английской делегации в Женеве заместителем министра иностранных дел Батлером и лордом де ла Варом еще раз разъяснили позицию СССР, предложив немедленно созвать совещание СССР, Англии и Франции для согласования шагов в защиту Чехословакии. «Десять публичных и минимум 14 частных заверений за шесть месяцев помимо нескольких предложений о переговорах между генеральными штабами поистине не могли оставить никаких сомнений у всякого, кто не желал намеренно быть глухим и слепым», — подводит итог английский историк-марксист Э. Ротштейн, говоря о заявлениях СССР в марте — сентябре 1938 года⁴⁷.

Факты свидетельствуют, что Советский Союз был единственной страной, готовой оказать действительную помощь Чехословацкой республике. Они не оставляют камня на камне от фальсификаторской версии о «неопределенной позиции» Советского государства в судетском кризисе. И что же? Большинство буржуазных авторов либо замалчивают, либо грубо искажают факты.

Настоящий заговор молчания организован вокруг конкретных мер, принятых СССР для оказания военной помощи Чехословакии. Между тем к двадцатым числам сентября 1938 года, то есть в самый критический период, к западной границе Советского Союза было переброшено 30 стрелковых, а также кавалерийские дивизии. Наготове находились танковые части и авиация. В состоянии готовности для переброски в Чехословакию на аэродромах Белорусского и Киевского военных округов находились 246 бомбардировщиков и 302 истребителя⁴⁸.

Знали ли об этом Франция и Англия? Да, знали. 25 сентября К. Е. Ворошилов через военно-воздушного атташе СССР во Франции официально сообщил начальнику генерального штаба Франции Гамелену данные о концентрации советских войск⁴⁹. Всего этого не хочет видеть буржуазная историография Англии, как, впрочем, и других капиталистических стран.

Лишь отдельные буржуазные авторы дают реалистические оценки роли Советского Союза в период судетского кризиса. Наиболее четкую позицию здесь занимает Уилер-Беннет. «...Сведения из Советского Союза в течение всего кризиса 1938 года были одними из самых безупречных вестей, и не было явных причин не верить, что он выполнит свои обязательства перед Чехословакией. Несомненно, германский генеральный штаб был такого же мнения», — писал он в 1948 году. Против мнений о том, что СССР не вступил бы в войну для защиты Чехословакии, выступил Ч. Уэбстер, отметив, что неоднократные заявления руководителей советской внешней политики «делали такой курс совершенно невозможным»⁵⁰.

Среди политических деятелей Англии своими оценками позиции Советского правительства выделяются Х. Дальтон и Л. Эмери. Первый из них, в частности, отмечает, что Чемберлен и Галифакс намеренно извращали смысл советских заявлений, стараясь убедить лейбористских лидеров, а через них и английских рабочих в «неискренности Москвы». Еще более определенно высказы-

вается Л. Эмери. «Россия во время всего кризиса занимала абсолютно ясную позицию,— пишет он.— Литвинов последовательно отстаивал идею коллективной безопасности, то есть, по существу, выступал за союз между Россией и западными державами...»⁵¹.

Однако многие буржуазные историки до сих пор не способны преодолеть официозные догмы. Их оценки политики Советского Союза полны противоречий. Полное разоблачение версии о так называемой «неопределенной позиции» СССР — одна из важных задач историков критического направления.

Критика апологетов Мюнхена. Аргументы «против». В послевоенные годы растет число тех буржуазных исследователей, которые в той или иной форме признают, что в основе мюнхенской политики лежали классовые причины, боязнь, что разгром гитлеровской Германии при помощи Красной Армии приблизит революционный взрыв в Европе. «Россия могла быть на стороне Франции и Англии. И несмотря на это, ее игнорировали в течение всего кризиса, в результате чего через год опасность войны стала очевидной»,— писал английский историк Ч. Моват. «Лучше Гитлер, чем народный фронт!»,—рассуждали реакционеры не только в Лондоне и Париже, но и в Праге, подчеркивает Уилер-Беннет. «Классовые мотивы имели решающее значение в правительственной политике в отношении Чехословакии»,— справедливо подчеркивал К. Зиллиакус еще в 1939 году⁵².

Обстоятельный анализ мотивов, лежавших в основе действий Чемберлена, дал Дж. Уилер-Беннет в книге «Мюнхен. Пролог к трагедии». «Англия и Франция считали,— писал он о причинах недоверия правящих кругов Лондона и Парижа к Советскому Союзу,— что СССР хочет ускорить общеевропейский конфликт в целях величайшего триумфа и успеха диктатуры пролетариата». Буржуазный историк справедливо отмечал, что правительственные круги Англии лелеяли «тайную надежду» направить Гитлера на Восток, где он столкнется с Советским государством. Эти мнения, известные в Берлине, «полностью совпадают с планами фюрера относительно первых шагов реализации его программы завоевания «жизненного пространства». В книге «Европа в упадке» Л. Нэмир также указал на классовую основу позиции

Англии и Франции. «Западные державы,— писал Нэмир,— могли выбирать между пактом четырех держав, пактом с диктаторами и новой тройственной Антантой с СССР». Но если первый союз, по мнению Лондона и Парижа, во много раз увеличивал силы и ресурсы фашизма, то второй «благоприятствовал распространению большевизма». Если первый был «неприятен и бесполезен», то второй «еще более ненавистен»⁵³. И хотя Нэмир явно не договаривает, становится ясно, что выбор, сделанный в Мюнхене, определялся классовыми интересами правящих кругов Англии и Франции.

Так буржуазные историки приоткрывают завесу, за которой английская реакция до сих пор упорно старается скрыть от широкой общественности антисоветские мотивы политики западных держав. Само развитие исторических событий в 1939—1945 годах неопровержимо свидетельствует против апологетов Мюнхена. Немалую роль в их разоблачении играют те историки и публицисты, которые, оставаясь на буржуазных позициях, критически подходят к антисоветским догмам и сомнительным версиям. Опровержение доводов сторонников Мюнхена заняло важное место в работах таких разных и непохожих друг на друга историков и публицистов, как Дж. Уилер-Беннет и К. Зиллиакус, Л. Нэмир и П. Рейнольдс.

Одним из первых против аргументов в защиту Мюнхена выступил К. Зиллиакус. В брошюре, написанной в 1945 году, он подверг критике два наиболее часто встречающихся довода: 1) Чемберлен, «застигнутый врасплох» требованиями Гитлера, сделал «все, что мог», для чехов, пока Франция не заставила его сдаться, и 2) подписав мюнхенское соглашение, он «выиграл время» для вооружения. Отвечая тем, кто выдвигал эти аргументы, К. Зиллиакус подчеркивал, что захват Чехословакии был «спланирован заранее». Его предвидел еще в марте 1933 года лорд Лондондерри, министр в кабинете Р. Макдональда. Опираясь на факты, К. Зиллиакус опроверг и второй довод. «Выигрыш» нескольких мирных месяцев не мог, конечно, компенсировать потерю Чехословакии как союзника Англии и Франции против фашистской Германии. В 1938 году чехословацкая армия имела свыше 1,5 тыс. самолетов и около 500 танков⁵⁴.

С критикой довода о «выигрыше времени» выступил Х. Тревор-Рупер, отметив, что Англия больше потеряла, чем выиграла, отсрочив мировой конфликт. Решительно

отвергает тезис о «выигрыше года» У. Черчилль. Соотношение вооружений в 1939 году менялось отнюдь не в пользу Англии и Франции, отмечал он. К тому же чехословацкая армия, состоявшая из 21 дивизии, перестала существовать. «Учитывая приведенные факты,— заключал Черчилль,— годовая «передышка», якобы выигранная Англией и Францией в Мюнхене, поставила их по сравнению с гитлеровской Германией в гораздо худшее положение, чем они имели в период мюнхенского кризиса». Это свидетельство тем более ценно, что Черчилль был хорошо осведомлен о состоянии английской армии. К аналогичному выводу приходит и лейбористский деятель Х. Дальтон. Абсолютно, отмечает он, Англия в 1939 году стала сильнее, но относительно Германии — слабее. «Приняв все во внимание, я не сомневаюсь, что мы потеряли дополнительный год», — заключает он. «Германия, а не Англия, выиграла с военной точки зрения в этот дополнительный год...», — писали М. Гильберт и Р. Готт.— Чемберлен и его советники шли в Мюнхен не потому, что они нуждались в дополнительном годе для подготовки к войне... цель умиротворения состояла в том, чтобы избежать войны, а не добиться единства, необходимого для нее...»⁵⁵.

Получил отпор и официальный тезис «миротворцев», согласно которому условия Мюнхена были более благоприятны, чем предыдущие требования Гитлера. Английский историк и публицист Дж. Макинтош еще в 1940 году подверг его критике. «...В действительности...», — подчеркивал он в книге «Пути, которые вели к войне», — Гитлер получил даже больше, чем требовал в Годесберге». Интересные сведения по этому вопросу содержат воспоминания Стрэнга, сопровождавшего Чемберлена в Мюнхен. Руководитель центральноевропейского отдела Форин-оффиса сообщает, что, когда он вернулся из Германии, Г. Вильсон, ближайший советник премьера, поручил ему составить перечень пунктов, по которым мюнхенское соглашение выгодно отличается от «Годесбергского меморандума». Стрэнг вспоминает, что хотя на бумаге они и выглядели внушительно, но на деле, за исключением одного — об отсрочке передачи Судетской области Германии на несколько дней, — «были ничемными». К такому же заключению приходит и А. Иден. «Наибольшая уступка» Гитлера, отмечает политический деятель Англии С. Кинг-Холл, заключалась в «отсрочке грабежа» на де-

сять дней⁵⁶. Эти компетентные высказывания выбивают важный аргумент из рук апологетов Мюнхена.

Робертсон рассматривает вопрос в иной плоскости. Как получилось, спрашивает он, что ультиматум Гитлера, предъявленный Чемберлену во время его второго визита в Годесберге, был полностью осуществлен? Отвечая на этот вопрос, он напоминает факты, о которых «забывают» некоторые сторонники Мюнхена. Уже после первой встречи Чемберлена с Гитлером, замечает Робертсон, расхождение между ними «было почти полностью процедурным». И не случайно, формально отклонив условия, предъявленные Чемберлену во время его второй поездки, Англия и Франция выработали новый план, который фактически основывался на тех же условиях. То, что мюнхенское соглашение носило формальный характер, что все было решено еще до него, отмечают, в частности, Уилер-Беннет, Тревор-Рупер, Колвин. Чемберлен полностью капитулировал перед Гитлером уже во время своей первой встречи с ним 15 сентября 1938 г. «Остальное было трагикомедией», — замечает в первом томе мемуаров Г. Макмиллан⁵⁷.

Справедливой критике подвергается и самый «надежный» довод защитников Мюнхена — ссылки на «общественное мнение» Англии, которое якобы было решительно настроено против войны в защиту Чехословакии. Наиболее убедительно его несостоятельность показал Уилер-Беннет. В сентябрьские дни 1938 года, когда официальная пропаганда прилагала все усилия, чтобы доказать необходимость, конечно «во имя мира», соглашения с фашистскими диктаторами, «большинство английской прессы и публики» оказало поддержку правительству, когда оно отклонило «годесбергский меморандум». «Большая часть английской публики была глубоко шокирована ненасытностью германских требований и единодушно поддержала их отклонение правительством. Человек с улицы снова с решимостью встретил опасность войны и не уклонился от нее», — писал Уилер-Беннет. Позднее к этой оценке присоединился Ч. Уэбстер. «...После Годесберга, — подчеркивал он, — произошел полный поворот в общественном мнении... В момент, когда война казалась практически определенной, никакой паники не возникло». П. Рейнольдс обращает внимание на один весьма существенный фактор: общественность Англии в канун Мюнхена оказалась дезориентированной, она не смогла

правильно оценить обстановку, суть действий правящих кругов. «Общественное мнение повсюду поддержало Мюнхен после подписания соглашения, — замечает Рейнольдс, — но это не говорит о том, что народ не принял войну, если бы ее необходимость была показана...»⁵⁸.

К сожалению, критика тех, кто с целью реабилитации мюнхенцев использует традиционные ссылки на «общественное мнение», не приобрела широкого размаха. Вопросы формирования общественного мнения Англии в предвоенные годы, влияния на него официальной пропаганды еще ждут своего решения.

В работах некоторых английских историков рассматривается вопрос о роли военной оппозиции Гитлеру в Германии накануне Мюнхена. Ее деятельность и предложения, переданные английскому правительству, рассцениваются Тревор-Рупером, Уилер-Беннетом и Колвином как один из аргументов против политики Чемберлена. Одним из первых о «генеральском заговоре» упомянул Тревор-Рупер. Визит Чемберлена к Гитлеру, отмечал он, «выбил оружие» из рук заговорщиков, так как они увидели, что Англия отказалась от их совета занять «твердую позицию» в отношении требований Гитлера. Одно временно об этом на основе показаний Гальдера сообщил Черчилль. В первом томе «Второй мировой войны» он писал, что высшие офицеры и генеральный штаб Германии с большим недоверием относились к действиям Гитлера и готовились его отстранить, но пришла весть о прилете Чемберлена, и выступление было отложено⁵⁹.

О попытках немецких генералов в начале сентября 1938 года установить контакт с правительством Чемберлена рассказал на основе изучения трофейных материалов Дж. Уилер-Беннет. Заговорщики надеялись, что Англия не пойдет на уступки Гитлеру. 5 сентября 1938 г. советник германского посольства Э. Кордт, встретившись тайно с Галифаксом, сообщил ему, что Гитлер отдал приказ о всеобщей мобилизации, а нападение на Чехословакию последует не позднее 1 октября. В день объявления мобилизации генералы собирались выступить и отстранить Гитлера. «Это, — пишет Уилер-Беннет о предложениях путчистов, — являлось как раз тем, чего западные державы не намеревались делать... Тем временем в Лондоне уже было принято решение об организации в подходящий момент встречи между премьер-министром и Гитлером»⁶⁰.

Интересные подробности о контактах заговорщиков с Лондоном сообщает Я. Колвин. Он приводит выдержку из доклада Э. Клейст-Шменцина Канарису, одному из руководителей военной оппозиции. «Я никого не нашел в Лондоне, кто бы захотел использовать представившуюся возможность для начала превентивной войны. У меня такое впечатление, что англичане любой ценой стремятся избежать войны в этом году...», — сообщал эмиссар об итогах своего секретного вояжа. Колвин отмечает, что Черчилль по просьбе Галифакса написал письмо начальнику немецкого генерального штаба генералу Беку, которое Э. Клейст-Шменцин передал Канарису. В нем якобы говорилось, что Англия вступит в войну из-за Чехословакии⁶¹.

В книге «Ванситтарт в министерстве» Колвин показывает, как Чемберлен в глубокой тайне вырабатывал свой капитулянтский курс. Его визит к Гитлеру обсуждался, например, в узком кругу лиц 29—30 августа 1938 г. Был согласован даже специальный код, в котором Чемберлен фигурировал как «мистер Х». «О цели визита к Гитлеру «мр-а Х», — подчеркивает Колвин, — даже не упомянули на заседании кабинета министров в узком составе, собравшемся на Даунинг-стрит, 10, 30 августа... Более того, план был скрыт от кабинета еще на 14 дней, пока Чемберлен не принял решения... Его огласили только тогда, когда было слишком поздно менять курс». Между тем 14 сентября генерал Бек подал в отставку с поста начальника генерального штаба Германии, заявив, что не может взять на себя ответственность за войну на два фронта, а его заместитель Ф. Гальдер, как он сам рассказывал впоследствии, и группа генералов собирались арестовать Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера. Но в 4 часа дня командующий берлинским гарнизоном генерал Витцлебен получил сообщение о предстоящем прибытии Чемберлена, и заговорщики отступили⁶².

Сообщая об этих фактах, английские исследователи ограничиваются лишь половинчатыми выводами. Между тем они во многом дополняют картину подготовки мюнхенского сговора, показывая, что Мюнхен готовился не наспех, а обдуманно, и не только английский народ не был информирован о действиях правительства — о них не знали даже многие члены кабинета.

Чемберленовцы в августе — сентябре 1938 года действовали не только против чехословацкого народа, но и

против первого в мире социалистического государства. Разрушая франко-советский договор 1935 года, ставя его перед лицом нового издания «пакта четырех» — мюнхенского соглашения, Чемберлен стремился полностью изолировать СССР. И хотя Колвин заявляет, что из опубликованных документов не ясно, «по чьему совету или распоряжению Россия была отстранена от обсуждения вопроса, по которому она имела договорные интересы»⁶³, мы не ошибемся, если скажем, что значительная доля вины за это падает как на Чемберлена и Галифакса, так и на правящую группировку английской буржуазии в целом.

Общие оценки мюнхенского соглашения. Полемика, развернувшаяся в английской историографии по вопросу мюнхенской политики, наложила отпечаток и на конкретные оценки мюнхенского соглашения. Если большинство английских историков, публицистов и государственных деятелей упорно стараются доказать неизбежность мюнхенского соглашения, твердят о вынужденности решения, принятого Лондоном и Парижем, то под давлением последующих событий даже некоторые адвокаты «миротворцев» не решаются изображать его как достижение английской дипломатии. Так, Н. Гендерсон в книге воспоминаний, написанных в годы войны, расценивает мюнхенское соглашение как «компромисс». С. Хор, Э. Галифакс, Дж. Хэдли, Я. Маклеод вообще стараются избежать сколько-нибудь четких оценок мюнхенского соглашения. «Поражение» — так охарактеризовал Мюнхен его противник Д. Купер. «Мюнхенское соглашение не только чрезвычайно усилило позиции господина Гитлера на континенте Европы, но и ослабило его возможных оппонентов, разделив их», — писал он, уйдя в начале октября 1938 года в знак протеста в отставку с поста первого лорда адмиралтейства. С Советским Союзом не консультировались, «Россия снова была исключена», — писал крупный буржуазный историк Дж. Марriot в работе об англо-русских отношениях. А это, как бы добавляет А. Роуз, «оказалось фатальным для создания общего фронта с западными державами». Кто же виноват в этом? Класс «умственно ограниченных дельцов», питавших «явное отвращение к какой-либо общей политике с Советской Россией», и их «идол» — Чемберлен, замечал Роуз⁶⁴.

С реалистическими оценками Мюнхена выступили официальные историки английской внешней политики Э. Карр и А. Тойнби. «Мюнхенское соглашение, — писал первый из них в 1939 году, — было не только высшей точкой политики умиротворения, но и смертельным ударом». «Прелюдией второй мировой войны» назвал его в 1952 году А. Тойнби. «Мюнхенское решение, — подчеркивал он, — означало конец не только французской системы союзов, но и длительного периода французского влияния в Восточной Европе... Оно означало начало конца английского влияния в Восточной Европе, за исключением полуостровных форпостов в Греции и Турции, влияния, которое нельзя было спасти гарантиями Польше и Румынии в 1939 году и окончательно ликвидированного бесплодными соглашениями 1945 года в Ялте»⁶⁵.

«Великой трагедией» назвал Мюнхен Тревор-Рупер, добавив, что Чемберлен «не был создан» для решения этой проблемы. Отрицательно отзывался о Мюнхене и Ч. Уэбстер. «На Мюнхенской конференции капитуляция была почти полной. Она была совершена без какой-либо дискуссии с наиболее заинтересованной страной», — писал он, признавая, что Мюнхен является следствием всей политики предшествующих лет, следствием неудач остановить Муссолини в Абиссинии, а Гитлера в Рейнской области. Еще более резкие, но справедливые оценки мюнхенскому сговору дают представители критического направления. «Мюнхен был пактом четырех держав, продиктованным остью», — писал в 1948 году Л. Нэмир. «Мюнхен был капитуляцией, которой Чемберлен в совместной декларации с Гитлером (декларация о взаимном отказе от войны, предложенная английским премьером через несколько часов после подписания мюнхенского соглашения. — *Г. Р.*) придал бутафорский фасад, замаскировав ее суть и значение», — пояснял Нэмир еще через два года. «...Миротворцы — Чемберлен и Даладье — без какого-либо обращения к Советскому Союзу капитулировали перед Гитлером и принудили чехов принять расчленение их государства»⁶⁶, — писал лейборист Г. Кол.

Многие исследователи внешней политики и международных отношений подчеркивают крайне позорный характер соглашения, подписанного Англией и Францией. «Каковы бы ни были причины, — справедливо подчеркивал в 1943 году Р. Рейнер, — результат оставался. Чехословакия, готовая драться за свое существование, была

брошена на милость ее врага...». «Мюнхен был величайшим моральным поражением, понесенным Англией в XX столетии, и оно еще продолжает сказываться», — восклицал Р. Рейнольдс в 1954 году. «Даже через 24 года я не могу избежать чувства, что полная капитуляция перед Гитлером была унижением и позором для нашей страны»⁶⁷, — с горечью писал в 1962 году профессор Д. Савори.

«...Гитлер открыл путь для своего следующего шага, уже предусмотренного им, — общей ликвидации Чехословацкого государства. Он уничтожил французскую систему безопасности, отделил Россию от европейского урегулирования и изолировал Польшу. Таковы были плоды Мюнхена»⁶⁸, — делал вывод Уилер-Беннет из анализа мюнхенской сделки.

Однако лишь немногие буржуазные историки Англии говорят об антисоветской направленности мюнхенской политики. В 1941—1945 годах, когда СССР и Англия являлись союзниками в борьбе с гитлеризмом, а «умиротворение» официально осуждалось, об этом еще вспоминали. «Несомненно, — писал в брошюре «Россия и мы» В. Голланц в 1942 году, — что в течение всего периода, кульминацией которого явился Мюнхен, целью Чемберлена и миротворцев являлось не сопротивление германской агрессии, а направление ее с Запада на Восток...». Англия и Франция, отмечали в 1942 году Г. Китон и Р. Шлезингер, «давали понять Германии, что мы будем безразличны к ее экспансии в Восточной Европе за счет России... Это является единственно возможным объяснением самоубийственной политики помощи ей в расчленении Чехословакии»⁶⁹.

Картина резко изменилась с окончанием войны и особенно с началом «холодной войны» против сил социализма. В 50—60-х годах большинство буржуазных историков и публицистов Англии замалчивают антисоветскую основу Мюнхена, как, впрочем, и «умиротворения» в целом. Классовый подход к оценке событий не дает возможности большинству буржуазных исследователей увидеть в Мюнхене его подлинную, антисоветскую сущность.

Глава 3

Внешняя политика Англии накануне войны (март — август 1939 г.)

«Дипломатическая революция»: легенды и действительность. Мюнхенское соглашение и англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г., по существу выполнявшая функции договора о ненападении, казалось, открыли перед правящими кругами Англии возможность достижения «общего политического решения» с державами «оси». К тому же в январе — феврале 1939 года Лондон предпринял ряд новых шагов, направленных на сближение с Римом и Берлином. Даже события 15 марта 1939 г., когда немецкие войска вступили в Прагу и Чехословакия перестала существовать как независимое государство, не изменили взглядов Чемберлена. Выступая в тот же день в палате общин, английский премьер отметил, что правительство, несмотря ни на что, продолжит свою внешнеполитическую линию¹.

Однако через два дня Чемберлену пришлось изменить позицию. В речи, произнесенной 17 марта в Бирмингеме, он обвинил Гитлера в обмане и заявил, что Англия не допустит новой агрессии. Еще через несколько дней английское правительство приняло ряд мер, среди которых особое место заняли односторонние гарантии Польше, объявленные в парламенте 31 марта.

Ссылаясь на это и решения, принятые правительством в апреле², многие буржуазные историки и публицисты Англии пишут о резком повороте во внешней политике,

совершенном Чемберленом, его отказе от «умиротворения» и переходе на позиции создания «фронта мира» с участием СССР против агрессии. В английской буржуазной историографии сложилась и заняла видное место легенда о «дипломатической революции» марта — апреля 1939 года.

Советский историк В. И. Попов высказал предположение, что термин «революция» был выдвинут не без ведома «Чатам хауз» и Форин оффиса и, по-видимому, впервые был использован в работе английского историка Дж. Геторн-Харди «Краткая история международных отношений, 1920—1939»³.

Насколько правильно это предположение? Когда и как сложилась легенда о «дипломатической революции»?

Сразу после выступления Чемберлена в палате общин 15 марта 1939 г. стали поступать данные об отрицательной реакции широких слоев английского народа как на агрессивный акт Гитлера, так и на заявление премьера. Большая часть прессы, в том числе газета «Таймс», осудила гитлеровскую агрессию. Даже сторонники Чемберлена в парламенте и часть министров требовали положить конец «умиротворению». Надо было что-то предпринимать. Галифакс раньше Чемберлена понял опасность. Именно он, как сообщают его биографы, убедил премьера изменить тактику⁴.

Новую обстановку, складывающуюся после 15 марта 1939 г., обрисовал в томе воспоминаний «Подводя итоги» А. Иден. «Мы чувствовали, — писал он, — что если это действительно была позиция правительства, то мы не можем ее поддержать, даже молча. Несомненно, что такие настроения овладевали членами правительства как в парламенте, так и вне его. Страна очень тяжело переживала насилие над Чехословакией и ликвидацию Гитлером прежних обязательств... На следующий вечер премьер-министр произнес речь в Бирмингеме...». «Чемберлен, — писал впоследствии сын У. Черчилля Рандольф, — ...быстро обнаружил, что у него полностью потерял контакт с английской общественностью. Все классы и партии были оскорблены действиями Гитлера, и он сразу же был вынужден признать, что его политика провалилась и нужны какие-то новые меры». Если бы Чемберлен настаивал на слепом следовании мюнхенскому курсу, отмечает Уилер-Беннет, «его личные позиции премьер-министра и лидера консервативной партии оказались бы в

опасности». Подтверждает этот вывод биограф С. Криппса — видного деятеля левого крыла лейбористской партии — Э. Эсторик. Он сообщает, что У. Черчилль, беседуя с С. Криппсом 22 июня 1939 г., заметил, что, если бы в марте Чемберлен не изменил политики, Англию могло охватить движение за Народный фронт и он — Черчилль — поддержал бы его⁵.

Все эти факты говорят об одном: изменение курса, хотя бы чисто внешнее, было крайне необходимо для правящей группировки, и она пошла на него, зная, что официальная пропаганда и консервативная пресса помогут ей в дезориентации публики. 3 апреля 1939 г. премьер-министр заявил, что в английской внешней политике наступила «новая эпоха»⁶.

Термин «революция», «дипломатическая революция» впервые появляется в работах английских авторов уже в 1939—1940 годах. Примечательно, что его сразу же стали употреблять как сторонники Чемберлена, так и те, кто выступал против политики «умиротворения» и мюнхенского соглашения. Так, Д. Купер одним из первых называл действия правительства в марте — апреле 1939 года «неистовой революцией в английской политике», правда вынужденной. «Многие из тех, кто в правительстве неохотно согласился с новой политикой, — замечал Купер, — жаждали вернуться к старой»⁷.

Еще более близкое к официальному определение дал известный публицист Н. Энджелл в памфлете «За что мы воюем?». Март 1939 года он называл «самой удивительной дипломатической революцией в современной истории». «Революционные изменения» в политике, отказ от «умиротворения» и возвращение к политике «формирования блока против агрессоров» — так определяли в 1940—1941 годах существо изменений публицист Дж. Макинтош, член парламента С. Кинг-Холл, биограф У. Черчилля Л. Брод⁸.

Иную точку зрения развивал биограф Э. Галифакса А. Джонсон. Употребив термин «дипломатическая революция», он пояснял, что это скорее всего не революция, а «реставрация», возвращение к традиционной английской политике «баланса сил» в Европе. Джонсон, в отличие от многих других, отмечал, что даже сторонники новой политики оценивали ее как новую форму старой. «Умиротворение», по их мнению, было вынуждено пуститься в «дипломатическое плавание по неизведанным морям»⁹.

Оценка Джонсона, весьма важная для правильного понимания характера «дипломатической революции», — исключение среди многочисленных славословий «нового курса».

Таким образом, легенда о «дипломатической революции» сложилась уже в 1939—1941 годах. Обстановка начавшейся войны, сплочение всех группировок английской буржуазии вокруг Черчилля во многом способствовали ее закреплению среди других версий и догм, находящихся на службе английской буржуазной историографии. В послевоенные годы она получила дальнейшее распространение. При этом среди английских буржуазных историков, публицистов и политических деятелей царит почти полное единодушие. За одним-двумя исключениями, они отказываются от какой-либо критики самой концепции «дипломатической революции». Даже крупные историки не способны полностью сбросить груз официозных представлений. Дж. Уилер-Беннет, например, по сути дела соглашается с легендой о «дипломатической революции». В известной книге «Мюнхен. Пролог к трагедии» он прямо говорит о «новой революции в британской дипломатии». Уилер-Беннет не смог или не захотел показать то, что скрывалось за фасадом «дипломатической революции». Не изменил своей точки зрения он и через десять лет. Л. Нэмир, в отличие от Уилера-Беннета, термин «дипломатическая революция» не употребляет. С ним он, очевидно, не согласен. Однако и Нэмир склонен идеализировать действия Чемберлена после 15 марта 1939 г. Так, он отмечает, что английское правительство начало работу по созданию «фронта мира» и только через несколько месяцев, когда возникли серьезные трудности в англо-франко-советских переговорах, эта идея была «положена под сукно»¹⁰.

И лишь А. Тейлор, и то далеко не сразу, пришел к реалистической оценке. В 1952 году в работе «Толки о войнах» от отдал дань фальшивой легенде. Гарантии, представленные Польше, Греции и Румынии, Тейлор назвал тогда «величайшей революцией в истории нашей внешней политики». К 1961 году от этой точки зрения не осталось и следа. Пересмотрев свои позиции в этом вопросе, он выступил против тех, кто пытался извратить смысл действий Уайтхолла. «Это был поворотный пункт английской политики... Чемберлен видел в нем изменение акцента, а не изменение направления. Общее соглашение с Гитлером

оставалось целью англичан, и они воздвигали препятствие на его пути, чтобы он почувствовал большую потребность в нем», — писал Тейлор в книге «Происхождение второй мировой войны», вскрывая тайные пружины «дипломатической революции». «То, что последовало за 17 марта, — повторил он еще через несколько лет, — было изменением акцента, а не изменением курса»¹¹.

Любопытно, что почти к такому же выводу пришел не кто иной, как Я. Маклеод. «Даже когда заверения, данные в Мюнхене, были выброшены Гитлером на ветер, а Прага оккупирована, Чемберлен все еще отказывался признать, что война неизбежна., — замечал он. — Поскольку премьер-министр не думал даже на этой стадии о неизбежности войны, он был мало заинтересован в идее союза с Советской Россией». Такой союз, продолжает консервативный деятель, мог не только затруднить, но даже сделать невозможными последующие переговоры с Германией и Италией¹². Так апологет Чемберлена и «умиротворения» в обтекаемых, осторожных выражениях выступил против версии о «дипломатической революции».

События 1939 года, особенно провал англо-франко-советских переговоров, наглядно подтвердили тот факт, что, провозглашая «дипломатическую революцию», давая гарантии Польше, Греции и Румынии, правящие круги Великобритании отнюдь не отказались от своих прежних замыслов, существа своей прежней политики. *«Генеральная линия правительства Чемберлена ничуть не изменилась»,* — писал в своих мемуарах И. М. Майский, занимавший в 1932—1943 годах пост советского посла в Англии. — *Это правительство по-прежнему делало свою главную ставку на развязывание германо-советской войны* и поэтому меньше всего хотело ссориться с Гитлером»¹³.

Чем же объяснить тот факт, что буржуазные историки Англии «не заметили», что «коренной поворот», «решительное изменение» внешней политики, наконец, «дипломатическая революция» в действительности не были ни поворотом, ни изменением, ни, тем более, революцией, а лишь свелись к изменению форм и методов внешнеполитического курса? Прежде всего тем, что в противном случае им пришлось бы отвергнуть всю концепцию развития международных отношений с 15 марта по 1 сентября 1939 г., сложившуюся в английской, да и не только английской, буржуазной историографии второй

мировой войны. Если бы был вскрыт подлинный характер политики Чемберлена и показано, что главной его целью оставалось соглашение с Гитлером, а не с Советским государством, то буржуазные историки вряд ли смогли говорить об ответственности СССР за срыв англо-франко-советских переговоров и даже развязывание войны. Конечно, кое-что они критикуют, но это — критика частных моментов в деятельности английского правительства. Так, например, многие из них справедливо пишут о нереальности гарантий, критикуют состав англо-французской военной делегации, выехавшей в начале августа 1939 года в Москву, и т. д. Однако ставить под сомнение весь внешнеполитический курс с момента «дипломатической революции» и вплоть до начала войны не берется никто.

Фальшивый характер «дипломатической революции» становится еще более очевидным при знакомстве с вопросом о так называемых гарантиях — главном аргументе, который используют ее сторонники. В английской историографии господствует мнение, что гарантии Польше, объявленные в палате общин 31 марта 1939 г. Чемберленом, были составлены им и Галифаксом в течение нескольких часов, причем без консультации с генеральным штабом. Профессор Д. Савори, например, отмечает, что гарантия явилась «импровизацией», что премьер хотел огласить ее в ответ на парламентский запрос¹⁴.

Действия Чемберлена становятся понятными, если учесть одно важное обстоятельство. Сразу после событий 15 марта 1939 г. Советское правительство предложило Лондону и Парижу созвать конференцию государств, которым прежде всего угрожает гитлеровская агрессия: Англии, Франции, СССР, Польши, Румынии и Турции. Отклонив это предложение как «преждевременное», Лондон счел возможным ограничиться подписанием декларации Англии, Франции, СССР и Польши о взаимных консультациях на случай возникновения угрозы для любой страны Европы. Несмотря на то что эта мера была явно недостаточной, Советский Союз 23 марта согласился с ней¹⁵. Чемберлену был нужен не «фронт мира» с участием СССР, а лишь разговоры о нем, с тем чтобы использовать их для политического давления на Гитлера. Этой цели и служила гарантия 31 марта 1939 г. Польше.

Характерно, что 1 апреля 1939 г. «Таймс» опубликовала статью, раскрывающую подлинный смысл англий-

ской гарантии. «Новое обязательство, которое Англия взяла на себя,— подчеркивал рупор монополистических кругов,— не обязывает ее защищать каждый дюйм существующих границ Польши. Основной упор в декларации делается не на ее целостность, а на «независимость». Заявление мистера Чемберлена не означает святого признания статус-кво. Напротив, его неоднократные ссылки на свободные переговоры показывают, что он признает наличие вопросов, в которые все еще необходимо внести изменения». В тот же день английское правительство через своего посла в Москве заявило, что считает «вопрос о декларации окончательно отпавшим»¹⁶.

Все говорило о том, что правительство Чемберлена начало сложную дипломатическую игру. Ее суть становится ясной, если учесть, что гарантия, данная Польше без участия СССР, не имела никакой реальной ценности. «Если завтра начнется война,— заявил 3 апреля 1939 г. Ллойд Джордж в палате общин, обращаясь к Чемберлену,— вы не сможете послать в Польшу ни одного батальона; я не могу понять, почему до того, как мы сами ввязались в это страшное предприятие, мы не заручились участием России... Мы ведем опасную азартную игру». Правильную оценку новым мероприятиям Чемберлена дал несколько позже германский посол в Лондоне фон Дирксен. «Англия,— писал он,— хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией»¹⁷.

Подавляющее большинство английских авторов признают, что гарантии Польше без их поддержки Советским Союзом были мало действенными. Трезвую оценку гарантиям дал в 1948 году Л. Нэмир. Он писал: «Со стороны Англии было необдуманно легкомыслием предлагать гарантии, а со стороны Польши принимать их. Обе, казалось, смотрели на них скорее как на ход в дипломатической игре, чем на обязательство, которое должно быть взвешено и обдумано, оценено и воплощено в военные условия»¹⁸.

«Грубой ошибкой», одной из самых крупных, «когда-либо совершенных в истории дипломатии», назвал в 1956 году гарантии А. Тейлор. «У Англии не было практических средств для выполнения своих заверений. Декларация имела только словесную силу»,— писал он еще

через пять лет. В одной из последних работ Тейлор сделал попытку объяснить мотивы правительства. «Чемберлен и его соратники не думали о реальных условиях. Они нуждались в жесте, который заставит Гитлера быть умеренным и сделает Польшу способной создать, если необходимо, второй фронт»¹⁹, — разъяснял он.

На антисоветскую подоплеку всей политики гарантий обратил внимание лейбористский историк Г. Кол. «Гарантии, предоставленные ранее Польше, — пишет он, — были совершенно бесполезны без поддержки Советского Союза, но английское правительство, вместо того чтобы прийти к соглашению с ним, когда это еще можно было сделать, подчинилось своему страху перед большевизмом и поддержало реакционные силы в Польше...»²⁰. С высказыванием Кола можно только согласиться. Однако оно не характерно для английской историографии. За малым исключением историки и публицисты Англии отказываются от рассмотрения антисоветских мотивов, которые и на этот раз лежали в основе действий правительства Чемберлена.

На другую сторону политики гарантий несколько позднее указал современник событий А. Роуз. Выдвинутые в ответ на требования Гитлера о Данциге и Мемеле, они, по его мнению, стали предвозвестниками нового Мюнхена. «Не удивительно, что Гиглер считал, что мы не сдержим свое слово перед Польшей», — замечал он. Даже Э. Галифакс, соавтор политики гарантий, впоследствии был вынужден отметить, что ни Польша, ни Румыния не строили «каких-либо иллюзий относительно мер конкретной помощи, которую они могли ожидать от Великобритании, в случае если Гитлер остановит свой выбор на войне»²¹.

Дополнительный свет на мотивы действий Чемберлена и Галифакса проливает биограф лорда Бивербрука П. Говард. В начале апреля 1939 года, когда газеты Бивербрука во главе с «Дейли экспресс» выступили против гарантий Польше, оценив их как меру, приближающую войну, Чемберлен попросил Бивербрука «снизить температуру» высказываний и помочь правительству. «Чемберлен дал мне понять, — вспоминал впоследствии газетный магнат, — что он не пойдет на войну... Он верил, что польская гарантия удержит Гитлера и покажет ему, что Англия стремится к сделке»²². Последующий ход событий показал, что политика гарантий действительно была «хо-

дом в дипломатической игре», которую вел Чемберлен и «миротворцы».

Односторонние гарантии Польше, гарантии заведомо невыполнимые, не могли произвести и, конечно, не произвели впечатления на Берлин. 2 апреля 1939 г. Кейтель директивой № 37/39 отдал приказ о разработке «Белого плана» — плана агрессии против Польши — с тем расчетом, чтобы можно было приступить к его выполнению «в любое время» начиная с 1 сентября 1939 г.; 11 апреля «Белый план» был утвержден Гитлером²³. Так большая дипломатическая игра, начатая Чемберленом, сразу же дала осечку. Гитлеровская верхушка правильно оценила поворот во внешней политике Англии как тактический.

Анализ мероприятий правительства Чемберлена в марте — апреле 1939 года, подчеркивает советский историк В. Г. Трухановский, показывает, что они «осуществлялись не в плане организации отпора агрессии, а в целях облегчения сговора между Англией и нацистской Германией, то есть являлись подсобными мерами в продолжающейся мюнхенской политике»²⁴.

Факты убедительно доказывают полную несостоятельность легенды о «дипломатической революции» марта — апреля 1939 года. Тем не менее ее продолжают широко использовать многие буржуазные авторы. Она нужна им для того, чтобы, скрыв подлинные цели и намерения правящих кругов Англии, представить их действия после 15 марта 1939 г. как решительную борьбу с дальнейшей фашистской агрессией. Она нужна им и для того, чтобы бросить тень на политику Советского Союза, который весной — летом 1939 года, несмотря на все лицемерие и маневры Лондона и Парижа, продолжал выступать за создание системы коллективной безопасности с целью предотвращения войны в Европе. Подобно ряду других фальшивых легенд и версий английской буржуазной историографии, легенда о «дипломатической революции» возникла и окрепла на почве антисоветских взглядов и действий правящих кругов Англии.

Англо-франко-советские переговоры 1939 года. Легендой о так называемой «дипломатической революции» марта — апреля 1939 года отнюдь не исчерпываются те приемы, которые используют буржуазные историки Англии, излагая события предвоенных месяцев.

Особое внимание английская историография уделяет дипломатическим переговорам, происходившим в апреле — августе 1939 года между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой. И это понятно. Лишь путем заключения действенного военно-политического соглашения трех держав можно было предотвратить дальнейшую агрессию фашистской Германии, а при необходимости и нанести фашизму быстрый и сокрушительный удар.

Однако концепция, которая лежит в основе толкования событий и фактов у большинства авторов, вызывает по меньшей мере удивление. Так, с одной стороны, политика правящих кругов Англии изображается ими как направленная исключительно на создание «великого союза» против агрессоров. Все факты, противоречащие этому, отбрасываются или искажаются. С другой стороны, извращается, а нередко и грубо фальсифицируется внешнеполитическая деятельность Советского государства.

Особенно часто используются две равным образом фальсификаторские версии. Согласно одной из них, Советское правительство пошло на переговоры с Англией и Францией, исходя из тактических соображений. Оно якобы не хотело соглашения с «демократиями» и, преследуя своекорыстные цели, старалось столкнуть их с Германией и Италией. Другая, не менее фальшивая, сводится к тому, что Советский Союз уже весной 1939 года сделал «крутой поворот» от политики коллективной безопасности к сближению с гитлеровской Германией, и поэтому все его предложения носили «лицемерный характер». Следовательно, переговоры с ним, независимо от позиции и усилий Англии и Франции, были заранее обречены на провал.

Английская концепция тройственных переговоров начала складываться в обстановке мировой войны и резко-го ухудшения англо-советских отношений. Одним из первых выступил Н. Гендерсон. В книге «Провал миссии», предисловие к которой помечено октябрём 1939 года, он выдвинул сразу несколько лживых тезисов. «...Я считал, что с самого начала Москва не хотела заключать соглашение с нами... Главная цель Сталина состояла в том, чтобы столкнуть Германию с западными державами», — бездоказательно заявлял махровый мюнхенец. «Оттеснение» Германии в западном направлении, «умиротворение» ее торговлей и, наконец, взаимное ослабление Гер-

мании и западных держав в результате конфликта между ними, конечно в интересах «коммунистической революции»,— вот, по мнению Н. Гендерсона, главные цели советской внешней политики. Попутно он высказывал традиционные сомнения насчет военных возможностей СССР. «Я никогда не верил в какую-либо эффективную или бескорыстную помощь, которую русские могут оказать полякам...»,— безапелляционно замечал экс-посол²⁵.

В 1940 году с утверждением, что именно СССР «отказался в решительный момент от участия в эффективных мерах коллективной безопасности», выступил У. Меддикот. Им же был подхвачен антисоветский тезис реакционной прессы о том, что переговоры с Лондоном и Парижем якобы были нужны Москве «как средство принудить Германию» к принятию советских условий. У Меддикота видны элементы второй из двух упоминавшихся версий. Так, он заявляет, конечно голословно, что Советское правительство уже с весны 1939 года обсуждало возможность заключения пакта с гитлеровской Германией. В довольно законченной форме эта версия содержится в работе А. Джонсона «Виконт Галифакс». Ее автор не только утверждает, что советско-германский пакт был «результатом длительной подготовки», но и пытался найти рубеж, когда СССР совершил поворот от политики коллективной безопасности к «сближению» с Германией. Биограф лорда Галифакса пишет об «умиротворении», присущем якобы советской внешней политике в этот период, а И. В. Сталина называет «архимиротворцем»²⁶. Положения, выдвинутые Джонсоном, впоследствии были подхвачены другими английскими авторами. Так, в 1940—1941 годах в английской буржуазной историографии складывается антисоветская по своему существу версия о «коренном повороте в политике Кремля», якобы происшедшем весной 1939 года.

В 1948 году У. Черчилль и Дж. Уилер-Беннет выступили с версией о «русском сфинксе», «русской загадке». В частности, одна из глав первого тома воспоминаний У. Черчилля была названа «Русская загадка». В свою очередь, Дж. Уилер-Беннет сравнил советско-германский пакт с Тильзитом и Брест-Литовском. По его мнению, СССР следовал тем же курсом, который Англия и Франция проводили в Мюнхене, чтобы «купить мир и время для подготовки (к войне.— Г. Р.) за счет малых народов». Главу книги, в которой речь шла о политике Совет-

ского государства, он не без претензии на сенсацию назвал «Русский сфинкс»²⁷.

В 50-х годах в Англии была завершена публикация третьей серии дипломатических документов Форин офиса (1937—1939 гг.), вышли из печати сборники трофейных немецких документов за предвоенные годы, наконец, Советское правительство еще в 1948 году опубликовало «Документы и материалы кануна второй мировой войны», куда вошли материалы из архива германского министерства иностранных дел 1937—1939 годов. Однако новые публикации мало повлияли на концепции буржуазных историков и государственных деятелей Англии. Антисоветские версии не претерпели серьезных изменений. Так, С. Хор, ссылаясь на немецкие трофейные документы, писал: «Теперь стало совершенно ясно, что все это время (май — август 1939 г.— Г. Р.) Риббентроп в Берлине и Шуленбург (германский посол в Москве) методически перебивали нас, в то время как Молотов использовал наши предложения в качестве рычагов, для того чтобы добиться выгодных условий от Гитлера». Хор уверял, что весной — летом 1939 года СССР стремился захватить Эстонию, Латвию и Финляндию, а также «произвести раздел» Польши и Румынии. Конечно, западные державы не могли согласиться с этим, и Москва обратилась в Берлин. В результате «двойная игра» советской дипломатии закончилась подписанием пакта с Германией. В то же время Хор пытался снять ответственность с Англии. Всего десять строк потребовалось ему, чтобы «выяснить» суть переговоров, которые велись Лондоном с уполномоченным из ведомства Геринга по «четырёхлетнему плану» Вольтатом. Их он оценивает как чисто экономические и малозначимые контакты, а вопрос займа Германии, обсуждавшийся тогда, называет «вымыслом печати»²⁸.

Более тонко фальсифицирует факты другой мюнхенец — Э. Галифакс, утверждая, что «любые усилия» Англии и Франции в 1939 году не могли привести к соглашению с СССР, так как последний якобы руководствовался исключительно своекорыстными интересами. Развивая мысль о том, что Запад не мог повлиять на ход событий, таким образом оправдывая Чемберлена и самого себя, Галифакс замечал, что будто бы ничто «не могло совлечь Гитлера с его пути»²⁹.

В 50—60-х годах активное участие в распространении антисоветских версий приняли видные буржуазные иссле-

дователи Англии. Они писали о «резком повороте» во внешней политике СССР, происшедшем в мае 1939 года, о «секретных переговорах Кремля» с Берлином, о «двойной игре» советской дипломатии и «захватнических стремлениях», удовлетворения которых Советское правительство якобы добивалось, о «русском Мюнхене» (23 августа 1939 г.) и т. д.³⁰ В то же время ими намеренно замалчивались закулисные интриги английской дипломатии, в частности англо-германские переговоры, антисоветская сущность которых стала очевидной после опубликования Советским Союзом документов из архива германского посла в Англии фон Дирксена.

Наиболее полно антисоветская концепция событий лета 1939 года отражена в официозной работе «Канун войны, 1939 год», издателем и одним из авторов которой был А. Тойнби. Не утруждая себя доказательствами, он повторяет тезис о «радикальном изменении» политики СССР с мая 1939 года и длительной подготовке советско-германского пакта. А. Тойнби, как и С. Хор, намекает на «реальные выгоды», которые Советское государство якобы рассчитывало получить от сближения с Германией. Однако все попытки автора хоть как-то подкрепить это голословное утверждение терпят крах. Даже призвав на помощь фальсификаторский сборник «Нацистско-советские отношения, 1939—1941 гг.», он смог выдвинуть лишь один «аргумент»: установление летом 1939 года экономических и торговых контактов между СССР и Германией.

В книге говорится и об англо-германских секретных переговорах, происходивших в июне — июле 1939 года в Лондоне. Авторы ссылаются как на английские, так и на немецкие документы. Однако вопрос излагается таким образом, что у читателя может возникнуть впечатление, будто ничего необычного в переговорах не было, что это были безобидные поиски «решения важнейших проблем мирными средствами»: поиски, которые никому не угрожали. Для этого материал подается изолированно, вне какой-либо связи с другими событиями. Авторы не только не задаются вопросом, как закулисные встречи в Лондоне влияли на переговоры с СССР, но даже не упоминают о последних³¹.

Что это, как не фальсификация, фальсификация замаскированная, но все же фальсификация самой сути англо-германских переговоров? Несомненно, что на книгу

А. Тойнби, как и на работы других авторов, написанные в 50-х годах, оказала влияние атмосфера «холодной войны», антисоветской истерии.

И все же, несмотря на дезинформацию и клевету, реалистическая, объективная оценка событий, предшествовавших войне, в частности причин срыва тройственных переговоров, пробивает себе дорогу в английской историографии.

В конце 1939 года против попыток искажения англо-франко-советских переговоров выступил прогрессивный лейбористский деятель Д. Притт. В брошюре-памфлете «Свет из Москвы» он подверг критике три довода английской реакции: что Советский Союз в период переговоров вел «двойную игру», что заключением пакта с Германией «предал демократию», что разрушил наметившийся «фронт мира». Хотя Притт не знал деталей, он совершенно справедливо подчеркивал, что не СССР, а Англия в течение долгого времени вела переговоры с Германией. Именно она, в союзе с Францией, направляла Гитлера «против Советского Союза, чтобы спасти себя от его агрессии на Западе»³².

Мотивы действий чемберленовцев вскрывали и другие. «Равным образом ясно,— писал осенью 1939 года в предисловии к книге супругов Коатс «Международные отношения и СССР» лейбористский лидер А. Гринвуд,— что оба правительства (английское и французское.— Г. Р.) умышленно повернулись спиной к России в тщетной надежде на прочную дружбу с Германией и Италией. Эта политика так называемого умиротворения и идея «пакта четырех» между Англией, Францией, Германией и Италией, который на деле мог превратиться в антикоминтерновский или скорее антисоветский союз, теперь потерпела крах»³³.

В середине 40-х годов ряд авторов пришел к выводу, что причины срыва переговоров с СССР следует искать в поведении правящих кругов Англии. Так, Р. Рейнер справедливо подчеркивал, что, несмотря на изменение обстановки в марте 1939 года, «одним из ее самых важных факторов... было явное нежелание английского правительства пойти на какое-либо дружественное соглашение с большевиками». Об ответственности Н. Чемберлена и Э. Галифакса за антисоветские действия писал К. Инграм. «Их рассудок был настолько наполнен предубеждениями и подозрительностью в отношении Советского

Союза, что они отказывались признать, насколько опасной оказалась бы обстановка, если бы Россия не стала союзной страной»³⁴, — подчеркивал он.

В последующие годы голос тех, кто трезво, без предвзятости подходил к рассмотрению международных событий, предшествовавших войне, зазвучал еще громче. Против попыток исказить суть советско-германского пакта и возложить на Советское правительство ответственность за срыв переговоров в Москве выступил Л. Нэмир. Советский Союз, подчеркивал он, даже после подписания пакта с Германией заявил, что ничто не препятствует его присоединению к «любой миролюбивой комбинации держав»³⁵.

Особый интерес представляют свидетельства У. Черчилля и Г. Макмиллана, хорошо знакомых с настроениями, господствовавшими летом 1939 года в руководящих кругах консервативной партии. «Если бы, например, Чемберлен, получив русские предложения, ответил: «Согласен, объединимся все трое и свернем Гитлеру шею», или что-то в этом роде, — отмечает Черчилль в первом томе «Второй мировой войны», — то... история могла пойти в другом направлении». Пакт 23 августа 1939 г. он не без оснований считает «вершиной провала английской и французской внешней политики и дипломатии». Военно-политический союз Запада с участием СССР мог коренным образом изменить обстановку в Европе и обуздать фашистских агрессоров, подтверждает Г. Макмиллан³⁶.

В 60-х годах некоторые авторы приступили к пересмотру официозной трактовки англо-германских секретных переговоров. Так, М. Гилберт и Р. Готт на основе английских и немецких документов показали, что во время бесед в июне — июле 1939 года в Лондоне и Берлине (Г. Вильсон — Вольтат, Н. Гендерсон — Вейцзекер) разрабатывалась основа нового сговора с Гитлером, а Я. Колвин обратил внимание на то, что в первые дни августа «человек Чемберлена» Г. Вильсон совместно с немецким послом в Лондоне Дирксеном закончил разработку далеко идущего проекта англо-германского соглашения. 9 августа гитлеровский посол мог телеграфировать в Берлин: «Вильсон заверил меня, что заключение англо-германского союза, сделав английскую политику гарантий недействительной..., позволит Англии освободиться от ее трудностей в отношении Польши»³⁷.

Хотя Гилберт и Готт, а также Колвин весьма осторожны в выводах, документальный материал, приводимый ими, свидетельствует, что летом 1939 года Чемберлен активно готовил новый Мюнхен — сделку с Гитлером за счет Польши, которая вполне могла стать отправным моментом в организации единого антисоветского фронта.

Из дневника Э. Галифакса, использованного его биографом лордом Биркенхэдом, стали известны дальнейшие строго секретные действия Лондона. В середине августа 1939 года, когда переговоры в Москве были прерваны, английское правительство пригласило Г. Геринга прибыть в Лондон для важных переговоров. Э. Галифакс сделал по этому поводу следующую запись: «Ведутся необходимые приготовления для прибытия Геринга в среду 23-го. Идея заключается в том, что он должен приземлиться на каком-нибудь уединенном аэродроме, посажен в автомобиль и привезен прямо в казначейство. Оттуда постоянные владельцы будут удалены, а телефоны отключены. Это было бы драматической прелюдией к изложению планов, подтверждения которых мы ожидаем из Берлина». 21 августа из Берлина передали, что Геринг готов прибыть в Лондон, если он будет уверен, что встретится с Чемберленом, а 24-го, что Гитлер не считает этот визит необходимым³⁸.

Когда стало совершенно ясно, что Англия и Франция не идут на заключение действенного соглашения против фашистских агрессоров и склоняются к сговору с Гитлером, Советское правительство, учитывая нависшую военную угрозу, было вынуждено принять настойчивые предложения Берлина и 23 августа 1939 г. подписало пакт о ненападении с Германией. Тем самым была сорвана возможность создания единого антисоветского фронта и обеспечен на определенное время мир, столь необходимый для укрепления обороны.

Даже те исследователи, которые отрицают антисоветскую направленность англо-германских переговоров, вынуждены отмечать, что политика Уайтхолла отнюдь не способствовала сотрудничеству с СССР. Все, что Англия делала после марта 1939 года, пишет П. Рейнольдс, «не могло привести к союзу с Советами». Английское правительство, замечает Э. Карр, «отказалось вступить в союз с Советской Россией против Германии»³⁹.

Не одобряя германо-советский пакт, лейборист Г. Кол признает, что советские руководители в 1939 году «были

правы», считая, что Чемберлен и Даладье «готовы в любой момент предать их нацизму». Пакт 23 августа 1939 г. Советское правительство считало «неизбежным злом», необходимым для укрепления обороны, подчеркивает М. Гилберт ⁴⁰.

Однако ни Э. Карр, ни другие авторы не показывают, с какой целью вел Лондон опасную дипломатическую игру. Пожалуй, только А. Тейлор вскрыл мотивы «двойного курса». В книге «Англичане и другие» он подчеркивал, что Чемберлен вел переговоры с Россией неискренне. Главное для него состояло в том, чтобы «держат ее в игре». Что касается возможного соглашения с СССР, то оно, указывал Тейлор, с самого начала замышлялось как неравноправное, выгодное только Западу.

Свой вывод А. Тейлор развил в «Происхождении второй мировой войны». И хотя со многим в этой книге согласиться нельзя, оценка позиций сторон — Англии и СССР — правильна. «Обе стороны хотели соглашения, но далеко не одинакового,— указывает на противоположность целей Лондона и Москвы А. Тейлор.— Англичане стремились к моральной демонстрации, достаточной для достижения соглашения с Гитлером на более приемлемых условиях. Русские хотели четкого военного союза на принципах взаимопомощи, который или остановит Гитлера, или обеспечит их безопасность». Английский историк тонко подметил, что Чемберлен хотел обеспечить «русскую помощь», но считал, что она должна «открываться и закрываться, подобно водопроводному крану». А. Тейлор обращает внимание на тактику бесконечных затяжек и проволочек, которую применяли Лондон и Париж. Если Советскому правительству, подчеркивал он, для ответов на предложения западных держав за весь период переговоров потребовалось лишь 19 дней, то Англии и Франции — 105. «Советское правительство повернулось к Германии только тогда,— замечает он,— когда заключение союза оказалось невозможным».

Тейлор без предвзятости подходит к оценке пакта 23 августа 1939 г. Он как бы отвечает многочисленным фальсификаторам истории. «Пакт не был ни союзом, ни соглашением о разделе Польши... Более того, договор являлся в определенной степени антигерманским: он ограничивал немецкое продвижение на Восток в случае войны...». «Трудно сказать, какой другой курс могла избрать Советская Россия»⁴¹,— заключает он.

Советские историки, ведущие постоянную борьбу с буржуазными фальсификациями международных отношений, уделяют большое внимание событиям лета 1939 года. В ряде работ⁴² они убедительно показали, что ответственность за срыв тройственных переговоров несут правящие круги Англии и Франции. Советская историческая наука решительно отвергает лживую антисоветскую версию о «крутом повороте» внешней политики СССР весной и летом 1939 года. «Заключение советско-германского договора о ненападении,— говорится в обобщающей работе советских историков,— разрушило замыслы правящих кругов Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, направленные на то, чтобы «умиротворить» гитлеровскую Германию за счет СССР и разрешить этим способом межимпериалистические противоречия. Планы организации «крестового похода» всех капиталистических государств против СССР были сорваны. Потерпели неудачу и попытки западных держав использовать московские англо-франко-советские переговоры для дипломатического давления на Германию с целью побудить ее к скорейшему нападению на СССР»⁴³.

Буржуазная историография Англии о причинах второй мировой войны. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу, а 3 сентября Англия и Франция были вынуждены объявить войну Германии. Началась вторая мировая война.

Каковы ее причины? Можно ли было предотвратить войну, а если да, то когда и каким образом?

Наиболее простое объяснение, которое еще нередко встречается у буржуазных историков Англии,— Гитлер. Его действия, нелепая амбиция и чрезмерные претензии привели к конфликту. «Главная вина, безусловно, лежит на одном человеке, Адольфе Гитлере, на его невыполнимых требованиях»,— писал лейбористский историк М. Фут. Близкую к этой точку зрения высказал и П. Рейнольдс. «В ненависти, гордыне и тщеславии этих людей (Гитлера и Муссолини.— Г. Р.), а также политических, экономических и социальных условиях, в которых они могли преуспевать, заключаются причины второй мировой войны»⁴⁴,— отмечал этот историк.

Подобные объяснения стали встречаться столь часто, что А. Тейлор в начале своей книги «Происхождение вто-

рой мировой войны» счел необходимым сразу отмежеваться от них. «Но существует одно объяснение, — замечал он с сарказмом, — которое удовлетворяет всех и, кажется, исчерпывает все диспуты. Это объяснение — Гитлер. Он планировал вторую мировую войну. Он один ее создал»⁴⁵.

Ложно сенсационен и противоположный вывод: война была результатом отказа Англии от «умиротворения», «результатом марта 1939 года»⁴⁶.

Вряд ли что-либо может объяснить и «психологическая» теория, выдвинутая Г. Никольсоном. В статье «Дипломатические основы», опубликованной в начале 1940 года, он писал: «Одна из главных причин нынешнего конфликта — недовольство сегодняшних правителей Германии целями, традициями и характером английского народа». Со своей стороны, англичане не одобряют «цели, традиции и характер немецкого народа». «Я считаю, — делал вывод Никольсон, — что причиной войны являются не столько политические или экономические потрясения, сколько состояние умов». Почти аналогичную точку зрения позже выдвинул А. Тойнби. Возможности для фашистской агрессии, отмечал он, заключались, в частности, в «состоянии умов правительств и народов тех стран, на которые нацелился Гитлер». Некоторые авторы с особым старанием подчеркивают «миролюбие» Англии и других западных стран, их «отвращение к насилию», вследствие чего они оказались почти безоружными перед лицом фашистских агрессоров, вооруженных до зубов⁴⁷. Эти и подобные им идеалистические взгляды на причины войны, конечно, не могут что-либо объяснить.

Нельзя согласиться с мнением, что одной из главных причин войны являлся отход США от активного участия в международных делах. Наиболее законченно эта мысль представлена у А. Роуза. Главной причиной второй мировой войны он считает «выход Америки из мировой системы: это более чем что-либо другое позволило агрессорам идти своим путем». Другие авторы пытаются возложить ответственность на Румынию и Польшу, которые, мол, виновны в срыве «фронта мира». «Если бы после 15 марта 1939 г. эти малые страны, или хотя бы только Польша и Румыния, — писал А. Тойнби, — избрали этот рациональный курс (т. е. заключили соглашения о взаимопомощи с СССР. — Г. Р.), то он мог привести к созданию мощной европейской коалиции антигитлеровских

сил., которая была бы значительно сильнее Германии. Если бы это произошло, агрессивная карьера третьего рейха была бы прервана»⁴⁸. Неужели А. Тойнби не знал, что позиция панской Польши и королевской Румынии летом 1939 года определялась Лондоном и Парижем?

Значительная часть буржуазных историков, стараясь скрыть цели, преследовавшиеся английским империализмом, вслед за официальными кругами заявляет, что Великобритания вступила в войну исключительно «из-за принципа», ради торжества справедливости, в защиту Польши. «Мы вступили в войну ради христианских идеалов, противостоящих варварской доктрине, чтобы утвердить добрую волю и доверие в международных отношениях», — писал в 1940 году Н. Гендерсон. «Война началась потому, — отмечал Н. Энджелл, — что мы обещали защищать Польшу и собирались выполнить это обещание». Официальную точку зрения на возникновение войны и вступление в нее Англии излагает в «Большой стратегии» Дж. Батлер⁴⁹. Однако весь последующий ход событий, и прежде всего полная бездеятельность Англии и Франции в сентябре 1939 года, бросивших Польшу на произвол судьбы, опровергает эти мнения.

Странную версию о причинах возникновения войны выдвинул А. Тейлор, заявив, что в 1939 году Гитлер «не предусматривал мировой войны и, вероятно, не хотел войны вообще». «Война 1939 года не являлась преднамеренной, была ошибкой, результатом грубых дипломатических просчетов с обеих сторон»⁵⁰, — заключает он. Такой взгляд маститого историка весьма напоминает идеалистическую «теорию случайностей». Кроме того, вне зависимости от желания автора, это ведет к оправданию Гитлера. Ведь в августе 1939 года гитлеровская верхушка рассчитывала, и не без оснований, что ни Англия, ни Франция на войну из-за Польши не пойдут. В свою очередь, Лондон и Париж предпринимали меры по организации «нового Мюнхена». Однако из этого не следует, что война возникла в результате дипломатических просчетов, а не как следствие всей агрессивной политики германского фашизма. И не случайно книга Тейлора, его «теория ошибок» были подвергнуты серьезной критике.

Некоторые буржуазные историки и публицисты довольно близко подходят к определению причин войны. «Я считаю, что главная причина войны заключается в сталкивающихся стремлениях к власти, включая власть денег,

между агрессорами и оборонцами... («оборонцы» — руководители Англии и Франции.— *Г. Р.*)», — отмечал в 1941 году Дж. Кэтлин. Тогда же Г. Батлер подчеркивал, что одной из главных причин войны было «катастрофическое падение» производства в результате мирового экономического кризиса, потрясшего основы капитализма, а Дж. Армстронг называл провал Лиги наций, возлагая ответственность на англо-французскую политику «умиротворения». Н. Энджелл справедливо говорит, что Великобритания вступила в войну не потому, что она была атакована, не потому, что Германия поступила с ней несправедливо, а потому, что «захват других стран угрожал английской безопасности». Почти единственной причиной объявления Англией войны Германии, подчеркивал Геторн-Харди, было стремление сохранить свое влияние в Европе и мире. «Этот мотив, — заключал он, — до сих пор является наиболее существенным элементом английской внешней политики»⁵¹.

Но лишь немногие авторы, да и то, как правило, косвенно, признают, что в подготовке войны определенную роль сыграла близорукая, антинациональная политика, проводившаяся Лондоном и Парижем. «Прямая линия событий, ведущих к возникновению войны в 1939 году, связана с германской аннексией Австрии в марте и Судетской области Чехословакии в октябре 1938 года», — отмечал У. Медликот. Ликвидация независимости Чехословакии в марте 1939 года «со многих точек зрения была началом второй мировой войны, которая формально началась германским вторжением в Польшу 1 сентября»⁵², — писал А. Тойнби, хотя он и не соглашался, что «умиротворение» способствовало развязыванию войны.

Но что лежало в основе этой политики? Почему Запад, несмотря на нараставшую угрозу войны, не отказался от нее? Еще в 1940 году реакционный английский историк Г. Фишер заметил, что в основе политики, открывшей путь войне, лежал страх западных держав перед неизбежным торжеством социализма и коммунизма. «В страхе перед коммунизмом новые демократии (т. е. Англия и Франция.— *Г. Р.*) дали место новым формам тирании, и стремление к миру как в Азии, так и в Европе было заменено интенсивными приготовлениями ко всеобщей войне». И Фишер горько сетовал на то, что «мюнхенцы» не смогли довести свое дело до конца. Ведь Гитлер, восклицает он, «был готов оставить западную границу нетронутой и

прийти к соглашению с западными демократиями, если бы он получил свободу рук на Востоке»⁵³. Да, все усилия реакционных кругов Англии и Франции предоставить Гитлеру «свободу рук на Востоке» окончились провалом: вторая мировая война началась не с нападения Германии на Советский Союз, а с конфликта между нею, Польшей, Англией и Францией.

Однако ни один буржуазный автор не в состоянии понять всю совокупность экономических и политических факторов, обусловивших возникновение войны. Препятствиями на пути к этому являются прежде всего классовая ограниченность мировоззрения и мышления, коренные методологические пороки при анализе исторических процессов.

Изучая проблему происхождения второй мировой войны, некоторые английские историки, публицисты и политические деятели ставят интересный и далеко не простой вопрос: можно ли было предотвратить войну, а если можно, то как? Пытаясь дать ответ, одни из них заявляют, что если и можно было остановить трагический ход событий, то лишь на ранней стадии развития фашистской агрессии, в 1935—1936 годах. «Решительные действия против Италии в декабре,— писал, например, Ч. Моват,— а против Германии в марте 1936 года могли бы предотвратить войну»⁵⁴. Другие, настроенные более оптимистично, считают, что и в последующие годы не все еще было упущено, что и в 1938—1939 годах существовала возможность создать «фронт мира» с участием СССР, который стал бы непреодолимой преградой на пути фашистской агрессии.

Среди сторонников этой точки зрения — люди весьма различные по своим политическим взглядам и социальному положению. Здесь и У. Черчилль, который неоднократно подчеркивал, что мировой конфликт можно было предотвратить и даже «легко», и прогрессивные публицисты Н. Энджелл, В. Голланц, К. Зиллиакус. «Фронт мира» можно создать... Если это будет сделано, если участники фашистской агрессии убедятся, что их действия ведут к созданию прочной стены из Англии, Франции, России, Бельгии, Голландии, скандинавских государств, с Америкой как возможным союзником, тогда войны не будет»,— заявлял в начале 1938 года Н. Энджелл. Если необходимые меры будут предприняты, «война почти определено будет предотвращена» или, по крайней мере, «мы победим в ней. Но время для проведения этих ме-

роприятий крайне коротко», — писал сразу же после 15 марта 1939 г. В. Голланц. «Эта война, — отмечал в 1945 году К. Зиллиакус, — не однажды могла быть предотвращена честной и смелой английской внешней политикой...». Но у Англии не было такой политики, ее правители боялись союза с социалистическим государством. Отмечая это обстоятельство, В. Голланц в июле 1941 года с горечью писал: «Если бы советские предложения (летом 1939 г. — *Г. Р.*) были приняты, то, весьма вероятно, войны не было бы. Ясно, что Гитлер старался избежать войны на два фронта»⁵⁵.

Война могла быть предотвращена, заявляет Д. Купер. «Я говорил, может быть, слишком часто, — вспоминал он осенью 1939 года, — что единственный путь предотвращения войны состоит в том, чтобы убедить Германию, что она ее проиграет». Сотрудничество между западными державами и СССР «могло либо предотвратить» войну, либо привести к быстрому разгрому фашистской Германии, замечал в 1945 году П. Метьюз⁵⁶.

Однако отдельные авторы ищут возможность предотвращения мирового конфликта, опираясь на абстрактные построения и умозаключения. Некоторые даже считают, что войны можно было избежать не путем решительного противодействия агрессорам, а путем добровольного отказа государств от своего национального суверенитета и создания «мирового правительства». Эта точка зрения наиболее четко выражена С. Кинг-Холлом⁵⁷.

Наконец, значительная группа буржуазных авторов считает, что вторая мировая война была неизбежна. Военный обозреватель Лиддел Гарт еще в 1938 году писал: «Люди, которые говорят о предотвращении новой войны, опоздали по крайней мере на два года. Вторая великая война XX столетия началась в июле 1936 года». Войну в Испании, войну между фашизмом и коммунизмом, как ее изображали английские реакционеры, он считал началом мировой войны, очевидно, полагая, что и она неизбежно примет такой же характер. Против тезиса о возможности предотвратить войну выступили Э. Галифакс и Я. Маклеод. Им не нравится, что немалая доля ответственности за развязывание второй мировой войны лежит на правящих кругах Англии и Франции, проводивших политику «умиротворения» фашистских агрессоров. Да, вину скрыть нельзя. И можно лишь согласиться со словами английского дипломата лорда Ванситтарта, когда в

1944 году он заявил: «Мы потеряли Абиссинию, мы потеряли Австрию, мы создали ось, мы сделали неизбежной новую германскую войну...»⁵⁸.

Анализ работ буржуазных авторов Англии, посвященных событиям 1933—1939 годов, показывает, что среди них нет почти ни одной, которой не были бы свойственны глубокие внутренние противоречия. Классовые взгляды, принадлежность к разным партиям и политическим группировкам, ошибочные методологические основы — все это влияет на выводы и оценки событий бурных предвоенных лет. Однако одна из причин противоречивости в оценках носит объективный характер. Она заключается в тех глубоких расхождениях, которые существовали в предвоенный период между национальными интересами Англии и политикой ее правящих кругов.

Большинство буржуазных авторов, выполняя классовую задачу, выступая с обоснованием и защитой внешнеполитического курса английского империализма, в то же время извращают политику Советского государства. Особенно искажается и фальсифицируется позиция СССР в период судетского кризиса, а также англо-франко-советских переговоров 1939 года. С большим упорством многие буржуазные авторы защищают политику «умиротворения», изображая ее как единственно возможную, отвечающую интересам английского народа. Но уже в довоенные годы некоторые историки и публицисты, стремясь к объективной оценке событий, выступили с критикой отдельных официальных версий, а в 40—50-х годах появилось направление, противостоящее официозному. При всей непоследовательности и противоречиях в анализе и выводах его представители вносят важный вклад в дело реалистического изложения внешней политики Англии и международных отношений 1933—1939 годов.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1

Первый период войны (1 сентября 1939 г.—22 июня 1941 г.). «Странная война» и «битва за Британию»

«Странная война» — новая форма, старое содержание. 1 сентября 1939 г. гитлеровская военная машина обрушилась на Польшу. 3 сентября, потерпев неудачу с организацией «второго Мюнхена» и уступая давлению общественного мнения, Англия и Франция объявили войну Германии.

Началась вторая мировая война. С первого же дня она приняла необычный, странный характер. Вопреки всем гарантиям, вопреки франко-польскому соглашению от 15 мая 1939 г. и англо-польскому договору о взаимопомощи от 25 августа 1939 г., французские и английские войска бездействовали на западной границе Германии. «...В течение четырех недель, которые потребовались механизированной германской армии, чтобы подавить Польшу,— признают авторы коллективной работы «Временный триумф оси»,— английские и французские армии на западном фронте не сделали ничего, чтобы прийти к ней на помощь»¹.

«Странная война», как ее стали называть, не закончилась с поражением буржуазно-помещичьей Польши — она продолжалась вплоть до начала апреля 1940 года.

Многие буржуазные историки, изучая события первых месяцев войны, спрашивают: чем объяснить бездействие Англии и Франции, почему они не использовали выгодную

обстановку сентября 1939 года для начала наступления на Германию с запада? На что надеялись Чемберлен и Даладье, планируя военное вмешательство в советско-финскую войну 1939—1940 годов? Пытаются разобраться в этом, ответить на нелегкие для них вопросы и представители английской исторической науки.

К интересным выводам о природе «странной войны» приходят Л. Эмери и А. Роуз. Первый из них справедливо говорит о тесной связи политики 1939—1940 годов с мюнхенской политикой, подчеркивая, что стратегия «странной войны» была фактически выработана еще в 1938 году. Роуз согласен в этом с Л. Эмери. Он отмечает, что если и произошли какие-либо изменения осенью 1939 года, то не в содержании, а в форме, или даже скорее в условиях проведения старой политики. «Умиротворение войною», — назвал ее Роуз. К таким же выводам приходит и видный деятель лейбористской партии Х. Дальтон. «Это была та же самая старая игра», — так характеризует он действия Уайтхолла в сентябре 1939 года. Даже патриарх буржуазных историков А. Тойнби вынужден признать, что и в обстановке начавшейся войны с Германией Чемберлен остался верен старой политике. «...И хотя 3 сентября 1939 г., — писал он, — премьер-министр нажал кнопку... даже тогда он не переложил жезл из своей левой руки в правую и не заменил его на более эффективное оружие. Этого Англия не сделала до самой замены Чемберлена Черчиллем...». «Это не настоящая война... Смешная война может привести к смешному миру»², — заявил еще осенью 1939 года английский газетный магнат Бивербрук.

Гораздо более осторожно высказывается в первом томе «Второй мировой войны» У. Черчилль: «Эта странная фаза войны на суше и в воздухе вызвала у всех удивление. Франция и Англия оставались пассивными, в то время как Польша была в несколько недель раздавлена и подчинена всей мощью немецкой военной машины. У Гитлера не было причин жаловаться». Но чем же была вызвана эта пассивность? Почему превосходящие силы французских и английских войск бездействовали на западной границе Германии? Ответ довольно любопытен. «...Даже если бы временный успех был достигнут французской армией, — пишет У. Черчилль, — через месяц она испытала бы огромные трудности в сохранении завоеванного на востоке и могла бы подвергнуться на севере мощному немецкому контрудару. Таков ответ на вопрос, поче-

му мы оставались пассивными, когда Польша терпела поражение. Сражение было проиграно за несколько лет до этого»³.

Таким образом, единственной причиной пассивности У. Черчилль считает военную неподготовленность. Правда, Гитлер, пишет он, рассчитывал, что после разгрома Польши Чемберлен и его коллеги, «спасшие свою честь объявлением войны», быстро пойдут на попятную и заключат предложенный мир. Но что подобные настроения имели место среди правящих кругов Англии — такой возможности консервативный лидер не допускает. Не объясняется ли это «министерской солидарностью»? Ведь как морской министр в кабинете Чемберлена Черчилль полностью ответствен не только за антисоветские планы конца 1939 — начала 1940 года, но и за стратегию «странной войны».

Кое-что о мотивах, определявших позицию правительства, сообщают в мемуарах Л. Эмери и Х. Дальтон. Первый из них вспоминает, что 5 сентября 1939 г. он зашел к министру авиации Кингсли Вуду и предложил ему, учитывая нехватку строевого леса в Германии, поджечь бомбардировкой массивы Шварцвальда. «Я вполне мог предложить, — пишет Л. Эмери, — что он станет возражать мне, ссылаясь на затруднения технического порядка и указывая на другие объекты, более достойные внимания и более важные с военной точки зрения. Но я онемел от изумления, когда он объявил мне, что не может быть и речи даже о том, чтобы бомбить военные заводы в Эссене, являющиеся частной собственностью, или линии коммуникаций, ибо это оттолкнуло бы от нас американскую общественность»⁴.

Не менее интересно и свидетельство Дальтона. Он приводит разговор с Черчиллем, состоявшийся 13 сентября 1939 г. Отвечая на неофициальный запрос лейбористской оппозиции относительно бездействия английской авиации, морской министр разъяснил, что Англии невыгодно первой начинать воздушную войну, ибо отсрочка дает возможность укрепить противовоздушную оборону, а также завоевать поддержку американского общественного мнения. «Мы бы хотели, — сказал тогда Черчилль, — чтобы первыми пострадали английские женщины и дети, а не немецкие»⁵. Ответ Черчилля отнюдь не исчерпывал причин бездействия английской авиации. Они определялись прежде всего политическими соображения-

ми: влиятельные круги Англии все еще надеялись на сговор с Германией.

Берлин это учитывал. В воздухе и на земле он также не проявлял активности. Смысл этого, отмечает английский публицист Р. Кларк, был прост: Гитлер надеялся, что после окончания польской кампании он сможет, не начиная «войны на западе», заключить мир с Англией и Францией. И хотя фюрер ошибся, считая, что Англия и Франция не объявят войну из-за Польши, замечает А. Тейлор, его предположения, что они «не будут воевать всерьез, оказались правильными»⁶.

Однако как Тейлор, так и другие буржуазные авторы ничего не говорят о настроениях, которые господствовали в руководящих кругах Лондона осенью 1939 года. Лишь А. Иден, приоткрывая эту завесу, замечает, что после мирных авансов, которые сделал Гитлер в речи 6 октября 1939 г., несколько министров в кабинете Чемберлена считали возможным начать переговоры с Германией. «Это был старый след политики умиротворения»⁷, — замечает он.

А что же сам Чемберлен? Как видно из его частного письма от 10 сентября 1939 г., премьер рассчитывал на изменение обстановки, но не военным путем. «То, на что я надеюсь, — писал он, — не победа в войне — я очень сомневаюсь в ее возможности. Это нечто иное: крушение внутреннего фронта в Германии. Для этого надо убедить немцев, что они не смогут одержать победу и США могли бы в необходимый момент помочь в этом». Интересные факты, помогающие понять, что именно английский премьер понимал под «крушением внутреннего фронта», сообщает Я. Колвин. Осенью 1939 года доверенное лицо «Интеллидженс сервис» вступило через посредство Ватикана в переговоры с представителем Канариса Н. Мюллером. Уайтхолл согласился обсудить возможность заключения мира при условии, что Гитлер будет отстранен от власти. За ходом переговоров лично следил Э. Галифакс. Дело не ограничилось обычным зондажем. Был составлен проект мирного договора между Англией и Германией, предусматривавший сохранение за последней Австрии и Судетской области Чехословакии. Один экземпляр был передан на хранение в Форин оффис. В июле 1940 года, когда началась подготовка к вторжению в Англию, Канарис попросил уничтожить его, чтобы исключить возможность захвата немецкими войсками. Как со-

общает английский военный историк Дж. Фуллер, среди предложений, внесенных Лондоном на рассмотрение немецкой военной оппозиции в феврале 1940 года, был пункт о том, что Англия готова не начинать «военных действий на Западе», когда она выступит против Гитлера. Фуллер подчеркивает, что целью Чемберлена было «стимулировать оппозицию» Гитлеру. С этим соглашается и Маклеод. Другая линия контактов с Берлином шла через английского офицера, сотрудника министерства авиации У. де Роппа — сына прибалтийского барона, принявшего в 1915 году подданство Англии. Находясь осенью — зимой 1939—1940 годов в Швейцарии, он поддерживал связь с представителями Розенберга, а последний держал в курсе дела Гитлера⁸.

Подробности закулисной деятельности английской разведки, проходившей не без ведома Форин оффиса, остаются неизвестными. В официальных изданиях о ней вообще не упоминают. Однако даже то, что стало известно, показывает, что Чемберлен придавал немалое значение контактам с агентами военной оппозиции. С помощью генеральского путча против Гитлера он был не прочь изменить ход событий. Устранение одиозных фигур в нацистском руководстве, прежде всего Гитлера, должно было облегчить «мирный» сговор с Германией. Одновременно разыгрывалась и запасная партия — через де Роппа поддерживался контакт с официальным Берлином. Не в этом ли надо искать один из ответов на вопрос о причинах пассивности Лондона, причинах «странной войны»?

Надо сказать, что Гитлер учитывал настроения Лондона. Первый раз, в начале октября 1939 года, а затем через посредство заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса в феврале — марте 1940 года он пытался добиться признания своего господства в Европе. Эти попытки потерпели неудачу во многом потому, что в Лондоне и Париже поняли, что такой мир, а по сути дела лишь перемирие, не может быть приемлем.

Сама стратегия западных держав, вернее ее почти полное отсутствие, лишний раз подтверждает, что «странная война» — явление далеко не случайное. В большой политической игре, которая велась Лондоном и Парижем, судьбы малых народов и государств, как это наглядно видно на примерах Чехословакии и Польши, служили лишь разменной монетой.

Характерно, что английские историки предпочитают не вспоминать, что уже летом 1939 года, еще до начала военных переговоров в Москве, правительства Англии и Франции отказались от подготовки каких-либо наступательных операций против Германии. «Я познакомился с французскими планами, — записал 11 июля 1939 г. в своем дневнике генерал Е. Айронсайд, назначенный с началом войны начальником английского генерального штаба, — и единственным, что утешает, является то, что в них нет ничего опрометчивого относительно наступления против линии Зигфрида... Французы считают, что Гитлер сначала пойдет на Восток». Еще через несколько дней, обсуждая возможный ход военных действий в Европе, Айронсайд и военный министр Англии Хор-Белиша пришли к выводу, что западные державы ничем не смогут помочь, если Германия нападет на Польшу. «Мы считаем, — писал об этом генерал, — что поляки будут разбиты и немцы подчинят Румынию и Черное море. Мы не сможем абсолютно ничего сделать, чтобы остановить их»⁹.

«Дневники Айронсайда», опубликованные в 1963 году, подтвердили вывод, который вытекал из материалов второго тома «Большой стратегии»: задолго до начала войны Англия и Франция определили свою стратегию как чисто оборонительную; судьба Польши была заранее списана со счета. Выходит, что, подписывая 25 августа 1939 г. англо-польский договор о взаимопомощи, правительство Чемберлена действовало цинично и фарисейски; для него было ясно, что никакой помощи Польше оказано не будет. Договор был пустой бумажкой, предназначенной для обмана общественного мнения.

Но, может быть, когда война началась, Лондон и Париж выработали «большую стратегию» разгрома гитлеровской Германии? Ничуть не бывало. «У нас вообще нет военной политики, — не без сожаления писал в дневнике 28 декабря 1939 г. Айронсайд. — Не существует каких-либо комбинированных планов использования флота, армии, авиации. Хотя военный кабинет претендует на разработку комбинированной стратегии, планы им еще не составлены»¹⁰.

Таким образом, английская стратегия являлась стратегией глухой обороны, выжидания. Упор делался на «экономическое воздействие», которым, конечно, выиграть войну было нельзя. «Англия... — справедливо заклю-

чает советский военный историк Л. М. Проэктор, — усматривала до поры до времени в лице Германии опасного промышленного и торгового конкурента, которого необходимо ослабить. Одновременно господствующие круги Англии надеялись, что французских армий и британского флота достаточно, чтобы обеспечить безопасность своего острова»¹¹. Добавим, что в этой обстановке они ждали «крушения внутреннего фронта», удобного момента для сговора с Германией.

Странная тишина царила на франко-германской границе, «линии Мажино». За первые четыре месяца войны, отмечает Э. Холт, англичане потеряли во Франции лишь 15 человек. По словам А. Тейлора, первый английский солдат был убит 13 декабря 1939 г. Но, может быть, в воздухе, наконец, разгорелась борьба? Нет. Ни английская, ни французская авиация даже не пытались бомбить военные и промышленные объекты Германии. Вплоть до 9 мая 1940 г., когда началось немецкое вторжение в Голландию и Бельгию, для налетов на объекты Рура требовалось, например, специальное разрешение кабинета. И только после 14 мая, когда люфтваффе подвергла варварской бомбардировке беззащитный Роттердам, запрет был снят¹².

Общую обстановку, сложившуюся к весне 1940 года, неплохо передает Б. Монтгомери, в то время командир второго корпуса английских экспедиционных сил во Франции. Он пишет: «Франция и Англия бездействовали, пока германские армии продвигались на запад, несомненно для того, чтобы атаковать нас. Затем мы терпеливо ждали, когда на нас нападут, и в течение всего этого времени лишь изредка бомбили Германию *листовками*». «Если это и была война, — заключает Монтгомери, — то я не могу ее понять»¹³.

Но было бы совершенно неправильным думать, что военные ведомства Англии и Франции бездействовали в течение «странной войны». Нет, они развили кипучую деятельность. Только она была направлена не на разгром фашистской Германии, а на подготовку антисоветских планов и авантюр.

Советско-финский конфликт. С началом второй мировой войны англо-советские отношения заметно обострились.

Буржуазная историография Англии весьма тенденциозно освещает этот вопрос, замалчивая как тот факт, что правящие круги Англии занимали позицию, крайне враждебную в отношении оборонительных мер СССР, так и подготовку прямого вмешательства Лондона и Парижа в советско-финскую войну 1939—1940 годов.

Необоснованные обвинения в адрес Советского государства выдвигаются ею в связи с освободительным походом Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. «Россия... открыла перед Гитлером зеленый свет и позволила ему продолжить войну», — утверждает Р. Маккаллум. Не гитлеровское нашествие, а выступление Советского Союза 17 сентября 1939 г., заявляет Э. Холт, «решило судьбу Польши». О «разделе Польши» между Германией и Советским Союзом пишет А. Тойнби¹⁴. Авторы этих и подобных им высказываний не оригинальны. Они лишь следуют официозной версии о «советской агрессии», пущенной в оборот реакционными кругами Запада еще в 1939 году. Более 30 лет эта версия дезориентирует общественное мнение, отвлекая его внимание от той неприглядной политики, которую Лондон и Париж проводили в отношении как польского государства, так и Советского Союза.

Однако оговорки, которые иногда выдвигаются, показывают, что в английской историографии и по этому вопросу нет единодушия. Так, например, некоторые авторы признают, что действия Красной Армии, выступившей 17 сентября 1939 г. навстречу фашистскому вермахту, были необходимы и имели большую стратегическую ценность, в частности для Англии. Как известно, первым на этот факт указал не кто иной, как У. Черчилль. «...Русские, — писал он 25 сентября 1939 г. в записке для кабинета министров, — мобилизовали большие силы и показали свою способность продвигаться быстро и далеко... Они теперь граничат с Германией и ей нельзя обнажать восточный фронт... Восточный фронт таким образом потенциально существует». Делая этот вывод, Черчилль, конечно, исходил из интересов английского империализма. Да и трудно представить, чтобы было иначе. Однако его мнение не совпадало со взглядами Чемберлена и Галифакса. Ведь именно в сентябрьские дни 1939 года, как отмечает Л. Вудвард, английское правительство рассматривало вопрос, «должно ли оно объявить войну СССР или нет»¹⁵.

В поддержку тезиса, выдвинутого Черчиллем, правда не без оговорок, выступили в разное время А. Джордан, Г. Китон и Р. Шлезингер, М. Белов. Все они подчеркивают большое «стратегическое значение» мероприятий Советского правительства, хотя и не признают правомерность вступления новых советских республик в СССР¹⁶.

Несмотря на все старания, английская буржуазная историография не в силах скрыть тот факт, что источником враждебной Советскому государству деятельности осенью 1939 года были западные державы. Правящие круги Англии стремились изменить весь ход событий, сам характер войны, превратив ее в «крестовый поход» Запада против большевизма. Как отмечает Черчилль, уже через четыре дня после назначения его морским министром он отдал приказ о разработке плана ввода английского флота в Балтийское море. План получил условное название «Катерина» («Екатерина»). 25 июля 1939 г. Черчилль познакомил с ним генерала Е. Айронсайда¹⁷.

Во время советско-финского конфликта антисоветские планы Лондона быстро приобрели конкретные очертания. Рассматривая действия правительства Чемберлена, сразу же прекратившего и без того незначительную торговлю с СССР, У. Медликот характеризует их как политику «экономического давления», сопровождавшуюся «далеко идущими планами вмешательства в финскую войну и действий против советской нефти на Среднем Востоке (район Баку. — Г. Р.)». Однако Черчилль и ряд других авторов предпочитают называть англо-французский план «скандинавской экспедицией» или «скандинавским проектом», стремясь подчеркнуть, что речь в нем шла лишь о прекращении поставок шведской железной руды в Германию, о чем еще в конце августа 1939 года внес предложение Э. Галифакс. В то же время несомненно, что «скандинавский проект», перенесенный из области разговоров в область реальной политики как раз после начала советско-финской войны, приобрел к 1940 году совершенно новую, антисоветскую направленность. Это, в частности, не может скрыть Л. Вудвард. Как подчеркивает другой официальный историк, Дж. Батлер, английское правительство лихорадочно разрабатывало планы «помощи Финляндии», а на деле антисоветской интервенции. В течение многих недель именно эти планы занимали «все внимание военного кабинета и его советников». «Никто не был уверен, что мы воюем с правильным врагом»¹⁸, —

передает настроения руководящих кругов Лондона в конце 1939 года Э. Тэнэр.

В книге Л. Вудварда «Внешняя политика Англии во время второй мировой войны» приводятся выдержки из английских дипломатических документов, говорящие об антисоветской направленности «скандинавских планов». В частности, сообщается, что 19 декабря 1939 г. верховный военный совет союзников приступил к рассмотрению меморандума Черчилля, возобновлявшего предложение о пресечении поставок железной руды из Швеции в Германию, но на совершенно иной основе — путем оказания «помощи» Финляндии в войне с СССР. Французские представители предложили к «скандинавскому проекту» привлечь Норвегию и Швецию, поддержав «любые возможные результаты шведской и норвежской помощи Финляндии». К середине января 1940 года решение о вмешательстве было принято. Как отмечается в работе, выпущенной «Чатам хауз», «эксперты изучали проблему высадки в Мурманске, Петсамо или Нарвике». В Англии к отправке подготавливались шесть дивизий, во Франции — около 50 тыс. солдат¹⁹.

Но что означала такая «помощь» Финляндии? Агрессивный акт против СССР. Надо сказать, что Вудвард трезво оценивает ситуацию. «Точка зрения Форин оффиса на французское предложение, — отмечает он, — состояла в том, что оно как бы приглашало Швецию и Норвегию начать войну с СССР и предлагало им союзническую поддержку, если они сделают это. Такая политика могла спасти Финляндию. Она также должна была решить проблему железных месторождений путем приглашения нас в Нарвик и Лулеа...». Факт, что предложенные действия были направлены не против Германии, а против СССР, отметил в своем дневнике и начальник английского генштаба генерал Айронсайд. Опасность возникновения войны с Советским Союзом в случае осуществления англо-французских планов признавал и Черчилль²⁰.

И все же Лондон и Париж пошли по этому пути. Чем объяснить это? Примерно так ставит вопрос в своих воспоминаниях Л. Эмери и недоумевает: «В свете последующих событий трудно понять, как могли союзники, повинаясь одному лишь чувству, перед самым началом колоссального наступления немцев думать о распылении своих сил, да еще ради того, чтобы к списку их явных врагов прибавилась Россия». Но это недоумение выглядит ис-

кусственным. Трудно поверить, что Эмери не мог дать правильного объяснения планам западных держав. Правящие круги Англии во главе с Чемберленом руководствовались, конечно, не желанием наряду с войной с Германией начать новую войну против Советского Союза. Не были заинтересованы они и в помощи Финляндии как таковой. Она была нужна им, для того чтобы, повернув войну на север, «переключить» ее на Советское государство. И не случайно, как отмечал М. Белов, «непосредственным результатом» советско-финского конфликта стало «дальнейшее обострение» отношений между западными державами и СССР²¹.

В последние годы все чаще появляются реалистичные оценки английской политики тех дней. Все большее число авторов признает, что она была не только безрассудной, но и противоречила национальным интересам страны. «Фатальным курсом», «фантастической идеей», «политическим лунатизмом» не без оснований называют антисоветские планы Лондона и Парижа лейборист М. Фут и биограф фельдмаршала Алана Брука А. Брайант, С. Кинг-Холл и профсоюзный лидер Х. Дальтон. Даже махровый мюнхенец, реакционер С. Хор не скрывает своего отрицательного отношения к «скандинавским проектам», которые он оценивает как первую попытку захватить инициативу в «странной войне». «...Лишь счастливый шанс финской капитуляции перед русскими в середине марта спас Англию от безрассудного и бесполезного вовлечения в конфликт, которое не могло помочь Финляндии, а лишь добавило бы Россию к числу наших врагов», — подчеркивает Р. Томпсон. «Если бы это произошло, — пишет в обобщающей работе об английской внешней политике 1918—1964 годов Л. Макферлан, — Германия почти наверняка выиграла бы вторую мировую войну». Но буржуазные авторы сразу умолкают, когда встает вопрос о мотивах этой безрассудной политики. И лишь немногие признают, что она возникла на антисоветской основе²².

Советские историки с фактами в руках показали, что зимой 1939—1940 годов действия Англии и Франции были в корне враждебны Советскому государству, что конечная цель, которую преследовали западные державы, сводилась к организации единого империалистического фронта «против большевизма». «Правительства Англии и Франции, — справедливо подчеркивал В. Г. Труханов-

ский, — рассчитывали, что одновременно с развязыванием войны против СССР им удастся прекратить войну с Германией и вовлечь ее в совместный военный поход против Советского государства». «Военные действия между Финляндией и СССР правительства США, Англии и Франции надеялись использовать как повод для организации похода капиталистических стран против СССР»²³, — говорится в коллективной работе советских историков.

Окончание советско-финской войны нанесло сильный удар по антисоветским планам. Но они отнюдь не были отброшены. Вот несколько фактов. 14 марта 1940 г., как сообщает У. Медликот, английский кабинет принял решение «усилить давление» на СССР, заключив в качестве первого шага соглашение с Японией об ограничении ее торговли с Советским Союзом. Вскоре это предложение было одобрено верховным военным советом союзников. В начале мая 1940 года, буквально накануне немецкого наступления на запад, в Бейруте, на совещании представителей английской, французской и турецкой армий обсуждался вопрос о «возможности наступления против России» из района Ближнего Востока²⁴.

Угроза, нависшая над Англией летом 1940 года, заставила ее правящие круги временно отказаться от антисоветских планов. Однако как только обстановка улучшилась, английский кабинет вновь вернулся к ним. В послании президенту Турции от 31 января 1941 г. Черчилль отмечал, что «присутствие (на Среднем Востоке. — Г. Р.) мощных сил английских бомбардировщиков, способных атаковать нефтеразработки в Баку», совершенно необходимо. Даже в июне 1941 года, всего за несколько дней до нападения Германии на СССР, планы бомбардировки Баку из района Мосула рассматривались как весьма реальные, а 12 июня английский комитет начальников штабов принял решение о подготовке этой операции²⁵.

Эти факты еще раз свидетельствуют, что «скандинавский проект» не был чем-то случайным, а являлся одним из элементов антисоветского курса, проводившегося реакционными кругами Англии и Франции не только в 1939, но и в 1940—1941 годах.

«Дюнкерское чудо» и «битва за Британию». «Странная война» дорого обошлась Лондону. Еще дороже она стоила народам Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии,

Люксембурга и Франции. В апреле 1940 года фашистская Германия осуществила «бросок на север». Дания сразу, а Норвегия после недолгого сопротивления были оккупированы. 9 мая 1940 г. немецкие войска, нарушив нейтралитет Бельгии и Голландии, устремились к наименее защищенной части французской границы.

Среди проблем этого периода войны английских историков особенно привлекает «дюнкерское чудо» и комплекс вопросов, связанных с «битвой за Британию», в том числе германский план вторжения в Англию — «Морской лев». «Дюнкерское чудо» — успешная эвакуация английских экспедиционных сил из-под Дюнкерка в конце мая — начале июня 1940 года — один из тех вопросов, по которому в буржуазной историографии Англии продолжает вестись оживленная полемика.

Положение, в котором оказались в двадцатых числах мая английские войска во Франции, граничило с катастрофой. «Только чудо, — писал 23 мая 1940 г. участник событий генерал А. Брук, — может теперь спасти английский экспедиционный корпус... Немецкие моторизованные дивизии устремились к побережью... Мы отрезаны от морских коммуникаций и начинаем испытывать недостаток в боеприпасах»²⁶.

И «чудо» произошло. Большая часть английских солдат увидела родные берега.

Эвакуация 224 тыс. английских и 114 тыс. французских и союзных войск в Англию упрочила положение коалиционного кабинета Черчилля в эти критические дни. Она подняла дух английского народа, укрепив его решимость продолжать борьбу.

Дискуссия о том, почему удалась эвакуация из-под Дюнкерка, чем объяснить бездействие немецких бронетанковых дивизий, внезапно остановившихся неподалеку от побережья Ла-Манша, началась сразу же после окончания войны. В 1947 году в Лондоне вышла из печати книга М. Шульмана — майора штаба разведки первой канадской армии, высадившейся в июне 1944 года в Нормандии. После окончания войны он принял участие в допросах пленных немецких генералов и фельдмаршала фон Рундштедта. Их показания стали основой для претендующей на сенсационность работы «Разгром на Западе».

М. Шульман, рассказывая о том, что в самый ответственный момент сражения во Фландрии — 23 мая 1940 г., —

Гитлер отдал приказ приостановить наступление на Дюнкерк, не оставляет каких-либо сомнений относительно его политической подоплеки. В подкрепление своей позиции он приводит слова Рундштедта и Блюментритта. «Если бы я мог действовать самостоятельно, — заявил гитлеровский фельдмаршал М. Шульману в октябре 1945 года, — то англичане не ускользнули бы так легко из Дюнкерка. Но мои руки были связаны прямым приказом Гитлера». «Приказ Гитлера, — вторил ему в феврале 1946 года Г. Блюментритт, — помешавший атаковать англичан у Дюнкерка, убедил многих из нас, что фюрер верит в мир с Англией. Я говорил об этом с несколькими офицерами люфтваффе, и они заявили, что Гитлер запретил им воздушные атаки на корабли (англичан. — *Г. Р.*) у Дюнкерка...»²⁷. Ссылки на какие-либо иные причины, лежавшие в основе «стоп-приказа», как его стали называть в английской литературе, у Шульмана нет.

В апреле 1948 года вышла из печати книга Б. Лиддел Гарта «Другая сторона холма», также написанная на основе показаний гитлеровских генералов. Как и Шульман, Лиддел Гарт принимал личное участие в их допросах. В его рассказе о предыстории Дюнкерка появляются немаловажные подробности. С одной стороны, автор ссылается на дневник начальника генштаба вермахта генерала Гальдера, из которого видно, что, отдавая «стоп-приказ», Гитлер руководствовался политическими мотивами. Приводит он и новое заявление генерала Блюментритта, в котором тот свидетельствует, что приказ об остановке был отдан не только по военным причинам, а явился частью политического плана с целью более легкого достижения мира. «Если бы английская армия капитулировала в Дюнкерке, — объяснял гитлеровский генерал, — английский народ счел бы свою честь оскорбленной и стремился бы смыть позор кровью. Позволяя ей эвакуироваться, Гитлер надеялся задобрить англичан». С другой стороны, Лиддел Гарт приводит высказывание еще одного фашистского генерала, Варлимонта, говорившее об обратном. Этот генерал, состоявший в мае 1940 года при ставке Гитлера, сообщил, что незадолго до того, как фюрер принял решение, к нему явился Геринг и заверил, что уничтожение англичан довершит авиация, «закрыв выход из мешка к морю с воздуха». Это заявление и запись Гальдера от 25 мая 1940 г., где говорилось об изменении общего плана войны, с тем чтобы дать гене-

ральное сражение не во Фландрии, где местность мало-пригодна для танкового удара, а в Северной Франции, стали использоваться многими исследователями как доказательство того, что Гитлер руководствовался чисто военными соображениями²⁸.

Книга Лиддел Гарта открыла путь для пересмотра первоначальной версии. У Черчилль рассказ о предыстории Дюнкерка во втором томе своих воспоминаний ведет таким образом, чтобы у читателя не оставалось сомнений насчет того, что, во-первых, никаких политических причин для приостановки наступления у Гитлера не было, а во-вторых, что вся заслуга благоприятного исхода эвакуации принадлежит англичанам, и прежде всего командующему экспедиционным корпусом генералу Горту, который вопреки французской директиве начал отступать не к реке Сомме, а к морю. Исполнение этого маневра Черчилль склонен считать «блестящим эпизодом в английских военных анналах»²⁹.

В то же время автор «Второй мировой войны» умалчивает о весьма важной для понимания сути событий стороне посещения Гитлером главной квартиры Рундштедта в Шарлевиле 23 мая 1940 г., а именно о его высказываниях по поводу перспектив отношений с Англией. По словам Блюментритта, присутствовавшего при этом разговоре, Гитлер заявил, что война должна закончиться через шесть недель, после чего «он хотел бы заключить приемлемый мир с Францией, который должен открыть путь и к соглашению с Англией... Он (Гитлер. — Г. Р.) сказал, что все, что он хотел бы от Британии, — это признания позиций Германии на континенте. Возвращение утерянных Германией колоний было бы желательным, но не самым важным, и он даже помог бы Англии войсками, если бы она встретила где-либо трудности». «Он закончил, — вспоминает Блюментритт, — заявив, что его цель — мир с Англией на основе, которую она будет считать совместимой со своей честью, чтобы принять»³⁰.

Случайно ли Черчилль не обратил внимания на эти высказывания? Вряд ли. Во всяком случае, вся его концепция сводилась к отрицанию каких-либо политических мотивов в решении Гитлера.

Удивительная метаморфоза произошла вскоре после этого с Лиддел Гартом. В известной работе «Стратегия», изданной впервые в 1954 году в США, мы не найдем и намека на какие-либо политические причины, которыми,

как он сам ранее считал, мог руководствоваться Гитлер. «Причина рокового приказа Гитлера об остановке, — писал теперь Лиддел Гарт, — никогда не будет полностью ясна. Один мотив, который он упомянул, — боязнь, что немецкие механизированные войска увязнут во фландрских маршах..., другой — его желание сохранить боеспособность бронетанковых соединений для следующего сокрушительного удара по Франции. Третий — вера, укрепленная Герингом, что немецкая авиация сможет предотвратить какую-либо крупную эвакуацию из Дюнкерка... Но анализ показывает, что наиболее важной причиной был психологический результат небольшой английской контратаки двумя танковыми батальонами, которая была произведена у Арраса 21 мая против фланга немцев, вышедших к морю...»³¹. Так известный английский военный теоретик не только поддержал, но и развил официальную версию предыстории Дюнкерка.

Никаких новых выводов не содержит и монография Д. Дивэйна «Девять дней Дюнкерка», в которой день за днем рассматривается ход эвакуации английского экспедиционного корпуса. Ее автор развивает те же факторы военного характера. Во-первых, немецкое командование, уверяет он, никогда не принимало всерьез новую философию ведения войны — философию «блицкрига» — и, опасаясь, что бронетанковые соединения могут подвергнуться ударам с флангов, отдало приказ о приостановке наступления. Во-вторых, оно вообще не верило в возможность разгрома англичан и поэтому не имело планов использования бронетанковых сил после достижения ими моря. К этим двум факторам Д. Дивэйн вслед за Лиддел Гартом добавляет третий — английскую контратаку под Аррасом, потрясшую немцев. Говорит он и об ошибках, допущенных Рундшtedтом и Боком, в результате которых они не смогли зажать англичан между «молотом и наковальней», а также о переоценке Герингом возможностей люфтваффе³². Но показательно не только то, о чем говорит автор, но и то, о чем он умалчивает. В книге нет и намека на возможность существования политических причин, которыми если не руководствовался, то мог руководствоваться Гитлер.

Надо сказать, что некоторые авторы отвергают официальные толкования Дюнкерка. Так, например, С. Кинг-Холл решительно выступает против разъяснений Лиддел Гарта, квалифицируя их как «первоклассное заблужде-

ние». «Это экстраординарное решение, — пишет он о приказе Гитлера от 23 мая 1940 г., — можно объяснить главным образом желанием смягчить унижительный характер поражения англичан и, тем самым, создать для них возможность согласиться на мирные предложения». Не менее категорично высказывается и такой авторитетный в этом вопросе автор, как фельдмаршал Александер, командовавший под Дюнкерком первой английской дивизией. «Мы были полностью окружены, за исключением коридора, ведущего к нашей базе... Если бы Гитлер бросил все силы своих армий для разгрома британского экспедиционного корпуса, он никогда не смог бы эвакуироваться. Если бы меня спросили: «Кто спас британский экспедиционный корпус? Мой ответ был бы — „Гитлер“»,³³ — подчеркивал Александер в своих мемуарах.

В пользу этой точки зрения можно привести довольно скудные, но, тем не менее, весьма примечательные высказывания о настроениях, которые царили среди части правящих кругов Англии летом 1940 года. Особый интерес в этой связи представляет свидетельство «человека Мюнхена» лорда Галифакса. Как сообщает он в своих воспоминаниях, во время Дюнкерка Черчилль собрал всех членов правительства и заявил, что Англия «могла бы заключить на определенных условиях» мир с Гитлером, но это был бы не мир, а «передышка» и он «не считает его совместимым со своей совестью и честью». Еще один интересный факт сообщил Б. Прютц, занимавший в 1940 году пост шведского посла в Лондоне. 17 июня 1940 г., когда Франция приняла решение капитулировать, заместитель министра иностранных дел Англии Р. Батлер заявил Прютцу: «Нельзя допустить, чтобы твердолобые вроде Черчилля помешали переговорам (с Гитлером)». По указанию Галифакса, который тогда еще был министром иностранных дел, Батлер сделал послу следующее заявление: «Английская внешняя политика должна диктоваться здравым смыслом, а не амбицией». Это сообщение, переданное Прютцем в Стокгольм, стало одной из причин ослабления шведского нейтралитета: Берлин получил разрешение транспортировать через территорию Швеции свои войска³⁴.

Летом 1940 года, после отставки Чемберлена, позиции английских «миротворцев» оказались подорванными, однако в правительстве, за исключением Хора, назначенного послом в Мадрид, они сохранили свои посты. Д. Ди-

вэйн прямо отмечает, что именно эти люди могли в удобный момент сместить Черчилля. «Сочетание удара, произведенного потерей четверти миллиона сыновей, отцов и друзей, — пишет он, — с разгромом Норвегии, Голландии и сильнейшего союзника Англии — Франции, наряду с политической слабостью определенной части парламента, могло привести к принятию ловко составленных немецких мирных условий»³⁵.

Хотя имеющихся данных недостаточно, чтобы восстановить сколько-нибудь подробную картину действий сторонников сделки с Гитлером, само существование такой группировки несомненно.

Наконец, следует учитывать и высказывания самого Гитлера. В «политическом завещании» — беседах, записанных М. Борманом в бункере под новой имперской канцелярией, которые фюрер вел в феврале — апреле 1945 года, — неоднократно говорилось о стремлении заключить летом 1940 года мир с Англией. 26 февраля Гитлер непосредственно коснулся Дюнкерка. «Мы, конечно, — заявил он, — воздержались от унижения их (англичан. — Г. Р.) в Дюнкерке. Мы должны были показать, что согласие на германскую гегемонию в Европе, на положение дел, возникновению которого они всегда противились... принесет им бесценные выгоды»³⁶.

Дискуссия о «дюнкерском чуде» продолжается. В последние годы сделаны попытки отрицать «политические причины» Дюнкерка. Причина «стоп-приказа», пишет военный историк Б. Кольер, кроется «главным образом в самоуверенности Геринга». Нет доказательств тому, что Гитлер руководствовался политическими мотивами, утверждает в «Английской истории» А. Тейлор. Ведь решение остановить бронетанковые войска «приобрело значение» только тогда, когда англичане «ускользнули». Иден добавляет свой аргумент. «Мое мнение как раньше, так и теперь заключается в том, что немцы были заняты борьбой с французскими армиями. Их основные усилия были направлены на разгром главного противника на суше»³⁷, — пишет он, упуская из виду, что английский корпус и часть французской десятой армии (всего свыше 18 дивизий), окруженные в районе Дюнкерка, являлись сухопутными войсками, а их разгром мог оказать решающее влияние на ход всей военной кампании.

Время и новые данные могут повлиять на сделанные выводы. Размышляя о «дюнкерском чуде» и легендах,

возникших в связи с ним, И. М. Майский писал: «Должен сказать, что опубликованная в послевоенные годы литература (документы, воспоминания, исследования) не дает определенного и убедительного ответа... Мне думается поэтому, что «чудо Дюнкерка» объясняется сочетанием самых разнообразных — политических, военных, психологических — обстоятельств при наличии одного случайного, но очень важного фактора: в течение всех критических дней море было совершенно спокойно»³⁸.

Возможно, что это заключение близко к истине. Однако, как нам кажется, при всем значении военных, психологических и иных факторов немаловажное влияние на решение 23 мая 1940 г. оказали политические соображения. При этом нельзя не учитывать еще одно обстоятельство, значение которого подчеркнул советский военный историк Д. М. Проэктор: уже в двадцатых числах мая 1940 года у германского руководства во главе с Гитлером сложилось мнение, что, разбив Францию и заключив мир с Англией, надо нанести удар по Советскому Союзу. «Вопрос об остановке немецких танков под Дюнкерком, — писал советский автор, — неразрывно связан с планами дальнейшего ведения агрессивной войны, которые стала вырабатывать фашистская верхушка начиная с 20 мая 1940 г. «Чудо под Дюнкерком» возникло как первый шаг к осуществлению зародившегося теперь нового плана Гитлера: заключить мир с Англией и при ее поддержке напасть на Советский Союз»³⁹.

До недавнего времени английские авторы не усматривали какой-либо связи между Дюнкерком, «Морским львом» и подготовкой гитлеровской агрессии против СССР. Однако в середине 60-х годов появились упоминания о майских планах Гитлера. «Возможно, — отмечал Б. Кольер в 1964 году, — что Гитлер сообщил своему окружению о намерениях напасть на Россию еще до падения Франции, но первая дата, которая является вполне очевидной, — 21 июля, когда он приказал генеральному штабу начать предварительную подготовку к русской кампании». Более определенно через год высказался А. Кларк — сотрудник английского Института стратегических исследований. Гитлер задумал нападение на СССР еще во время битвы за Францию, «когда увидел, что делают танки с французской армией»⁴⁰, — писал он в работе «Русско-германский конфликт, 1941—1945 гг.».

Однако большинство авторов явно не способно дви-

гаться в этом направлении. Почему? Ответ не сложен. Делать это — значит признать важную сдерживающую роль Советского государства, его серьезное влияние на ход международных событий уже в первые месяцы второй мировой войны. Делать это — значит признать полную несостоятельность фальсификаторской версии о «союзе» между СССР и гитлеровской Германией в 1939—1940 годах, союзе, якобы направленном против западных держав, и особенно Англии.

План «Морской лев»: провал или блеф Гитлера? Дискуссия, возникшая среди историков, публицистов и политических деятелей Англии в связи с гитлеровским планом вторжения на Британские острова — «Морской лев», так же как и борьба мнений вокруг «дюнкеркского чуда», привела к возникновению двух противоположных точек зрения, двух версий. Сторонники каждой из них как бы продолжают спор, начатый вокруг предыстории дюнкеркской эвакуации. Одни — полностью отрицают наличие каких-либо политических расчетов, которые Гитлер связывал с планом «Морской лев», игнорируют важную роль СССР, его влияние на ход международных событий; другие — вынуждены признать, что вторжение в Англию не состоялось главным образом потому, что мысли Гитлера начиная с конца мая 1940 года уже были заняты подготовкой «похода на Восток». Советское государство, угрожавшее тылу Германии, отмечают сторонники второй версии, сыграло важную роль в том, что план «Морской лев» не был осуществлен.

После разгрома Франции военно-политическое положение Англии было весьма трудным. Не хватало подготовленных войск и вооружения. Почти все тяжелое оружие было брошено при эвакуации из Франции. П. Флеминг сообщает, что в Англии имелось только 54 противотанковых орудия, причем устаревших образцов. Что касается танков, то из 500 только 72 средних и 33 тяжелых могли соперничать с немецкими. На 4 июня 1940 г. в строю находилось лишь 446 самолетов-истребителей. Не хватало даже стрелкового оружия. Для народного ополчения — «внутренней гвардии» — по всей стране собиралось стрелковое оружие. В Манчестере даже конфисковали музейные ружья времен сипайского восстания 1853—1857 годов, а в Норвиче — древние мушкеты⁴¹.

Черчилль всеми средствами добивался поставок вооружения из Соединенных Штатов. Первую просьбу о помощи он направил Рузвельту еще 15 мая 1940 г. Через месяц, 15 июня, он в «отчаянной» телеграмме, как ее называет Ф. Гудхардт, подчеркивал, что помощь США, особенно эсминцами, является «делом жизни и смерти». А еще через девять дней в послании премьер-министру Канады Маккензи-Кингу Черчилль писал: «Я сам никогда не вступлю в какие-либо мирные переговоры с Гитлером, но я, конечно, не могу поручиться за будущее правительство, которое, если мы будем покинуты Соединенными Штатами и потерпим поражение в Англии, может очень легко стать подобием квислинговского и принять германское руководство и защиту. Я был бы рад, если вы изложите эту опасность президенту, как я уже сделал в своей телеграмме к нему...»⁴².

Уже в июне 1940 года первые транспорты с американским оружием прибыли в порты Англии. В июле — августе, когда начались массовые поставки, положение начало заметно меняться к лучшему. Однако опасность не исчезла. Вот что об этом писал Черчилль. «Я, тем не менее, часто думал, — вспоминал он впоследствии об этих трудных для Англии месяцах, — что произошло бы, если бы 200 тыс. немецких штурмовых войск удалось высадиться на побережье». Ранней весной 1942 года, когда Советская Армия сдерживала главные силы фашистского вермахта, а опасность немецкого вторжения в Англию давно исчезла, английский премьер попытался дать ответ на этот вопрос. 23 апреля на закрытой сессии палаты общин он заявил: «...В 1940 году силы вторжения численностью около 150 тыс. отборных солдат могли произвести ужасные опустошения в наших рядах». Крайнюю серьезность положения в те дни признает и К. Эттли, ставший в мае 1940 года заместителем премьер-министра. На вопрос своего биографа Ф. Вильямса, могли ли англичане сбросить немецкие войска в море, если бы они высадились на островах, он ответил: «...Не знаю; у нас в это время было крайне мало необходимых материалов. Большинство снаряжения было потеряно в Дюнкерке, и мы были очень плохо экипированы»⁴³.

Гитлер и фашистская верхушка знали о трудном положении Англии. Были осведомлены они и о наличии капитулянтских тенденций среди части ее правящих кругов. Прежний опыт — опыт Мюнхена и «двойной полити-

ки» лета 1939 года и, наконец, «страшной войны» — под-сказывал им, что с Англией можно договориться, заключить выгодный мир, который развяжет руки против страны социализма. Как и в дни Дюнкерка, Гитлер считал, что разгром англичан и ликвидация Британской империи не в интересах рейха. «Такой исход, — заявил он на совещании командующих родами войск 13 июля 1940 г., — не принесет каких-либо выгод Германии. Немецкая кровь была бы пролита за то, что было бы выгодно лишь Японии, Соединенным Штатам и другим». «...Гитлер был заинтересован в заключении соглашения с Англией, — писал Ч. Уилмот в книге «Борьба за Европу», книге, завоевавшей немалую популярность среди тех, кто стоит на позициях антикоммунизма и приветствует любую попытку ревизии и фальсификации истории военных лет, — которое дало бы ему свободу рук на Востоке и позволило избежать «войны на два фронта»... Игнорируя уроки истории, Гитлер надеялся на новый «Мюнхен» или, по крайней мере, на „Амьен“»⁴⁴. В данном случае выражение «игнорируя уроки истории» звучит весьма странно — ведь Гитлер как раз учитывал английскую политику «умиротворения». Но в остальном Уилмот прав.

Сразу же после капитуляции Франции Гитлер начал новое «мирное наступление». Через папского нунция в Лондон были переданы условия мира, а 28 июня папа направил секретные послания Черчиллю, Гитлеру и Муссолини с предложением посредничества для заключения «справедливого и почетного мира». В начале июля, как отмечает П. Флеминг, Ватикан получил ответ из Лондона. Из него было видно, что Англия «расположена к переговорам». И они сразу же начались. Английский публицист Л. Томпсон приводит многочисленные данные о контактах между представителями Англии в Швейцарии и германскими агентами. В тайных переговорах, в частности, принимал участие английский посол Д. Келли. Одновременно в Лондоне шла борьба между Галифаксом, склонявшимся к прекращению войны путем соглашения с Германией, и Черчиллем, сторонником «борьбы до конца». Гитлер знал об этом и, по свидетельству Гальдера, ожидая результата, даже отложил открытие сессии рейхстага. 19 июля Гитлер выступил с речью в рейхстаге, заявив, что «не видит причин для продолжения войны». Одновременно, как признает Черчилль, через

Швецию, Ватикан и США были предприняты новые шаги, чтобы убедить Великобританию начать мирные переговоры ⁴⁵.

В это же время германская разведка по указанию Риббентропа и Гитлера сделала попытку привлечь на свою сторону герцога Виндзорского — бывшего английского короля Эдуарда VIII, известного своими профашистскими симпатиями. Германский посланник в Лиссабоне, куда из Мадрида прибыл Эдуард с супругой, получил предписание Риббентропа передать ему следующее: «Германия полна решимости любыми средствами принудить Англию к миру и после достижения этого готова выполнить любое желание герцога, в том числе о вступлении его и герцогини на престол» ⁴⁶.

Июльский «мирный натиск» не дал результатов. Идеи Черчилля победили. 1 августа Гитлер утвердил директиву № 17 о начале воздушного наступления на Англию. Началась «битва за Британию».

Вопрос о плане «Морской лев», его разработке, степени готовности и причинах отмены является одним из самых принципиальных и интересных среди проблем «битвы за Британию». Два подхода, две версии характерны для тех, кто пытается ответить на него. Первая сводится к тому, что никаких оснований у фашистской верхушки Германии рассчитывать на капитуляцию Лондона не было, а «Морской лев» был задуман как вполне реальный план. Для его осуществления, заявляют сторонники этой точки зрения, германское командование провело большую подготовку, и только укрепление обороноспособности Англии, а главное выигрыш воздушного сражения в августе — сентябре 1941 года заставили Гитлера сначала перенести срок, а весной 1941 года вообще отказаться от вторжения. Основные компоненты этой версии содержатся в рассказе Черчилля о событиях июля — сентября 1940 года. Ее положения полностью разделяют официальный историк Р. Уитли, М. Фут. Но наиболее последовательно обосновывает версию П. Флеминг ⁴⁷.

Сторонники второй, наоборот, считают, что «Морской лев» никогда не достигал стадии полной готовности, что он замышлялся Гитлером в качестве средства давления на Англию, чтобы вынудить ее к прекращению борьбы, и что, наконец, с середины июля 1940 года Гитлер вообще потерял интерес к вторжению, ибо его помыслы были направлены на подготовку нападения на СССР.

Если П. Флеминг отвергает «легенду о германском дилетантизме» при разработке «Морского льва», то М. Шульман, Лиддел Гарт, Д. Рейтлинжер, С. Кинг-Холл, Ф. Гудхардт и другие авторы второго направления, опираясь, в частности, на немецкие данные, весьма убедительно показывают, как и почему подготовка вторжения превратилась из военного в чисто политическое мероприятие.

«Действительная причина отказа Германии пересечь канал заключается в том, что Гитлер твердо верил в политическое урегулирование с Англией», — писал в 1947 году М. Шульман. Проанализировав показания гитлеровских генералов, решения, принятые на военных совещаниях 21 и 31 июля 1940 г., проходивших под руководством Гитлера, Лиддел Гарт сделал вывод, что уже в то время фашистский диктатор уделял гораздо больше внимания подготовке нападения на СССР, чем операции «Морской лев». «Этот поворот в его планах, — подводит он свой итог, — был выгоден Англии в это критическое время». «Гитлер вряд ли воспринимал операцию «Морской лев» серьезно, а не как блеф», — пишет Дж. Рейтлинжер в книге о фашистской агрессии против СССР. Еще более определенно высказывается Кинг-Холл. «На основании фактов, ныне известных, — подчеркивает он, — сомнительно, было ли вторжение в Англию предусмотрено вообще в его планах (Гитлера. — Г. Р.) на какой-либо отрезок времени»⁴⁸.

Может быть, факты, как утверждают представители первого направления, противоречат этому мнению? Отнюдь нет. Первое официальное заявление о вторжении в Англию было сделано 2 июля 1940 г., когда Гитлер направил главнокомандующим родов войск приказ начать изучение обстановки. Однако из приказа видно, что операция рассматривалась им лишь как «возможное событие». В свою очередь, отдавая приказ о подготовке необходимых данных, начальник генерального штаба сухопутных сил Кейтель заканчивал его словами: «Всю подготовку проводить с учетом, что вторжение является пока только планом и окончательно еще не решено. Об этом должны знать лица, лишь непосредственно связанные с операцией». Следующая директива, написанная Гитлером 16 июля 1940 г., начиналась так: «Я решил начать подготовку и, если окажется необходимым, провести вторжение в Англию». Ее текст, как верно заметил Лид-

дел Гарт, звучит весьма неопределенно. И даже П. Флеминг, отстаивающий реальность «Морского льва», отмечает, что она совершенно отлична от вполне ясных и определенных директив Гитлера о подготовке нападения на Польшу, Югославию, Советский Союз⁴⁹.

Чем это можно объяснить? По всей видимости, тем, что Гитлер, рассчитывая на капитуляцию Англии, решил отдать предпочтение подготовке агрессии против СССР. Мир, а возможно, и сотрудничество с Англией должны были стать важной предпосылкой в решении «русского вопроса». Что это было действительно так, показывают решения, принятые 21 и 31 июля. Как записал после совещания 21 июля Гальдер, Гитлер заявил Браухичу, в то время начальнику генерального штаба, что вторжение «будет предпринято только тогда, когда не удастся другими средствами прийти к соглашению с Англией». И тут же фашистский диктатор высказал свои опасения по поводу позиции СССР, на помощь которого, как он заметил, рассчитывает Лондон. «Наше внимание должно быть направлено на решение русской проблемы и подготовку планирования», — заявил фюрер. Еще через десять дней, 31 июля 1940 г., на новом совещании было принято окончательное решение: весной 1941 года напасть на Советский Союз. И снова Гитлер связывал его с судьбами Англии. «Россия весьма обеспокоена быстрым развитием западноевропейской обстановки, — заявил он, согласно записи Гальдера, — ...англичане, подобно тонущему человеку, будут надеяться, что положение претерпит радикальные изменения в течение шести или девяти месяцев. Но если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... Срок — весна 1941 года... Начало — май 1941 года... Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия...»⁵⁰.

Таким образом, всего через четыре дня после «директивы № 16» следует отнюдь не расплывчатое, а вполне определенное решение приступить к подготовке агрессии против СССР (план «Барбаросса»). Не это ли определило отношение Гитлера к операции «Морской лев»? В свете последующих событий зависимость второго от первого совершенно очевидна. И все же некоторые английские историки, признавая определенное влияние решений 21 и 31 июля 1940 г. на судьбы «Морского льва», пытаются преуменьшить их значение. Особенно заметно это у

П. Флеминга, который опускает самую важную часть решений 21 и 31 июля: ту самую, где говорилось о коренном повороте от подготовки «Морского льва» к плану агрессии против СССР.

Против недооценки плана «Морской лев» выступает Р. Уитли, отмечая, что Гитлер вполне серьезно «думал его начать»⁵¹. Между тем факты опровергают это мнение. Известно, что гитлеровские военные руководители вскоре после окончания войны в своих показаниях отрицали реальность «Морского льва». «Величайшей военной хитростью» назвал этот план гроссадмирал Редер. «Предложение о вторжении в Англию было неосуществимым,— показал фальдмаршал Рундштедт,— мы рассматривали его как некую уловку. Я считаю, что фюрер в действительности вообще не думал о вторжении в Англию; он определенно надеялся, что Англия вступит в мирные переговоры»⁵².

Кое-кто из английских исследователей признает, что Германия не готовилась должным образом к высадке. «Провал германского вторжения в Англию в 1940 году,— говорится в коллективной работе «Британская безопасность», изданной в 1946 году «Чатам хауз», — произошел не только из-за препятствий с пересечением канала и сопротивления флота и авиации. Частично он был следствием их (немцев. — *Г. Р.*) собственной неподготовленности к вторжению». Еще более определенно высказывается Ф. Гудхардт. «Вся идея вторжения казалась полным абсурдом», — замечал он. Гудхардт обращает внимание на тот факт, что 23 июля 1940 г., во время репетиции вторжения, в штабе вермахта в Фонтенбло выяснилось, что немецкий флот не может перевезти через Ла-Манш необходимое количество войск. Новые предложения, внесенные руководством флота через пять дней, также оказались нереальными⁵³.

Интересный и во многом правильный анализ эволюции плана «Морской лев» содержится в третьем томе «Большой стратегии». Конференция 31 июля 1940 г. показала, пишет Дж. Гуайер, что Гитлер, «не ожидая разгрома Англии, уже повернулся к России. К концу августа план базировался, «почти исключительно», на действиях люфтваффе, а высадка сухопутных войск предусматривалась лишь в качестве завершающей операции». «Такое решение, — делает вывод официальный историк, — Гитлер, вероятно, желал и даже предвидел с самого начала.

Несомненно, что метод воздушных атак, в сочетании с блокадой, отвечал его особым замыслам лучше, чем вторжение. Решение Гитлера напасть на Россию еще до закрепления победы на Западе, если его рассматривать под этим углом зрения, далеко не так опрометчиво и нелогично, как может показаться на первый взгляд»⁵⁴, — добавляет он.

Факты, значение которых подчеркивает Гудхардт и Гуайер, еще раз подтверждают, что, едва появившись на свет, «Морской лев» оказался несостоятельным именно по политическим причинам. Как Гитлер, так и военные руководители Германии не верили в необходимость его проведения. Тем не менее буржуазные историки Англии, за немногими исключениями, пытаются отрицать этот факт.

Чем объяснить их закорюченную позицию? Одна из главных задач английской буржуазной историографии второй мировой войны — показ и возвеличивание роли Англии, ее вооруженных сил на всех ее этапах и фронтах. Для того чтобы провести эту линию через события лета — осени 1940 года, ей нужен не «Морской лев» — миф, а «Морской лев» — реальность. Вот почему не сделаны должные выводы из трофейных материалов. Более того, некоторые представители официального направления называют «битву за Британию» величайшим и даже решающим сражением второй мировой войны. Так, Ч. Уилмот считает, что уже летом 1940 года война «достигла поворотного пункта», ибо решение Англии продолжить борьбу привело к «фатальному курсу вторжения в Россию». «Если бы Гитлер смог завоевать или хотя бы нейтрализовать Англию, — замечает автор, — он не имел бы причин бояться второго фронта». Еще более определенно высказывается А. Тойнби. «Решение британского народа продолжать борьбу против Германии после 25 июня 1940 г. было актом, сделавшим германское нападение на Советский Союз в июне 1941 года в конечном счете фатальным для Германии, а японское нападение на Соединенные Штаты в декабре 1941 года в конечном счете фатальным для Германии и Японии», — пишет он. «Победа королевских воздушных сил в это удивительное и памятное лето (1940 г. — Г. Р.), — отмечает Дж. Лисор, — спасла Англию от германского вторжения». Что произошло бы, спрашивает он, если бы английская авиация не сдержала натиск люфтваффе? И дает следующий ответ: вторжение

вермахта в Англию, захват уже в 1940 году Гонконга, Малайи, Бирмы, Борнео и, «возможно, и Индии» Японии. Англия не смогла бы оказать весной 1941 года помощи Греции, и тогда Гитлер начал бы вторжение в СССР на полтора месяца раньше, в результате чего Москва была бы «почти определенно» сдана «и мир столкнулся бы с полным контролем оси»⁵⁵.

Сходное мнение высказали в 1965 году Х. Тревор-Рупер и Р. Кларк. «Битву за Британию» первый из них сравнивает с битвой на Марне, считая, что она оказалась для Германии «столь же роковой». Работа второго «Битва за Британию» имеет подзаголовок: «Шестнадцать недель, которые изменили ход истории». Не проронив ни слова о начавшейся летом 1940 года подготовке Германии к нападению на СССР, автор делает следующий вывод: «Решение отложить попытку германского вторжения в Англию, принятое Гитлером во вторник 17 сентября (1940 г. — Г. Р.), означало поворотный пункт не только в ходе второй мировой войны, но и в истории XX столетия... Впервые после 1918 года немцы начали (!?) главную военную операцию и были разгромлены (?)»⁵⁶.

Абсурдность этих и подобных им построений бросается в глаза. Преувеличения превращаются здесь в явную нелепость. Конечно, воля и решимость английского народа продолжать борьбу с гитлеровской Германией в тяжелые дни лета 1940 года, исход «битвы за Британию» имели большое значение для судеб Англии. Отрицать это никто не собирается. Однако нельзя забывать, что судьбы Англии, да и Европы, были во многом определены тем, что в тылу Германии находилась социалистическая держава. Опасения Гитлера за свой тыл, боязнь растущей экономической и военной мощи СССР, несомненно, повлияли на его планы, и игнорировать эту историческую реальность, конечно, невозможно.

В разные годы отдельные английские исследователи с теми или иными оговорками признавали важную роль, которую тогда сыграло Советское государство в судьбе Англии. О том, что Гитлер, выдвигая план «Морской лев», испытывал тревогу из-за позиции СССР, писал еще в 1951 году Ф. Хинсли. «Восточная кампания», признавал он, встала «в повестку дня» как раз тогда, когда «Морской лев» был отложен. В 1960 году против попыток преувеличить значение «битвы за Британию» выступил военный историк А. Мак Ки. В книге «Удар с неба» он спра-

ведливо отмечал, что успех в воздушном сражении над Британскими островами в августе — сентябре 1940 года отнюдь не означал «выигрыша войны», а о его решающем значении можно говорить только в том смысле, что он заставил Гитлера изменить планы и напасть на Россию⁵⁷.

Еще более категорично высказались известные военные историки Англии Дж. Батлер и Б. Лиддел Гарт. Первый из них подчеркивает, что подготовку Германии к войне с СССР следует учитывать всегда, когда рассматривается вопрос о том, почему Гитлер в 1940 году не использовал против Великобритании то «значительное превосходство в силах», которым он располагал. «Поскольку Советская Россия оставалась вне войны, — писал еще в 1941 году Лиддел Гарт, — и ее войска маршировали вдоль германской границы на расстоянии не более чем в 300 миль от Берлина, Гитлер не мог осмелиться бросить все свои силы против нас». Позже в «Стратегии» он снова подчеркнул значение, которое в 1940 году сыграл Советский Союз. «...Англия, — отмечал Гарт, — могла лишь помешать ему (Гитлеру. — Г. Р.) пожать плоды успехов... Она не была столь могущественной, чтобы сокрушить его силу и заставить отказаться от завоеванного. Такая возможность появилась только тогда, когда Гитлер... в июне 1941 года ударил по Советской России». Это решение, заключает он, и стало для него роковым⁵⁸.

Дж. Батлер и Лиддел Гарт пришли к важному заключению. Оно не только помогает восстановить истину, но и наносит удар по злопыхательским заявлениям и антисоветским версиям, согласно которым в 1939—1941 годах СССР якобы не только не оказывал благоприятного воздействия на международную обстановку, но и помогал Германии в ее борьбе с Англией.

«Незванный посол» — миссия Гесса в Англию. В мае 1941 года, когда фашистская Германия в основном завершила подготовку к нападению на СССР, произошел эпизод, который многие буржуазные авторы склонны считать сенсационным, загадочным. 10 мая Рудольф Гесс — один из главарей фашистской Германии — вылетел в Англию, чтобы договориться с влиятельными промюхенскими кругами о прекращении войны и совместной борьбе против СССР.

Возникает вопрос: на чем основываются английские публицисты и историки, когда изображают «миссию Гесса» как сенсационную и в некотором роде даже романтическую? Во-первых, опубликованные материалы, в том числе документы Нюрнбергского трибунала, осудившего главных военных преступников, и среди них Р. Гесса, не установили наличие договоренности между ними и Гитлером, и, как заявлял Гесс, он действовал якобы всецело на свой страх и риск. Во-вторых, отправляясь в полет, Р. Гесс, по-видимому, не имел ясного представления об обстановке в Англии, настроениях тех людей, с которыми он собирался установить контакт. Герцог Гамильтон, например, в поместье которого Гесс собирался приземлиться, служил в авиации и не был дома. В-третьих, появление Гесса в Англии носило детективную окраску: недостаток бензина заставил его выпрыгнуть с парашютом, при приземлении он подвернул ногу и сразу же был обнаружен местными жителями, сведения о прилете «посланца из Германии» очень скоро проникли в шотландскую печать и т. д.

И. Киркпатрик — чиновник Форин оффиса, который первым по поручению правительства участвовал в беседах с Гессом, — начинает главу своих воспоминаний о фашистском эмиссаре со следующей фразы: «Эпизод с Гессом был комедией с начала и до конца», а заканчивает, назвав его «одним из самых странных в истории». Ссылаясь на свои беседы с Гессом, он отвергает возможность того, что Гитлер знал о его полете. Киркпатрик не был сколько-нибудь оригинальным — он просто следовал уже установившейся традиции. Для ее закрепления в свое время много сделал У. Черчилль, заинтересованный в том, чтобы отвести возможные подозрения и от военного кабинета, и от себя лично. На протяжении пяти страниц третьего тома «Второй мировой войны», где говорится о Гессе, он дважды подчеркивает, что тот действовал на свой страх и риск и прибыл в Англию «по собственному желанию». Эпизод с Гессом, заключает Черчилль, «является медицинским, а не криминальным случаем и должен рассматриваться как таковой»⁵⁹.

А. Иден также старается рассеять подозрения, возникшие в связи с «делом Гесса». Весь вопрос он сводит к «личной драме» нацистского лидера, отвергая какую-либо причастность к ней Гитлера. Эту же официальную версию поддерживает Х. Тревор-Рупер. Гесс прилетел в

Англию с поврежденным рассудком, его цели были «чистой фантазией», уверяет он⁶⁰.

Однако в английской историографии имеется и другая точка зрения. Ее сторонники серьезно относятся к «случаю с Гессом», рассматривая его в связи с международной обстановкой, сложившейся к маю 1941 года, и антисоветскими настроениями части правящих кругов Англии. Так, прогрессивный английский экономист Л. Пауль еще в 1945 году высказал предположение, что «визит Гесса», возможно, был «последней попыткой» Гитлера изменить ход событий и добиться сближения с Англией. Интересные соображения через год выдвинул К. Инграм. Он отмечал, что Гесс хотел знать, насколько влиятельны те английские круги, которые могут поддержать нападение на СССР. События 1939—1940 годов, пишет Инграм, показали Гитлеру и его присным, что в Англии среди правых элементов весьма сильны антисоветские настроения. «Те, кто считал Москву реальным врагом, — подчеркивает прогрессивный исследователь, — могли оказаться достаточно сильными, чтобы повлиять на официальную позицию или, по крайней мере, произвести раскол, который ослабит правительство, решившее продолжать войну»⁶¹.

Насколько правомочна точка зрения Инграма? Были ли в Англии группировки, способные пойти навстречу Гитлеру? Да, были и сохраняли часть своего влияния. Об этом свидетельствует такой осведомленный наблюдатель, как И. М. Майский. «Насколько мне известно, — записал 1 июня 1941 г. в своем дневнике советский посол в Англии, — в связи с прилетом Гесса за кулисами британской политики началась борьба. Черчилль, Иден, Бевин и вообще все лейбористские министры сразу же высказались решительно против ведения с ним или через него каких-либо переговоров о мире с Германией. Однако нашлись среди министров люди типа Саймона, которые при поддержке бывших «кливденцев» считали, что следует использовать столь неожиданно представившийся случай для установления контакта с Гитлером или, по крайней мере, для зондажа о возможных условиях мира. В конечном счете победил Черчилль»⁶². В связи со свидетельством И. М. Майского высказывание К. Инграма приобретает особый интерес.

Начиная с конца 50-х годов ряд крупных буржуазных историков Англии стали рассматривать «миссию Гесса»

в тесной связи с планами гитлеровского нападения на СССР и тем самым подвергли сомнению правильность официальной установки. Так, Д. Рейтлинжер, взяв за основу официальную версию, согласно которой Гесс ничего не знал о предстоящем нападении на СССР, обратил внимание на два обстоятельства: 1) факт подготовки к нападению мог быть известен духовному наставнику Гесса — Альбрехту Гаусгоферу⁶³, который выбрал соответствующий момент для полета; 2) через два дня после отклонения Англией предложений Гесса (таким отклонением автор считает официальное заявление английского правительства о его прилете) Гитлер назначил срок нападения на СССР⁶⁴. Хотя Рейтлинжер отказывается от каких-либо выводов, его точка зрения ясна: даже если Гесс и не был знаком с планом агрессии против Советского Союза, то Гитлер вполне мог знать о его намерениях, а возможно, и влиять на их осуществление.

Но, пожалуй, самые интересные признания содержатся в книге Дж. Лисора «Рудольф Гесс: незванный посол», изданной в 1962 году в Лондоне. Автор приводит выдержку из разговора Гесса со своим адъютантом Питшем после его первой неудавшейся попытки полета в Англию в январе 1941 года. На вопрос Питша, почему Гесс не рассказал о своем плане Гитлеру, тот ответил, что уже несколько раз обсуждал его с ним. «Гитлер, — передает Лисор объяснения Гесса, — хочет иметь сильную Англию и стремится к миру с ней. Вот почему мы не вторглись в Британию после Дюнкерка... Вот почему с тех пор мы стремимся к переговорам о мире. Наши враги теперь не на Западе, а на Востоке... Через десять лет Россия станет самой сильной страной в мире. Тогда события... полностью выйдут из-под нашего контроля. Нам необходимо действовать и остановить это развитие уже теперь. Я знаю, что это является желанием Гитлера. Его сокровенная мечта состоит в том, чтобы такой ход событий был прекращен». Еще и еще раз автор обращает внимание на единство взглядов Гесса и Гитлера. И тогда, когда он описывает, с каким напряжением ожидали в ставке Гитлера так и не поступивших сообщений от Гесса, и тогда, когда ссылается на западногерманского историка В. Фришауэра, показавшего, что все поведение лиц из окружения Геринга в дни эпизода с Гессом свидетельствовало, что «Гитлер не только надеялся на заключение мира с Западом, но даже рассчитывал убедить ан-

глейское правительство присоединиться к Германии в нападении на Россию»⁶⁵.

Рассматривая переговоры представителей Черчилля с Гессом, Лисор показывает, что они отнюдь не были столь коротки и безобидны, как их изображает Черчилль или Киркпатрик. Гессу, например, была устроена встреча с сотрудником германского консульства, интернированным в Англии, а Дж. Саймон — «мюнхенец», министр в кабинете Черчилля, посетивший Гесса под видом врача-психиатра, — взял у него записку «Основы соглашения», которую обещал передать правительству. Но и на этом контакты не закончились. В сентябре 1941 года, уже после того как СССР и Англия стали союзниками, у Гесса побывал министр авиационного производства Бивербрук. Как отметил Бивербрук, выступая в 1959 году по телевидению, Гесс ему заявил: «Победа Англии была бы победой для большевиков, а это рано или поздно будет означать русскую оккупацию Германии и остальной Европы».

Сообщая об этом, Лисор сбрасывает маску объективизма. «Если бы Германия и Англия были союзниками в этом вторжении, — заявляет он, — их объединенные силы достигли бы Москвы еще до зимы. В результате не может быть сомнений». И все же он вынужден сквозь зубы признать всю невозможность такого поворота для Англии. «Если бы Россия была разбита, каково было бы тогда положение Англии?.. Даже предположив, что Гитлер, утомленный резней и кровью, не захочет захватить Англию или ее владения силой, он мог бы легко их контролировать»,⁶⁶ — заявляет Лисор. Этим он как бы отвечает на вопрос, присутствующий между строк его книги: почему же Уайтхолл остался глух к предложениям «незванного посла»? И хотя автор заканчивает свою работу словами Черчилля, предлагая читателю расценивать прилет Гесса как медицинский, а не криминальный случай, ее содержание во многом противоречит этой официальной оценке.

Советские историки, опираясь на факты, анализируя действия гитлеровской верхушки в период подготовки и полета Гесса в Англию, а также настроения правящих кругов Англии, отвергают версию Черчилля — Киркпатрика о «невменяемом Гессе», действовавшем на свой собственный «страх и риск». Предложения Гесса, считают они, несомненно, отражали мнение Гитлера и его ближайшего окружения⁶⁷.

Глава 2

1941 год: нападение фашистской Германии на СССР; образование антигитлеровской коалиции

«Великий» или «вынужденный союз»? 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Начался новый этап второй мировой войны. Вступление СССР в войну привело к окончательному превращению ее из империалистической в антифашистскую. Сразу весьма существенно изменилось соотношение сил. Если до июня 1941 года Великобритания в течение года один на один вела борьбу с Германией и Италией, то с этого времени почти все силы вермахта были брошены против Советской державы. Появилась возможность нанести удар по фашистскому рейху с запада. Она стала еще более реальной, после того как США в декабре 1941 года оказались втянутыми в мировой конфликт. Вступление в войну СССР, начало военного сотрудничества между Советским государством, Англией и США дали уверенность народам в скором разгроме фашизма.

Еще до начала Великой Отечественной войны некоторые общественные деятели Англии, в том числе весьма далекие от симпатий к социализму Г. Батлер и Г. Никольсон, подчеркивали особую важность привлечения СССР к борьбе против фашистской Германии и ее союзников. На большое значение вступления Советского государства в борьбу с нацизмом указал в 1942 году Б. Лиддел Гарт. «Гитлеровское нападение на Россию, —

писал он, — полностью изменило лицо войны. Характер войны изменился как с идеологической, так и со стратегической точки зрения». Нападение Гитлера на СССР, справедливо отмечал исследователь англо-американских отношений Х. Аллен, «изменило весь характер войны... сделало сокрушительный разгром оси совершенно определенным». Большое значение вступления СССР в борьбу, правда не без ряда оговорок, был вынужден признать и У. Черчилль. «Сила Советского правительства, моральный дух русского народа, его бесчисленные резервы людской силы, огромные просторы и суровость русской зимы были теми факторами, которые окончательно разрушили гитлеровские армии», — заявлял лидер консерваторов в третьем томе воспоминаний «Вторая мировая война». Однако здесь же он добавлял: «Но ни один из них не проявился в 1941 году». Более того, отмечал Черчилль, Англии пришлось взять на себя «очень тяжелое бремя и расходы». Что же это за бремя? Поставки Советскому Союзу, притом в «очень больших размерах», вооружения, снаряжения и других материалов¹.

Оговорки Черчилля звучат не только фальшиво, но и лицемерно. Лидер консерваторов, конечно, знал, что Советская страна летом 1941 года не только сняла бремя немецкого давления на Англию, не только спасла жизнь сотням тысяч англичан, но и вообще изменила весь ее дальнейший ход.

Вечером 22 июня 1941 г. Великобритания, а затем и США заявили о полной поддержке борьбы советских народов. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано англо-советское соглашение, оформившее союз двух держав в войне против фашистской Германии и положившее начало формированию антигитлеровской коалиции.

Реакционные круги Англии смотрели на сотрудничество с СССР как на вынужденное и временное. И хотя большинство английских историков старается обойти этот вопрос, высказывания некоторых военных и политических деятелей того времени не оставляют сомнений в позиции руководящих английских кругов. «Странный союз — 1941 год» — так назвал главу своих воспоминаний лорд Исмей, являвшийся в годы войны начальником штаба при премьер-министре Англии. «Я должен заметить, — откровенно писал он, — что перспектива стать союзниками большевиков была нелепостью... существовали большие сомнения и относительно их военной ценности»².

Из кратких, скупых замечаний Черчилля, Исмей и других руководителей Англии видно, что, не веря в то, что Советское государство сможет выстоять перед натиском бронетанковых армий Гитлера, они все же считали крайне важным до конца использовать его борьбу и руками советских людей ослабить мощь фашистской Германии. «Когда мы услышали рано утром 22 июня, что Гитлер объявил войну России, мы считали, что русские долго не продержатся», — вспоминает бывший заместитель начальника генерального штаба Великобритании Дж. Кеннеди. О настроениях, господствовавших тогда в военных кругах, пишет Исмей: «Генерал Дилл не был одинок, — замечает он вскользь, — думая, что немцы пройдут сквозь них (русских. — *Г. Р.*) подобно острию ножа, проходящему сквозь масло». Точку зрения генерала разделял и леволейбористский деятель, посол Англии в Москве С. Криппс. За несколько дней до нападения Германии на Советский Союз он сообщил в Лондон, что, по мнению дипломатических кругов в Москве, немцы одержат победу за три-четыре недели. «Всеобщее мнение было таково, — как бы подводит итог Б. Кольер, — что русские могут продержаться шесть месяцев или около того, но, более вероятно, потерпят поражение в течение шести недель»³.

Однако борьба СССР, сковавшая почти все силы гитлеровской Германии, была крайне выгодна Англии. И ее правящие круги оказанием некоторой, крайне незначительной, военной помощи, а главным образом обещаниями такой помощи в будущем пытались воздействовать на Советское правительство. «Русские события, — писал в дневнике генерал Кеннеди, — могут ослабить бошей и помочь нам. Мы должны постараться удержать их в борьбе». Вскоре он следующим образом инструктировал руководителя британской военной миссии генерала М. Макферлана, отправлявшегося в Москву: «Мы не должны думать, что это (борьба Советского Союза против фашистской Германии. — *Г. Р.*) является чем-то большим, чем побочный шанс. Но мы должны использовать даже такой незначительный шанс. Ваша задача — сделать все возможное, чтобы удержать русских в войне и тем самым истощить бошей. Даже если мы ухитримся заставить их воевать в Сибири.., это даст нам кое-что»⁴.

Нечего и говорить, что эта циничная точка зрения на борьбу советских народов никак не вязалась с теми равноправными, дружескими отношениями, которые, ка-

залось, должны были складываться между двумя союзными державами. «Очень многие в Англии, — писал в те дни С. Криппс, — не хотят признавать, что это не новая война, в которой мы должны помогать, если сможем, а та же самая война, и что отныне Россия является единственным нашим фронтом... Если она является нашим собственным фронтом, то мы должны, несмотря на весь риск, ослабить давление на него, пока не стало слишком поздно и мы не потеряли большую часть выгоды от него...»⁵.

Позицию «очень многих» фактически разделял Черчилль. Его дела разительным образом отличались от слов, произносимых в публичных выступлениях. Именно Черчилль, не скрывает Дж. Гуайер, дал указание делегации, отправлявшейся в Москву на первую союзническую конференцию, обещать увеличение военной помощи СССР, но лишь с 1 июля 1942 г.⁶ Мнение, что Советский Союз не выдержит ударов гитлеровской военной машины, продолжало господствовать в ответственных кругах Лондона вплоть до конца 1941 года, когда наступление советских войск под Москвой, нанесших первый с начала второй мировой войны сокрушительный удар вермахту, заставило заняться переоценкой ценностей.

Если большинство буржуазных исследователей старается обойти неприятный для них вопрос об отношении Англии к Советскому государству в первые месяцы его войны против Германии, то отдельные авторы все же вынуждены признать корыстные принципы подхода английского правительства, особенно Черчилля, к сотрудничеству с СССР. Так У. Макнейл и Ч. Уилмот, книги которых «Америка, Британия и Россия, их сотрудничество и конфликт, 1941—1946» и «Борьба за Европу», опубликованные в начале 50-х годов, до сих пор считаются основополагающими работами о внешней политике и международных отношениях Англии в период войны, без тени смущения отмечали, что Лондон смотрел на СССР лишь как на силу, способную хотя бы временно отвлечь внимание Гитлера от Англии. «Официальные отношения с вновь приобретенным русским союзником определялись уверенностью, что сокрушительное, если не общее, поражение Советов неизбежно. Война на Востоке, отвлекая основные силы германской армии и авиации от Англии, означала серьезную передышку», — оценивал позицию Уайтхолла Макнейл. Сходное мнение высказывал и Ч. Уилмот. Объявляя 22 июня 1941 г. о поддержке СССР, Черчилль отнюдь не

руководствовался «чистым или даже частичным альтруизмом», признает популярный военный публицист Англии Р. Сет. Он действовал на основе принципа: «чем дольше русские смогут сопротивляться, тем больше времени будет иметь Англия для восстановления своих сил»⁷.

Однако сам ход событий, огромная угроза, которая могла стать непосредственной для Англии и США в случае поражения СССР, первые его успехи в борьбе с фашистскими полчищами толкали правящие группировки западных держав к военно-политическому сотрудничеству с Советской страной.

Следует отметить, что буржуазные историки Англии делают упор на показе того, что разъединяло Советский Союз, Англию и США, и почти ничего не пишут о том, что их объединяло в борьбе с фашизмом. Такой подход характерен как для крупных, признанных на Западе историков, вроде Л. Вудварда или У. Макнейла, так и для других буржуазных авторов.

С иных позиций выступает советская историография. Историки Советского Союза подчеркивают общность задач и целей народов СССР, США и Великобритании в тяжелой борьбе с фашизмом. Опираясь на факты, они показывают, что Советское правительство стремилось к развитию не только военного, но и политического сотрудничества с партнерами по антигитлеровской коалиции. Отнюдь не замалчивая противоречий между государствами с различным экономическим и политическим строем, советские историки подчеркивают закономерность образования боевого союза миролюбивых стран против фашистских агрессоров⁸.

Англо-советские отношения в 1941 году. Проблеме военной помощи Советскому Союзу английские исследователи уделяют сравнительно много внимания. Один из их тезисов состоит в том, что с июля 1941 года Англия, а затем и США поставками военных материалов оказали серьезную помощь СССР, которая сыграла чуть ли не решающую роль в провале планов Гитлера. При этом некоторые историки бездоказательно заявляют, что эта помощь оказывалась даже в ущерб национальным интересам Англии. Поставки, которые предназначались для Юго-Восточной Азии, «были посланы России», и это привело к падению Сингапура, писала в 1944 году, не скрывая

своих антисоветских взглядов, Д. Крисп. «Английское правительство, — утверждает Дж. Лисор, — так стремилось помочь России, что лишило свои собственные армии оружия и материалов, которые они во многих случаях ждали в течение двух, а то и более лет»⁹.

Надо сказать, что Черчилль приложил много стараний, чтобы хоть как-то подкрепить этот весьма шаткий тезис. «Все, что было послано России, — уверяет он в третьем томе военных воспоминаний, — было отнято от жизненных потребностей Англии...». В защиту этого тезиса выступает и биограф Черчилля Л. Брод. Несмотря на требования военных об усилении английской армии в Египте, пишет он, Черчилль «считал необходимым предоставить всю возможную помощь Красной Армии, даже если это означало лишение поставок Окинлеку»¹⁰. Однако ни Черчилль, ни Лисор, ни Брод не могут привести каких-либо фактов, подтверждающих эти заявления.

Какова в действительности роль английской военной помощи Советскому Союзу в июле — ноябре 1941 года, то есть в тот период, когда в ней ощущалась особая необходимость? Как убедительно показали советские историки, вплоть до самого конца 1941 года поставки из Англии и США были крайне незначительными и не могли оказать какого-либо влияния на ход военных действий на советско-германском фронте. Лишь в середине августа было подписано англо-советское соглашение о товарообороте, предусматривавшее некоторое увеличение объема и предоставление СССР кредита в размере 10 млн. ф. ст. Тогда же был отправлен первый караван судов с вооружением для Советской Армии. Что касается США, то до начала 1942 года их военная помощь СССР исчислялась более чем скромной суммой — 545 тыс. долл. К августу прибыло, например, только пять американских бомбардировщиков и 147 истребителей вместо 6000 запрошенных единиц¹¹. Только после подписания 1 октября 1941 г. Московского протокола об англо-американских поставках поток грузов несколько увеличился.

Не случайно Советское правительство летом — осенью 1941 года неоднократно ставило в Лондоне вопрос о необходимости увеличения военной помощи. В конце августа И. М. Майский заявил А. Идену, что 200 истребителей, обещанных Советскому Союзу, слишком мало, учитывая большие потери. Английский министр иностранных дел ответил, что помощь будет увеличена. Однако этого не

произошло. Наоборот, квоты были сокращены. За июль—декабрь 1941 года Англия вместе с США поставила СССР 750 самолетов, 501 танк и 8 зенитных орудий, хотя по протоколу о поставках должна была передать 1200 самолетов и 1500 танков¹².

Утверждения Черчилля о том, что Англия «делала все возможное» для оказания военной помощи Советскому Союзу, не соответствуют действительности. Один из документов — инструкция Черчилля Бивербруку, являвшемуся тогда министром военного производства, — отчетливо показывает это. В документе, который Бивербрук получил перед отъездом на Московскую конференцию, говорилось: «Ваша функция — не только в том, чтобы планировать оказание помощи России, но и добиться того, чтобы при этом мы сами не были обескровлены. И если на вас окажет воздействие атмосфера России, то я останусь совершенно непреклонным»¹³. Возникает вопрос: когда же Черчилль был искренен, в 1941 или в 1950 году, когда на страницах мемуаров писал о своих стремлениях оказать максимально возможную помощь СССР?

Надо сказать, что сами английские публицисты и историки, особенно во время войны и в первые послевоенные годы, неоднократно подчеркивали, что англо-американская помощь Советскому Союзу в 1941 и даже в 1942 году была крайне незначительной и не могла оказать влияния на ход событий на советско-германском фронте. Вот несколько примеров. «...Практически вся битва за Москву велась русскими материалами», — подчеркивал Ф. Джордан. «Достижения Красной Армии в сопротивлении Германии, первоначально с минимальной помощью Запада, — отмечал П. Метьюз, — конечно, продемонстрировали огромную внутреннюю силу Советской России». «Это был год, — писал известный английский журналист А. Верт о значении 1942 года, — когда Советский Союз, еще не получая существенной помощи от своих союзников, вел борьбу за существование и выиграл ее»¹⁴.

Если большая группа буржуазных авторов всячески преувеличивает значение английской помощи Советскому государству в 1941 году, то некоторые вообще выступают против заключенного союза. Веяния, явно антисоветские по своему характеру, проникли даже на страницы официальных работ. Л. Вудвард в упоминавшейся уже книге «Внешняя политика Англии во время второй мировой войны» не выступает прямо против поддержки

СССР. Но все, что Вудворд пишет, дает основание считать, что ее он не одобряет. Война СССР против фашизма, по его мнению, была «лишь эпизодом» в длительной борьбе русского коммунизма против «ведущих держав» Запада. «...Русские воевали только потому, что на них напали. Факт этого нападения не изменил их враждебности к Великобритании и Соединенным Штатам как к ведущим государствам капиталистического мира... Они не сражались за «свободу» западной цивилизации, они не меньше были заинтересованы в защите себя от своих «союзников», чем в выигрыше войны против Германии»¹⁵, — без малейшей тени смущения заявляет Вудвард. Что это: недомыслие или полное непонимание существа той тяжелой, кровопролитной борьбы с фашизмом, которую вел советский народ в 1941—1945 годах?

Не менее откровенен и генерал-майор Дж. Фуллер. «...Черчилль не должен был импульсивно бросать свою страну в объятия Советского Союза...», — решительно заявляет он. Почему? Да потому, что «не было ни политических, ни моральных» выгод поддерживать социалистическую державу в ее борьбе против Гитлера, ведь в случае победы «баланс сил в Европе» полностью менялся бы в пользу коммунизма. Вот если бы Черчилль выдвинул предварительные жесткие условия, ставившие СССР в зависимое положение, писал Фуллер, тогда другое дело¹⁶.

Эти и подобные им утверждения говорят о том, что в Англии определенная часть буржуазных историков под воздействием идеологии антикоммунизма и веяний «холодной войны» скатилась на позиции откровенного ревизионизма. Она склонна рассматривать события 1941—1945 годов в полном отрыве от реальной действительности тех лет.

Ряд английских буржуазных авторов, искажая позицию Советского правительства, пишет о том, что Москва была единственным виновником натянутости в англо-советских отношениях, особенно заметной в первые месяцы Великой Отечественной войны, а также в 1942 году. Для таких заявлений тем более нет оснований. Если говорить о натянутости в англо-советских отношениях осенью 1941 года и в 1942 году, то она целиком объясняется тем, что Англия и США не оказали сколько-нибудь серьезной помощи СССР в самые трудные для него месяцы войны. Что касается Советского правительства, то оно не раз старалось наладить сотрудничество с Англией и США¹⁷,

Проблема второго фронта. После того как Советский Союз стал союзником Великобритании, появилась возможность координации военных усилий двух держав с целью скорейшей победы над врагом. Для Германии такое сотрудничество могло обернуться тяжелой, бесперспективной войной на два фронта. Бросив в июне 1941 года всю свою армию на Восток, Гитлер почти полностью оголил Западную Европу. Во Франции, Бельгии и Голландии находилось всего 38 немецких дивизий. Лишь 300 бомбардировщиков, отмечает английский военный историк Кольер, были оставлены в Западной Европе, чтобы угрожать Англии и ее судоходству¹⁸. Правительство Черчилля, если бы оно действительно руководствовалось желанием оказать помощь советскому союзнику, в этих условиях должно было бы немедленно поставить в повестку дня вопрос о создании фронта в Европе.

Советское правительство так и понимало союзнический долг. Сначала через полпреда в Великобритании И. М. Майского, а затем в послании И. В. Сталина Черчиллю от 18 июля 1941 г. оно поставило вопрос об открытии в Западной Европе фронта против гитлеровской Германии.

«Фронт на севере Франции, — писал глава Советского правительства, — не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»¹⁹.

Известно, что английское правительство отрицательно отнеслось к этому предложению. Как убедительно показали советские историки, политика Черчилля, направленная на отказ от открытия второго фронта в Европе в 1941 году, как и в последующие два года, определялась прежде всего политическими причинами. Расчеты на ослабление социалистического государства, наряду с ослаблением фашистской Германии, имели при этом немаловажное значение²⁰.

Чтобы обосновать отсрочку с открытием второго фронта, Черчилль ссылаясь на ряд аргументов. В личных документах военных лет, а затем в мемуарах он выдвинул концепцию, которая была воспринята и дополнена другими политическими и военными деятелями Англии. Суть ее сводится к следующему: 1) в 1941 году «крупная операция» во Франции или другом районе Европы была невозможна, потому что ее побережье было «укреплено до предела»; вермахт располагал на западе большим количеством дивизий, чем англичане, и, кроме того, не хватало тоннажа для перевозки войск; 2) в 1942 году высадка на континент все еще оставалась весьма «рискованным делом» из-за недостатка ресурсов и, особенно, десантных судов. Поэтому «лучшая помощь» Советскому Союзу могла быть оказана лишь высадкой в Северной Африке и очищением от сил «оси» всего североафриканского побережья; 3) в 1943 году обстановка все еще не благоприятствовала открытию второго фронта; Англия и США были обязаны использовать «новые возможности» в Средиземноморье (Сицилия — Италия — «балканский вариант»). Эта концепция, являющаяся основной концепцией второго фронта в английской историографии, с теми или иными незначительными вариациями присутствует буквально во всех работах буржуазных историков и публицистов о второй мировой войне.

Основные доводы, на которых стали строиться аргументы о невозможности открытия второго фронта в Европе, как отмечает советский историк Л. В. Поздеева, содержались уже в первом послании Черчилля к Сталину, отправленном из Лондона 7 июля 1941 г. «Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы», — заявил в нем глава английского правительства. А в начале сентября Черчилль окончательно отклонил операцию в Европе, о чем 4 сентября 1941 г. сообщил в Москву²¹.

Чем объяснил он причины этого отказа, отказа, сделанного поспешно в ответ на послание И. В. Сталина от 3 сентября? Лишь одним: отсутствием необходимых сил и средств. Чтобы «доказать» абсурдность требований Москвы, Черчилль утверждает: «Русские никогда не понимали, даже в самой малой степени, суть десантных операций, необходимых для высадки и обеспечения большой армии на хорошо укрепленное вражеское побережье... Даже американцы в тот период в значительной

мере не сознавали этих трудностей». Еще и еще раз он использует свой главный козырь — ссылку на «почти полное» отсутствие у Англии специальных десантных судов. Эти суда, уверяет Черчилль, «не могли быть готовы, даже в меньшем, чем нужно, количестве», раньше лета 1943 года²².

Аргументация Черчилля стала широко использоваться на Западе. Чтобы действовать, писал в 1953 году Ч. Уилмот, английские руководители считали необходимым дожидаться существенного ослабления немецких сил во Франции. Их основное внимание было уделено Средиземноморью. Открытие второго фронта в течение двух лет «было просто невозможно по техническим причинам», ведь сухопутные силы не существовали, заявляет М. Фут. «Морской транспорт, — замечает А. Брайант, рассматривая взгляды А. Брука, назначенного в ноябре 1941 года начальником генерального штаба Англии, — был ведущим фактором английской стратегии, и все зависело от него». Единственную возможность действий в Европе в 1941 году он видел в воздушных атаках Германии. Что касается Дж. Лисора, то один из его аргументов явно заимствован у Черчилля. «Точка зрения русских была очень проста. Как сухопутный народ, они почти не имели опыта подготовки и проведения больших десантных операций против хорошо укрепленного побережья», — восклицает он. Следовательно, в Москве не могли даже приблизительно представить себе все трудности такой операции. «Требование с вторым фронте выполнить было невозможно, — утверждает вслед за ним и биограф Черчилля Л. Брод, — но русские продолжали на нем настаивать. Их агенты (?) в Англии поддерживали его. На дорогах, тротуарах и стенах появились лозунги: «Второй фронт немедленно». Сентиментальные англичане, возбужденные твердостью духа русских и их потерями, присоединились к кличу. Уинстон (Черчилль — *Г. Р.*) разделял их чувства, но чувства не могли преодолеть трудностей, вызванных географией»²³.

Апологет Черчилля и его политики здесь явно хватил через край. Он не только искажает причины, по которым английское правительство выступило против открытия второго фронта, но и клеветает на Советский Союз, да и на английский народ. Широкое общественное движение за открытие второго фронта, развернувшееся в Англии в конце 1941 — начале 1942 года, Брод пытается объяснить деятельностью мифических «русских агентов»!

Даже на страницах официальных изданий можно встретить сходные заявления. Так, например, Л. Вудвард не считает нужным скрывать свое резко отрицательное отношение к советскому предложению об участии группировки английских войск из 25—30 дивизий в операциях на советско-германском фронте. Это предложение, выдвинутое в сентябре 1941 года, после того как Черчилль категорически отказался от подготовки операции в Северной Франции, Вудвард, не утруждая себя какими-либо доводами, называет «фантастическим». Разделяет эту точку зрения и другой официальный историк, один из авторов «Большой стратегии» Дж. Гуайер. Он признает, что военная помощь, которую Англия с лета 1941 года оказывала СССР, «вряд ли могла изменить дело». Единственное, что могло помочь, — «прямое военное вмешательство (Англии. — Г. Р.) крупного масштаба». Но как раз в этом, восклицает автор, «мы были почти бессильны». Обращение Советского правительства от 18 июля 1941 г. он, как и Вудвард, считает невыполнимым. «И в 1941, и даже в 1942 году мы были далеки от того, чтобы быть способными действовать в таком масштабе на каком-либо военном театре. Верили ли советские руководители в это или нет, остается открытым вопросом», — восклицает Гуайер. Сходную мысль развивает Б. Кольер. Такой подход к вопросу стал традиционным для английских буржуазных историков. Даже авторы, выступающие с прогрессивных позиций, нередко разделяют его²⁴.

Настоящий заговор молчания организован английской буржуазной историографией вокруг причин, которыми руководствовалось правительство Черчилля, отклоняя советское предложение. Лишь отрывочные замечания позволяют судить о них. Так, из письма Черчилля Идену от 8 января 1942 г. видно, что премьер-министр Англии был весьма озабочен вопросом о послевоенном соотношении сил и позициях, на которых «окажутся в конце войны армии победителей». Он откровенно выражал надежду, что Великобритания и США в результате войны не только «не будут истощены», но и составят блок, «самый мощный по экономике и вооружению», а Советский Союз будет нуждаться в их помощи. Не менее интересно и заявление Черчилля, сделанное через две недели после возвращения с Вашингтонской конференции. «Если бы мы, — заявил тогда английский премьер, — подчинились требованиям, столь громко раздававшимся три-четыре месяца назад,

и открыли второй фронт в Европе, наши позиции оказались бы резко подорванными... Я не могу себе представить, что было бы с нами»²⁵.

Даже эти скупые высказывания показывают, что отнюдь не «трудностями географии» или недостатком ресурсов, а политическими соображениями, рассчитанными на сохранение максимума сил и средств для конца войны, объяснялась позиция английского правительства, отказавшегося открыть фронт против Германии. О позиции руководящих кругов Лондона, их взглядах на «большую стратегию» откровенно говорит С. Хор. В мемуарах, опубликованных сразу после окончания войны, он подчеркивал, что правительство считало необходимым сохранить свежие войска «к моменту победы», как для того, чтобы предотвратить «анархию и хаос» (то есть революцию), так и для того, чтобы «обеспечить позиции Англии в Западной Европе». Более осторожно, отмечая «насущную необходимость» сосредоточения войск на Ближнем Востоке, пишет о причинах отклонения советского предложения У. Макнейл. «Для Англии, напротив, — замечает он в связи с предложениями Советского правительства от 18 июля 1941 г., — вторжение во Францию казалось очень опасным. Интересы Великобритании требовали вместо этого экономии внутренних ресурсов и, по возможности, быстрого сосредоточения сил на Среднем Востоке... Ожидая поражения России или отступления в Сибирь, британские военные власти старались подготовиться к отражению германского наступления на Средний Восток с кавказского направления»²⁶.

Из этого «разъяснения» видно, насколько циничным было отношение Уайтхолла к своему союзнику. Оно показывает, что правительство Черчилля, несмотря на все официальные заявления, было обеспокоено отнюдь не тем, как оказать военную помощь Советскому Союзу, а тем, как защитить свои «имперские интересы». Документы, использованные Дж. Гуайером в первой части третьего тома «Большой стратегии», показывают, что в октябре 1941 года, когда Советский Союз вел крайне тяжелые оборонительные бои на подступах к Москве, Черчилль собрался сделать красивый жест, чтобы продемонстрировать готовность Англии помочь Советскому государству. Собрался, но не сделал.

Вот как обстояло дело. В середине октября С. Криппс телеграфировал из Москвы, что, если правительство хо-

чет сохранить хорошие отношения с СССР, оно должно немедленно сделать предложение об отправке хотя бы одного корпуса с соответствующим воздушным прикрытием на северный или южный фланг советско-германского фронта. Предложение рассматривалось на заседании кабинета. Было зафиксировано следующее мнение: «Имеются веские аргументы за посылку войск в Россию и равным образом веские аргументы предполагать, что это делать бесполезно, по крайней мере в настоящий момент. С военной точки зрения наш лучший курс: ждать и наблюдать». Однако по политическим соображениям было все же решено послать две дивизии и восемь эскадрилий самолетов с базированием их на Баку. 4 ноября 1941 г. Черчилль посылает телеграмму И. В. Сталину, в которой предлагает направить в СССР генералов Уэйвелла и Пейджета для обсуждения военных вопросов и «планов на будущее». Однако кроме этого ничего конкретного не предлагалось²⁷.

Почему? Как видно из записки, направленной премьером комитету начальников штабов 5 ноября 1941 г., мнение Черчилля изменилось. «Мы не знаем, — писал он, — когда немцы достигнут Кавказа... Мы не знаем также, что будут делать русские, сколько войск они смогут использовать и как долго будут сопротивляться... Я не уверен, что нефтеразработки в Баку будут защищены от оккупации их немцами или русские эффективно разрушат их... Поэтому единственная вещь, которую мы можем предпринять, состоит в переброске четырех или пяти эскадрилий тяжелых бомбардировщиков в Северную Персию для помощи русским в обороне Кавказа, если это будет возможно, а если произойдет худшее, для эффективной бомбардировки бакинских нефтерождений, с тем чтобы выжечь все, что находится на земле»²⁸.

Это предложение было одобрено. Когда Иден в первых числах декабря 1941 года выехал для переговоров в Москву, ему поручили сообщить И. В. Сталину, что Англия готова послать на южный фланг советско-германского фронта десять эскадрилий. Но не сразу, а когда закончатся «текущие операции» в Ливии, и при условии, что Германия не нападет на Турцию! Пока Иден ехал, началось контрнаступление Красной Армии под Москвой, и Черчилль снова изменил свою позицию. Идену он отправил телеграмму, в которой говорилось: «С тех пор как вы уехали, многое изменилось... Ввиду всего изложенного, вы

не должны в настоящее время предлагать 10 эскадрилий»²⁹.

Так закончилась инициатива Криппса — Черчилля. Факты говорят, что руководящие круги Англии, и прежде всего ее премьер, меньше всего думали о помощи СССР. Все их планы сводились к тому, чтобы Советское государство продолжало бороться с немецко-фашистскими ордами, выигрывая время, так необходимое Англии. Не веря в силы и возможности Красной Армии, Черчилль больше всего беспокоился о том, чтобы бакинская нефть не досталась Германии. В его уме созрел план использования английских бомбардировщиков для «эффективного» уничтожения нефтеразработок в Баку, бомбардировщиков, которые он хотел предложить в качестве помощи!

Чем объяснить, что вопросу о втором фронте в Европе в 1941 году английская историография уделяет намного меньше внимания, чем этой же проблеме в 1942—1943 годах? Одна из причин состоит в том, что в 1941 году он еще не стал главным вопросом в деятельности антигитлеровской коалиции. Некоторые буржуазные исследователи, по-видимому, считают, что от этого вопроса они могут в общем-то легко отмахнуться: стоит лишь представить предложения Советского правительства как «невыполнимые» и «абсурдные». Не случайно кое-кто из них полагает, что достаточно привести одну-две цитаты из воспоминаний Черчилля или просто сослаться на недостаток войск и транспортных средств, чтобы убедить читателя в полной «фантастичности» требований Советского Союза.

Между тем советские историки показали, что для пессимистического подхода к вопросу о создании второго фронта в Западной Европе в 1941 году нет оснований. Такой вывод делает в книге «Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе» полковник В. М. Кулиш. «Из всего сказанного явствует, — подводит он итог своему анализу, — что осенью 1941 года на Британских островах находились 40 полностью боеспособных дивизий (в том числе 5 бронетанковых), четыре бронетанковые бригады, семь пехотных бригад и 20 отдельных батальонов, а также авиация, способная поддерживать действия этой армии, и флот, тоннаж которого позволял доставить ее на театр военных действий и обеспечить необходимое снабжение... К тому же английская армия была расположена на сравнительно небольшой площади, а порты Британ-

ских островов обладали высокой пропускной способностью, что позволяло командованию организовать и нанести сосредоточенный удар по любому участку побережья от Ютландии до Бискайского залива». Что касается немецко-фашистских сил, то в Западной Европе их было явно недостаточно, для того чтобы создать «смертельную угрозу» английскому вторжению, на что столько раз ссылался Черчилль и его последователи³⁰.

Но даже если признать, что точка зрения о невозможности открытия фронта в Западной Европе имеет основания, то почему Великобритания не могла провести десантной операции в Северной Норвегии, требовавшей значительно меньше сил и средств, операции, возможность которой, кстати, в 1942 году обсуждалась Черчиллем и начальниками штабов? Или почему нельзя было послать войска на советско-германский фронт, как это предлагало Советское правительство?

На искусственность главного аргумента, применявшегося Черчиллем, указывали некоторые историки Соединенных Штатов. Так, Т. Хиггинс в интересной работе «Уинстон Черчилль и второй фронт, 1940—1943 гг.» подверг резкой критике утверждения о том, что недостаток тоннажа и десантных судов определял позицию Англии. «Недостаток десантных средств, который так часто представляют в качестве причины черчиллевской стратегии, в действительности являлся главным образом ее отражением». Не удивительно, что выводы Хиггинса вызвали недовольство ряда буржуазных историков Англии³¹.

Глава 3

Проблема второго фронта (1942—1943 гг.)

«Большая стратегия» английского империализма. Объявляя войну Германии, английский империализм не собирался вести борьбу против нее путем наступательных операций на суше. Концепция «странной войны», которой он руководствовался до мая 1940 года, была рассчитана на строго оборонительные действия.

Как развивалась дальше «большая стратегия» английского империализма? В чем ее суть? Большинство буржуазных историков даже не стремятся дать ответ на этот вопрос. Многие из них вспоминают о стратегии лишь тогда, когда речь заходит о Вашингтонской конференции (декабрь 1941 — январь 1942 г.), где Черчилль предложил Рузвельту свой план действий против Германии, или в связи с англо-американскими разногласиями вокруг проблемы второго фронта, значение которых, кстати сказать, английская историография не без умысла преувеличивает¹.

Единственной работой, которая дает возможность проследить за развитием английской стратегии, является шеститомник «Большая стратегия». Редактор издания и автор второго тома Дж. Батлер обращает внимание на доклад начальников штабов армии, флота и авиации «О стратегии Великобритании при определенных условиях», одобренный военным кабинетом Черчилля 27 мая 1940 г. «В перечне факторов, которые должны были способствовать поражению Германии, — замечает Батлер,

рассматривая содержание доклада, — имеется одно поразительное упущение: легко заметить, что среди них не упомянуты наступательные действия реорганизованной английской армии». Но уже через несколько строк он сообщает, что действия на континенте все же предусматривались: о них шла речь в специальном меморандуме, подготовленном начальниками штабов месяц спустя. Меморандум был составлен, исходя из расчета, что сухопутные силы понадобятся Англии лишь «для завершающей оккупации территории противника», после того как ее военно-морские и военно-воздушные силы осуществят стратегические планы разгрома Германии².

И в этом случае, и при дальнейшем изложении вопроса редактор и автор «Большой стратегии» от каких-либо комментариев воздерживается. Между тем материал, приводимый им, говорит о том, что уже в 1940 году основное направление английской «большой стратегии», названной Лиддел Гартом «стратегией не прямых действий», вполне определилось. Оно заключалось в ведении затяжной, длительной войны с Германией, войны без крупных сухопутных операций, в которой рашающая роль отводилась «экономическому давлению», а вспомогательная — действиям авиации и военно-морского флота.

Вступление в войну СССР, а затем и США не привело к серьезным изменениям в «большой стратегии» английского империализма. «Одной из главных задач английской историографии, — говорится в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», — является оправдание стратегической концепции английского правительства, которая заключалась в стремлении уклониться от столкновения с решающими силами противника и предоставить вести борьбу с ними другим участникам антигитлеровской коалиции»³.

Анализ воспоминаний политических и военных деятелей Англии, исторических исследований, а также публицистических и научно-популярных работ, посвященных проблемам 1941—1945 годов, подтверждает всю справедливость этого вывода. Во второй половине 1941 года Лондоном была разработана стратегия «периферийных действий», то есть действий в районах, где сосредоточивались «заморские интересы» Великобритании. Генерал А. Брук, назначенный в ноябре 1941 года начальником имперского генерального штаба, а вскоре председателем комитета начальников штабов армии, авиации и флота,

уже через три дня после назначения, как он сам отмечает, имел «ясное представление» о том, какой должна быть стратегия Англии. «Для меня было ясно, — писал он, — что мы должны очистить Северную Африку и открыть Средиземноморье, и, пока мы не сделаем этого, у нас не будет достаточного количества кораблей для проведения крупных операций»⁴.

Несмотря на отрицательную позицию Брука в отношении второго фронта, некоторые авторы пытаются изобразить его сторонником операций в Западной Европе. «Стратегия Брука не означала, как заявляли и сейчас заявляют его оппоненты, — пишет Р. Томпсон, — что форсирование канала, которое должно было завершить разгром Германии, было... вообще отменено. Она означала скорее открытие коммуникаций, очищение моря и воздуха для тех превосходящих сил, которые потребовалось бы бросить против врага...»⁵. Если даже согласиться с этим заявлением, поверить ему, то все же возникает вопрос: куда, в каком направлении могли быть брошены из района Средиземноморья «превосходящие силы» союзников? Очевидно или на Балканы, или в Италию. Попытка Томпсона поддержать взгляды Брука в отношении второго фронта приводит к обратным результатам.

Мнение Брука разделялось большинством руководителей Великобритании, в том числе Черчиллем, хотя английские историки подчеркивают, что премьер-министр, «благодаря своему темпераменту и сентиментальности», был готов чуть ли не очертя голову броситься на выполнение требований СССР о втором фронте, и военным стоило немало трудов удержать его. Об этом, в частности, пишет А. Брайант. Однако он же вынужден засвидетельствовать полное совпадение взглядов Брука и Черчилля в оценке Северной Африки. «Брук не был одинок в признании значения Североафриканского театра, — замечает Брайант. — Это был район главных военных усилий страны со времени отражения попытки вражеского вторжения в 1940 году. Премьер-министр возлагал на него большие надежды»⁶.

О целях средиземноморской стратегии Англии откровенно говорит фельдмаршал Александер — видный военный руководитель периода войны. Очистив от врага североафриканское побережье, пишет он в мемуарах, «мы были бы в состоянии угрожать уязвимому подбрюшью «европейской крепости» Гитлера». Не высадка через Ла-

Манш и развитие операций в непосредственной близости от жизненных центров фашистской Германии, а «угроза» южному флангу держав «оси», и прежде всего Италии, — таково был смысл «средиземноморской стратегии». Фактически подтверждает это и сам Черчилль. «Если бы мы заняли Триполи и Франция не выступила, наши позиции на Мальте позволили бы перебраться в Сицилию и, таким образом, открыть единственно возможный второй фронт в Европе...», — заявляет он, указывая главное направление английской стратегии.

Дневники Брука и воспоминания Черчилля показывают, что к концу 1941 года оформилось одно из важных положений английской стратегии — превращение Северной Африки, а затем и всего Средиземноморья в главный район военных операций Англии и США. Английское правительство считало, что Вашингтон не будет возражать против этого⁷.

Место высадки — Северная Африка. Серьезной победой стратегии Черчилля — Брука, как отмечают английские историки, стала Вашингтонская конференция. Черчилль приложил немало усилий, чтобы представить английскую делегацию на конференции и себя лично сторонниками активных действий против Германии, в частности высадки крупных англо-американских сил в Западной Европе. Однако, вопреки всему, страницы третьего тома «Второй мировой войны», где речь идет о конференции, свидетельствуют об обратном. Цитирование специально подобранных документов, в том числе личных, не помогает Черчиллю.

Так, например, обстоит дело с меморандумом, подготовленным премьером накануне встречи с Ф. Рузвельтом. Из трех документов, входящих в него, видно: 1) что Черчилль, прекрасно понимая значение советско-германского фронта, его влияние на ход войны и считая победу Красной Армии под Москвой фактором «первостепенной важности», тем не менее выступил против оказания действительной помощи СССР; 2) что главной задачей на 1942 год Черчилль считал «установление контроля... в Северной и Западной Африке»; 3) что высадка союзных войск в Европе, по его мнению, могла состояться в 1943 году; 4) что английское правительство по-прежнему надеялось на «внутренний крах» Германии в результате «эко-

номических лишений» и «воздушного наступления» Англии и США; 5) что ряд условий, выдвинутых Черчиллем в отношении высадки в Европе, говорил о том, что английский премьер не хотел ее осуществления не только в 1942, но и в 1943 году⁸.

И не случайно, рассматривая этот план, многочисленные оговорки Черчилля, академик И. М. Майский выразил сомнение в искренности автора. «Невольно возникает мысль: странный способ доказывать свою невиновность! — писал он в отрывке из воспоминаний военных лет, — ибо мыслимо ли было вообще одновременное совпадение всех указанных условий даже к лету 1943 года? По существу Черчилль отвергал второй фронт в Северной Франции и только вуалировал свой замысел нагромождением многочисленных предварительных условий»⁹.

Меморандум Черчилля свидетельствует лишь об одном: английский империализм не спешил принять участие в решающих сражениях с фашистской Германией, откладывая их на 1943, а еще лучше на 1944 год. Такая стратегия была явно рассчитана на обескровливание не только Германии, но и Советского Союза. И не случайно американец Т. Хиггинс подчеркивает родство меморандума Черчилля с англо-французской концепцией «странной войны» 1939-1940 годов¹⁰.

Одоблив предложения Черчилля, правительство США поддержало цели «большой стратегии». Л. Брод подчеркивает, что кроме плана высадки в Северной Африке на Вашингтонской конференции не было выдвинуто каких-либо других предложений на 1942 год. «Лично Рузвельт, — пишет У. Макнейл, — был прельщен североафриканской схемой...»¹¹.

Чем объяснить, что президент США, в отличие от ряда американских военных руководителей, особенно Дж. Маршалла, так легко согласился с английскими предложениями? Рядом причин, в том числе пропагандистскими, Ф. Рузвельт хотел продемонстрировать, что США всерьез намерены вести борьбу с главным врагом — нацистской Германией. Американские войска, заявил он на одном из заседаний конференции, должны принять участие «в активных боевых действиях где-либо по ту сторону Атлантического океана»¹².

В начале 1942 года военные руководители США во главе с начальником штаба армии Дж. Маршаллом и руководителем ее оперативного управления Д. Эйзенхауэ-

ром при поддержке военного министра Г. Стимсона разработали план вторжения в Западную Европу в 1943 году и ограниченной высадки сил в размере шести дивизий в 1942 году, если положение на советско-германском фронте станет отчаянным или, наоборот, положение Германии станет критическим (план «Слэджджэммер»)¹³.

План был одобрен президентом. Большинство английских авторов считает, что этот проект являлся ревизией вашингтонских решений и был нацелен на открытие второго фронта в 1942 году. С иных позиций выступает У. Макнейл. «План оказался не более как первоапрельской шуткой», — восклицает он (меморандум Маршалла был обсужден и одобрен Рузвельтом 1 апреля 1942 г.) «Единственными операциями, определенно намеченными на 1942 год, — поясняет Макнейл, — были рейды авиации и отрядов коммандос. «Слэджджэммер» же являлся крайней мерой; он мог быть предпринят, если Россия или Германия окажутся на грани катастрофы»¹⁴.

Учитывая это откровенное высказывание, нельзя не удивляться тому, как излагает последующие события Дж. Батлер. «Визит, — пишет он о поездке Маршалла и Гопкинса в Лондон в апреле 1942 года, во время которого английское правительство приняло предложение Вашингтона, — имел самое большое значение в развитии стратегии союзников. Впервые было достигнуто соглашение о крупном вторжении на континент. Оно стало началом совместного оперативного планирования. Это была первая встреча Маршалла и Брука, американского организатора победы и главного советника премьер-министра в области стратегии»¹⁵.

Справедлива ли такая оценка? Конечно, нет. Как это ясно видно из работ других английских исследователей, мемуаров Черчилля и Идена, Лондон лишь формально согласился с мнением Вашингтона. Английское правительство заботилось прежде всего об аккумуляции сил на Британских островах. Совершенно откровенно на это указывает А. Брайант. «Ни он (Брук. — Г. Р.), ни его коллеги не связывали себя с операцией по форсированию канала в 1942 или даже 1943 году... То, что в действительности английские начальники штабов согласились делать, являлось началом подготовки, совместно с Соединенными Штатами, планов, необходимых для вторжения в Европу, когда оно станет практически возможной операцией. В то же время они приветствовали максимальную концент-

рацию американских сухопутных и воздушных сил в Англии — месте, где они были бы наиболее ценными, если Россия продержится и сделает вторжение на континент возможным или если она потерпит поражение и позволит Гитлеру снова предпринять попытку вторжения в Англию»¹⁶. Это заявление наглядно показывает не только причину, по которой Англия пошла на формальное одобрение «Слэдждхэммера», но и его полную несовместимость с англо-советско-американскими союзническими отношениями, насущной необходимостью оказания реальной помощи СССР в 1942 году.

Весной 1942 года в Англии и США усилилось движение за немедленное открытие второго фронта. Широкие народные массы выступили за безотлагательную помощь Советскому Союзу, несшему основные тяготы войны с гитлеровской Германией. Это, несомненно, затрудняло маневры правительства Черчилля. 26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан англо-советский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Во время пребывания советской делегации в Англии, возглавлявшейся наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, был поставлен вопрос об открытии второго фронта в 1942 году. Черчилль, сославшись на трудности, не дал определенного ответа. Но после того как в Вашингтоне президент Рузвельт и генерал Маршалл пошли навстречу советской делегации и дали обязательство создать второй фронт в Европе еще в 1942 году, он был вынужден изменить свою позицию. Однако английский премьер сразу же принял меры, чтобы «крупная высадка» на континенте в 1942 году не состоялась.

Английская буржуазная историография не может отрицать широкий размах движения за открытие второго фронта, охватившего Англию в начале 1942 года. Однако, лишь в виде исключения, можно найти объективные оценки этого явления. Большинство авторов замалчивает или грубо искажает смысл требования «Второй фронт — немедленно!», выдвинутого в те дни рабочим классом при поддержке широких слоев английского народа. Дело доходит до курьезов. Так, газетного магната лорда Бивербрука, выступившего в поддержку требований об открытии второго фронта, Л. Брод и А. Вуд называют «агентом Сталина», «главным пропагандистом Советской России в западном мире»¹⁷.

Английские авторы прилагают усилия, чтобы оправдать позицию, которую заняла Англия по вопросу советско-американской договоренности об открытии второго фронта в 1942 году. Черчилль весьма своеобразно объясняет причины, по которым Англия присоединилась к советско-американскому коммюнике от 12 июня 1942 г. «Не было вреда в публичном заявлении, — пишет он в четвертом томе военных воспоминаний, — которое могло напугать немцев и в результате задержать побольше их войск на Западе. Поэтому мы согласились с Молотовым по поводу коммюнике, которое было опубликовано и содержало следующее заявление: «В ходе переговоров достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». «Мы не были предупреждены об этой формулировке, — уверяет А. Иден, — и не могли согласиться с ней, с тем, что она подразумевает определенное обязательство. Если она что-то означала, то это было обещание второго фронта уже в том году, чего мы не считали возможным. Все же мы не могли выступить против коммюнике, ибо это было бы выгодно только врагу...»¹⁸.

Стремясь доказать, что Англия не была связана текстом коммюнике, Черчилль приводит текст меморандума, переданного им 10 июня 1942 г. В. М. Молотову, когда советская делегация, возвращаясь из Вашингтона, вторично прибыла в Лондон. В нем говорилось, что Англия ведет подготовку «к высадке десанта на континенте в августе или сентябре 1942 года», но, поскольку «нельзя сказать заранее, будет ли положение таково, что ее можно будет осуществить», английское правительство «не может дать» твердого обещания¹⁹.

Вопреки попыткам Черчилля доказать, что Англия не давала согласия на открытие второго фронта, меморандум свидетельствует, что оно было дано. Своим меморандумом Черчилль пытался обеспечить возможность отступления, своеобразное алиби, на случай если операция не будет проведена. Надо сказать, что некоторые буржуазные историки невольно указывают на это сокровенное желание английского премьера. Так, А. Брайант, Л. Брод, Дж. Батлер сообщают, что сразу же после вручения меморандума В. М. Молотову Черчилль предложил английским начальникам штабов, а в день опубликования совместного коммюнике СССР, США и Англии — кабинету заявить, что высадка во Франции сколько-нибудь значи-

тельными силами невозможна. Решение, фактически продиктованное Черчиллем, было категоричным: кабинет заявил, что высадка крупных сил на континенте Европы в 1942 году не состоится, если не будет «полной уверенности в ее успехе». Недаром Дж. Батлер расценивает его как «смертельный удар» по «Слэджджэммеру». Грубое нарушение только что достигнутой договоренности, которое могло внести серьезный разлад в деятельность антигитлеровской коалиции, вызывает полное одобрение Батлера ²⁰.

Английские буржуазные историки далеко не единодушны в том, давал Черчилль или нет согласие СССР на открытие второго фронта в 1942 году. Л. Брод, например, обходит этот вопрос, лишь замечая, что премьер-министр считал выполнение «Слэджджэммера» невозможным, а Л. Вудвард, ссылаясь на меморандум от 10 июня 1942 г., заявляет, что премьер снова дал понять, что не может взять каких-либо обязательств относительно высадки во Франции. Наряду с этим К. Медликот дважды, в 1958 и 1959 годах, отмечал, что США и Англия дали Советскому Союзу вполне определенное обязательство насчет открытия второго фронта в 1942 году. Что касается американских авторов, а их мнение игнорировать не следует, то они почти единодушно считают, что союзники дали СССР такое обязательство ²¹.

Однако как бы ни оценивали представители буржуазной исторической науки позицию английского правительства, ясно одно: заявляя о подготовке к высадке на континенте в августе — сентябре 1942 года, Черчилль обуславливал ее гарантией «полной уверенности» в успехе. Но возможна ли такая уверенность в условиях тяжелой, кровопролитной войны вообще, когда державы «оси» сохраняли в своих руках стратегическую инициативу? Конечно, нет. Своим меморандумом руководитель английского правительства еще раз и весьма наглядно продемонстрировал отрицательную позицию в отношении реальной помощи СССР.

Сразу после отъезда советской делегации на родину английский премьер развил бурную активность, стараясь убедить американских военных руководителей и лично Рузвельта в невыполнимости принятых обязательств. 19 июня 1942 г. он, во время визита в Вашингтон, добился решения, которое, как считает Батлер, фактически убивало «Слэджджэммер» ²², а еще через месяц, во время пе-

реговоров Гопкинса, Маршалла и Кинга в Лондоне, был принят план, который окончательно заменил вторжение в Европу высадкой английских и американских войск в Западной и Северной Африке (операция «Торч»).

Почему английскому премьеру удалось так быстро и легко добиться пересмотра согласованного решения? Историки Англии не делают из этого большого секрета. А. Брайант, например, не без оснований замечает, что семена, посеянные Черчиллем в июне 1942 года, во время переговоров с Рузвельтом в Вашингтоне, «попали на плодородную почву». И хотя Стимсон, Маршалл и Эйзенхауэр выглядели раздосадованными, указывает Л. Брод, Рузвельт «не был ни удивлен, ни разочарован» решением, принятым через месяц в Лондоне²³; французская Северная Африка все больше привлекала внимание монополий США.

Естественно, что СССР резко возражал против отказа Англии и США от согласованных решений. «Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, — говорилось в послании И. В. Сталина У. Черчиллю от 23 июля 1942 г., — я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год». Протест был повторен во время приезда У. Черчилля в Москву в августе 1942 года²⁴.

«Средиземноморская стратегия» Черчилля. Приняв решение о «Торче», правительства Англии и США грубо нарушили свои союзнические обязательства. Второй фронт в Западной Европе в 1942 году не только стал невозможным, но было поставлено под вопрос его открытие и в 1943 году. Этот факт признают и многие буржуазные исследователи²⁵.

Вопросам англо-американского стратегического планирования в 1942—1943 годах английские авторы уделяют большое внимание. Они прилагают немало усилий, чтобы обосновать как невозможность высадки во Франции в 1943 году, так и правоту Черчилля и его начальников штабов, предлагавших сначала произвести вторжение в Европу с юга, с тем чтобы вывести из войны Италию, а затем предпринять операции в районе Балкан — Эгейского моря²⁶. Кроме того, следуя за Черчиллем, не-

которые историки и публицисты упорно повторяют, что он в принципе «всегда выступал» за высадку во Францию, если таковая станет возможной.

Однако аргументы консервативного лидера и его апологетов звучат столь неубедительно, что с ними не соглашаются даже кое-кто из тех, кто в целом стоит на позициях защиты «большой стратегии». Так, Х. Аллен, приводя категорические заявления Черчилля о том, что он никогда не собирался саботировать или срывать «Оверлорд», замечает, что «у историка остается элемент сомнения насчет этого». Ведь Черчилль, продолжает он, всегда выступал в «роли Кассандры», высказывался за отсрочку вторжения во Францию, защищал тактику небольших десантных операций, считал, что победы одерживаются правильным руководством, а не десантами, и, наконец, являлся сторонником «эксцентричных операций». Выступает против Черчилля и его апологетов, правда по совершенно иным мотивам, и Дж. Фуллер. «В течение всей войны,— замечает он,— Черчилль был «восточником...», следовательно, он был за решительные действия не во Франции, а на Балканах, очевидно, чтобы не дать России установить там свое господство»²⁷. Стремясь переложить на США ответственность за согласие на открытие второго фронта во Франции в 1944 году, данное СССР на Тегеранской конференции, Фуллер и английские историки, выступающие с позиций открытого ревизионизма, всячески рекламируют «теорию» коренной противоположности английской и американской стратегии и взгляда на войну вообще. Их цель состоит в том, чтобы «доказать», будто «уступчивость» Рузвельта, его «заигрывание» с Советским Союзом, а также отношение американских военных руководителей, в первую очередь Маршалла и Эйзенхауэра, к войне как к игре «опрокинули» всю стратегию Запада, дали «неисчислимы́е преимущества» СССР и, в конечном счете, привели к установлению «советского контроля» над большей частью Европы.

Характерно, что эта «теория» начала активно пропагандироваться как на страницах исторических исследований, так и в популярных работах в конце 50 — начале 60-х годов, то есть когда стало совершенно ясно, что все усилия правящих кругов Англии укрепить международные позиции, пошатнувшиеся в послевоенные годы, не дали результатов. Апологеты английского капитализма прибегли к ее помощи тогда, когда мировая система социа-

лизма, возникшая в результате второй мировой войны, вступила в новый этап своего укрепления и развития. Не в силах понять и объяснить эти закономерности исторического развития, английские историки — ревизионисты, следуя за американскими авторами²⁸, лихорадочно ищут «роковые ошибки», допущенные в годы войны, обвиняют за них Ф. Рузвельта, Дж. Маршалла, Д. Эйзенхауэра.

Корни теории о «коренной противоположности» английской и американской стратегии в годы войны можно обнаружить в книге Ч. Уилмота «Борьба за Европу», но в наиболее законченном виде она нашла свое выражение в работах Дж. Лисора и Р. Томпсона. «До Тегерана,— приводит Дж. Лисор слова генерала Холлиса,— дверь для участия Запада в освобождении Восточной Европы еще была широко открыта, и, чтобы разбить эту концепцию, которую всегда поддерживал Черчилль, Россия полагалась на своих американских сторонников. Не довольствуясь простым умиротворением, левые газеты в США осудили идею «прорыва через уязвимое подбрюшье Европы» (т. е. Италию, Балканы.— *Г. Р.*), как новый английский империалистический проект». «Ничто в истории военных лет,— писал Томпсон в книге под знаменательным названием «Цена победы», опубликованной в 1960 году,— не доказывает более отчетливо, чем конечный результат операции «Оверлорд» (кодированное название плана высадки во Франции в 1944 г.— *Г. Р.*), что сама суть и цели войны не были поняты Соединенными Штатами. Поэтому невероятно, чтобы английские и американские историки когда-либо сошлись в своих взглядах на основные проблемы второй мировой войны. В конечном итоге весь ход европейской и американской истории был изменен». Через три года в книге о Черчилле — «Янки Мальборо» — Томпсон заявил, что «трагедия Европы» возникла из-за недоверия и разногласий между США и Англией. «До встречи в Касабланке (Рузвельта и Черчилля в январе 1943 г.— *Г. Р.*) и фатального заявления президента Рузвельта о «безоговорочной капитуляции» (Германии.— *Г. Р.*), принятого после обеда, существовал еще шанс, хотя и незначительный, не только для Англии, но и для Европы. В Тегеране в декабре того же года «большая стратегия» была окончательно определена, и с этого времени его (Черчилля.— *Г. Р.*) политика была осуждена на провал»²⁹,— восклицает Томпсон.

Обвинения в адрес военных руководителей США, ко-

торые якобы считали войну «азартной игрой», «опасной забавой», а не инструментом политики лично президента Ф. Рузвельта, будто бы присвоившего себе роль «посредника и арбитра» между Англией и СССР, можно встретить в ряде работ английских историков, опубликованных в начале 60-х годов. Их авторы даже не пытаются вскрыть причины различного подхода Англии и США к вопросам «большой стратегии», объяснявшегося прежде всего различием целей и империалистических интересов двух держав, а если и делают это, то их попытки, как правило, носят идеалистический характер³⁰.

Вот как это делает, например, Дж. Лисор. «С моей точки зрения,— приводит он высказывание генерала Холлиса, с которым, очевидно, полностью согласен,— причины конфликта между Америкой и Англией в отношении лучшего пути к победе над Германией были чисто психологическими. Америка, эта огромная страна, выступала, подобно сильному человеку, за фронтальную тактику. Она хотела нанести быстрый и сильный удар, подобный удару молота, который мог бы быстро привести к концу войны... Англия, небольшая страна, с богатой историей обычно успешных действий против врагов, которые превосходили ее количественно, применяла, подобно маленькому человеку, встретившемуся с врагом, более искусную тактику». «В течение столетий,— заключает генерал,— мы создали империю политикой малых операций... Обычно мы входили с „черного хода“»³¹. Что это как не уход от ответа, попытка свести суть дела к простому сопоставлению возможностей «большой» страны и «маленькой»? Подобные рассуждения буржуазных авторов, ничего не разъясняя, лишь непомерно преувеличивают разногласия, возникшие между Англией и США по военным вопросам, одновременно маскируя их подлинные причины.

Версия о «коренной противоположности» английской и американской стратегии, являющаяся составной частью теории «ошибок», говорит о методологической беспомощности буржуазной историографии, о ее неумении, а иногда и нежелании понять причины событий, закономерность исторического процесса. Ее возникновению и известной популярности, которую она приобрела в начале 60-х годов, во многом способствовала обстановка антикоммунистической истерии и ревизионистские взгляды на историю войны, выросшие в реакционных кругах английской буржуазной историографии.

Касабланкской конференции Англии и США, состоявшейся в январе 1943 года, английские историки уделяют довольно большое внимание. Решения, принятые на ней, они излагают в точном соответствии с английской концепцией второго фронта, во многом искажая их настоящий смысл. Так, многие из них делают вид, что стратегический план, одобренный Черчиллем и Рузвельтом на 1943 год и предусматривавший захват англо-американскими войсками Северо-Западной Африки, очищение от сил «оси» ее северного побережья (от Марокко до Египта), а затем высадку в Сицилии и вывод из войны Италии, не означал отказа от открытия второго фронта во Франции. Характерен и другой прием — старательное замалчивание политического значения «средиземноморской стратегии», получившей дальнейшее развитие в Касабланке. Пожалуй, единственным исключением здесь является высказывание Ч. Уилмота. «Перспектива русского продвижения в глубь Центральной и Юго-Восточной Европы ужасала Черчилля,— пишет он,— была одной из главных причин того, что он с неослабевающей энергией защищал те балканские операции, которые Рузвельт и американские начальники штабов так упорно отвергали»³².

Более откровенны американцы. Политический смысл «средиземноморской стратегии» подчеркивает известный буржуазный историк США Г. Фейс. «Если бы военные решения, одобренные в Касабланке, были осуществлены,— замечает он,— то судьба государств, расположенных по обе стороны Средиземного моря, оказалась бы в руках англичан и американцев». Еще определеннее высказывается М. Мэтлофф. Расширение операций на средиземноморском театре, пишет он, ссылаясь на мнение военно-плановых органов США, «соответствовало такому стратегическому курсу, при котором СССР и Германия должны будут и дальше уничтожать друг друга на фронте, тогда как Соединенные Штаты и Англия ограничатся лишь расшатыванием германской военной машины посредством рейдов, операций с ограниченной целью диверсий и стратегических бомбардировок»³³.

Так американские авторы приоткрывают завесу над тем, что усердно пытаются скрыть буржуазные историки Англии. «Средиземноморская стратегия», получившая дальнейшее развитие в Касабланке, отвечала прежде всего империалистическим интересам реакционных кругов

Великобритании и США. Основанная на отказе от открытия второго фронта и в 1943 году, она несла в себе ядовитое антисоветское острие.

Победа в Касабланке оказалась «пирровой победой» для британского премьера. Рузвельт и его военные советники решили больше не мириться с пассивной ролью, которую США начиная с первой Вашингтонской конференции (декабрь 1941 — январь 1942 г.) играли в разработке коалиционной стратегии. Уже летом 1943 года они начали понимать, что дальнейшее промедление с подготовкой вторжения во Францию может дорого обойтись мировому капитализму, американским интересам в Европе. Перед очередной англо-американской конференцией США провели тщательную подготовку, чтобы добиться торжества своей стратегической идеи. Начиная с Квебекской конференции Вашингтон прочно захватывает инициативу в планировании и руководстве военными операциями западных держав. Английские историки не строят иллюзий насчет причин этого явления: военная мощь империализма США, в отличие от английского, продолжала расти. К концу 1943 года, пишет Р. Томпсон, сила Англии «стала превращаться в лохмотья». Чем более глубоко Англия и США были заняты подготовкой второго фронта, откровенно заявляет английский публицист, «тем более определено она (Советская Россия.— *Г. Р.*) могла быть уверена в том, что ее планы будут выполнены»³⁴.

Воспоминания Черчилля и дневники начальника генерального штаба Англии Брука показывают, что всю осень 1943 года Лондон пытался вернуть себе «стратегическую инициативу», стремясь направить основной удар союзников на Балканы и тем самым сорвать осуществление «Оверлорда» и в 1944 году. Эти попытки не были прекращены и в октябре 1943 года, когда Рузвельт дважды отклонил предложение Черчилля об активизации действий в Италии и на Балканах. «...Черчилль продолжал надеяться,— пишет А. Брайант,— что путем умелого использования небольших десантных частей можно будет превратить уже имеющиеся партизанские выступления на Балканах в большой поток. Это, как он считал, может привести к падению нацистского господства в Восточной Европе и устранить необходимость штурма гитлеровской крепости с Запада»³⁵.

Конечно, далеко не все английские историки так откровенны. Некоторые, несмотря на то что факты свиде-

тельствуют против них, с упорством, достойным лучшего применения, заявляют, что «средиземноморская стратегия» Черчилля не противоречила «Оверлорду», а все опасения военных руководителей США на этот счет являлись беспочвенными. «...Утверждения о том, что союзники намеревались в 1943 году вести крупными силами военные действия на Балканском полуострове, являются мифом»,— восклицает автор пятого тома «Большой стратегии» Дж. Эрман. «С английской точки зрения,— вторит ему Томпсон,— кампания в Италии была связана с «Оверлордом» как существенная часть общего успеха. С американской — являлась постоянной угрозой и опасной диверсией»³⁶.

Каждому непредубежденному человеку ясно, что эти высказывания противоречат фактам. Как можно верить, например, утверждениям Дж. Эрмана, если он сам несколькими страницами ранее приводит план, разработанный английским комитетом начальников штабов и утвержденный Черчиллем 12 ноября 1943 г. в качестве документа для предстоящей тогда конференции руководителей Англии и США в Каире. Суть плана заключалась в замене «Оверлорда» новыми операциями в Италии и на Балканах. «Мы считаем,— говорилось в этом плане,— что в новых условиях изменения, а быть может, и отход от решений, принятых в Касабланке и Квебеке, не только полностью оправданы, но и положительно необходимы». То, что Дж. Эрман, мягко говоря, неправ, подтверждает высказывание У. Макнейла. «Черчилль, поддержанный английскими начальниками штабов,— замечает он,— прибыл на конференцию (в Каир.— Г. Р.) с решением предпринять еще одну попытку изменить стратегические планы, принятые в начале года. Премьер-министр предвидел большие военные и политические выгоды, которые могут быть получены от усиления операций на Средиземном море...»³⁷.

Но предложения Черчилля не встретили поддержки у Рузвельта. Президент США высказался за «Оверлорд» не потому, что он, как полагают многие английские исследователи, не понимал существа планов Лондона, а потому, что считал дальнейшее откладывание второго фронта опасным для американских империалистических интересов в Европе³⁸.

Даже после Тегеранской конференции Черчилль и английский комитет начальников штабов не оставили по-

пытках сорвать выполнение «Оверлорда». Правда, эта деятельность маскировалась внешне безобидными предложениями использовать «благоприятные возможности» в Италии, на Балканах и в Эгейском море за счет «некоторой отсрочки» высадки во Франции, но то, что это была новая попытка подкопа под уже утвержденные главами правительств СССР, США и Англии планы открытия второго фронта, не представляет сомнений. Воспоминания и дневники фельдмаршала А. Брука, лорда Исмея, генерала Дж. Кеннеди, опубликованные во второй половине 50-х годов, показывают, что в своих действиях Черчилль опирался на военных руководителей Англии. В период 1942—1943 годов они приложили немало усилий, чтобы добиться торжества «большой стратегии». Однако изменения, происшедшие в соотношении сил между США и Англией, заставили их смириться с переходом военно-политического руководства в руки американского империализма. «Конец 1943 года,— как бы подводит итог Дж. Кеннеди,— привел к росту разногласий между американцами и нами в отношении будущей политики в Средиземноморье. Если бы мы могли идти своим собственным путем, я думаю, не было бы сомнений в том, что вторжение во Францию не состоялось бы и в 1944 году»³⁹.

Попытки английской буржуазной историографии доказать, что и в 1942—1943 годах не существовало благоприятных условий для высадки во Франции, что «лучшим путем» для оказания помощи Советскому Союзу были операции в Северной Африке, а затем вывод из войны Италии, не выдерживают критики. Факты показывают, что такая возможность была вполне реальной летом 1942 года, когда немецко-фашистское командование бросило почти все свои резервы из Западной Европы на советско-германский фронт. Как явствует из документов генерального штаба сухопутных сил Германии, в летние месяцы 1942 года во Франции, Бельгии и Голландии оставалось всего от 27 до 33 дивизий, причем не имевших необходимых средств передвижения и техники. Более того, 15 из них, находившихся на отдыхе после боев на советско-германском фронте, были почти небоеспособны⁴⁰.

Но, может быть, положение в корне изменилось в 1943 году? Может быть, Черчилль и Рузвельт опасались «Атлантического вала», о котором так трубила немецко-фашистская пропаганда? Сошлемся хотя бы на работу Б. Лиддел Гарта «Другая сторона холма». Военные ру-

ководители гитлеровской Германии в один голос говорили, что были крайне удивлены тем, что Англия и США не начали вторжение во Францию в 1943 году. «Силы обороняющихся были абсурдно переоценены,— заявил, в частности, фельдмаршал фон Рундштедт, командовавший сухопутными войсками на Западе.— «Атлантический вал» являлся иллюзией, созданной пропагандой для обмана как немецкого народа, так и союзников». В то же время военные силы Англии и США быстро росли, причем значительная их часть не принимала участия в боевых действиях. К ноябрю 1942 года, указывают военные историки США М. Мэтлофф и Э. Снелл, в американской сухопутной армии состояло 4932 тыс. человек, из них 3955 тыс. находились на территории США. К январю 1943 года вооруженные силы Соединенных Штатов выросли до 7037 тыс., а Великобритании — до 4332 тыс. человек. В 1942 году США произвели 48,9 тыс. самолетов, Великобритания — более 23 тыс., а на следующий год соответственно 85,9 тыс. и 26,2 тыс.⁴¹

Ясно, что не военные, а политические факторы оказывали решающее влияние на «коалиционную стратегию» Англии и США. «Противниками открытия второго фронта,— пишет исследователь этой проблемы, советский военный историк В. М. Кулиш,— являлись правительства и все реакционные силы Великобритании и США. Рассматривая его только как средство военной помощи СССР, они сочли вторжение в Европу «преждевременным», так как стремились к ослаблению не только фашистской Германии, но и Советского Союза»⁴².

Коренных расхождений по вопросу открытия второго фронта между правительствами Англии и США не было. Все попытки буржуазных историков «доказать» их наличие и серьезное влияние на развитие англо-американских отношений в 1942—1943 годах опровергаются фактами, в первую очередь решениями, принятыми Черчиллем и Рузвельтом в Вашингтоне (декабрь 1941 — январь 1942 г.), Касабланке (январь 1943 г.) и снова в Вашингтоне (май 1943 г.). Конечно, определенные разногласия, корни которых уходили в империалистические противоречия между США и Англией, имелись, но они не помешали западным державам выработать общую военно-политическую стратегию, направленную на затягивание войны.

Глава 4

Правда и вымысел о Тегеранской и Крымской конференциях

Легенда о «сепаратном мире» и теория «поворотных пунктов». Буржуазные историки Англии, как и вся западная историография в целом, прилагают немало усилий, чтобы приуменьшить значение героической борьбы Красной Армии, народов Советского Союза, которую они в 1941—1943 годах вели фактически один на один против почти всех сил фашистской Германии и ее союзников.

Среди ряда вопросов, которые затрагивают западные исследователи, пытаясь так или иначе обосновать свою правоту, находится один совершенно нелепый. Это вопрос о мнимой возможности заключения Советским Союзом «сепаратного мира» с Гитлером в 1941—1943 годах. На то, что такая возможность якобы существовала осенью 1941 года и учитывалась английским правительством, указывал У. Черчилль¹. Поддерживают и всячески стараются обосновать эту версию Р. Умиастовский, А. Брайант, Р. Томпсон, Л. Кохэн, Л. Вудвард и др.

Одним из первых (1946 г.) с этой версией выступил реакционный польский эмигрант Р. Умиастовский. В работе «Польша, Россия и Великобритания, 1941—1945» он выдвинул злопыхательские обвинения в адрес СССР, заявляя, что он в 1941—1943 годах шантажировал западных союзников возможностью заключения сепаратного мира. Никаких фактов и доказательств автор, конечно, не приводил. Значительное внимание антисоветской вер-

сии уделил У. Макнейл. В первой главе своей книги «Америка, Британия и Россия, их сотрудничество и конфликт, 1941—1946» он бездоказательно утверждает, что включение статьи второй в англо-советское соглашение от 12 июля 1941 г., в которой отмечалось, что оба правительства обязуются не вести, кроме как с общего согласия, переговоров и не заключать перемирия или мира, объяснялось будто бы боязнью Англии, «что русские могут заключить сепаратный мир и открыть все свои ресурсы для эксплуатации Германией». Советское правительство, заявляет он далее, было готово начать «сепаратные переговоры» с Германией, если бы Гитлер после неудач зимой 1941—1942 годов стал их искать².

Какие же аргументы приводит Макнейл в пользу этой весьма дурно пахнущей версии? Да никаких. Единственное «доказательство» — приказ Верховного главнокомандующего Красной Армии от 23 февраля 1942 г., в котором говорилось, что Советский Союз не собирается уничтожать германское государство или отождествлять Гитлера и его клику с немецким народом. Эти принципиальные установки советской внешней политики буржуазный исследователь пытается истолковать как чуть ли не открытое обращение правительства СССР к фашистской Германии с предложением начать переговоры и в то же время как орудие давления на Лондон и Вашингтон³.

По-иному излагает возникновение этой версии Р. Томпсон. Страх Черчилля по поводу возможности заключения сепаратного мира Советским Союзом в 1941 году, пишет он, объяснялся «воспоминаниями о первой мировой войне и Брест-Литовском мире». Чтобы предотвратить такую возможность, Англия отправляла конвои в Мурманск «за счет неотложных требований», раздававшихся отовсюду, в том числе за счет нужд битвы «не на жизнь, а на смерть» в Атлантике⁴. Но и это объяснение столь же фальшиво, как и «аргументы» Макнейла.

Некоторые авторы утверждают, будто Советское правительство могло пойти на сговор с Германией не только в 1941—1942 годах, но даже и 1943 году. Вот что пишет об этом военный историк Ф. Джонс. США и Англия, говорит он, «хотели провести в жизнь свои идеи послевоенного устройства, и в сентябре 1943 года Сталин еще не знал, каковы они. Если бы они не соответствовали тому, что он хотел, для него могло оказаться более выгодным заключение сепаратного мира с Гитлером». СССР вел в

течение длительного времени начиная с конца 1942 года секретные переговоры с гитлеровскими эмиссарами в Стокгольме, утверждает Л. Кохэн⁵.

Как возникла эта насквозь лживая версия? Нет никаких сомнений в том, что ее происхождение носит официальный характер. Об этом свидетельствуют как невольные обмолвки У. Черчилля, так и отдельные указания, имеющиеся в работах других авторов. Особенно веское доказательство приводит, очевидно сам того не желая, А. Брайант. В первую часть своей книги он включил запись из дневника Брука от 15 декабря 1941 г. «Кларк Керр, посол в Москве,— говорилось в ней,— в течение часа рассказывал нам о его точке зрения на реакцию Сталина, которая последует, если мы не откроем западного фронта во Франции. Он считает, что такой курс может привести к тому, что Сталин заключит сепаратный мир с Гитлером». Другой «аргумент» можно обнаружить в книге Л. Вудварда. Официальный историк сообщает, что 25 мая 1943 г. министр иностранных дел Англии А. Иден передал правительству меморандум под названием «Перемирие и связанные с ним проблемы», в котором отмечалось, что соглашение союзников по вопросам оккупации и управления Германией совершенно необходимо, «если мы хотим избежать подписания Советским Союзом сепаратного перемирия и организации сепаратной русской системы в Восточной Европе».⁶

Неверие в силы Советского государства, столь характерное в 1941—1942 годах для руководящих кругов Лондона,— основной источник возникновения версии о «склонности СССР к сепаратному миру». Однако после Сталинграда положение резко изменилось. На смену неверию, скепсису пришли подозрения. Версия оказалась весьма удобной для обоснования враждебных СССР решений и действий, в том числе Черчилля. Она позволяла маскировать антисоветские планы, которые начиная с 1942 года появились в официальных кругах Лондона.

Фальшивая версия-легенда оказалась весьма живой. Даже в конце 50 — начале 60-х годов многие исследователи продолжают ее использовать. Чем объяснить это явление? По-видимому, не только тем, что многие буржуазные историки и публицисты имеют весьма смутное представление о деятельности Советского правительства в 1941—1943 годах, все силы и помыслы которого были направлены на разгром врага, не только тем, что

они не хотят считаться с факторами, на которых основывается прочность советского государственного и общественного строя, но главным образом тем, что, выступая с позиций антикоммунизма, они сознательно фальсифицируют внешнюю политику Советского Союза 1941—1945 годов.

Реакционные историки и публицисты ставят и другую, более общую задачу — принизить роль СССР в войне, значение исторических побед, одержанных Красной Армией. С этой целью они усиленно пропагандируют теорию о «поворотных пунктах» войны, согласно которой коренной перелом в ее ход внес Эль-Аламейн в октябре 1942 года или другие сражения англо-американских войск, а отнюдь не эпическая Сталинградская битва.

Вот несколько примеров. Сражение у Эль-Аламейна, писал Дж. Фуллер, «самое решающее сухопутное сражение с целью защиты интересов союзников и одно из самых решающих в истории Англии». В 1961 году он развил эту точку зрения. Вторая половина 1942 года, заявляет военный историк, была «кульминацией войны». Перечисляя победы союзников, приведшие к перелому, Фуллер ставит на первое место морское сражение у острова Мидуэй, которое привело к захвату американцами инициативы на Тихом океане, на второе — победу у Эль-Аламейна и высадку англо-американцев в Западной и Северной Африке и только на третье — Сталинградскую битву. Почти полностью следует за Фуллером Р. Томпсон, называя Эль-Аламейн одной из «великих и решающих битв второй мировой войны». А как же Сталинград? Томпсон говорит о Сталинградской битве, но делает это таким образом, что создается впечатление, будто она имела второстепенное, подчиненное значение. «В то же время,— замечает он как бы вскользь,— русские предприняли крупное контрнаступление против немецкой 6-й армии под командованием фон Паулюса у Сталинграда, и величайший перелом во второй мировой войне был достигнут». О «решающих поворотных пунктах» истории войны — сражениях в Коралловом море, у Аламейна и Сталинграда — пишет Х. Дальтон. На несколько иных позициях стоит Г. Кирк — один из авторов книги, редактировавшейся А. Тойнби. «Вершина войны, — отмечает он, — была достигнута сначала у Эль-Аламейна в октябре 1942 года, а вскоре после этого у Сталинграда». «Серия сражений: Эль-Аламейн, высадка в Северной Африке,

Сталинград и Гвадалканал означали поворотный пункт войны», — утверждает в мемуарах А. Иден. Со сходных позиций оценивают победу у Эль-Аламейна и крупные английские военачальники периода войны, фельдмаршалы Александер и Монтгомери. «Без этой победы в ноябре 1942 года, — пишет Александер, — союзная стратегия никогда не смогла бы развернуть наступления против Южной Европы, начатого в сентябре 1943 года». «Развитие операций в Северной Африке и продвижение 8-й армии, а также советское наступление от Волги стали поворотным пунктом войны: «ось» была вынуждена перейти к обороне»⁷, — замечает Монтгомери, командовавший этой армией под Эль-Аламейном.

Все эти высказывания, грубо фальсифицируя вопрос о месте и времени коренного перелома в ходе второй мировой войны, с одной стороны, сознательно принижают роль Сталинградской битвы, а с другой — непомерно преувеличивают значение победы английских войск над итало-немецкой группировкой в Северной Африке.

Характерно, что английское правительство и лично Черчилль придавали огромное значение сражению у Аламейна еще в те дни, когда оно готовилось. За три дня до его начала, вспоминает фельдмаршал Александер, было получено послание премьера, в котором, в частности, говорилось: «„Торч“ продвигается вперед неизменно и пунктуально. Но все наши надежды сконцентрированы на Вашем и Монти сражении, которое скоро начнется. Оно может стать ключом к будущему». В своих военных мемуарах Черчилль не скрывает этих расчетов. Превознося победу у Аламейна, он сразу же начал выдавать ее за «великий поворот» в ходе войны⁸. Таким образом, Черчилля и следует, по-видимому, считать духовным отцом фальсификаторской версии о «решающем значении» Эль-Аламейна.

Необходимо подчеркнуть, что для противопоставления Эль-Аламейна Сталинграду нет решительно никаких оснований. Как свидетельствует сам Монтгомери, под Эль-Аламейном действовало 11 английских дивизий, которые, разгромив 8 итальянских, 2 немецкие бронетанковые и 2 авиационные дивизии, захватили около 30 тыс. пленных. Под Сталинградом же была разбита отборная группировка из пяти немецко-фашистских армий. Противник полностью потерял 32 дивизии и три бригады, а 16 дивизиям было нанесено сильное поражение. Его об-

щие потери за период советского контрнаступления с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. составили свыше 800 тыс. человек. А если брать всю эпопею, продолжавшуюся шесть с половиной месяцев, то армии фашистского блока потеряли до 1,5 млн. солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными⁹.

Несравнимо историческое значение Сталинградской битвы, ее огромное влияние на дальнейший ход войны. Это, в частности, признает и целый ряд английских авторов. «Две великие битвы определили ход войны и мировой истории в течение первых 18 месяцев гитлеровской кампании в России,— подчеркивал в 1947 году журналист и публицист Д. Уивер.— Это были Москва и Сталинград... После Сталинграда немцам пришлось отказаться от своих надежд не только завоевать мир, но и удержать то, что они уже захватили». Как бы поддерживает его С. Фэллс. В популярной книге «Вторая мировая война. Краткая история», опубликованной в 1948 году, он указывал: «Во всех отношениях сражение у Сталинграда и его результаты должны считаться одной из важнейших побед в войне, если не самой решающей из всех». Для немецкого народа, замечает Дж. Уилер-Беннет, само слово Сталинград «стало символом первого реального кризиса в войне». После Сталинграда, писал буржуазный политический деятель и публицист С. Кинг-Холл, у немцев «началось отступление к Берлину и конечному разгрому»¹⁰.

В 1959 году вышла из печати книга Р. Сета «Сталинград — поворотный пункт», написанная с использованием советских материалов о Сталинградской битве. В ней популярный военный историк и публицист не только отдает должное героизму и мужеству советских людей, но и приходит к важному выводу. Именно Сталинградское сражение, подчеркивает Р. Сет, определило дальнейший ход событий, именно здесь советские люди «повернули ход войны в свою пользу, а также в пользу западных союзников». Работа Р. Сета — серьезный удар по тем, кто, фальсифицируя историю войны, все еще пытается противопоставить Эль-Аламейн Сталинграду. С реалистических позиций оценивает Сталинградское сражение и А. Кларк, называя его «Верденом на Волге», «поворотным пунктом» второй мировой войны¹¹.

Приведенные примеры показывают, что наряду с официозной, все еще широко распространенной версией —

«Эль-Аламейн — поворотный пункт» войны — в английской буржуазной историографии пробивает дорогу другое мнение, соответствующее правде истории.

Еще один прием реакционных английских историков, призванный бросить тень на вклад СССР в разгром фашизма, заключается в надуманном противопоставлении советско-германскому фронту многочисленных «фронтов», на которых действовали войска Великобритании и США, а также в жонглировании данными, зачастую произвольными, относительно численности немецко-фашистских войск, сражающихся соответственно против Красной Армии и англо-американских войск. Так У. Черчилль всерьез называет итальянскую кампанию 1943—1945 годов «третьим фронтом», который, по его подсчетам, сковывал 20 «первоклассных немецких дивизий». Пытаясь оправдать политику срыва второго фронта, он намеренно преувеличивает влияние, которое сама его подготовка оказала на фашистскую Германию. «Наш второй фронт в Северо-Западной Европе еще не был открыт, но его существование было реальностью, — утверждает консервативный лидер в четвертом томе воспоминаний. — Около 30 вражеских дивизий противостояло ему, даже по самым скромным подсчетам. Это количество выросло до 60, когда угроза вторжения стала определенной»¹².

Подобные рассуждения встречаются и в работах некоторых историков и публицистов. «Третий фронт открыт. Сентябрь 43» — таково название главы работы «Уинстон Черчилль: годы достижений» Л. Брода, а П. Флеминг писал не больше не меньше, как о шести фронтах, на которых Германия была вынуждена вести борьбу. Делает попытку исказить значение советско-германского фронта, усилий Советского Союза и А. Брайант. Вот как он рисует соотношение сил на фронтах весной 1942 года, когда общественность Англии и США настойчиво требовала немедленного открытия второго фронта. «От Арктики и до Черного моря, — пишет он, — Красная Армия сковывала и обескровливала около пяти миллионов немецких войск и войск сателлитов. На всем остальном глобусе — на море, суше и в воздухе — ответственность сначала за сдерживание, а затем и за борьбу с Японией, Италией и Германией лежала на двух западных демократиях, только одна из которых уже мобилизовалась для войны»¹³.

Путем ловкого построения фразы, жонглирования словами «на всем остальном глобусе» или «на море, суше и

в воздухе» Брайант пытается создать видимость — в этом смысл его высказывания,— что военные усилия западных держав вообще, а Англии в 1941—1942 годах в частности были чуть ли не большими, чем титанические усилия советского народа.

О чем говорят эти высказывания? Прежде всего о том, что некоторые буржуазные авторы идут на все, чтобы «опровергнуть» или хотя бы подвергнуть сомнению факты. Подобные заявления следует расценивать как своеобразный рецидив официальной английской пропаганды 1942—1943 годов, пытавшейся ослабить давление общественности на правительство рассуждениями о многочисленных фронтах, на которых английские солдаты, моряки и летчики уже дают бой Гитлеру. Но никакие попытки А. Брайанта или Ч. Уилмота подкрепить свои досужие заявления «цифровыми данными» не могут опровергнуть той истины, что именно Красная Армия вывела из строя основные силы немецко-фашистских войск. Только за первые три года боевых операций на советско-германском фронте гитлеровская Германия потеряла свыше 6,5 млн. человек, тогда как на западе за весь период до 1944 года — всего 178 тыс. Даже после открытия второго фронта против СССР действовало от 62,2 до 75 % личного состава немецко-фашистской армии¹⁴.

Нельзя сказать, что в Англии не слышны голоса тех, кто выступает против пристрастных оценок советско-германского фронта и роли Советского Союза в войне. Важный вклад в дело объективного освещения событий вносят книги известного английского публициста А. Верта. «Если Англия и Америка помогут русским выиграть войну на суше против Германии в 1942 году,— писал он в книге «Москва, 41 год»,— это может сократить войну на два, три, а то и пять лет и спасти миллионы жизней...». В итоговой работе А. Верта «Россия в войне, 1941—1945», опубликованной в 1964 году, показан высокий дух советского народа, его непреклонная решимость довести до конца борьбу с фашизмом. Русские люди, подчеркивает А. Верт, «вынесли на себе главную тяжесть борьбы с нацистской Германией, и благодаря им были спасены жизни миллионов англичан и американцев»¹⁵. Выводы А. Верта, наблюдавшего за ходом гигантской битвы на советско-германском фронте в 1941—1945 годах, примечательны. Оставаясь на буржуазных позициях, он в то же время дает объективную оценку роли советского на-

рода и государства в войне. Недаром его книга вызвала столь резкие нападки со стороны антисоветских кругов, особенно в Западной Германии.

Был ли Ф. Рузвельт «уступчив» в Тегеране? 1943 год стал переломным годом не только в военном, но и в политическом отношении: решения, принятые на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), где впервые встретились руководители трех правительств — СССР, США и Англии, — оздоровили отношения между членами антигитлеровской коалиции, способствовали координации усилий с целью скорейшего разгрома гитлеровской Германии.

Рост сил и международного авторитета Советского государства в результате великой исторической победы на Волге и успешного контрнаступления летом 1943 года заставили Англию и США считаться с его мнением. Стало ясно, что СССР не только не ослабнет к концу войны, как на то рассчитывали в Лондоне и Вашингтоне, но мощь и влияние его еще больше возрастут.

Буржуазные исследователи, как правило, предпочитают не затрагивать этот вопрос. Однако отдельные замечания показывают, что уйти от него невозможно. «В течение первых девяти месяцев русско-германской войны, — пишет У. Макнейл, — руководители Англии и Америки считали, что Красная Армия будет или разбита, или вынуждена отступить далеко на восток... После Сталинграда и триумфального наступления к Донцу и границам Украины картина изменилась... Мощь Советского Союза оказалась намного большей, чем считали западные генералы и государственные деятели. С приближением победы вопрос об участии России в послевоенном мире приобретал все большее и большее значение. Прежние надежды и расчеты, в которых Советский Союз фигурировал как пассивный партнер Англии и Америки, восстановленный в довоенных границах благодаря победе его западных союзников, превратились в смехотворную нелепость»¹⁶.

Высказывание Макнейла примечательно во многих отношениях. В нем не только признается огромное значение сталинградской победы, ее влияние на межсоюзнические отношения. Оно помогает понять, почему реакционные круги Англии во главе с Черчиллем так упорно

старались сорвать открытие второго фронта. На политическую основу маневров Черчилля прямо указывает Ч. Уилмот. Он пишет: «В течение 1943 года, хотя Черчилль еще был главным образом заинтересован в проблеме ликвидации гитлеровских сил, он все больше стал думать о необходимости сдержать стремления Сталина. В соответствии с этим, продолжая считать, что Гитлера необходимо разбить, премьер-министр старался составить план кампании таким образом, чтобы она принесла не только военный успех, а привела бы к политическому усилению... в какой-либо важной сфере»¹⁷.

Антисоветские по своему характеру взгляды Черчилля не ограничивались вопросами военной стратегии. Хотя буржуазные историки стараются их замолчать, это не всегда удается. Так, тот же Ч. Уилмот упоминает о секретном меморандуме Черчилля, составленном в октябре 1942 года. В нем английский премьер в дни, когда на берегах Волги шла решающая битва с фашизмом, ставил вопрос о создании после войны «западноевропейского блока» под флагом «Соединенных Штатов Европы», блока, направленного против СССР. Характерно, что Черчилль не исключал возможности участия в нем как Италии, так и Германии. «Все мои мысли,— отмечал он,— обращены прежде всего к Европе — колыбели современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство задушило культуру и независимость древних европейских государств... Я обращаю свои взоры к созданию объединенной Европы»¹⁸.

Некоторые моменты из предыстории меморандума Черчилля раскрывает Л. Вудвард. Ссылаясь на документы Форин оффиса, он показывает, что уже в первом английском плане по вопросам послевоенного устройства, составленном в сентябре 1942 года, предусматривалась возможность «сотрудничества» Англии с Германией. 5 октября 1942 г. А. Иден передал этот план премьеру¹⁹. Однако о меморандуме самого Черчилля, помеченного, кстати сказать, 6 октября, Вудвард даже не упоминает.

Впрочем, корни антисоветской идеи еще более глубоки. Они относятся к концу 1941 — началу 1942 года. Тот же А. Иден подчеркивает, что после визита в Москву он «ясно почувствовал рост советской мощи», с которой Англия встретится после войны. 28 января 1942 г. Иден составил записку для кабинета, где говорилось, что после победы русский престиж «окажется настолько большим,

что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет значительно облегчено». Что же предлагал Иден? Во-первых, как наименьшее зло признать западную границу СССР. Во-вторых, «если дело дойдет до прямого политического конфликта», выбрать «без всякого сомнения» союз с США, который «необходим и естественен». В-третьих, воздерживаться от всех действий, которые могут убедить Советское правительство в том, что Англия и США планируют создание «англо-американского мира, в котором русские интересы были бы нарушены или игнорированы»²⁰. Хотя антисоветскую направленность своих предложений Иден намеренно приглушает, их враждебный Советскому государству характер очевиден.

Вернемся, однако, к Черчиллю. Идею создания своеобразных «Соединенных Штатов Европы» английский премьер изложил Рузвельту во время майской встречи 1943 года в Вашингтоне. Об этом в весьма обтекаемых выражениях, маскирующих ее антисоветскую основу, сообщает он сам. Немаловажную деталь добавляет и Вудвард: английский премьер предложил президенту дополнить «Соединенные Штаты Европы» созданием «братской ассоциации» из Англии и США с целью защиты «общих интересов»²¹.

Еще одно свидетельство антисоветской деятельности Лондона содержится в воспоминаниях генерала Кеннеди. Рассказывая об обсуждении послевоенных проблем, он не скрывает, что в 1943 году, наряду с оккупацией Германии, военные руководители все больше интересовались вопросами «поддержания порядка» и «предотвращения гражданских войн» в Европе. «Нам казалось,— заявляет он,— что имеется лишь одна великая держава, которую можно считать потенциальным врагом,— Россия. Отсюда возникал вопрос: на чьей стороне Германия может принять участие в будущей войне, если русские после окончания войны удержат свою половину Германии». Такая откровенность мышления вывела из себя даже Черчилля. Военные руководители получили «строгий выговор» и указание «не упоминать больше о возможных трениях с Россией», а в военном планировании не расценивать ее «как потенциального врага». Однако разработка антисоветских планов, как это ясно видно из книги Л. Вудварда²², продолжалась.

Документы, которые могут пролить дополнительный

свет на антисоветские замыслы английского империализма, выплывавшиеся в 1942—1943 годах, надолго, если не навсегда, погребены в секретных архивах Лондона. Однако даже то немногое, что стало известно, убедительно показывает, с какой стороны исходила угроза англо-советским отношениям, единству держав антигитлеровской коалиции.

Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Англии по праву считается важным этапом в деятельности антигитлеровской коалиции. На ней была согласована союзная стратегия, принято решение об открытии второго фронта. Идя навстречу пожеланиям США и Англии, Советский Союз заявил, что после разгрома Германии он присоединится к войне с Японией. И, конечно, не случайно, что в лихорадочных попытках реакционных историков Запада «обнаружить» решающие «фатальные ошибки», допущенные США и Англией в области стратегии и политики, выяснить, что же именно привело к быстрому росту сил и влияния Советского государства, Тегеранская конференция занимает особое место. Наибольшую активность проявляют здесь английские историки-ревизионисты.

Попытки ревизии Тегерана, его места в межсоюзнических отношениях, его влияния на исход войны начались еще в 1946—1948 годах. Так, в 1946 году Р. Умиастовский сравнил Тегеран с Мюнхеном. «В Тегеране,— бездоказательно утверждал он,— Рузвельт опрокинул возможность создания англо-американского блока и совместного руководства мировыми делами... Решение Рузвельта было одним из важнейших в истории как Англии, так и мира». Что касается Черчилля, то он был вынужден уступить, и в результате «Европа была разделена», а это, как считает автор, для Запада было равноценно катастрофе. Резкую характеристику конференциям 1943 года, решениям, принятым на них, дал Дж. Фуллер. В работе «Вторая мировая война» он писал: «...К тому времени, когда они закончились, все то, за что до сих пор сражались западные союзные державы, за исключением искоренения гитлеризма, было зачеркнуто. Атлантическая хартия была выброшена за борт. Польша и балтийские государства брошены на произвол судьбы, и ворота Восточной Европы открылись для русских»²³.

В начале 50-х годов, когда «холодная война» достигла своей вершины, нападки на Ф. Рузвельта, его позицию

в Тегеране усиливаются. Различные по своим взглядам авторы с удивительным единодушием заявляют, что президент Соединенных Штатов, желая заручиться согласием СССР на вступление в войну против Японии, отказался от согласованных с Англией действий и начал играть роль «посредника» и даже «арбитра» между Черчиллем и Сталиным, что было выгодно только русским. «Вера, что он (Рузвельт.— Г. Р.) добился дружбы Сталина, оказала очень большое влияние на политику, которую Рузвельт проводил между Тегераном и их следующим свиданием со Сталиным в Ялте»,— писал в 1952 году Ч. Уилмот. «Наиболее примечательная вещь на конференции заключалась в явном совпадении русских и американских военных взглядов и соответствующей изоляции Великобритании. Черчилль неожиданно оказался в весьма трудном положении»²⁴,— отмечал годом позже У. Макнейл.

Несколько иную точку зрения развивает лорд Исмей, оценивая решение о высадке во Франции весной 1944 года. «Русские твердо знали, чего они хотят,— пишет он.— Мы же находились в положении человека, который подписывает формальное обязательство о покупке недвижимости к определенной дате, не зная, сколько она будет стоить и будет ли он вообще иметь деньги, чтобы заплатить за нее, когда наступит срок... Соглашение, казавшееся таким безобидным в то время, предназначалось для того, чтобы посеять разногласия между американцами и нами.., и, возможно, явилось одним из звеньев событий, которые в конечном счете поставили Европу и свободный мир перед смертельной опасностью»²⁵. В такой необычной форме английский генерал протаскивает все ту же мысль о неимоверных трудностях, которые якобы стояли и в 1943—1944 годах на пути подготовки второго фронта, а также дает нелепую оценку позиции СССР, настаивавшего на принятии четкого решения о сроке высадки союзных войск во Франции. Выходит, что Советское государство, заинтересованное в сплочении антигитлеровской коалиции с целью скорейшего разгрома фашистской Германии, стремилось.. посеять разногласия между США и Англией!

С конца 50-х годов целый ряд историков и публицистов Англии выступил с ревизионистской критикой как решения Тегеранской конференции, так и особенно «просоветской» позиции Рузвельта. Так Дж. Лисор в популярной

работе «Вершина войны» писал, что из-за «флирта с Кремлем», который вел Ф. Рузвельт и его «правовверные» помощники (Г. Гопкинс, Н. Дэвис, Дж. Маршалл), тегеранские решения оказались пагубными для западных держав, ибо дверь «для участия Запада в освобождении Восточной Европы» оказалась закрытой. Черчилль, старавшийся предотвратить это, попал «в изоляцию», утверждает Л. Брод, так как президент действовал в «тесном контакте с русскими». Еще дальше пошел А. Брайант. С полной серьезностью он утверждал, что в Тегеране возникла чуть ли не «американо-русская ось». Даже Л. Вудвард отдает дань этому тезису, хотя и смягчает формулировки. «Поскольку американцы и русские были едины, предложения премьер-министра казались почти обструкционистскими»²⁶, — пишет он.

С позиций ревизионизма оценивает результаты конференции Б. Кольер, утверждая, что СССР сумел добиться «свободы рук» на Балканах, в то время как Англия и США «были обречены на рискованное предприятие» в Европе, которое «даже в случае неудачи обещало отвлечь огромные немецкие силы от русской сферы интересов». «Рузвельт наивно верил, — писал еще через два года Л. Макфэрлан, — что он завоевал доверие (Сталина. — Г. Р.).., и в результате он был более склонен, чем Черчилль, смотреть на вещи с русской точки зрения». С резкими, несправедливыми нападками на Рузвельта выступил в 1963 году Р. Томпсон. Он проповедует все ту же версию об «измене» президента США, который добивался сотрудничества с СССР «даже за счет координирования англо-американских усилий». Советский Союз, сокрушается Томпсон, «нашел мощного союзника, и ничто, кроме чуда, не могло остановить его армии от заполнения вакуума в Центральной Европе»²⁷.

А как же Черчилль? Почему он не сумел отстоять свои планы, как делал это до лета 1943 года? Ответ Томпсона весьма любопытен. Неудачу лидера английского капитализма он пытается объяснить не только внезапным изменением позиции США, но и упадком сил и духа у английского премьера. «Старый человек, — пишет он, — очень устал. Его звезда уже склонилась над меридианом, и сумерки опускались над ним». Согласиться с такой характеристикой, конечно, нельзя. Активность и энергия английского премьера к концу 1943 года отнюдь не уменьшились. Но изменилась обстановка. Ф. Рузвельт и его

советники, действиями которых столь недовольны многие английские авторы, перестали оказывать безоговорочную поддержку английской «большой стратегии»²⁸.

После Тегеранской конференции, отмечает А. Тейлор, Ф. Рузвельт считал себя «на дружеской ноге со Сталиным», а антибольшевизм Черчилля расценивал как «прикрытие для империалистических целей». «Позиция Рузвельта сделала невозможным для Черчилля розыгрыш антибольшевистской карты», — заключает он. И хотя на этом высказывании также лежит отпечаток ревизионистских взглядов, английский историк не без оснований говорит о быстром падении веса Англии, и в частности Черчилля, в глазах руководящих кругов Вашингтона. Военное и политическое влияние США в англо-американском партнерстве к концу 1943 года стало подавляющим. В этом и следует искать ответ на вопрос о том, почему Черчиллю не удалось отстоять свои стратегические планы. «...К ноябрю 1943 года, — пишет У. Макнейл, — американское преобладание в англо-американском партнерстве стало вполне очевидным. В Каире, Тегеране, и снова на Мальте перед Ялтинской конференцией Черчилль и английские начальники штабов отступили перед американскими взглядами на критические вопросы в споре». Тот факт, что изменения в руководстве зависели от роста военной мощи США, отмечал в своем дневнике А. Брук²⁹.

Коренной поворот в ходе войны, происшедший на советско-германском фронте, мощное наступление Красной Армии, начавшееся летом 1943 года, заставили Вашингтон пересмотреть свои взгляды и на роль Советского Союза в войне. Форсирование Ла-Манша стало неотложным делом, потому что вопрос о борьбе с гитлеровской Германией, по мнению руководителей США, перерос в другой, не менее важный — сохранение капиталистического строя в Европе. А для этого надо было оказаться в Германии раньше советских армий. Об этой подлинной причине изменения позиции Вашингтона в отношении второго фронта английские историки и публицисты предпочитают умалчивать. Зато они всячески гиперболизируют «просоветские» настроения Рузвельта, его желание обеспечить сотрудничество СССР в войне против Японии. Попытки задним числом переложить всю вину на Ф. Рузвельта выдают их ненависть к Советскому Союзу, силам демократии и прогресса. Делая так, они стремятся снять

с правящих кругов Англии ответственность за послевоенное развитие Европы.

Остальным вопросам, обсуждавшимся на Тегеранской конференции, английская историография уделяет значительно меньше внимания. Тем не менее ряд авторов выделяет из них два: о советско-польской границе и будущем устройстве Германии. Первый из них освещается обычно с антисоветских позиций, причем иногда критика ведется также и в адрес Черчилля, который якобы пошел на принципиальные уступки СССР. Л. Вудвард даже утверждает, что западные державы действовали «вопреки Атлантической хартии», которая предполагала обсуждение всех вопросов о границах на послевоенной мирной конференции, где большинство принадлежало бы капиталистическим державам. При этом многие авторы «забывают», что именно Черчилль, понимая, что претензии польского эмигрантского правительства на восстановление границы, существовавшей до 1939 года, нереальны, предложил «линию Керзона» как основу советско-польской границы. Протоколы конференции, опубликованные Советским правительством, полностью подтверждают это³⁰.

В своих мемуарах А. Иден признает, что английская делегация прибыла в Тегеран, считая, что реальный путь для восстановления отношений Советского Союза с лондонским эмигрантским правительством и решения вопроса о границе — признание «линии Керзона». В рекомендациях Форин оффиса, подготовленных накануне конференции, отмечалось, что «единственная возможность для решения вопроса о границах — линия Керзона»³¹.

Что касается вопроса о будущем Германии, то, вслед за Черчиллем, который в пятом томе военных воспоминаний утверждает, будто И. В. Сталин высказался за ее раздел, английская буржуазная историография искажает советскую позицию. И опять-таки среди тех, кто делает это, находится Вудвард. «Сталин склонялся к разделу на основе, сходной с планом президента», — пишет он. «Сталин хотел, чтобы рейх был разделен. Рузвельт согласился. Черчилль в принципе не возражал»³², — утверждает Л. Брод, говоря о позиции Советского правительства.

В действительности дело обстояло совсем не так. Как показывают протоколы Тегеранской конференции, опубликованные Советским Союзом, предложение о расчленении Германии внес Ф. Рузвельт, причем Черчилль под-

держал его не сразу. Затем президент США и премьер-министр Великобритании изложили более подробно свои планы (американский план раздела Германии на пять государств с выделением Рура и Саара в особые области, находящиеся под контролем Объединенных Наций; английский — «изоляции Пруссии», как назвал его Черчилль, и объединения южных провинций Германии в дунайскую федерацию). Что касается И. В. Сталина, то он заявил: «Мне не нравится план новых объединений государств. Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, на которые Рузвельт предлагает расчленить Германию, этот план Рузвельта об ослаблении Германии может быть рассмотрен». И далее заметил: «Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии». На последовавший вопрос Черчилля, не предпочитает ли глава Советского правительства раздробленную Европу, И. В. Сталин отвечал: «Причем здесь Европа? Я не знаю, нужно ли создавать 4, 5 или 6 самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить». После этого дискуссия по германскому вопросу была закончена ³³.

В результате позиции, занятой советской стороной, никакого решения по планам Рузвельта и Черчилля принято не было. Главы держав согласились передать вопрос на обсуждение лондонской комиссии (Европейской консультативной комиссии), где по настоянию советского представителя планы раздела Германии были отвергнуты ³⁴.

Факты неопровержимо доказывают, что инициаторами раздела Германии выступили США и Англия, а советская сторона соглашалась лишь с обсуждением этого вопроса. Факты свидетельствуют, что версия «об инициативе Сталина» в расколе Германии, которая до сих пор пропагандируется английской буржуазной, да и не только английской, историографией, является фальсификационной.

Крымская конференция и ее оценки 1944 год проходил под знаком крупных наступательных операций Красной Армии. Мощь ударов по врагу нарастала. В течение весны — лета советские войска вышли к западной государственной границе СССР на всем ее протяжении. С по-

мощью Советского Союза народы Восточной и Центральной Европы получили возможность освободиться от фашистской оккупации, восстановить свои национальные государства. Наступление Красной Армии, заставившее гитлеровское командование перебросить почти все боеспособные резервы из Западной Европы на советско-германский фронт, создало благоприятную обстановку для проведения вторжения через Ла-Манш. Высадка англо-американских войск 6 июня 1944 г. на северо-западе Франции, открывших, наконец, второй фронт, и успешное наступление советских войск создавали возможность сократить сроки войны в Европе.

Иную концепцию пропагандирует буржуазная историография Англии. В работах многих историков, государственных деятелей и публицистов начиная с исследований и кончая популярными изданиями в том или ином виде протаскивается версия о «русской угрозе» Западу, возродившейся в конце 1944 — начале 1945 года. Особенно громко зазвучала она с конца 40-х годов. Обострение международной обстановки, ухудшение англо-советских отношений, несомненно, повлияли на это. СССР, утверждают сторонники этой версии, лишь «вынужденно» и «временно» в 1941—1943 годах отказался от своих планов ликвидации капиталистического строя на Западе, но, как только Сталину представилась возможность, то есть в 1944 году, он возобновил свою деятельность по «экспорту революции».

Надо сказать, что «приоритет» здесь во многом принадлежит Черчиллю. Так, соображения о послевоенном мирном устройстве, которые Советское правительство сообщило А. Идену, приехавшему в декабре 1941 года в Москву, Черчилль без каких бы то ни было оснований характеризует как «империалистическую экспансию», планируемую СССР. Но особенно пестрят антисоветскими высказываниями главы последнего, шестого тома «Истории второй мировой войны». В них Черчилль пытается обосновать тезис, согласно которому в начале 1945 года в отношениях между Советским Союзом и западными державами произошли «фундаментальные изменения», а «русский империализм стал смертельной опасностью» для всего «свободного мира»³⁵.

Вслед за Черчиллем с такими же бездоказательными заявлениями о «советской угрозе», «коммунистической агрессии» выступили Ч. Уилмот, У. Макнейл, А. Брайант,

Л. Брод, Дж. Фуллер, Л. Вудвард и другие буржуазные историки. Ч. Уилмот, например, утверждает, что в 1944 году возникла опасность того, что СССР станет державой, «преобладающей на континенте», и получит контроль над Черным морем и Босфором. «Обе эти опасности,— пишет он,— появились снова и непосредственно в связи со вступлением Красной Армии в Польшу и Румынию. С каждым днем становилось все яснее, что унижение Германии даст Советскому Союзу господство в Центральной и Юго-Восточной Европе». А Л. Брод, пропагандируя версию, выдвинутую Черчиллем, заявляет, будто Советский Союз освобождал Европу якобы только для того, чтобы установить там «еще больший деспотизм Советов»³⁶.

Эти и подобные им высказывания нельзя расценивать иначе, как грубые фальсификации, клевету на внешнюю политику Советского государства. Главная их цель — дать аргументы пропагандистам антикоммунизма, сторонникам «холодной войны». Кроме того, они выполняют и другую задачу: отвлечь внимание от неприглядной деятельности правящих кругов Англии, приступивших в 1944 году к сколачиванию антисоветского блока в Европе, подавлению демократии и прямой поддержке реакционных сил в Италии, Франции, Бельгии, Греции. Оправдывая эти действия, Вудвард, например, утверждает, что переговоры о создании «западного блока» в Европе, которые А. Иден вел в марте — июле 1944 года с представителями Бельгии, Дании и Норвегии, ничем СССР не угрожали. «Мы считали, что было бы желательно организовать систему региональной обороны в Западной Европе против Германии... Во всяком случае международная организация и англо-советский союз стояли на первом месте в наших планах», — пишет официальный историк. Однако что стоят эти уверения, если через несколько страниц он сообщает, что 20 сентября 1944 г. А. Иден передал английскому Комитету по разоружению и послевоенным проблемам меморандум по германскому вопросу, в котором проводилась совсем иная линия. Сам документ Л. Вудвард не приводит, лишь отмечая, что Иден в нем учел мнение начальников штабов.

Что же это за мнение? Начальники штабов во главе с А. Бруком выступили за расчленение Германии. Вот как передает их точку зрения Вудвард: «Мы должны остерегаться русско-германской комбинации; в случае рус-

ской угрозы нам будет необходима помощь Германии. Русские не признают разоруженной и объединенной Германии, если они не смогут преобладать в ней после ее разоружения. Поэтому мы не смогли бы получить помощь от объединенной Германии. Так как наши интересы были бы лучше всего обеспечены расчленением, мы должны быть готовы включить северо-западную, а возможно, и южную Германию в орбиту западноевропейской группировки». Вудвард усиленно подчеркивает, что Форин оффис не согласился с начальниками штабов и выступил против раздела Германии, а заявление о возможности использования части ее против СССР было сочтено фантастическим ³⁷.

Но так ли обстояло дело в действительности? Вывод Вудварда ничем не подтвержден. Если предложения начальников штабов действительно были отклонены, то почему нет ссылки на соответствующий документ Форин оффиса? Видимо, потому что осенью 1944 года английское правительство продолжало сколачивать антисоветский блок. «По моим указаниям,— сообщает Иден,— Форин оффис совместно с начальниками штабов изучил проблему так называемого западного блока. И хотя Черчилль все еще был настроен скептически, он согласился ее обсудить. Он писал мне, что все западноевропейские страны очень ослаблены и спрашивал, каким образом Англия может защитить их, до того как будет воссоздана сильная французская армия» ³⁸.

Возникает вопрос: от кого собирались «защищать» Западную Европу Черчилль и Иден? Очевидно, ответ может быть только один — от своего союзника в тяжелой войне, которая еще была далеко не закончена. Факты, просочившиеся на страницы мемуаров и некоторых исторических исследований, не оставляют сомнений в одном: не Советский Союз, а Англия предусматривала возможность разрыва союзнических отношений и «поворот фронта». Не мифический «советский империализм», а вполне конкретный, осязаемый английский империализм готовился вовлечь народы Европы в пучину, которая впоследствии получила название «холодной войны».

Характерно, что, обвиняя СССР в «экспорте революции», Вудвард стремится в то же время обелить действия английских военных властей в Италии, оказывавших в 1943—1945 годах поддержку монархической реакции против левых сил, скрыть мотивы вооруженного вмешательства

ства во внутренние дела Греции в конце 1944 года и т. д. Он, например, утверждает, что цель английской политики в Греции якобы заключалась в «примирении» сторон. Иное мнение об этом у У. Макнейла. «В каждой из этих стран,— пишет он, рассмотрев английскую политику в Греции, Италии и Бельгии,— действия англичан, казалось, были направлены на поддержку монархии и наиболее консервативных элементов против республиканцев и радикалов... Эти действия могли быть и были истолкованы во многих странах как направленные против свободного выражения воли населения, ибо они поддерживали непопулярных королей и людей, сотрудничавших с нами»³⁹. Американский автор здесь прав.

Особое внимание английская буржуазная историография уделяет Крымской конференции руководителей трех держав (4—11 февраля 1945 г.). И отнюдь не потому, что она явилась важным этапом в согласовании военно-политических планов антигитлеровской коалиции с целью быстрее окончания войны, а также в решении ряда вопросов послевоенного мирного урегулирования. Внимание, которое уделяется Ялте, объясняется прежде всего стремлением государственных деятелей Англии и США, а также историков и публицистов, выступающих с позиций ревизионизма, обнаружить те ошибки и промахи, которые позволят им «объяснить», почему в заключительные месяцы войны в Европе события развивались совсем не так, как хотелось бы реакционным кругам западных держав. При этом нередко зачеркиваются выводы, сделанные в первые послевоенные годы, если в них имеется хотя бы намек на объективную оценку Ялты. «Ялта,— пишет по этому поводу А. Верт,— изображалась как «высшая точка единства большой тройки», и в то время ее результаты очень приветствовались в большей части американской прессы. После того как разразилась «холодная война», та же Ялта стала изображаться как «Мюнхен», в котором Англия и Соединенные Штаты «капитулировали перед Сталиным», главным образом потому, что в период Ялты Рузвельт был «слабым и больным человеком», позволившим себя обмануть...»⁴⁰. И хотя эта характеристика относится к американской историографии, она полностью применима и к английской.

Действительно, в 1945—1947 годах положительные оценки Крымской конференции преобладали. «В целом она была встречена с одобрением всеми, за исключением

фашистских стран», — писал в 1946 году К. Инграм. Большое значение принятых в Крыму решений признавал Г. Батлер. Исмей также отмечает, что в 1945 году результаты конференции как в США, так и в Англии были встречены положительно. Черчилль признает, что крымские решения получили в парламенте, как и вообще в Англии, широкую поддержку ⁴¹.

Однако в начале 50-х годов Крымская конференция, ее решения стали подвергаться грубым нападкам. Одним из «пионеров» в этом, как и по ряду других вопросов, выступил Ч. Уилмот. «Величайшая победа Сталина», — так назвал он главу своей книги «Борьба за Европу», в которой идет речь о работе Крымской конференции. Рузвельт, отмечает Уилмот, считал себя «независимым арбитром», чья задача состояла в том, чтобы «сохранить гармонию между Черчиллем и Сталиным», а американцы в целом оказались весьма подозрительными к «послевоенным намерениям» англичан. «...Ялта, — подчеркивает У. Макнейл, — для западных держав, и в частности Рузвельта, была своеобразным Ватерлоо». С клеветой на СССР выступает во второй части своей книги об А. Бруке А. Брайант. Он заявляет, что Советское правительство в период Ялты якобы было заинтересовано не в разгроме Германии, а в установлении своего «преобладания в Европе», что оно не только стремилось «захватить восточную половину Польши и балтийские государства», но и подчинить «остальные христианские страны коммунистическому рабству». «В обмен за присоединение на договорных началах к Организации Объединенных Наций и некоторые мелкие уступки Сталин получал в Ялте почти все, что он просил у Польши (!?), а затем взял и все остальное», — заявляет Б. Кольер. «Сверхмюнхеном» называет Крымскую конференцию Дж. Фуллер. Л. Вудвард считает, что условия вступления Советского Союза в войну против Японии говорили о «возвращении к империализму» царей. С обвинениями в адрес Ф. Рузвельта в конце 50 — начале 60-х годов выступили также генерал Л. Холлис, К. Эттли и А. Иден ⁴².

Такие, не только резкие, но и совершенно необоснованные, заявления и оценки объясняются прежде всего тем, что те, кто их выдвигает, подходят к событиям войны, в данном случае к решениям Крымской конференции, с позиций ревизионистского толка, с заранее выработанными критериями, поставленными на службу идеям

антикоммунизма. «Ялтинское соглашение,— справедливо подчеркивал в 1956 году Э. Холт,— было подвергнуто сильной критике на той основе, что оно предоставило свободу рук России в Восточной Европе и тем самым привело к усилению коммунизма на Балканах, „железному занавесу“ и „холодной войне“»⁴³.

Буржуазные критики Ялты не хотят понять, что в процессе освобождения от гитлеровского ига широкие народные массы выступили за прогрессивные, демократические преобразования. И никакие решения или действия Англии и США не могли остановить их справедливую борьбу. Что касается обвинений в адрес Ф. Рузвельта, то они, конечно, несправедливы. Президент США понимал, что какие-либо планы, нацеленные против СССР, нереальны. В сложившихся условиях сохранение единства и сотрудничества держав антигитлеровской коалиции отвечало прежде всего интересам самих западных держав.

Следует подчеркнуть, что многие представители английской буржуазной историографии критику решений Крымской конференции ведут на основе, согласно которой к моменту ее созыва поражение Германии стало «очевидным» фактом и, следовательно, у западных держав не было никакой необходимости идти на «уступки» СССР, в частности добиваться его присоединения к войне против Японии. Они сознательно игнорируют обстановку, существовавшую в начале 1945 года, те общие задачи по завершению войны, которые стояли перед участниками антигитлеровской коалиции. И не случайно даже один из творцов Мюнхена — лорд Галифакс, заподозрить которого в просоветских настроениях никак нельзя, выступил в своих воспоминаниях против оценок, которые в большинстве дает Тегерану и Ялте западная историография. Был вынужден осудить ревизионистскую критику Ялты и У. Черчилль. «Легко, после того как немцы разбиты,— писал он,— осуждать тех, кто считал необходимым поддерживать военные усилия русских и сохранить гармоничный контакт с нашим «великим союзником»... Что произошло бы, если бы мы поссорились с Россией в то время, когда немцы имели две или три сотни дивизий на поле битвы? Наше высокомерие было бы наказано. Они (Черчилль имеет в виду действия Англии и США. — Г. Р.) были единственно возможными в то время». И здесь Черчилль, безусловно, не фальшивит⁴⁴.

Глава 5

Англия и разгром фашистской Германии (1944—1945 гг.)

«Итальянская стратегия» Черчилля и планы «похода на Вену» и Балканы. Успешная высадка англо-американских войск 6 июня 1944 г. в Нормандии и наступление Красной Армии на советско-германском фронте создали предпосылки для быстрого окончания войны в Европе. Важным условием проведения их в жизнь была координация военных усилий союзников — Англии, США и СССР.

Главкомандующий войсками США и Англии во Франции Д. Эйзенхауэр, а также командующий английской группой армий Б. Монтгомери считали, что Германия может быть разбита еще в 1944 году. Монтгомери прямо заявляет об этом в своих воспоминаниях. Однако здесь же делает оговорку: «Но считая, что союзники *могут* выиграть войну к концу 1944 года, я был глубоко уверен, что мы «испортим дело» и *не* сделаем этого»¹.

Чем объяснить такой пессимизм? О том, какие идеи вынашивались в политических и военных кругах Лондона сразу же после открытия второго фронта во Франции, дают некоторое представление мемуары У. Черчилля, а также пятый том «Большой стратегии», написанный Дж. Эрманом. В двадцатых числах июня 1944 года Черчилль и английские начальники штабов сделали новую попытку пересмотра союзной стратегии. Они собирались сорвать высадку в Южной Франции (план «Энвил»), согласованную в Тегеране, и форсировать продвижение че-

рез Италию на Балканы, изображая это как «лучшую помощь» «Оверлорду». В телеграмме, отправленной 26 июня в Вашингтон, говорилось: «Мы уверены, что вооруженные силы союзников на средиземноморском театре военных действий могут лучше всего способствовать выполнению задач операции «Оверлорд»... Мы считаем, что любой отказ от действий по уничтожению армий противника в Италии, на этом решающем этапе войны... был бы неправильным». Еще через два дня Черчилль направил личное послание Рузвельту, а затем обширный меморандум, убеждая его «не разрушать одну кампанию ради другой». Хотя английское руководство намеренно опускало вопрос о политических результатах таких изменений, Рузвельт прекрасно понял, чего добивается Черчилль. «Поскольку в Тегеране было заключено соглашение о проведении плана «Энвил», — отвечал он, — я не могу без консультации со Сталиным согласиться на какой-либо другой курс действий, который отменил бы эту операцию». Президент США отклонил английское предложение форсировать наступление в Италии с целью выхода (через Люблинский проход) в Словению (Югославия) и Венгрию².

Надо сказать, что в послевоенные годы высказано немало сожалений по этому поводу. «Мы оба — Черчилль и я, — писал Иден о тех днях, — были недовольны отказом нашего союзника использовать победу в Италии и, таким образом, предоставить нам возможность играть более влиятельную роль в Центральной Европе». «Он (Черчилль. — Г. Р.) действовал безуспешно. Единая политика Англии и Соединенных Штатов для сопротивления советским планам так и не была выработана. И, таким образом, война, в которой мы одержали победы на полях сражений, закончилась дипломатическим поражением западных союзников от рук русских»³, — пишет Л. Брод, извращая суть англо-американских разногласий.

Ряд историков все-таки пытаются объяснить существо этих разногласий. Так, например, Ч. Уилмот, подчеркивает два момента: 1) стремление Рузвельта сохранить «хорошие отношения» с И. В. Сталиным; 2) желание президента обеспечить быстрое продвижение во Франции накануне выборов 1944 года. Уилмот указывает еще на одну причину, которая, как нам кажется, имела не меньшее, если не большее значение: Ф. Рузвельт, замечает автор, не хотел, чтобы американские войска «служили

английским политическим целям». В результате переноса центра тяжести из Италии в Южную Францию, сетует Уилмот, западные державы «безвозвратно потеряли» полтора месяца и Гитлер в самый критический момент войны получил передышку на своем южном фронте⁴.

Черчилль, как это следует из его собственных слов, не смирился с таким положением вещей. В сентябре 1944 года, на второй Квебекской конференции, премьер-министр возобновил атаку. «Я сказал,— вспоминает он о своем выступлении на заседании 13 сентября,— что всегда предпочитал путем правостороннего продвижения нанести удар Германии в адриатическую подмышку. Нашей целью должна быть Вена... Другая причина — быстрое продвижение русских к Балканскому полуострову и опасность распространения там советского влияния»⁵.

На этот раз Рузвельт с пониманием отнесся к аргументам английского премьера. Его идеи были одобрены. Это показывает, что США были готовы пойти на изменение стратегических планов, если этого требовали политические интересы западных держав: в данном случае сохранение позиций капитализма на Балканах. В телеграмме, отправленной в Лондон, Черчилль писал: «Армия Александера не будет ослаблена, до того как Кессельринг отступит за Альпы или будет разгромлен. Мы получим все необходимые десантные средства для Средиземноморья, чтобы разработать план высадки в Северной Адриатике в районе Истрии, Триеста и т. д. Идея нашего продвижения к Вене, если война продлится достаточно долго и если другие не придут туда первыми, здесь полностью одобрена»⁶.

В этой связи вызывают недоумение намеки Б. Монтгомери и Дж. Фуллера на то, что именно американцы, и в частности Д. Эйзенхауэр, несут ответственность за «потерю» Вены. «Возможность занять Вену,— пишет английский фельдмаршал,— была потеряна, когда было решено высадить силы «Драгуна»⁷ в Южной Франции; войска для высадки были взяты из сил фельдмаршала Александера в Италии, и это затормозило его действия...». Когда была отвергнута идея Черчилля о продвижении из Северной Италии через Люблянский проход к Вене, утверждает Дж. Фуллер, был потерян «последний шанс разбить Германию, до того как русские пересекут ее восточную границу». Если Монтгомери и Фуллер лишь намекают, что ответственность лежит на Вашингтоне, то

К. Эттли прямо называет виновника. «Я считаю,— заявил он, отвечая на вопрос своего издателя Ф. Уильямса,— что если бы Александру позволили наступать в Италии, он мог бы соединиться с югославами и продвинуться в Чехословакию и, по возможности, правее к Германии, до того как русские пришли бы туда». «Но американцы,— продолжал Эттли,— были одержимы идеей высадки в Южной Франции, ...Эйзенхауэр... никогда не разбирался в стратегии...»⁸.

Решения второй Квебекской конференции, а это отмечает не кто иной, как Черчилль, не предусматривали какого-либо ослабления войск Александра, «до того как станут известны результаты» сентябрьского наступления. Что же касается операции «Драгун», то она была начата 15 августа, принесла быстрый успех и, естественно, могла лишь поддержать, а не ослабить наступление в Италии. Высказывания Монтоммери, Фуллера и особенно Эттли создают представление, будто решений о наступлении через Северную Италию к Вене вообще не существовало, что такая возможность якобы была начисто потеряна уже в июне 1944 года, а это противоречит фактам. Планы Черчилля, поддержанные Вашингтоном, потерпели провал не в июне, а в сентябре — октябре 1944 года, когда англо-американские войска не сумели прорвать оборону немцев и продвинуться на север Италии. И все же английский премьер, как свидетельствует А. Брайан, не терял надежд. Во время визита в Москву (октябрь 1944 г.) А. Брук предложил в присутствии У. Черчилля и И. В. Сталина одобрить английский план вторжения в Истрию, а лишь затем начать совместное наступление на Вену. Однако Брайант вынужден признать, что эти расчеты «выходили за пределы возможностей Запада»⁹.

Попытки ряда буржуазных авторов обвинить Вашингтон в крахе плана прорыва в Центральную Европу и на Балканы через Северную Италию по меньшей мере не серьезны. Трудно сказать, как это можно было сделать, даже в том случае если бы операция «Энвил — Драгун», чего до последнего момента требовал Черчилль, была отменена.

Чем объяснить, что многие английские историки, особенно военные, тем не менее, продолжают критику плана «Энвил», позицию, занятую в этой связи правительством США? Как нам кажется, и тем, что в 1944—1945 годах Англии не удалось провести в жизнь свои военно-поли-

тические планы, а война закончилась совсем не так, как того хотели реакционные круги Лондона. Отсюда поиски «ошибок», допущенных, конечно, американцами, и особенно главнокомандующим союзными войсками в Европе Д. Эйзенхауэром.

Английские историки обвиняют Эйзенхауэра и в связи с его решением, принятым в конце августа 1944 года, вести наступление на Германию «на широком фронте», а не путем нанесения концентрированного удара с целью быстрого выхода в Рурскую область и продвижения к Берлину, как предлагал командующий английскими войсками Б. Монтгомери. Смысл обвинений, имеющих политическую подкладку, выразил сам Монтгомери. «Берлин был потерян,— подчеркивал он,— когда нам не удалось выработать правильный план в августе 1944 года... Американцы не понимали, что мало пользы выиграть войну стратегически, если мы проиграем ее политически...»¹⁰. Однако, какие бы аргументы ни приводили сторонники плана Монтгомери, утверждения, что он мог коренным образом изменить дальнейший ход войны, ни на чем не основаны.

Последние месяцы войны в Европе. Ревизия принципа «безоговорочной капитуляции». 15 декабря 1944 г. союзнические войска, подошедшие к границе Германии, подверглись неожиданному удару вермахта в районе Арденн. Их фронт был опрокинут. «Началась паника в тылу и, что еще хуже, в союзных столицах. Паникеры заявляли, что немцы могут достичь побережья Ла-Манша и устроить второй Дюнкерк»¹¹,— описывает создавшуюся обстановку Лиддел Гарт.

21 декабря Д. Эйзенхауэр обратился в англо-американский комитет начальников штабов с просьбой выяснить, не собирается ли СССР в ближайшее время предпринять наступление на советско-германском фронте. Еще через два дня Ф. Рузвельт направил соответствующую просьбу И. В. Сталину, а 6 января 1945 г., после того как положение на западном фронте ухудшилось, У. Черчилль запросил главу Советского правительства о том, могут ли Англия и США «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте»¹². Ответ и действия Советского правительства известны: 12 января 1945 г., на восемь дней

раньше запланированного срока, советские войска перешли в наступление по всему фронту. Мощный удар Советской Армии оказал решающее влияние на ход событий в Арденнах. Немецкое наступление было приостановлено, гитлеровские войска стали спешно перебрасываться на Восток.

Как оценивают эту помощь английские историки и мемуаристы? Большинство этот вопрос вообще замалчивают. Так, Монтгомери в обобщенном издании своих мемуаров не говорит ни слова о наступлении советских войск и его влиянии на события в Арденнах. Дж. Фуллер, сожалеющий о том, что немецкое контрнаступление привело к потере шести недель, «весьма важных в политическом отношении», не только не упоминает о советской помощи, но и старается создать впечатление, будто угроза в Арденнах была ликвидирована уже к концу декабря 1944 года. Следует этому рецепту и Дж. Эрман. Ч. Уилмот и У. Макнейл делают вид, что им вообще ничего неизвестно о переписке между Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем и И. В. Сталиным и о последующем грандиозном наступлении Советской Армии. Вряд ли эту позицию можно объяснить отсутствием информации. Во всяком случае, ссылаясь на это, после того как У. Черчилль в последнем томе «Второй мировой войны» опубликовал свое послание И. В. Сталину от 6 января 1945 г. и полученный на следующий день ответ, стало невозможно¹³.

Развивая «традицию», начало которой было положено критикой Ф. Рузвельта и продолжено раздраженными замечаниями в адрес Д. Эйзенхауэра, некоторые английские авторы подвергают нападкам решения, одобренные Объединенным комитетом начальников штабов 30 января — 2 февраля 1945 г., во время конференции на Мальте. Причина этого ясна — новое политическое поражение англичан и новая победа американской стратегии.

Чего добивались на новой конференции У. Черчилль и А. Брук? Дж. Эрман не скрывает этого: принятия слегка исправленного проекта премьер-министра Англии о наступлении из Северной Италии к Вене и нового варианта плана Монтгомери, плана концентрации всех сил западного фронта для наступления в «сердце Германии» через Рур. Б. Гарднер разъясняет, что новый «вариант» плана Монтгомери основывался на стремлении достичь Берлина, «если и не раньше русских, то во всяком случае одновременно с ними». И снова огонь критики направляется

на Эйзенхауэра. Он, утверждает Гарднер, «не был заинтересован» в политических выгодах, ограничивая свою задачу разгромом немцев. Еще более резок Дж. Фуллер. В январе 1945 года, пишет он с раздражением, следовало «спасти то, что еще могло остаться от Центральной Европы. Эта возможность заключалась в оккупации Берлина американцами и англичанами раньше своего восточного союзника». Кто же помешал этому? «Эйзенхауэр и его хозяева» ¹⁴, — отвечает Фуллер.

Но так ли виноват Эйзенхауэр, как это утверждает Дж. Фуллер? Неужели он полностью игнорировал политические цели войны? Конечно, нет. Это, впрочем, вынужден признать и Дж. Эрман, который отмечает, что действия Эйзенхауэра не так уже резко отличались от английского плана. «Ведь, как выяснилось позднее, — пишет он, — планы Эйзенхауэра отнюдь не находились в вопиющем противоречии с целями англичан, и про них никак нельзя сказать, чтобы они были неразумными. Но к концу января 1945 года намерения главнокомандующего стали неправильно пониматься англичанами, что, разумеется, всякий раз вызывало негодование американцев». Эйзенхауэр, признает Эрман, отнюдь не отрицал значение политических целей войны ¹⁵.

Дело, очевидно, заключалось не в преимуществах того или иного плана и не в отказе Д. Эйзенхауэра учитывать политическую сторону вопроса, а в той борьбе за руководство военными операциями на заключительном этапе войны в Европе, которая развернулась между Англией и США и закончилась в пользу американцев. И недаром Черчилль впоследствии сожалел, что в Вашингтоне «отсутствовало должное политическое руководство в момент, когда оно было нужнее всего». Что касается его самого, то он мог лишь «предостерегать и убеждать». Замыслы Черчилля снова провалились. Этим во многом объясняется резкая критика английскими историками Эйзенхауэра, в частности за телеграмму, направленную им 28 марта 1945 г. И. В. Сталину. Обращение главнокомандующего войсками США и Англии к главнокомандующему Советской Армией расценивается ими не только как нарушение принципов англо-американского сотрудничества, но и как разглашение военных секретов, якобы облегчившее советское наступление на Берлин. Довольно много места уделяют этому У. Черчилль и Дж. Эрман. При этом последний не скрывает, что Черчилля в те ве-

сенные дни 1945 года больше всего беспокоила «перспектива сдачи Берлина русским» и «потенциальные последствия продвижения Красной Армии в глубь Европы»¹⁶.

В последнем томе «Второй мировой войны», мемуарах Монтгомери и Исмее ставится вопрос: стоило ли Англии и США в последние недели военных действий против Германии прибегать к силе, чтобы остановить продвижение Советской Армии на Запад, поскольку оно опрокидывало последние надежды английской и американской реакции на захват «ключевых позиций» в Европе? У. Черчилль рассказывает о целой программе из восьми пунктов по вопросам «стратегии и политики», которую он намеревался провести в жизнь в марте — апреле 1945 года. Вот она: 1) СССР стал «смертельной опасностью для свободного мира»; 2) необходимо немедленно создать «новый фронт» против дальнейшего продвижения советских войск; 3) продвинуть его «как можно дальше на восток»; 4) Берлин — «первая и главная цель англо-американских армий»; 5) «освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет чрезвычайное значение»; 6) Вена и Австрия «должны контролироваться западными державами» по крайней мере наравне с СССР; 7) «агрессивные претензии» маршала Тито к Италии «должны быть отвергнуты»; 8) **«самое главное»** — «решение всех важнейших вопросов в Европе между Западом и Востоком должно быть достигнуто до того, как армии демократий будут сокращены и западные союзники оставят какую-либо часть германских территорий, которые они займут»¹⁷.

В первых числах апреля, как указывает Черчилль, он сделал попытку добиться поддержки этого раннего варианта «холодной войны» Рузвельтом. Одновременно британский премьер оказал давление на главнокомандующего войсками союзников в Европе, чтобы заставить его переключить все внимание на захват Берлина. Однако Рузвельт поддержал Маршалла и Эйзенхауэра, отказавшихся пересматривать оперативные планы¹⁸.

Вопрос о том, кто был прав — Лондон или Вашингтон, — до сих пор обсуждается английской буржуазной историографией, в том числе бывшими военными руководителями Англии. «Монтгомери мог почти наверняка выиграть состязание за Берлин, если бы Эйзенхауэр и Маршалл приняли предложение Черчилля...», — утверждает Э. Холт. «Все же даже в апреле западные держа-

вы могли вступить в Берлин до русских, если бы они захотели это сделать...», — пишет военный историк Б. Кольер. Менее категоричен фельдмаршал Александер, вынужденный признать, что именно советские войска «подготовили и осуществили великую капитуляцию в Берлине, завоеванном городе — символе поверженной Германии». Серьезные сомнения высказывают генерал-майор Де Гуинганд, в то время начальник штаба у Монтомери. «То, что союзная оккупация Берлина до русских могла изменить послевоенную историю, является спорным, — пишет он, — ибо необходимо помнить, что политики приняли в Ялте определенные решения о Берлине и разделе Германии (на зоны оккупации. — Г. Р.), и трудно сказать, как их можно было игнорировать в конце войны»¹⁹.

Насколько справедливы упреки, которые многие авторы продолжают направлять в адрес Эйзенхауэра? Прежде всего следует сказать, что Эйзенхауэр действовал на основе плана, разработанного в марте 1945 года и утвержденного как США, так и Англией. Вот, что писал об этом плане Эйзенхауэр 7 апреля Дж. Маршаллу: «...Я считаю, что с военной точки зрения будет неправильно на данной стадии развития операций делать Берлин главным объектом наступления, особенно ввиду того, что он находится в 35 милях от рубежа расположения русских. Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и, если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию»²⁰. Как видим, сказано достаточно ясно.

Однако, признает Дж. Эрман, «никто не настаивал», чтобы Эйзенхауэр менял план действий. Верховный главнокомандующий получил полную поддержку комитета начальников штабов США во главе с Маршаллом. «Русские находятся так близко к столице (Берлину. — Г. Р.), что рассматривать на данной стадии Берлин в качестве главной цели — это значит демонстрировать военную безграмотность»²¹, — отвечал он Эйзенхауэру в тот же день, 7 апреля 1945 г.

Сама обстановка, сложившаяся в конце марта 1945 года, толкала Эйзенхауэра после разгрома немецкой группировки войск в Руре направить главный удар на Дрезден

и Линц, в южную часть Германии, кстати, включенную в американскую оккупационную зону. Что касается столицы Германии, то, как писал он впоследствии, в конце марта американские войска «находились в 300 милях от Берлина, имея водную преграду Эльбу в 200 милях от фронта», в то время как советские войска «укрепились на Одере, имея плацдарм на западном фланге лишь в 30 милях от Берлина». Как подчеркивает Эйзенхауэр, попытка взять Берлин в этих условиях могла привести либо к тому, что он будет окружен русскими еще до подхода англо-американских сил, либо к бездействию остальных группировок, что было бы глупостью. Ведь тогда был бы «потерян» не только Берлин, но также Южная Германия. С этими соображениями, отмечает Эрман, Черчилль был вынужден согласиться²².

Никак нельзя сказать, что Эйзенхауэр упускал из виду продвижение в Северной Германии и Дании. 29 марта в ответ на соответствующее предложение Черчилля он писал, что, как только будет достигнут успех на главном направлении, Монтгомери с 21-й группой армий перейдет в наступление, «форсирует Эльбу и дойдет по меньшей мере до Любека». Когда Советская Армия начала наступление на Берлин, стало еще более ясно, что германская столица была нереальной целью. 14 апреля Эйзенхауэр писал Объединенному комитету начальников штабов: «Учитывая крайнюю необходимость срочно открыть наступательные действия на севере и на юге, следует отвести наступлению на Берлин второе место и ожидать дальнейшего развития событий». Нельзя забывать и о другом: политических решениях, принятых в Ялте. В соответствии с ними Берлин входил в советскую оккупационную зону Германии. На это обращает внимание Де Гуинганд. Ссылается на них и командующий 12-й группой армий, действовавшей в апреле 1945 года на центральном участке, американский генерал О. Брэдли. «Не будь зоны оккупации уже определены,— пишет он,— я еще мог бы согласиться с тем, что это наступление (на Берлин.— *Г. Р.*) с точки зрения политики стоит свеч. Но я не видел оправдания нашим потерям в боях за город, который мы все равно должны будем передать русским»²³.

Таким образом, к началу апреля 1945 года у Англии и США не было никаких оснований считать, что англо-американские войска могут занять Берлин раньше Со-

ветской Армии. Такая возможность не возникла и в дальнейшем, как потому, что СССР 16 апреля приступил к операции по окружению и овладению Берлином, так и потому, что главной целью США и Англии были юг и север Германии. Генерал Эйзенхауэр отнюдь не игнорировал политические цели войны. Его действия, основываясь на реальных возможностях, отражали, в первую очередь, интересы американского империализма, а следовательно, позицию тех, кто продолжает упрекать Эйзенхауэра в том, что он чуть ли не намеренно допустил захват Берлина Советской Армией.

Упрекая Эйзенхауэра, многие английские авторы предпочитают не вспоминать о планах Черчилля в отношении Северной Германии и Дании. Когда в апреле 1945 года 21-я группа армий перешла в наступление, английский премьер предложил Монтгомери ускорить продвижение к Дании и занять часть советской зоны оккупации Германии. «...Английское правительство считало и инструктировало меня соответственно,— писал впоследствии фельдмаршал,— ...что оккупация де-факто большей части русской зоны английскими и американскими войсками является важнейшей мерой для получения удовлетворения от Советского правительства по ряду спорных вопросов, таких как политика в отношении Германии..., проблемы Польши, Балкан, Австрии, и другим вопросам». Решение Черчилля полностью поддержал Иден. «Я всецело разделяю мнение,— телеграфировал он 18 апреля премьеру,— что Монтгомери должен взять Любек. Русская оккупация Дании стала бы для нас причиной многих затруднений... Далее, я уверен, что вы еще имеете в виду и Прагу»²⁴.

Черчилль действительно «имел в виду» Прагу. Как видно из мемуаров Идена, в двадцатых числах апреля Лондон сделал еще одну попытку изменить оперативные планы, на этот раз с целью занятия Праги. По поручению Черчилля английский министр иностранных дел беседовал об этом с государственным секретарем США Стеттиниусом, а тот послал соответствующее сообщение Г. Трумэну, занявшему пост президента после смерти Ф. Рузвельта. Ответ Трумэна «был разочаровывающим»: он одобрил мнение Эйзенхауэра, не считавшего нужным менять что-либо. Однако остается неясным, когда последовал отрицательный ответ президента. Между тем известно, что Черчилль продолжал настаивать на своем.

«Можно почти не сомневаться в том, что освобождение нашими войсками Праги и возможно большей территории западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и к тому же оказать влияние на соседние страны»²⁵, — писал он 30 апреля Трумэну.

Известно также, что вопреки договоренности, существовавшей между СССР, США и Англией, 4 мая 1945 г. Эйзенхауэр сообщил советскому Верховному Главнокомандованию, что он намерен продвинуться по территории Чехословакии на восток до линии рек Влтава — Эльба (Прага расположена на Влтаве). Советское правительство не могло согласиться с этим. Отвечая Эйзенхауэру, начальник Генштаба Советской Армии генерал А. И. Антонов указал, что изменения в планах межсоюзных операций недопустимы. Советское командование ранее учло пожелания Эйзенхауэра и остановило продвижение своих войск в районе нижнего течения Эльбы, а, в свою очередь, союзное командование не должно продвигать войска далее линии Карлсбад — Пильзен — Ческе-Будеёвице.

Прага была освобождена Советской Армией. «Победа советских войск в битве за Берлин и в Чехословакии, — говорится в коллективной работе советских военных историков, — сорвала планы империалистических кругов США и Англии, пытавшихся упредить советские войска в захвате Берлина и Праги, с тем чтобы сохранить реакционные силы Германии и Чехословакии»²⁶.

Однако Черчилль не отказался от антисоветских действий. Он считал, что новый президент США может отойти от курса Ф. Рузвельта, направленного на сохранение сотрудничества с СССР в послевоенный период, и занять жесткие антисоветские позиции. Более того, британский премьер стал думать о возможности прямого военного конфликта с Советским государством. В последних главах шестого тома «Второй мировой войны» Черчилль не скрывает, что начиная с первых чисел мая и до конца месяца он отдал ряд приказов Монтгомери, Иسمею, министру авиации и другим военным руководителям Англии, а также обратился к Эйзенхауэру, предлагая сохранить немецкое оружие, самолеты и снаряжение, которые могут пригодиться «через некоторое время». Кроме того, был отдан приказ приостановить начатую было демобилизацию военно-воздушных сил, в

том числе бомбардировочной авиации, а также сухопутных сил. Черчилль, пишет его биограф А. Брод, был «весьма обеспокоен продвижением коммунизма». Об антисоветских настроениях Черчилля, его угрозах рассказал тогдашний посол США в СССР Дэвис, встретившийся с английским премьером в конце мая 1945 года в Лондоне²⁷.

Но был ли вообще возможен поворот в политике Англии? Могли ли западные державы начать в мае 1945 года войну против своего союзника, даже если бы Г. Трумэн уже тогда целиком поддержал курс Черчилля? Рассматривая эти вопросы, фельдмаршал Монтгомери, лорд Исмей, дипломат в отставке лорд Стрэнг приходят к единодушному выводу — такой поворот событий весной 1945 года был исключен. «Должны ли были Англия и Америка продолжить борьбу с вермахтом, с одной стороны, и начать ее с Красной Армией — с другой? Или они должны были, забыв все, что говорилось о решимости ликвидировать нацизм, превратить немцев в свою паству и приступить с их помощью к уничтожению своего недавнего союзника?» — спрашивает Исмей. И тут же отвечает: такое изменение политики западных держав «было невозможно даже предположить»²⁸.

«Английский народ, — подчеркивает Монтгомери, — был по горло сыт войной, и его нельзя было убедить воевать с русскими в 1945 году. Русских все считали героями.., и ни одно английское правительство, которое захотело бы воевать с ними, не смогло бы сделать этого из-за возмущения страны». К такому же выводу приходит и Стрэнг. Он пишет: «Говоря теоретически, мы могли заключить мир с Гитлером, вместо того чтобы оказывать помощь Советскому Союзу, что Черчилль сделал сразу же после германского нападения на Россию в июне 1941 года... Теоретически Соединенные Штаты и Великобритания в 1945 году могли настаивать, в крайнем случае путем войны, на выполнении Сталиным Ялтинских и Потсдамских соглашений.., но... ни Рузвельт, ни Трумэн, ни Черчилль не могли проводить такой курс в то время, а английский и американский народы не хотели поворачивать оружие против своего союзника...». Общественное мнение даже в тех странах Европы, на территории которых не было советских войск, «не поняло бы и в своем большинстве было бы возмущено угрозой применить силу против союзника», отмечал Л. Вудвард²⁹.

Народы Англии и США, конечно, не разделяли антисоветских взглядов реакционных кругов. Многие английские историки и публицисты в военные и первые послевоенные годы подчеркивали необходимость сохранения англо-советского сотрудничества как залога прочного мира в Европе и во всем мире. Несомненно, что эти высказывания отражали мнение огромного большинства английского народа³⁰.

Горько сетуя на то, что Англии и США в последние недели войны не удалось занять господствующие позиции в Европе и продиктовать свои условия СССР, английские историки ревизионистского толка выдвигают версию за версией, пытаясь «объяснить», в чем, кем и когда были допущены «роковые ошибки», приведшие к политическому проигрышу войны. Находкой на их пути стал принцип «безоговорочной капитуляции» фашистских держав, выдвинутый Ф. Рузвельтом и одобренный У. Черчиллем в январе 1943 года на Касабланкской конференции, принцип, ставший важным фактором укрепления единства действий держав антигитлеровской коалиции. Атаки, начатые на него еще в конце 40-х годов, приобрели особенно ожесточенный характер в конце 50 — начале 60-х годов.

Одним из первых с резкими нападками на принцип «безоговорочной капитуляции» выступил в 1948 году небезызвестный Дж. Фуллер. Эти два слова, отмечал он, были «ошибкой Америки и Англии», ибо в случае полного разгрома фашистской Германии «равновесие сил в Европе» полностью нарушалось, а СССР как самая сильная в военном отношении держава стал бы «господствовать в Европе». Если бы не этот «идиотский лозунг», восклицает английский военный теоретик в другой главе книги «Вторая мировая война», западные союзники могли заключить сепаратный мир с Германией. В 1961 году, вернувшись к этому вопросу в обобщающей работе «Руководство войной», Фуллер писал, что если бы не требование «безоговорочной капитуляции», то войну с Германией можно было бы закончить, «до того как русские смогли реализовать свою сталинградскую победу», а с Японией в мае 1945 года, и тогда все «пагубные последствия» были бы избегнуты³¹.

По пути, проложенному Фуллером, идут многие буржуазные авторы. «Очень большой ошибкой» называет «безоговорочную капитуляцию» Монтгомери. Критикует

ее и Ч. Уилмот, отмечая, что, одоббив этот принцип, США и Англия еще до Тегеранской конференции сделали «неизбежным» превращение СССР в державу, «господствующую в Восточной Европе». «Бессмысленным» называет этот принцип и У. Макнейл. В резких выражениях высказываются против него С. Кинг-Холл и Р. Томпсон, К. Чайлд и Б. Гарднер, а Б. Кольер, грубо извращая его суть, утверждает, что «безоговорочная капитуляция» вела к «хаосу» в побежденной Германии и переходу «всей Центральной Европы» в «русские руки»³².

Следует отметить, что в нападках на принцип «безоговорочной капитуляции» английских буржуазных авторов поддерживают их американские коллеги³³.

За всеми этими высказываниями и сетованиями скрывается лишь одно — запоздалое сожаление о том, что принцип «безоговорочной капитуляции» привел к полному разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии, а также способствовал сохранению единства США, Англии и СССР на заключительном этапе войны. Вот если бы Англия и США, мечтают реакционеры от истории, ослепленные идеями антикоммунизма, вовремя отказались от него, то можно было бы договориться с правящими кругами Германии, а затем Японии об их односторонней капитуляции перед западными державами и, предъявив Советскому Союзу ультимативные требования, лишить его плодов победы. Однако как не могли Лондон и Вашингтон весной 1945 года повернуть фронт и выступить с оружием в руках против Советского государства, так не могли они отбросить один из важнейших принципов сотрудничества держав антигитлеровской коалиции — принцип «безоговорочной капитуляции» Германии и Японии. Вспомним, что попытки фельдмаршала Монтгомери, поддержанные Черчиллем, принять одностороннюю капитуляцию германских войск на западном фронте 2—6 мая 1945 г. провалились благодаря последовательной и настойчивой позиции СССР.

К сожалению, ревизионистская критика «безоговорочной капитуляции» не получила сколько-нибудь серьезного отпора в Англии. Против нее раздаются только отдельные голоса буржуазных историков³⁴.

Глава 6

«Триумф» или «трагедия»?

Фальсификация истории Потсдама. У истоков «холодной войны». Оправдывая действия английского империализма весной 1945 года, его апологеты обвиняют СССР как в «агрессивных замыслах» против западных держав, особенно Англии, так и в том, что он якобы «аннексировал» часть Германии и установил свое господство в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Одним из авторов и пропагандистов этой лживой теории был У. Черчилль. Это он в последнем томе своих воспоминаний цинично заявил, что в дни, когда английский народ праздновал победу над Гитлером, для него «советская угроза» уже вытеснила «нацистского врага». Это он, Черчилль, пустил в оборот заимствованное у Геббельса выражение «железный занавес», употребив его 12 мая 1945 г. в послании президенту США Г. Трумэну¹.

Подавляющее большинство буржуазных историков Англии разделяет эту антисоветскую теорию. «...Коммунистическая Россия стала наследником нацистской Германии в Центральной и Восточной Европе...», — злопыхательски, не приводя никаких аргументов, заявляет Ч. Уилмот. Во всех странах Европы, кроме Финляндии, куда вступили русские войска, утверждает А. Тойнби, изменения состояли «просто в замене германской тирании русской». С клеветой на советскую внешнюю политику, освободительную миссию Советской Армии выступают биограф Черчилля Л. Брод и военный историк Б. Кольер².

Для того чтобы обосновать «жесткую линию», которую Англия, а затем и США стали проводить в мае — июне 1945 года в отношениях с СССР, многие буржуазные авторы заявляют, что СССР будто бы сразу после подписания стал нарушать Ялтинские соглашения и сделал невозможным дальнейшее сохранение «великого союза». Об этом пишут Ч. Уилмот, А. Брайант, лорд Стрэнг, Л. Брод, Дж. Фуллер, Л. Вудвард. Л. Вудвард, в частности, утверждает, что Москва нарушила договоренность относительно формирования польского правительства национального единства, «произвела переворот» в Бухаресте, резко изменила позицию по германскому вопросу, отказавшись от расчленения Германии, которое она якобы поддерживала во время предыдущих переговоров, и т. д. Следовательно, как бы продолжает Х. Аллен, именно Советский Союз виноват в создании англо-американского блока, а затем и в начале «холодной войны»³.

Фальсификаторская версия о «советском империализме» нашла полную поддержку у А. Идена. Он тшится доказать, что после окончания Крымской конференции Советское правительство резко отказалось от сотрудничества с Англией и США и нарушило «Декларацию об освобожденной Европе». Более того, Иден утверждает, что «переворот» в Бухаресте был запланирован Москвой «еще до окончания конференции»⁴.

Естественно, что никаких доказательств ни Иден, ни другие пропагандисты антисоветской версии привести не могут. Совершенно игнорируя обстановку, сложившуюся в 1944—1945 годах в Европе, они не желают считаться со стремлением народов покончить с остатками фашизма и внутренней реакцией. В результате все прогрессивные изменения, происходившие в Польше, Румынии, Венгрии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, объясняются только одним — «происками Москвы», «советским империализмом».

Далеко не все английские историки согласны с таким, прямо скажем, фальсификаторским подходом к историческим фактам. «Разговоры о русской аннексии Чехословакии или Венгрии,— писал в 1947 году исследователь англо-русских отношений К. Мидлтон,— являются таким же абсурдом, каким было бы обвинение Англии в аннексии Бельгии или Греции. Во всяком случае, не стоит говорить о тоталитарных системах в Восточной Европе после ликвидации ими (Англией и США.— Г. Р.) демо-

кратии в Греции и терпимости к фашизму в Испании и Португалии»⁵. К сожалению, реалистические оценки внешней политики СССР периода 1944—1945 годов весьма редки в работах последующих лет.

Противоречивые суждения можно встретить и у представителей объективистско-критического направления. В этом смысле характерна книга А. Тейлора «Английская история, 1914—1945». Рассматривая итоги Тегеранской конференции, причины, по которым СССР настаивал на принятии решения о высадке войск США и Англии во Франции весной 1944 года, автор пишет: «Если бы Сталин готовился к «холодной войне» в то время, когда он еще вел «горячую», он постарался бы убедить англичан и американцев сосредоточить усилия на Юго-Восточной Европе. Пока они кончали бы с Балканами, советские войска оказались бы на Рейне вместо Эльбы. В действительности, Сталин убеждал американцев атаковать непосредственно Германию. Это была лучшая стратегия войны с его точки зрения, но худшая с точки зрения послевоенного периода». Трезвое, реалистическое высказывание! Однако через несколько страниц Тейлор замечает, что коммунизм в Европе не добился «видимых успехов», за «исключением стран, куда он был внесен советским оружием»⁶.

Бездоказательные утверждения, полное отсутствие аргументов и логики характеризуют позицию многих буржуазных авторов Англии, пишущих о внешней политике Советского Союза 1944—1945 годов. Чтобы хоть как-то подкрепить свои шаткие заявления, буржуазные исследователи прибегают к фальсификации решений, принятых Потсдамской конференцией трех великих держав (17 июля — 2 августа 1945 г.).

Львиная доля искажения падает на итоги дискуссии между делегациями СССР, Англии и США по вопросу о западных границах Польши. При этом выдвигаются две точки зрения. «Без консультации с Лондоном и Вашингтоном, — пишет основоположник английского ревизионизма в истории войны Ч. Уилмот, — Сталин уполномочил польское правительство принять под управление германские территории до рек Одера и Нейссе, линии, которую президент и премьер-министр никогда не признавали. Так польский вопрос был «решен» Сталиным собственным путем и к собственной выгоде в нарушение его прежних обязательств». Западные державы, отмеча-

ет Макнейл, были вынуждены подчиниться «свершившемуся факту». Другие авторы, наоборот, утверждают, что вопрос о западных границах Польши в Потсдаме «остался нерешенным» (С. Ловери, Л. Брод) ⁷.

И та, и другая точки зрения противоречат действительности. Уилмот и Макнейл, конечно, знали, что вопрос о границах Польши обсуждался на Тегеранской и Крымской конференциях, что в Крыму было достигнуто принципиальное решение о передаче Польше древних западных земель вплоть до реки Одер. В ходе наступления Советской Армии на освобожденных землях, которые, согласно крымским решениям, отходили к Польше, стала возникать польская администрация. Когда об этом встал вопрос в Потсдаме, президент США Г. Трумэн в принципе согласился с разъяснением И. В. Сталина. «Я не знаю, какой может быть вред для нашего общего дела,— заявил тогда И. В. Сталин,— если поляки устраивают свою администрацию на той территории, которая и без того должна остаться у Польши». На что Трумэн заметил: «У меня нет никаких возражений против высказанного мнения относительно будущей границы Польши». Черчилль ограничился замечанием, что, хотя у него есть что сказать по вопросу о западной границе Польши, время для этого еще не пришло ⁸.

Записи выступлений глав правительств и министров иностранных дел СССР, Англии и США на заседаниях Потсдамской конференции свидетельствуют, что после длительного обсуждения и консультаций с представителями польского правительства национального единства 31 июля 1945 г. было достигнуто окончательное соглашение о западной границе Польши по Одру и Нейссе ⁹, что полностью опровергает вторую точку зрения.

Антиисторический, ревизионистский подход английской историографии к вопросу о западной границе Польши встречает отпор некоторых буржуазных авторов. Так, Б. Гарднер подчеркивает, что поскольку новые границы Польши были зафиксированы в протоколах Потсдама, то их следует расценивать как «международное признание». Даже Черчилль, который не соглашался с линией Одер — Нейссе (выступления в Потсдаме 21 и 22 июля 1945 г.), вынужден отметить, что Трумэн фактически не возражал, а новая английская делегация, прибывшая на конференцию после победы лейбористов на парламентских выборах 25 июля 1945 г., согласилась с ней. Западные держа-

вы, как бы заключает А. Верт, приняли границу по Одеру — Нейссе¹⁰.

Протоколы конференции, опубликованные Советским Союзом, наносят сильный удар по фальсификаторам истории. Они показывают, что ответственные руководители Англии и США — Эттли, Бевин, Трумэн и Бирнс — на пленарном заседании конференции 31 июля 1945 г. согласились с линией Одер — Нейссе как линией западной границы Польши. Фальшивая легенда о том, что в Потсдаме якобы не была определена граница между Польшей и Германией, сложилась позднее, после фултонской речи Черчилля 6 марта 1946 г. и выступления государственного секретаря США Д. Бирнса в Штутгарте, в которых впервые поднимался вопрос о пересмотре польско-германской границы¹¹.

Некоторые английские историки грубо извращают и другие вопросы, обсуждавшиеся на Потсдамской конференции: о будущем Германии и репарациях, о дипломатическом признании новых правительств Болгарии, Румынии и Венгрии и т. д. Они ликуют по поводу того, что в Потсдаме, наконец, оформился единый антисоветский фронт. Когда конференция приступила к обсуждению положения в Болгарии, Румынии и Венгрии, с удовлетворением отмечает Л. Брод, возник «общий фронт» Англии и США, направленный против СССР. «...Ход Потсдамской конференции весьма отличался от Ялтинской... По всем важным вопросам, обсуждавшимся с русскими, а они охватывали почти всю повестку конференции, существовало англо-американское согласие.., везде была общая почва»¹², — с удовлетворением пишет Х. Аллен.

И все же кое-кто из буржуазных авторов признает, что советская дипломатия добилась на конференции определенных успехов. Отсюда склонность оценивать ее с упрощенных ревизионистских позиций. Одним из первых, в 1946 году, с таким мнением выступил В. Голланц. Он утверждал, что все решения Ялты и Потсдама можно суммировать в четырех положениях: «аннексии, изгнания, конфискации и экономическое порабощение». Голланц не скрывал, что он не согласен с передачей «восточных земель» Германии Польше и «аннексией» Восточной Пруссии. «Политика умиротворения продолжалась. Даже успешное испытание атомной бомбы, только что проведенное в Нью-Мехико, не удержало Трумэна от согласия на аннексию Кёнигсберга и Восточной Пруссии

Советами. Они добились успеха и по репарационному вопросу. Результатом был захват ими всей (!) германской промышленности на том основании, что она была собственностью нацистов», — пишет Дж. Лисор. Против решений, утвердивших раздел Германии и Австрии на оккупационные зоны, а попросту говоря, против предоставления зоны Советскому Союзу, выступает Л. Макфэрлан. Эти решения, утверждает он, «изолировали всю Восточную Европу и передали ее на милость Советского правительства»¹³. Трудно полемизировать с авторами этих и подобных им высказываний. Они не только отрицают исторический подход к событиям, игнорируют и извращают факты: в их словах прежде всего слышна антисоветская злоба.

Следует сказать, что группа авторов, стоящих на позициях ревизионизма, развивает и другую точку зрения. Потсдамская конференция, заявляют они, не имела сколько-нибудь существенного значения. Она не могла что-либо изменить, так как «все было решено до нее», в дни, когда Советская Армия пришла в Центральную Европу, заняла Берлин и Вену и освободила Прагу. «Ни Потсдамская конференция, которая оказалась почти ненужной, — восклицает Л. Брод, — ни мирная конференция, которая так и не состоялась, ни предложения и протесты министров иностранных дел, ни действия дипломатии не могли изменить то, что произошло». «На Западе все было выиграно и потеряно между январем и июлем 1945 года...»¹⁴, — вторит ему Р. Томпсон.

Однако ни с той, ни с другой оценкой Потсдамской конференции согласиться, конечно, нельзя. Обе они игнорируют конкретно-историческую обстановку весны — лета 1945 года, отрицают важность решений, которые были согласованы СССР, США и Англией.

Нельзя не отметить, что ревизионистские оценки Потсдамской конференции резко противоречат тем, которые были сделаны вскоре после ее окончания Эттли и Черчиллем. «В общем я считаю, — писал тогда Эттли в послании премьер-министрам английских доминионов, — что мы добились значительного прогресса на пути лучшего взаимопонимания между тремя правительствами и что достигнутые решения являются хорошей основой для дальнейшего продвижения вперед». Что касается Черчилля, то 22 августа 1945 г., выступая в палате общин, он отметил, что «наиболее важные вопросы» в Потсдаме

были решены и «решены успешно». Мы можем лишь согласиться с этими высказываниями, которые Л. Вудвард приводит без каких-либо комментариев¹⁵.

Фальсификация роли СССР в разгроме милитаристской Японии. На Потсдамской конференции Советский Союз подтвердил свое обязательство вступить в войну с Японией, а У. Черчилль и Г. Трумэн приняли сепаратное решение использовать атомную бомбу, если Токио отвергнет англо-американское предложение от 26 июля 1945 г. о капитуляции. Эти решения, а также оценка роли СССР в разгроме милитаристской Японии и вопрос о влиянии атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки на японскую капитуляцию являются предметом многочисленных спекуляций и извращений.

Вопрос о роли Советского Союза в разгроме Японии — один из самых «удобных» для фальсификации его буржуазной историографией. Ведь военные действия Советской Армии в Маньчжурии продолжались недолго, а главное — можно сослаться на «решающее значение» атомных бомб. Отметим, что в этом большинство английских буржуазных историков полностью единодушны со своими заокеанскими коллегами¹⁶.

Версия, которой придерживаются многие западные исследователи, сводится к следующему: СССР, объявив войну Японии 8 августа 1945 г., после применения первой атомной бомбы, не оказал какого-либо влияния на решение японского правительства капитулировать. Более того, вступление СССР в войну против Японии было «невыгодным» для Англии и США, так как им пришлось удовлетворить «чрезмерные требования Москвы».

Пожалуй, первым эту версию начал развивать в 1948 году Дж. Фуллер. Один из параграфов десятой главы его книги «Вторая мировая война, 1939—1945» назван: «Атомная бомба и капитуляция Японии». Фуллер прибегает к различным уловкам, чтобы исказить роль Советского государства в войне с Японией. Так, например, говоря об обращении правительства Японии к СССР с просьбой о посредничестве в переговорах с США и Англией, он делает следующий вывод. «Этот шаг японцев, — отмечает Фуллер, — показывает, что войну можно было закончить в июне на весьма выгодных для Англии и Соединенных Штатов условиях. К этому времени военное

могущество Америки расчистило путь к верной и быстрой победе». Что же помешало им на этом пути? Принцип «безоговорочной капитуляции», который «сковывал» действия США и Англии и «расчищал дорогу» Советскому Союзу. «Нет сомнений,— восклицает военный теоретик в работе «Руководство войной, 1789—1961»,— что если бы не существовала политическая и стратегическая близорукость, вызванная политикой безоговорочной капитуляции, войну можно было окончить в мае 1945 года и выгодный для союзников мир на Дальнем Востоке был бы достигнут. Если бы она закончилась тогда, Россия не смогла бы вмешаться и все пагубные последствия ее вмешательства были бы избегнуты. Если бы все это было сделано, не было бы необходимости сбрасывать две атомные бомбы»¹⁷. Так, начав с нападок на принцип безоговорочной капитуляции, Фуллер заканчивает свою тираду оправданием атомных бомбардировок!

Иначе излагает вопрос Черчилль. Он утверждает, что после испытания атомной бомбы, произведенного США накануне открытия Потсдамской конференции, 16 июля 1945 г., понял, что победа над Японией предрешена. «...Нам больше не нужны были русские. Конец войны с Японией больше не зависел от участия их армий в финальной и, возможно, длительной схватке. Мы не нуждались больше в их расположении»,— восклицает он. «Японцы были — мы теперь это точно знаем — абсолютно разгромлены и искали мира в июле 1945 года»,— как бы поддерживает его С. Кинг-Холл. Принимает эту несостоятельную точку зрения и А. Верт¹⁸.

Но если это было действительно так, то почему Вашингтон так беспокоила позиция СССР? «Я успокоился, когда услышал от Гопкинса,— вспоминал впоследствии Г. Трумэн о докладе Г. Гопкинса, вернувшегося в начале июня 1945 года из Москвы,— что Сталин верен договоренности, достигнутой в Ялте о вступлении России в войну против Японии. Наши военные эксперты считали, что вторжение в Японию обойдется по крайней мере в 500 тыс. американцев убитыми, даже при условии, что японские войска будут оставаться в Китае. Русское вступление в войну против Японии было для нас крайне важным»¹⁹.

По данным разведотдела военного министерства США, к середине июля 1945 года Япония имела на островах метрополии 2 млн. солдат, в Китае, Корее и на Тай-

ване — еще 2 млн. и на остальных оккупированных территориях — около 1 млн. «В июле (1945 года. — Г. Р.) мы понимали, — писал Г. Стимсон, — что существует реальная возможность того, что японское правительство может решить сопротивляться до конца во всех районах Дальнего Востока, находящихся под его контролем. В этом случае союзники столкнулись бы с чрезвычайно трудной задачей уничтожения пятимиллионных вооруженных сил и пяти тысяч боеспособных самолетов, принадлежащих народу, который уже достаточно продемонстрировал свою способность бороться буквально до конца»²⁰. Отсюда и заинтересованность Вашингтона в военной помощи СССР на Дальнем Востоке, заинтересованность, которую задним числом игнорируют многие английские авторы!

Отметим, что американский историк Г. Алпровитц, прилагая много усилий, для того чтобы «доказать», будто Г. Трумэн и американские военачальники уже в мае — июне 1945 года пришли к выводу о готовности Японии капитулировать, вынужден признать, что президент США отправился в Потсдам с целью «получить определенное заявление» Советского правительства о вступлении СССР в войну против Японии. И не случайно даже после испытания атомной бомбы, когда конференция начала свою работу, Г. Трумэн добивался, как он сам свидетельствует, соответствующего обязательства СССР, а 24 июля 1945 г., через два дня после того, как Трумэн и Черчилль решили использовать атомную бомбу против Японии, Объединенный комитет начальников штабов (с участием англичан!) принял резолюцию: «Необходимо поощрять вступление России в войну против Японии. В связи с этим, с целью поддержания способности вести войну, ей следует предоставить такую помощь, которая является необходимой и практически возможной»²¹. Доводы Фуллера — Черчилля и иже с ними, таким образом, не выдерживают испытания историческими фактами.

Надо сказать, что многие буржуазные авторы, тем не менее, стараются доказать, будто Советский Союз, помощь которого Англии и США якобы была «больше не нужна», объявил войну Японии лишь для того, чтобы получить «обещанное вознаграждение». Одним из первых с этим «тезисом» выступил Черчилль. «Россия объявила войну 8 августа, лишь за неделю до вражеской

агонии,— писал он.— Тем не менее она заявила о своих полных правах в качестве воюющей стороны». Советское правительство боялось, что Япония капитулирует раньше, чем оно «сможет без особого труда пожать плоды, обещанные ему в Ялте»,— заявляет У. Макнейл. Об этом же пишут лейбористы М. Фут, Дж. Биггс-Дэвисон, биограф К. Эттли, Ф. Уильямс, Л. Брод, Д. Томсон²².

Надо сказать, что версия Фуллера — Черчилля вызывает возражения у некоторых английских исследователей. Так, Ф. Джонс, Х. Бортон и Б. Пирн в книге «Дальний Восток, 1942—1946», изданной Королевским институтом международных отношений, справедливо подчеркивают, что объявление Советским Союзом войны стало «сокрушительным ударом» для Токио. Именно это, добавляют они, усилило позиции тех, кто выступал за принятие предложения США, Англии и Китая о капитуляции. Сомнения по поводу «решающего значения» атомной бомбы для победы над Японией выражает Б. Гарднер. Он считает, что если атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки и сократила войну, то всего на две-три недели. Косвенным образом признает огромное значение, которое имело объявление войны Японии Советским Союзом, и Дж. Эрман. «Интересно проследить реакцию японцев на этот шаг Советского правительства»²³,— пишет он и рассказывает о заседаниях Высшего военного совета и правительства Японии 9—10 августа 1945 г., закончившихся принятием решения о капитуляции. Тем не менее голоса тех, кто выступает за объективный подход к оценке роли СССР в войне с Японией, пока еще слабы.

Анализируя высказывания буржуазных английских авторов, давая им оценку, следует подчеркнуть, что роль СССР в войне с японским милитаризмом не исчерпывается военными операциями, проведенными Советской Армией после 8 августа 1945 г. в Маньчжурии. В течение всей мировой войны Советский Союз, как известно, сковывал почти все силы Квантунской армии (в 1945 г.— более 1 млн. чел.). Об этом «забывают» и Черчилль, и Фуллер, и Уильямс. Сокрушительные удары Красной Армией, нанесенные фашистскому вермахту под Москвой, Сталинградом, под Орлом и Курском, произвели, как признается в коллективной работе английских историков, глубокое впечатление на японские правящие круги²⁴. Таким образом, Советское государство уже в 1941—

1944 годах оказало серьезную помощь своим западным союзникам.

Объявляя войну Японии, СССР руководствовался как своим союзническим долгом, так и желанием сократить сроки мирового конфликта. Перейдя в наступление на рассвете 9 августа, советские войска в первые же сутки боевых операций продвинулись на 50—150 км. Сокрушительные удары, нанесенные Квантунской армии — основной сухопутной армии Японии, — привели к резкому изменению всей военно-стратегической обстановки на Дальнем Востоке и непосредственно повлияли на решение японского правительства о капитуляции. «Мы получили огромное потрясение от атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны», — заявил 9 августа 1945 г. премьер-министр Японии Судзуки на заседании Высшего военного совета. Не столько атомная бомбардировка Хиросимы, сколько действия Советской Армии нанесли японскому империализму «смертельный удар», подчеркивают прогрессивные японские историки²⁵.

Английские мемуаристы и историки старательно замалчивают тот факт, что начиная с Потсдамской конференции реакционные круги США и Англии, особенно Черчилль, стали смотреть на атомную бомбу как на средство запугивания и шантажа Советского Союза, как на силу, способную навязать ему свои условия при мирном урегулировании. Об этом свидетельствует одно из немногих откровений — запись в дневнике фельдмаршала Брука, из которой видно, что Черчилль уже после испытания атомной бомбы стал тешить себя мыслью, что ее можно будет использовать как орудие диктата Советскому Союзу. Что касается самого Черчилля, то он только в 1957 году в предисловии к однотомному варианту своих воспоминаний раскрыл суть своих планов: «Век атома изменил отношения между великими державами... Мне даже приходило в голову, что мирная демонстрация воздушной мощи (после предварительного уведомления) над главными советскими городами наряду с информацией советских лидеров о наших некоторых технических достижениях могла бы заставить их занять более дружественную и здоровую позицию». Атомные бомбы были применены, пишет английский журналист А. Верт, ссыла-

ясь на заявления Трумэна, Бирнса, Стимсона, «главным образом для того, чтобы произвести впечатление на Россию той огромной мощью, которой владела Америка». «Окончание войны с Японией имело значение, но главное заключалось в том, чтобы остановить русских в Азии и сдержать их в Восточной Европе»²⁶, — подчеркивает он. И с этим трудно не согласиться.

И только единицы осуждают этот варварский акт, унесший сотни тысяч жизней мирных граждан Хиросимы и Нагасаки. Разве нельзя было, спрашивает Л. Макфэрлан, «продемонстрировать фантастическую разрушительную силу где-то в пустыне», что оказало бы то же самое влияние на Японию. «Ужас Хиросимы и Нагасаки все еще лежит на совести Америки»²⁷.

Концепция «выигранной войны» и «проигранного мира». Каковы итоги второй мировой войны? Почему Англия, одержав победу, не смогла пожать ее плоды? Чем объяснить, что английский империализм вышел из войны не окрепшим, а ослабленным?

Эти вопросы неизменно возникают перед буржуазными историками, публицистами и государственными деятелями Англии. Чем характерен их подход к ним? Прежде всего он различен. Одни из них пытаются нащупать правильную, по их мнению, «объективную» основу для выводов, другие идут по более легкому и проторенному пути, используя уже известные версии, в том числе модную на Западе версию о «выигранной войне и проигранном мире», третьи вообще стараются уйти от прямых ответов.

Тревога за судьбы английского капитализма в послевоенном мире заметна у авторов многих работ, опубликованных еще в 1944—1945 годах. Одни из них, как, например, публицист П. Метьюз, надеялись, что державы антигитлеровской коалиции, учитывая уроки прошлого, смогут наладить сотрудничество и в мирные дни, после чего «будет обеспечен длительный период мира». Другие, лучше знакомые с настроениями правящих кругов Англии, предусматривали и другую возможность: возвращение к старому антисоветскому курсу. «Русские могут опасаться», — писал в 1944 году известный общественный деятель, член парламента С. Кинг-Холл, — что, поскольку наша цель состоит в том, чтобы работать в направле-

нии демократической и, возможно, федеральной Европы, мы можем создать блок, который в один прекрасный день нападет на „большевизм“». Третьи сокрушались по поводу неизбежного ослабления и даже распада британской колониальной империи. В этом отношении характерно высказывание английского социолога Э. Калбертсона в книге «Всеобщий мир» (1944 г.), назвавшего британскую империю «больным человеком»²⁸.

Однако в подавляющем большинстве книг и брошюр, опубликованных в конце войны и первые послевоенные годы, выражалась надежда на сохранение сотрудничества держав антигитлеровской коалиции. Их авторы нередко подчеркивали, что дружественные отношения между Англией и Советским Союзом приобретают особое значение для укрепления мира и безопасности.

Фултонская речь У. Черчилля, произнесенная в марте 1946 года, а затем открытый переход западных держав на «позицию силы» и «холодной войны» оказали большое влияние как на буржуазную историографию в целом, так и на оценку ею результатов второй мировой войны. С этой точки зрения весьма характерна книга «Мир и сила», опубликованная лейбористским деятелем Г. Батлером в 1947 году. В ней ясно различимы черты лживой версии о «советском империализме». Так, ответственность за срыв сотрудничества между державами антигитлеровской коалиции автор пытается переложить на СССР, который якобы нарушил договоренность, заключенную в Ялте. Батлер не скрывает надежды на то, что «экономические трудности» заставят Советское государство «в течение нескольких десятилетий направлять всю свою энергию главным образом на восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства» и, следовательно, его роль на международной арене окажется минимальной²⁹.

Искусственно нагнетая антисоветскую истерию, реакционные круги Англии с конца 40-х годов все больше стали уповать на империализм США — «единственную опору» против коммунистической опасности. Их мнение с достаточной откровенностью выразил реакционный философ Дж. Бэрнхем. В злопыхательской книжонке «Борьба за мировое господство» (1947 г.) он ставил фальшивую дилемму: либо «мировое господство коммунизма», либо добровольное подчинение Соединенным Штатам, которые являются единственной капиталистической дер-

жавой, способной создать «мировую организацию». При этом Бэрнхем подчеркивал, что на успех в создании «всемирной некоммунистической федерации» можно надеяться только в том случае, если Соединенные Штаты «сохранят за собой монопольный контроль над атомным оружием и примут на себя ответственность за руководство миром»³⁰.

Наряду с этим отдельные английские историки не могли пройти мимо опасности, которую несли с собой замыслы международной реакции, опасности, грозившей прежде всего Советскому Союзу. «Используя свою огромную экономическую и финансовую мощь, а также контроль над общественным мнением всего мира,— писал в том же, 1947, году К. Мидлтон,— они (т. е. западные державы.— Г. Р.) могут организовать мощную коалицию против Советского Союза... Обладание западными державами таким страшным оружием, как атомная бомба, уже привело к увеличению опасений у русских...»³¹. И действительно, в 1947 году был создан на антисоветской основе Западный союз во главе с Англией, а в апреле 1949 года — агрессивный блок НАТО — основное оружие реакционных сил.

И Бэрнхем, и ряд английских публицистов и историков признавали, что Англия в первые послевоенные годы не только не могла претендовать на статус великой державы, но и перестала играть сколько-нибудь заметную роль на международной арене. К такому выводу, в частности, пришел Ч. Уэбстер. «Сравнительная мощь Англии», сокрушался он, «совершенно не та», что была 60 лет назад, в пору расцвета английского капитализма, она во многом уступает мощи Соединенных Штатов и СССР. «Выйдя из войны с 3 млрд. фунтов долга на заморском балансе и не имея собственной атомной бомбы (хотя она в значительной мере способствовала успеху американцев в ее производстве), Англия не могла делать ничего иного, как благоразумно следовать за США, что она и делала...», — отмечал М. Фут. «С момента, когда Россия и две говорящие на английском языке нации были вовлечены в борьбу против Германии, Англия стала играть роль младшего партнера», — вторит ему Б. Кольер. «После заключения «великого союза» в 1941—1942 годах,— развивает этот тезис Л. Макфэрлан,— у Британии почти не осталось возможностей играть независимую роль во внешней политике»³².

Начиная с первых послевоенных лет и до сегодняшнего дня историки и публицисты, политические и военные деятели Англии не перестают искать ответ на вопрос: где, когда и кем были допущены «ошибки», которые повернули ход мирового развития, привели к торжеству сил социализма в ряде стран Европы и Азии? Как уже отмечалось, одним из первых с обоснованием «политических ошибок», имевших роковое значение для исхода войны, выступил Дж. Фуллер. В «проигрыше мира» он обвинял не только Ф. Рузвельта и Д. Эйзенхауэра, но и Черчилля, который, по его мнению, нарушив «равновесие сил» в Европе, «лишил базы» традиционную внешнюю политику Англии и в результате «с помощью Америки открыл ворота Восточной Европы для вторжения русских». Его тезис поддержал другой, менее известный военный историк — Р. Гренфелл. В 1945 году, писал он, США и Англия «прибегли к политике ликвидации «баланса сил» в крайней форме, что привело к самым погубным последствиям». Мог ли Черчилль что-либо сделать, спрашивает Р. Гренфелл и отвечает: он мог прибегнуть к «решающему аргументу» — пригрозить «переходом на сторону Германии», чтобы заставить США и особенно СССР «не ослаблять» ее³³.

Но можно ли согласиться с этими ревизионистскими выводами? Конечно, нет. Фуллер не мог не знать, что Черчилль во всей политике военных лет руководствовался именно принципом «баланса сил» и делал все возможное, чтобы «не пустить» Советскую Армию в Центральную Европу. Что касается «решающего аргумента» Р. Гренфелла, то, как уже говорилось, такой поворот Черчилль просто не в состоянии был осуществить, как бы он ни хотел этого.

Теория «ошибок» стала весьма модной на Западе. Ей отдали дань многие историки и публицисты Великобритании. Так, например, неудачный для Запада исход войны Ч. Уилмот изображал как результат «главным образом политических и военных ошибок», допущенных их лидерами, и особенно Рузвельтом, Маршаллом и Эйзенхауэром. «Рузвельтизм», его провал — вот главная причина всех бед, обрушившихся на западные державы, считает Б. Кольер. США и Англия забыли о «балансе сил», подчинив его «балансу террора» (намек на принцип «безоговорочной капитуляции»), утверждает он. «Второй раз в течение жизни одного поколения ведущие державы

западной цивилизации — США и Великобритания — имели мяч у своих ног после разгрома агрессивных сил... И во второй раз великая возможность установить постоянный мир была потеряна», — отмечал Кинг-Холл, подражая под этим международный порядок «западного образца». «Дважды в этом столетии, — приводит Б. Гарднер в качестве эпиграфа к своей книге «Ненужный час. Трагедия 1945» слова известного консервативного деятеля лорда Бутби, — западные державы выиграли мировую войну и проиграли мир. Почему? Я считаю, что главным образом из-за их постоянного отказа признавать политические реальности, без того чтобы изменить их, а также из-за своего неумения постичь суть революции XX столетия». Другие продолжают сожалеть, что правительству Англии во главе с Черчиллем не удалось провести в жизнь свои планы открытия «второго фронта», рассчитанные на захват ключевых позиций сначала на Балканах, а затем и в Центральной Европе. «День 6 июня (1944 г. — Г. Р.) был лебединой песней Англии», — сокрушается Р. Томпсон. Именно в этот день она «перестала быть великой державой», потеряла способность «распоряжаться собственной судьбой»³⁴.

Выражение «триумф и трагедия», которое Черчилль избрал в качестве названия последнего тома своих воспоминаний о второй мировой войне, желая подчеркнуть неудовлетворенность господствующих классов Великобритании ее исходом, приобрело широкую популярность. Его повторяют многие представители английской буржуазной историографии. Сожаления о «потерянных возможностях» у некоторых из них непосредственно соседствуют с измышлениями о «коммунистической агрессии», угрозе «западному миру», которая якобы исходила и исходит от СССР. «В обстановке второй мировой войны, — писал в 1956 году в предисловии к нью-йоркскому изданию «Стратегии» Б. Лиддел Гарт, — погоня за триумфом была обречена стать трагедией и бесполезностью. Полный разгром немецкой армии расчистил дорогу для преобладания Советской России на континенте Евразии и безграничного распространения коммунистической мощи во всех направлениях». А раскол мира на две системы — социализм и капитализм — А. Тойнби сравнивает с «мировой катастрофой». Западные державы «выиграли войну, но потеряли мир», потому что в Центральной и Восточной Европе, а также на Балканах возникли новые

социалистические государства, с неудовольствием объясняет лорд Стрэнг³⁵.

И лишь немногие признают прогрессивный характер борьбы, которая велась в 1939—1945 годах народами против сил фашизма и милитаризма. «Будущие историки, — пишет А. Тейлор, имея в виду буржуазных историков Англии, — могут смотреть на войну как на длительную борьбу за «баланс сил» в Европе или за сохранение империи. Те, кто жил во время нее, представляли дело иначе. Английский народ стремился разгромить Гитлера и национал-социализм...»³⁶.

К сожалению, такие выводы крайне редки. События 1941—1945 годов, взаимоотношения стран антигитлеровской коалиции, внешнеполитическая деятельность Советского Союза остаются, как правило, вне сферы анализа историков критического направления. Разоблачение буржуазных фальсификаций истории второй мировой войны, в том числе принадлежащих перу английских авторов, утверждение исторической правды — важная задача советской исторической науки.

Картина второй мировой войны, которую рисуют английские историки, публицисты и государственные деятели, выглядит искаженной. Они не могут дать ответа на вопрос, почему события в 1933—1945 годах развивались не так, как рассчитывали руководящие круги Великобритании, почему итоги войны оказались невыгодны британскому капитализму.

Среди причин этого явления особую роль играет классовый, социальный заказ, выполняемый подавляющим большинством буржуазных авторов, признают они это или нет. Многочисленные факты подтверждают, что идеология антикоммунизма, получившая широкое распространение на Западе с конца 40-х годов, оказала и оказывает влияние на английских историков и публицистов. Она, как шоры, резко ограничивает их кругозор, а нередко мешает замечать все то, что не соответствует официальным концепциям и догмам. Ее влияние сказывается и на тех исследователях, которые стремятся выступать с объективных или даже критических позиций (Л. Нэмир, А. Верт, М. Гилберт и др.).

Изучение английской буржуазной литературы о второй мировой войне, ее предыстории начиная от солидных, респектабельных исследований и кончая популярными брошюрами и книгами полностью подтверждает вывод, сделанный в «Программе Коммунистической партии Советского Союза»: антикоммунизм является главным идейно-политическим оружием империализма¹.

Порочный метод познания истины, общая ограниченность мировоззрения не дают возможности многим буржуазным авторам понять, что историческое развитие необратимо, оно не подчиняется воле отдельных лично-

стей или группировок. Отсюда субъективистские выводы, склонность объяснить отдельные события и процессы, неудобные правящим кругам западных держав, теорией случайностей.

Это, конечно, не означает, что отдельные представители английской исторической науки не в состоянии сделать объективного анализа, прийти к правильным выводам по отдельным проблемам и вопросам.

Английская буржуазная историография второй мировой войны болезненно реагирует на изменение соотношения сил в мире в результате победы Советского Союза в войне и образования мировой социалистической системы. Многие работы буржуазных историков и публицистов, особенно опубликованные в конце 50 — начале 60-х годов, проникнуты настроениями безысходности и пессимизма, а их авторы нередко концентрируют внимание на поисках «ошибок», допущенных США и Англией в последние годы и месяцы войны.

На изложение ряда проблем периода 1940—1945 годов — англо-американские отношения, разработка коалиционной стратегии Англии и США, взаимоотношения западных держав с СССР — оказывает несомненное влияние то, что в эти годы, и особенно со второй половины 1943 года, Англия в экономическом, военном и политическом отношении была вынуждена смириться с ролью младшего партнера Соединенных Штатов, а все попытки У. Черчилля выдвинуть на первый план в действиях западных держав антисоветские цели не имели успеха.

Наконец, нельзя не учитывать некоторые черты самой английской буржуазной историографии: отсутствие явно выраженных течений и исторических школ при наличии двух основных направлений — официозного и объективистско-критического, приверженность к традициям, которая, впрочем, заметно ослабла в 50—60-х годах, попытки прикрыть ссылками на «объективность и беспартийность» тенденциозность в изложении и оценке фактов и событий.

Главная задача английской буржуазной историографии, освещающей период второй мировой войны, заключается в создании и широкой пропаганде, в том числе среди рядовых англичан, а также за рубежом, такой концепции внешней политики и международных отношений 1933—1939 годов, событий войны, которая лучше всего отвечает интересам английского капитализма, обосновывает и оправдывает как довоенную политику «умиротво-

рения» фашистских держав, изоляции и «изгнания» СССР из Европы, так и внешнеполитический курс Англии 1939—1945 годов

Среди английских буржуазных исследователей Англии, изучающих проблемы войны, в последние годы обособилась группа историков-ревизионистов (Дж. Фуллер, Ч. Уилмот, Л. Брод, Р. Томпсон и др.). Для ревизионистов характерен крайний антисоветизм, конъюнктурный подход к оценке событий войны. Они отказываются учитывать историческую обстановку 1939—1945 годов, а свои заключения и выводы открыто ставят на службу антикоммунизму.

Не следует недооценивать влияние тех представителей английской буржуазной историографии (а их большинство), которые выступают с традиционных позиций. Книги этих авторов играют главную роль в пропаганде различного рода сомнительных версий и легенд, многие из которых весьма удобны для английского капитализма (например, версия о времени возникновения и характере политики «умиротворения», «дипломатической революции», «дюнкерском чуде», невозможности открытия второго фронта в 1941—1943 гг. и т. п.).

Одна из особенностей английской буржуазной историографии второй мировой войны — почти полное совпадение оценок в работах официальных и неофициальных историков. Более того, положения и выводы первых во многом влияют на характер деятельности вторых. Причем задачи официальной и неофициальной литературы по истории войны, как правило, полностью совпадают. Они служат одной главной цели: представить причины, характер войны и ход событий 1939—1945 годов в выгодном для господствующих классов свете.

Заметным явлением в английской историографии второй мировой войны стала деятельность объективистско-критического направления (Л. Нэмир, К. Инграм, К. Уоткинс, А. Роуз, М. Гилберт и Р. Готт, П. Рейнольдс и др.). Выступая в целом с буржуазных позиций, его представители сыграли значительную роль в критике официальных теорий в области внешней политики и международных отношений.

Анализ работ английских буржуазных авторов показывает, что вопросы англо-советских отношений, внешней политики СССР, его места и роли во второй мировой войне излагаются особенно тенденциозно. Большинство

исследователей, используя ряд приемов, зачастую стандартных, не только искажают, но нередко грубо фальсифицируют внешнеполитический курс Советского государства 1933—1945 годов.

Несмотря на большое количество книг о второй мировой войне, в активах английской буржуазной историографии до сих пор нет специальных работ, посвященных англо-советским отношениям и советской внешней политике 1941—1945 годов. И это, очевидно, не случайно. Ведь при подробном анализе этих проблем антисоветские догмы и фальсификаторские приемы вряд ли смогут оказать действенную помощь тем, кто пытается извратить справедливый характер, демократическую сущность внешней политики Советского Союза.

С критикой официозных версий, общей концепции буржуазной историографии второй мировой войны выступают прогрессивные историки Англии. Книги Р. Палм-Датта, Э. Ротштейна, супругов У. и З. Коутс, публицистические работы и памфлеты Д. Н. Притта, К. Зиллиакуса являются значительным вкладом в изучение внешней политики Англии 30—40-х годов.

Анализ английской буржуазной историографии показывает, что она накопила большой фактический материал о предыстории войны и международных отношениях 1939—1945 годов. Без его изучения нельзя составить правильного, глубокого представления о внешней политике английского империализма. Изучение этого материала необходимо и для воссоздания полной картины советско-английских отношений. Глубокое знание английской буржуазной историографии второй мировой войны, версий и методов, используемых ею, необходимо для борьбы против искажений и фальсификаций истории, восстановления исторической правды.

Последовательно выступая против тенденциозной трактовки внешней политики и международных отношений кануна и периода второй мировой войны буржуазной исторической наукой Запада, советские историки не только разоблачают фальсификаторские приемы и методы, но и, восстанавливая истину, наглядно показывают миллионам людей, в том числе народам капиталистических стран, реакционную, антинародную сущность внешней политики современного империализма.

Введение

- ¹ См. И. М. Майский, Воспоминания советского посла, кн. 2-я, Мир или война? М., 1964; его же, Воспоминания советского посла. Война 1939—1943, М., 1965; В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.), М., 1962; его же, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945), М., 1965; В. И. Попов, Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.), М., 1965; В. М. Кулиш, Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе, М., 1965; Л. В. Поздеева, Англия и ремилизация Германии 1933—1936, М., 1956; ее же, Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1939—1941 гг., М., 1964; И. Н. Ундасинов, Рузвельт, Черчилль и второй фронт, М., 1965.
- ² См. «Вопросы истории», 1958 г., № 1, стр. 62—84; «Против фальсификации истории второй мировой войны», М., 1964, стр. 109—163.

Часть I, глава 1

- ¹ См. «Agreement between the Governments of the United Kingdom and the Polish Government. London, August 25, 1939», L., 1939; «Correspondence H. M. Government in the United Kingdom and the German Government. August 1939», L., 1939; «Documents Concerning German — Polish Relations and the Outbreak of Hostilities Between Great Britain and Germany on September 3, 1939», L., 1939; «Final Report by the Rt. Hon. Sir Neville Henderson on the Circumstances Leading to the Termination of His Mission to Berlin. September 20, 1939», L., 1939.
- ² См. «Documents on British Foreign Policy 1919—1939», Series 1—3, L., 1946—1966 (далее: «D. B. F. P.»).
- ³ См. Б. Е. Штейн, Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939), М., 1951, стр. 38—39.
- ⁴ Речь идет о подготовке официальными ведомствами США, Англии и Франции антисоветского сборника немецких документов «Nazi—Soviet Relations 1939—1941», Wash., 1948.
- ⁵ Как известно, в ответ на издание сепаратно подготовленного сборника немецких дипломатических документов Советское правительство опубликовало «Документы и материалы кануна второй мировой войны», тт. 1—II, М., 1948.

- ⁶ См. «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», vol. I—XI, L., 1926—1938.
- ⁷ «D. B. F. P.», First series, vol. I, L., 1947, p. V.
- ⁸ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 35—36, 60—61.
- ⁹ A. Eden, Facing the Dictators; Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon, Boston, 1962, p. 586; см. также Л. Эмери, Моя политическая жизнь, М., 1960, стр. 467—468.
- ¹⁰ См. «D. B. F. P.», Third series, vol. I, L., 1949, pp. 4—5.
- ¹¹ Ibid., p. 589.
- ¹² Ibid., pp. 161—162.
- ¹³ Ibid., p. IV.
- ¹⁴ См. «Documents on International Affairs 1939—1946», vol. I, ed. A. Toynbee, L., 1951; vol. II, ed. M. Carlyle, L., 1954.
- ¹⁵ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 3.
- ¹⁶ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II.
- ¹⁷ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», тт. 1—2, М., 1957 (далее: «Переписка...»).
- ¹⁸ См. «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1958.
- ¹⁹ См. «Международная жизнь», 1959 г., № 2—3; 1961 г., № 7—8; 1965 г., № 6—10, 12; 1966 г., № 1—3, 5—9.
- ²⁰ См. W. Churchill, The Second World War, vol. I. «The Gathering Storm», L., 1948; vol. II. «Their Finest Hour», L., 1949; vol. III. «The Grand Alliance», L., 1950; vol. IV. «The Hinge of Fate», L., 1950; vol. V. «Closing the Ring», L., 1951; vol. VI. «Triumph and Tragedy», L., 1953.
- ²¹ W. Churchill, The Second World War, vol. I, p. X.
- ²² Ibid., pp. 64—70, 16.
- ²³ Ibid., pp. X, 187—190.
- ²⁴ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», L., 1960, «The Eden Memoirs. Facing the Dictators: The Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon», Boston, 1962 (далее: A. Eden, Facing the dictators); его же, The Reckoning, L., 1965.
- ²⁵ См. «Международная жизнь», 1961 г., № 5, стр. 96—103.
- ²⁶ A. Eden, Facing the Dictators, p. 184.
- ²⁷ Ibid., p. 379.
- ²⁸ Ibid., p. 512.
- ²⁹ «Observer», Nov. 18, 1962.
- ³⁰ См. A. Eden, The Reckoning, p. 3.
- ³¹ Ibid., p. 277.
- ³² Ibid., pp. 513—514, 518—522.
- ³³ См. H. Macmillan, Winds of change, 1914—1939, L., 1966; его же, The Blast of War, 1939—1945, L., 1967.
- ³⁴ См. H. Macmillan, Winds of change, 1914—1939, pp. 411, 419, 485, 559.
- ³⁵ Ibid., p. 575.
- ³⁶ Ibid., p. 578.
- ³⁷ H. Macmillan, The Blast of War, 1939—1945, pp. 3, 49.
- ³⁸ См. L. Amery, My Political Life, vol. I—III, L., 1955.
- ³⁹ Л. Эмери, Моя политическая жизнь, М., 1960, стр. 465.
- ⁴⁰ Там же, стр. 467—468.
- ⁴¹ Там же, стр. 506, 540—541.

- ⁴² Там же, стр. 545.
- ⁴³ Там же, стр. 514, 586.
- ⁴⁴ См. Viscount Templewood (S. Hoare), *Nine Troubled Years*, L., 1954; J. Simon, *Retrospect: The Memoirs of Viscount Simon*, L., 1952; Lord Halifax, *Fulness of Days*, L., 1957; N. Henderson, *Failure of Mission*, Berlin 1937—1939, L., 1940; его же, *Water under the Bridges*, L., 1945; Lord Strang, *Home and Abroad*, L., 1956; его же, *Britain in World Affairs*. Henry VII—Elizabeth II, L., 1961; I. Kirkpatrick, *The Inner Circle*, L., 1959.
- ⁴⁵ N. Henderson, *Failure of Mission*, p. 18.
- ⁴⁶ N. Henderson, *Water under the Bridges*, p. 216.
- ⁴⁷ Ibid., p. 210.
- ⁴⁸ Lord Vansittart, *Lessons of my Life*, L., 1944, pp. 34, 57.
- ⁴⁹ K. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, L., 1946; I. Macleod, *Neville Chamberlain*, L., 1961; F. Williams, *The Prime Minister Remembers. The War and Post War Memoirs of Rt. Hon. Attlee*, L., 1961.
- ⁵⁰ F. Williams, *The Prime Minister Remembers*, pp. 51—52.
- ⁵¹ «The Earl of Birkenhead, Halifax. The Life of Lord Halifax», L., 1965, pp. 363, 405.
- ⁵² Ibid., pp. 432—434, 437—438.
- ⁵³ Ibid., p. 444.
- ⁵⁴ «Lord Lothian (Philip Kerr) 1882—1940», ed. by D. Butler, L., 1960.
- ⁵⁵ См. Montgomery, *El Alamein to River Sangro*, L., 1945; его же, *Sangro to Gatilano*, L., 1946; его же, *Normandy to Baltic*, L., 1952; «The Memoirs of Field — Marshall the Viscount Montgomery of Alamein», L., 1958; A. Bryant, *The Turn of the Tide*, L., 1955; A. Bryant, *The Triumph in the West 1943—1946*, L., 1957; «The Memoirs of General the Lord Ismay», L., 1960; J. Leasor, *The Clock with Four Hands*, L., 1959; J. Kennedy, *The Business of War*, L., 1957; «The Alexander Memoirs 1940—1945», ed. by J. North, L., 1962.
- ⁵⁶ См. «The Memoirs of Field — Marshall the Viscount Montgomery of Alamein», pp. 58, 219.
- ⁵⁷ Ibid., pp. 342, 344.
- ⁵⁸ См. A. Bryant, *The Triumph in the West*, pp. 242, 260.

Часть I, глава 2

- ¹ См. W. Medlicott, *The Economic Blockade*, vol. II, L., 1959, p. XI.
- ² См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, L., 1962.
- ³ Ibid., pp. 7—17, 29.
- ⁴ Ibid., p. 151.
- ⁵ Ibid., pp. 463—464.
- ⁶ См. М. Э. Айрапетян, Г. А. Деборин, *Этапы внешней политики СССР*, М., 1961, стр. 284, 292—293, 306; Н. Иноземцев, *Внешняя политика США в эпоху империализма*, М., 1960, стр. 412—413; Н. Н. Яковлев, *Новейшая история США, 1917—1960*, М., 1961, стр. 362, 377; В. Л. Израэлян, *Антигитлеровская коалиция 1941—1945*, М., 1964, стр. 201—225.
- ⁷ J. Butler, *Grand Strategy*, vol. 2 (September 1939 — June 1941), L., 1957; J. Gwyer, J. Butler, *Grand Strategy*, vol. 3 (June 1941 — August

- 1942), L., 1964; J. Ehrman, vol. 5 (August 1943 — September 1944), L., 1956; J. Ehrman, vol. 6 (October 1944 — August 1945), L., 1956 (эти тома переведены на русский язык).
- ⁸ См. J. Gwyer, *Grand Strategy*, vol. 3 (June 1941 — August 1942), part I, L., 1964, pp. 50—56, 336—337.
- ⁹ См. Д. ж. Эрман, *Большая стратегия*. Август 1943 — сентябрь 1944, М., 1958, стр. 81, 84—85, 202—203. (Советские историки показали несостоятельность подобных утверждений. См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. 3, М., 1961, стр. 510—512.)
- ¹⁰ См. Д. ж. Эрман, *Большая стратегия*. Октябрь 1944 — август 1945, М., 1958, стр. 77—78, 116.
- ¹¹ Там же, стр. 315.
- ¹² См. «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, Oxford University Press, 1941 (далее: O.U.P.); «Survey of International Affairs, 1938», vol. II («The Crisis over Czechoslovakia, January to September 1938»), O.U.P., 1951.
- ¹³ См. «The World in March 1939», ed. A. Toynbee and F. Ashton — Gwatkin, O.U.P., 1952; «The Eve of War, 1939», ed. A. Toynbee and V. Toynbee, O.U.P., 1958; «The Initial Triumph of the Axis», ed. A. Toynbee and V. Toynbee, O.U.P., 1958; «Hitler's Europe», ed. A. Toynbee and V. Toynbee, O.U.P., 1954; W. McNeill, *America, Britain and Russia. Their cooperation and conflict, 1941—1946*, ed. A. Toynbee, O.U.P., 1953; G. Kirk, *The Middle East in the War*, ed. A. Toynbee, O.U.P., 1959; «The War and the Neutrals», ed. A. Toynbee, O.U.P., 1956; «The Far East, 1942—1946», ed. A. Toynbee, O.U.P., 1955; «The Realignment of Europe», ed. A. Toynbee, O.U.P., 1955; M. Balfour and J. Mair, *Four — power control in Germany and Austria, 1945—1946*, ed. A. Toynbee, O.U.P., 1956; G. Kirk, *The Middle East, 1945—1950*, ed. A. Toynbee, O.U.P., 1953.
- ¹⁴ «The Realignment of Europe», p. 19.
- ¹⁵ W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. VI.
- ¹⁶ См. «The Eve of War, 1939», pp. 212—218.
- ¹⁷ Ibid., pp. 481—482, 486—487.
- ¹⁸ См. «The Initial Triumph of the Axis», pp. 79, 83—84, 97, 174, 368.
- ¹⁹ W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 41.
- ²⁰ Ibid., pp. 52—53, 175.
- ²¹ Ibid., p. 219.
- ²² Ibid., pp. 564, 607.
- ²³ Ibid., pp. 652—653, 724.

Часть I, глава 3

- ¹ R. Seton-Watson, *Britain and the Dictators: A Survey of Post War British Policy*, Cambr., 1938.
- ² Ibid., p. VII.
- ³ Ibid., pp. 384, 403, 408—409.
- ⁴ См. E. Carr, *The Foreign Policy of Britain from 1918 to september 1939*, L., 1939, pp. 147, 172.
- ⁵ См. E. Carr, *Conditions of Peace*, N. Y., 1942, pp. 189—190, 209, 226—229.
- ⁶ См. E. Carr, *International Relations between the Two World Wars (1919—1939)*, L., 1948, pp. 219—221, 266, 278.

- ⁷ E. Carr, *German—Soviet Relations between the two World Wars, 1919—1939*, Baltimore, 1951, pp. 135—136.
- ⁸ Cm. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, L., 1948.
- ⁹ *Ibid.*, pp. 230, 407—409.
- ¹⁰ Cm. J. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945*, L., 1954, p. 701.
- ¹¹ Cm. J. Wheeler-Bennett, *King George VI. His Life and Reign*, L., 1958.
- ¹² Cm. W. Medlicott, *The Economic Blockade*, vol. I—II, L., 1952—1959.
- ¹³ Cm. W. Medlicott, *The Origins of the Second Great War*, L., 1940, pp. 7, 12—13, 19—21.
- ¹⁴ Cm. W. Medlicott, *British Foreign Policy since Versailles*, L., 1942, p. 250.
- ¹⁵ Cm. W. Medlicott, *The coming of War in 1939*, L., 1963; «From Metternich to Hitler. Aspects of British and Foreign History 1814—1939», ed. by W. Medlicott, N. Y., 1963, pp. 231—256.
- ¹⁶ Cm. W. Medlicott, *The coming of War in 1939*, p. 5.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 26.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 27.
- ¹⁹ Cm. M. Beloff, *The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929—1941*, vol. II, 1936—1941, O.U.P., 1955; G. Gathorne-Hardy, *A Short History of International Affairs, 1920—1939*, L., 1950; B. Liddel Hart, *This Expending War*, L., 1942; *его же*, *The Other Side of the Hill*, L., 1951; *его же*, *Strategy*, N. Y., 1956.
- ²⁰ Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, L., 1952, p. 11.
- ²¹ Cm. L. Broad, *The War that Churchill Waged*, L., 1960, pp. 354, 357, 430; *его же*, *Winston Churchill. The Years of Achievement. A biography*, vol. II, N. Y., 1963, p. 469.
- ²² J. Leasor, *War at the Top*, L., 1959, p. 292.
- ²³ R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, L., 1963, pp. 344, 351.
- ²⁴ B. Gardner, *The Wasted Hour. The Tragedy of 1945*, L., 1963, p. 64.
- ²⁵ См. Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор*, М., 1956, стр. 466—468, 527.
- ²⁶ Там же, стр. 515.
- ²⁷ Cm. J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961. A Study of the Impact of the French, industrial and Russian Revolutions on War and its Conduct*, L., 1961, pp. 264, 266—267, 275, 294.
- ²⁸ *Ibid.*, pp. 288, 294.
- ²⁹ *Ibid.*, pp. 279, 303, 306.
- ³⁰ Cm. B. Collier, *The Defence of the United Kingdom*, L., 1957.
- ³¹ Cm. B. Collier, *Barren Victories: Versailles to Suez. The Failure of the Western Alliance 1918—1956*, N. Y., 1964, pp. 220, 238, 268—270.
- ³² Cm. N. Angell, *Peace with the Dictators?* L., 1938; *его же*, *For what do we fight?* L., 1939; V. Gollanz, *Is Mr. Chamberlain Saving Peace?* L., 1939, «*Vigilantes*» (K. Ziliacus) *Between two wars? The Lessons of the Last World War in Relation to the Preparations for the Next*, Harmondsworth, 1939 (далее: «*Vigilantes*» (K. Ziliacus), *Between two wars?*); D. Pritt, *They helped Hitler*, L., 1936; *его же*, *Light on Moscow*, L., 1939.

- ³³ См. J. Mackintosh, *The Paths that led to War. Europe 1919—1939*, L., 1940; R. Rayner, *The twenty years Truce, 1919—1939*, L., 1943; P. Matthews, *European balance*, L., 1945; A. Werth, *Moscow '41*, L., 1942.
- ³⁴ См. K. Ingram, *Years of Crisis. An Outline of International History 1919—1945*, L., 1946, pp. 70, 77.
- ³⁵ *Ibid.*, pp. 187—192.
- ³⁶ *Ibid.*, pp. 212, 271, 349, 470.
- ³⁷ См. L. Namier, *Diplomatic Prelude, 1938—1939*, L., 1948; *его же*, *Europe in Decay. A Study in Disintegration, 1936—1940*, L., 1950; *его же*, *In the Nazi Era*, L., 1952.
- ³⁸ L. Namier, *Diplomatic Prelude, 1938—1939*, pp. XIII—XVI, XVIII.
- ³⁹ См. L. Namier, *Europe in Decay*, pp. 119, 158, 258.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 259.
- ⁴¹ См. L. Namier, *In the Nazi Era*, p. 150.
- ⁴² Реакционные историки Англии, в частности М. Белов, и сегодня выступают с нападками на Нэмира (см. «Contemporary Review», 1962, March, p. 151; «The Round Table», 1963, Sept., p. 358).
- ⁴³ См. A. Taylor, *The Troublemakers. Dissent over Foreign Policy 1792—1939*, L., 1957, pp. 185, 195, 199.
- ⁴⁴ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, L., 1961, pp. 70, 78, 79, 112.
- ⁴⁵ *Ibid.*, pp. 136, 145, 163, 187—189, 218—219.
- ⁴⁶ Тейлор сам признает это (см. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, N. Y., 1965, p. 278).
- ⁴⁷ *Ibid.*, pp. 280—287.
- ⁴⁸ См. A. Taylor, *English History 1914—1945*, Oxford, 1965, p. 453.
- ⁴⁹ *Ibid.*, pp. 486, 577, 590.
- ⁵⁰ См. A. Rowse, *All Souls and Appeasement. A Contribution to Contemporary History*, L., 1961; *его же*, *Appeasement. A Study in Political Decline 1933—1939*, N. Y., 1961.
- ⁵¹ См. A. Rowse, *All Souls and Appeasement*, pp. 116—117.
- ⁵² См. M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, L., 1963.
- ⁵³ *Ibid.*, pp. 38, 57—59, 94, 105—107, 192.
- ⁵⁴ *Ibid.*, pp. 223, 293.
- ⁵⁵ См. K. Watkins, *Britain Divided. The Effect of the Spanish civil war on British Political Opinion*, L., 1963.
- ⁵⁶ *Ibid.*, pp. 33—44.
- ⁵⁷ *Ibid.*, pp. 72, 75—76.
- ⁵⁸ См. A. Werth, *Russia at War 1941—1945*, N. Y., 1964, pp. XV—XVII, 687.
- ⁵⁹ *Ibid.*, pp. 633—653, 911—912, 1026, 1041—1043.
- ⁶⁰ См. I. Colvin, *Vansittart in Office. An historical Survey of the Origins of the Second World War based on the papers of Sir Robert Vansittart*, L., 1965, p. 41.
- ⁶¹ *Ibid.*, pp. 302—310.
- ⁶² *Ibid.*, p. 345.

Часть II, глава 1

¹ M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, p. 38.

² См. R. Seton-Watson, *Britain and the Dictators*, pp. 242—243; G. Gathorn-Hardy, *A Short History of International Affairs*,

- 1920—1939, p. 402; R. Rayner, *The Twenty yers Truce, 1919—1939*, L., 1943, p. 188; H. Macmillan, *Winds of change, 1914—1939*, L., 1966, p. 411.
- ³ Советские историки справедливо отмечают антисоветскую направленность английской политики в вопросе о перевооружении гитлеровской Германии (см. В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.)*, стр. 243; В. И. Попов, *Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.)*, стр. 224; Л. В. Поздеева, *Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936*, стр. 184—185).
 - ⁴ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 73; Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 142; E. Carr, *International Relations between the Two World Wars (1919—1939)*, p. 220.
 - ⁵ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 73.
 - ⁶ См. A. Eden, *Facing the dictators*, p. 342.
 - ⁷ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 165; R. Rayner, *The twenty years Truce, 1919—1939*, p. 193; E. Carr, *International Relations between the Two World Wars (1919—1939)*, p. 227; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 344.
 - ⁸ См. Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, pp. 118, 191; Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 415—417.
 - ⁹ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 95; G. Armstrong, *Why another World War?* L., 1941, p. 89; K. Ingram, *Years of Crisis*, pp. 130—131; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, L., 1956, p. 119; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 329.
 - ¹⁰ См. P. Schmidt, *Hitler's Interpreter*, ed. by H. Steed, L., 1951.
 - ¹¹ См. Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, pp. 171, 177; Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 417; W. Churchill, vol. I, pp. 164—165; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 332.
 - ¹² См. Э. Ротштейн, *Мюнхенский сговор*, М., 1959, стр. 53; F. Walters, *History of the League of Nations*, vol. II, O.U.P., 1952, p. 704.
 - ¹³ H. Butler, *The Lost Peace*, L., 1940, p. 45; E. Carr, *International Relations between the Two World Wars*, p. 228; A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, pp. 95—96.
 - ¹⁴ См. G. Gathorn-Hardy, *A Short History of International Affairs, 1920—1939*, p. 418; B. Liddel Hart, *The Memoirs of Captain Liddel Hart*, vol. I, L., 1965, p. 290; «History of the Times», part II, L., 1952, p. 898.
 - ¹⁵ См. R. Seton-Watson, *Britain and the Dictators*, p. 253; «Political and Strategic Interests of the United Kingdom. An Outline», L., 1938, p. 55.
 - ¹⁶ См. H. Nicolson, *Why Britain at war*, Harmondsworth, 1940, p. 55.
 - ¹⁷ См. D. Weaver, *Front page Europe*, L., 1947, pp. 7—8; J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 233; G. Gathorn-Hardy, *A Short History of International Affairs, 1920—1939*, p. 422; Lord Halifax, *Fulness of Days*, p. 200; I. Kirkpatrick, *The Inner Circle*, p. 131; I. Colvin, *Vansittart in Office*, p. 94; L. Broad, *Sir Anthony Eden*, L., 1956, p. 68.
 - ¹⁸ См. Ch. Mowat, *Britain between the Wars, 1918—1940*, L., 1955, p. 557; Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 421;

- D. Cooper, *Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper*, L., 1954, p. 196.
- ¹⁹ E. Carr, *International Relations between the Two World Wars, 1919—1939*, p. 230; R. Rayner, *The Twenty Years Truce 1919—1939*, p. 197.
- ²⁰ Cm. A. Taylor, *English History 1914—1945*, Oxford, 1965, p. 386; Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 201; Lord Halifax, *Fulness of Days*, p. 200; H. Dalton, *The Fateful Years, Memoirs 1931—1945*, L., 1957, p. 88; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 379.
- ²¹ A. Eden, *Facing the dictators*, pp. 375—376, 379.
- ²² I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 95—96.
- ²³ D. Cooper, *Old Men Forget*, p. 196.
- ²⁴ Cm. H. Dalton, *The Fateful Years. Memoirs 1931—1945*, L., 1957, p. 88; A. Rowse, *Appeasement*, p. 40; «The Times», March 9, 1936.
- ²⁵ Cm. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 253; A. Rowse, *Appeasement*, p. 39.
- ²⁶ Cm. T. Jones, *A Diary with Letters, 1931—1950*, L., 1954, p. 180.
- ²⁷ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 175.
- ²⁸ Cm. A. Rowse, *All Souls and Appeasement*, p. 42.
- ²⁹ H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 88.
- ³⁰ E. Robertson, *Hitler's Pre-War Policy and Military Plans 1933—1939*, L., 1963, p. 73.
- ³¹ Cm. «Survey of International Affairs, 1936», ed. A. Toynbee, O.U.P., 1937, pp. 260—261.
- ³² Cm. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 253; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 120; Kurt von Schuschnigg, *Austrian Requiem*, N. Y., 1946, p. 17.
- ³³ Cm. «Внешняя политика СССР (1935 — июнь 1941 г.)», т. IV, М., 1946, стр. 113—114.
- ³⁴ Cm. T. Jones, *A Diary with Letters 1931—1950*, pp. 181, 185—186, 188, 194—195, 197—198, 202, 205, 208.
- ³⁵ Р. Палм Датт, *Интернационал. Очерк истории коммунистического движения 1848—1963*, М., 1966, стр. 260 (далее: Р. Палм Датт, *Интернационал*).
- ³⁶ Cm. H. Gannes and T. Repard, *Spain in Revolt*, L., 1936, p. 184; H. Blythe, *Spain over Britain*, L., 1937, pp. 59—60; R. Seton-Watson, *Britain and the Dictators*, p. 384.
- ³⁷ Cm. E. Monroe, *The Mediterranean in Politics*, L., 1938, pp. 222—223.
- ³⁸ «Survey of International Affairs, 1937», vol. II, pp. 127, 199, 177.
- ³⁹ Ibid., pp. 162—163, 182, 186.
- ⁴⁰ Ibid., pp. 141, 137—138, 152, 222.
- ⁴¹ Cm. A. Eden, *Facing the dictators*, pp. 455—456.
- ⁴² «Survey of International Affairs, 1937», vol. II, p. 154.
- ⁴³ H. Thomas, *The Spanish Civil War*, L., 1961, pp. 216; A. Taylor, *The Origins the Second World War*, p. 123.
- ⁴⁴ W. and Z. Coates, *World Affairs and the U.S.S.R.*, L., 1939, p. 93.
- ⁴⁵ «Vigilantes» (K. Zilliacus), *Between two wars?* pp. 161—165; «Diplomaticus» (K. Zilliacus), *Can the Tories win the peace and How they Lost the Last one*, L., 1945, p. 78.
- ⁴⁶ J. Mackintosh, *The Paths that led to War. Europe 1918—1939*, L., 1940, p. 316; G. Armstrong, *Why another World War? How We Missed Collective Security*, L., 1941, p. 103.

- ⁴⁷ A. Loveday, *World War in Spain*, L., 1939; его же, *Spain 1923—1948*, L., 1948; J. Mackintosh, *The Paths that led to War*, p. 308; K. Watkins, *Britain Divided*, pp. 30, 43.
- ⁴⁸ A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 123; H. Thomas, *The Spanish Civil War*, p. 614; K. Watkins, *Britain Divided*, pp. 71—76.
- ⁴⁹ См. В. Г. Трухановский, *Новейшая история Англии*, М., 1958, стр. 272—273; Р. С. Овинников, *За кулисами политики «невмешательства»*. Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны, М., 1959, стр. 57—59; Д. П. Прицкер, *Подвиг Испанской республики*, М., 1962, стр. 103.
- ⁵⁰ K. Watkins, *Britain Divided*, p. 71.
- ⁵¹ См. G. Gooch, *Studies in diplomacy and statecraft*, L., 1940, p. 205; E. Carr, *International Relations between the Two World Wars, 1919—1939*, p. 264; P. Reynolds, *British Foreign Policy in Inter—War Years*, p. 127; H. Thomas, *The Spanish Civil War* pp. 614—615; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 451.
- ⁵² J. Mackintosh, *The Paths that led to War*, p. 315; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 122; R. Blythe, *The Age of Illusion*, p. 220; A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 121.
- ⁵³ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 218; «Survey of International Affairs, 1938», vol. II; R. Laffan, *Crisis over Czechoslovakia, January to September 1938*, O.U.P., 1951, p. 4; A. Taylor, *English History 1914—1945*, p. 414; D. Thompson, *England in the Twentieth Century 1914—1963*, L., 1964, p. 142.
- ⁵⁴ «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948, p. 32.
- ⁵⁵ См. D. Cooper, *Old Men Forget*, p. 200; A. Rowse, *All Souls and Appeasement*, p. 115; H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 176; И. М. Майский, *Воспоминания советского посла в Англии*, кн. 2-я, *Мир или война?* стр. 430.
- ⁵⁶ Среди немногих, кто говорит о поддержке Чемберлена монополистическими кругами, — Р. Рейнер и Л. Брод (см. R. Reuner, *The Twenty years Truce, 1919—1939*, p. 215; L. Brood, *Sir Anthony Eden. The Chronicles of an outstanding career*, L., 1956, p. 89).
- ⁵⁷ См. I. Macleod, *Neville Chamberlain*, L., 1961.
- ⁵⁸ «The Round Table», 1963, Sept., No 212, p. 369.
- ⁵⁹ H. Nicolson, *Why Britain is at War*, p. 131.
- ⁶⁰ См. N. Henderson, *Failure of a Mission. Berlin 1937—1939*, pp. 16—18.
- ⁶¹ См. Johnson, *Viscount Halifax*, p. 408; W. Hadley, *Munich: before and after*, L., 1944, p. 6; K. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, L., 1947, p. 359; Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 375.
- ⁶² См. M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, pp. 23, 41, 203.
- ⁶³ E. Carr, *The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939*, p. 147.
- ⁶⁴ Lord Vansittart, *Lessons of my Life*, L., 1944, p. 24.
- ⁶⁵ См. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 230.
- ⁶⁶ См. A. Rowse, *Appeasement*, pp. 20—21; его же, *All Souls and Appeasement*, p. 9; R. Blythe, *The Age of Illusion*, p. 229.

- ⁶⁷ M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, pp. 52—57, 65.
- ⁶⁸ См. I. Colvin, *Vansittart in Office*, p. 40.
- ⁶⁹ A. Taylor, *Rumours of War*, p. 13.
- ⁷⁰ M. Campbell, *Drifting to War*, L., 1937, p. 51.
- ⁷¹ N. Angell, *Peace with the Dictators?* L., 1938, p. 301; его же, *For what do we fight?* L., 1939, p. 192; «*Vigilantes*» (K. Ziliacus), *Between two wars?* p. 137.
- ⁷² См. V. Gollanz, *Is mr. Chamberlain Saving Peace?* L., 1939, pp. 16, 20.
- ⁷³ См. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, pp. 232, 281, 296; K. Ingram, *Years of Crisis. An Outline of International History 1919—1945*, p. 70; A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, pp. 70, 112; M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, pp. 24—25; A. Rowse, *All Souls and Appeasement*, p. 116; I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 40—41; D. Cooper, *Old Men Forgot*, p. 266; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 181.

Часть II, глава 2

- ¹ В. А. Матвеев, *Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.)*, М., 1955, стр. 179—181, 257; В. Г. Поляков, *Англия и мюнхенский сговор*, М., 1960, стр. 299; В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.)*, М., 1962, стр. 236, 245, 331—332, 380.
- ² И. М. Майский, *Воспоминания советского посла*, кн. 2-я, *Мир или война?* стр. 431—432.
- ³ См. J. Wheeler-Bennett, *King George VI. His Life and Reign*, pp. 321, 439; W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 218.
- ⁴ См. Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 258.
- ⁵ A. Eden, *Facing the dictators*, p. 578.
- ⁶ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 31, 34, 36; A. Eden, *Facing the dictators*, p. 585; Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 282 A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 137.
- ⁷ См. K. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, p. 332; L. Broad, *Sir Anthony Eden*, p. 96.
- ⁸ См. «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948, pp. 11, 32; L. Namier, *In the Nazi Era*, p. 150.
- ⁹ См. I. Colvin, *Vansittart in Office*, p. 168.
- ¹⁰ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 132; E. Robertson, *Hitler's Pre—War Policy and Military Plans 1933—1939*, pp. 107—108, 113.
- ¹¹ См. I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 163—164.
- ¹² *Ibid.*, pp. 164—165.
- ¹³ См. E. Robertson, *Hitler's Pre—War Policy and Military Plans 1933—1939*, p. 113.
- ¹⁴ См. I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 181—182; J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 271; H. Allen, *Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations (1783—1952)*, L., 1954, p. 776.
- ¹⁵ A. Eden, *Facing the dictators*, p. 629.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 647.
- ¹⁷ См. N. Henderson, *Failure of a Mission*, pp. 119, 114.

- ¹⁸ См. A. Eden, Facing the dictators, pp. 657—663.
- ¹⁹ См. Viscount Templewood, Nine Troubled Years, p. 277; W. Churchill, The Second World War, vol. I, p. 230.
- ²⁰ W. Hadley, Munich: before and after, p. 43; P. Reynolds, British Foreign Policy in the Inter-War Years, p. 132; A. Taylor, English History 1914—1945, p. 423.
- ²¹ «Vigilantes» (K. Zilliacus), Between two wars? pp. 151—152.
- ²² Л. Эмери, Моя политическая жизнь, стр. 465.
- ²³ См. F. Deakin, The Brutal Friendship, L., 1962, p. 834; A. Taylor, The Origins of the Second World War, p. 145.
- ²⁴ E. Robertson, Hitler's Pre-War Policy and Military Plans 1933—1939, pp. 117—118.
- ²⁵ См. L. Broad, Winston Churchill, L., 1941, p. 255; J. Wheeler-Bennett, King George VI. His Life and Reign, p. 337; A. Johnson, Viscount Halifax, p. 449; M. Foot, British Foreign Policy since 1898, p. 126; E. Robertson, Hitler's Pre-War Policy and Military Plans 1933—1939, p. 116.
- ²⁶ Viscount Templewood, Nine Troubled Years, p. 283; H. Tint, The Decline of french patriotism 1870—1940, L., 1964, p. 219.
- ²⁷ A. Taylor, The Origins of the Second World War, p. 149.
- ²⁸ «Новое время», 1966 г., № 42, стр. 16.
- ²⁹ См. Viscount Templewood, Nine Troubled Years, p. 322; A. Grant and H. Temperley, Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries (1789—1939), L., 1944, p. 681; W. Medlicott, The Origins of the Second Great War, L., 1940, pp. 12—13; I. Macleod, Neville Chamberlain, p. 253.
- ³⁰ См. T. Jones, A Diary with Letters, 1931—1950, pp. 409—410; N. Henderson, Water under the Bridges, p. 211; G. Gooch, Studies in diplomacy and statecraft, L., 1946, p. 219; M. Foot, British Foreign Policy since 1898, p. 131; Viscount Templewood, Nine Troubled Years, p. 189; I. Macleod, Neville Chamberlain, pp. 240, 254.
- ³¹ A. Taylor, Politics in Wartime, L., 1964, pp. 193—194.
- ³² См. W. Hadley, Munich: before and after, pp. 9, 65—68; H. Butler, The Lost Peace, p. 86; A. Johnson, Viscount Halifax, pp. 478—482; K. Feiling, The Life of Neville Chamberlain, p. 362; B. Collier, Barren Victories: Versailles to Suez, pp. 6, 137.
- ³³ См. H. Nicolson, Why Britain is at War, p. 131; Viscount Templewood, Nine Troubled Years, p. 323; W. Hadley, Munich: before and after, p. 110; G. Gathorn-Hardy, A Short History of International Affairs, 1920—1939, p. 475; A. Taylor, English History 1914—1945, p. 431.
- ³⁴ W. Medlicott, British Foreign Policy Since Versailles, L., 1940, p. 250; «The World in March 1939», ed. A. Toynbee and F. Ashton-Gwatkin, O.U.P., 1952, p. 37.
- ³⁵ См. P. Reynolds, British Foreign Policy in Inter — War Years, p. 148.
- ³⁶ См. «Manchester Guardian Weekly», Sept. 30, 1958.
- ³⁷ H. Dalton, The Fateful Years, p. 180; K. Feiling, The Life of Neville Chamberlain, p. 371.
- ³⁸ И. М. Майский, Воспоминания советского посла, кн. 2-я, Мир или война? стр. 446—447.
- ³⁹ См. H. Nicolson, Why Britain is at War, p. 88; R. Seton-Watson, History of the Czechs and Slovaks, L., 1943, p. 364;

- A. Grant and H. Temperley, *Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries (1789—1939)*, p. 678.
- ⁴⁰ M. Beloff, *The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929—1941*, vol. II, O.U.P., 1955, p. 166.
- ⁴¹ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 274.
- ⁴² См. Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 302; I. Macleod, *Neville Chamberlain*, p. 226.
- ⁴³ См. A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 163.
- ⁴⁴ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 17—19.
- ⁴⁵ Там же, стр. 26.
- ⁴⁶ См. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», series «D», vol. II, L., 1950, p. 630 (далее: «D.G.F.P.»). «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 60—75, 79—82, 105.
- ⁴⁷ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 125—126; И. М. Майский, *Воспоминания советского посла*, кн. 2-я, *Мир или война?* стр. 442—443; Э. Ротштейн, *Мюнхенский сговор*, стр. 265.
- ⁴⁸ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 139—140; «История дипломатии», т. III, М., 1965, стр. 737.
- ⁴⁹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 139—141.
- ⁵⁰ См. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 106; «Peace or Appeasement?» Hitler, Chamberlain and the Munich Crisis, ed. F. Loewenheim, Boston, 1965, p. 188.
- ⁵¹ H. Dalton, *The Fateful Years*, pp. 176—185; Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 545.
- ⁵² См. Ch. Mowat, *Britain between the Wars, 1918—1940*, L., 1955, p. 609; J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 257; «Vigilantes» (K. Ziliacus), *Between two wars?* p. 138.
- ⁵³ См. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, pp. 281, 294—296; L. Namier, *Europe in Decay*, p. 240.
- ⁵⁴ «Diplomaticus» (K. Ziliacus), *Can the Tories win the Peace and How they lost one*, pp. 88, 96—97.
- ⁵⁵ «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948, p. 33; W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 207, 301, 304; H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 204; M. Gilbert and R. Gott, *The Appeasers*, pp. 11—12.
- ⁵⁶ См. J. Mackintosh, *The Paths that led to War*, p. 344 «Peace or Appeasement?», p. 141; A. Eden, *The Reckoning*, L., 1965, p. 29; S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, L., 1961, p. 172.
- ⁵⁷ См. E. Robertson, *Hitler's Pre-War Policy and Military Plans 1933—1939*, pp. 141—145; J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, pp. 116, 173; «The New York Magazine», Aug. 8, 1948, pp. 32—33; I. Colvin, *Vansittart in Office*, p. 248; H. Macmillan, *Winds of Change, 1914—1939*, p. 559.
- ⁵⁸ См. J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, p. 141; «Peace or Appeasement?», p. 190; P. Reynolds, *British Foreign Policy in the Inter-War Years*, p. 149.
- ⁵⁹ См. «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948, p. 33; W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 279—282.
- ⁶⁰ J. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power*, L., 1954, pp. 411—418.
- ⁶¹ См. «Секретные миссии», М., 1964, стр. 66—68.
- ⁶² См. I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 231—232, 237, 250—251; W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 280—281.

- ⁶³ I. Colvin, Vansittart in Office, p. 249.
- ⁶⁴ См. N. Henderson, Water under the Bridges, p. 211; D. Cooper, The Second World War. First Phase, N. Y., 1939, pp. 11, 165; J. Mariott, Anglo-russian relations, 1686—1943, L., 1944, pp. 202—203; A. Rowse, The End of an Epoch, L., 1958, pp. 73—74.
- ⁶⁵ См. E. Carr, The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939, L., 1939, p. 172; «Survey of International Affairs 1939—1946», The World in March 1939, p. 277.
- ⁶⁶ См. «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948, p. 33; «Peace or Appeasement?», pp. 184, 175; L. Namier, Diplomatic Prelude, 1938—1939, p. XII; его же, Europe in Decay, p. 241; G. Cole, A History of Labour Party from 1914, L., 1948, p. 335.
- ⁶⁷ См. R. Rayner, The twenty years Truce, 1919—1939, p. 226; P. Reynolds, British Foreign Policy in the Inter — War Years, p. 150; «Contemporary Review», 1962, March, p. 145.
- ⁶⁸ J. Wheeler-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, p. 177.
- ⁶⁹ См. V. Collanz, Russia and Ourselves, L., 1941, pp. 24—25; G. Keeton and R. Schlesinger, Russia and her western Neighbours, L., 1942, p. 20.

Часть II, глава 3

- ¹ См. В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.), стр. 337—339; «The Times», March 15 and 16, 1939.
- ² В апреле 1939 года английское правительство объявило о гарантиях Греции и Румынии и впервые в английской истории в мирное время ввело воинскую повинность.
- ³ См. «Против фальсификации истории второй мировой войны», М., 1964, стр. 112; G. Cathorne-Hardy, A Short History of International Affairs 1920—1939, p. 495.
- ⁴ См. W. Shirer, The Rise and Fall of the Third Reich, Greenwich, 1965, p. 453; A. Johnson, Viscount Halifax, pp. 510—511; «Earl of Birkenhead, Halifax. The Life of Lord Halifax», p. 432.
- ⁵ A. Eden, The Reckoning, p. 47; R. Churchill, Rise and Fall of Sir Antony Eden, L., 1959, p. 169; J. Wheeler-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, p. 354; E. Estorick, Stafford Cripps: Master Statesman, N. Y., 1949, p. 153.
- ⁶ См. A. Crant and H. Temperley, Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries (1789—1939), p. 693.
- ⁷ D. Cooper, The Second World War. First Phase, p. 254.
- ⁸ См. N. Angell, For what dowe fight? L., 1939, p. 143; J. Mackintosh, The Paths that led to War, p. 351; S. King-Hall, Our own times, 1913—1939, L., 1940, p. 895; L. Broad, Winston Churchill, L., 1941, p. 163.
- ⁹ См. A. Johnson, Viscount Halifax, p. 513.
- ¹⁰ См. K. Feiling, The Life of Neville Chamberlain, p. 403; D. Thompson, England in the Twentieth Century 1914—1963, L., 1964, p. 147; M. Gilbert, The European Powers 1900—1945, p. 176; J. Wheeler-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, pp. 354—359; его же, King George VI, p. 365; L. Namier, Diplomatic Prelude, 1938—1939, pp. XIII, XVI.
- ¹¹ A. Taylor, Rumours of War, p. 197; его же, The Origins of the

- Second World War, pp. 205—206; его же, *English History 1914—1945*, p. 441.
- ¹² См. J. Macleod, Neville Chamberlain, pp. 272—273.
- ¹³ И. М. Майский, *Воспоминания советского посла*, кн. 2-я, *Мир или война?* стр. 455.
- ¹⁴ См. «Contemporary Review», 1962, March, p. 147.
- ¹⁵ См. «История дипломатии», т. III, стр. 769—770.
- ¹⁶ См. «The Times», Apr. 1, 1939; «История дипломатии», т. III, стр. 771.
- ¹⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons», 1939, vol. 345, col. 2505—2511; «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 206.
- ¹⁸ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 311; K. Ingram, *Years of Crisis*, p. 186; L. Namier, *Diplomatic Prelude, 1938—1939*, p. XIV.
- ¹⁹ «The New Statesman and Nation», 1956, June, 9, p. 661; A. Taylor, *Origins of the Second World War*, p. 212; его же, *English History 1914—1945*, p. 443.
- ²⁰ G. Cole, *A History of the Labour Party*, p. 368.
- ²¹ A. Rowse, *All Souls and Appeasement*, p. 89; Lord Halifax, *Fullness of Days*, p. 209.
- ²² F. Howard, *Beaverbrook. A study of Max the unknown*, L., 1964, p. 121.
- ²³ См. «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 9, стр. 99.
- ²⁴ В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.)*, стр. 346.
- ²⁵ N. Henderson, *Failure of Mission*, pp. 239—247.
- ²⁶ См. W. Medlicott, *The Origins of the Second Great War*, pp. 19—21; A. Johnson, *Viscount Halifax*, pp. 533—538, 559.
- ²⁷ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 322—340; J. Wheeler-Bennett, *Munich. Prologue to Tragedy*, pp. 407—409.
- ²⁸ См. Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, pp. 359—369, 362.
- ²⁹ Lord Halifax, *Fullness of Days*, pp. 210—211.
- ³⁰ См. M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 134; I. Kirkpatrick, *The Inner Circle*, pp. 142—143; R. Reitlinger, *The House built on Sand. Conflicts of German Policy in Russia 1939—1945*, L., 1960, pp. 39—42; H. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, N. Y., 1961, p. 200; D. Thompson, *England in the Twentieth Century 1914—1963*, p. 150.
- ³¹ «The Eve of War, 1939», ed. A. Toynbee, pp. 212—224, 432—433, 474—477.
- ³² D. Pritt, *Light on Moscow. Soviet policy analysed*, Harmondsworth, 1939, pp. 111—113, 53.
- ³³ W. and Z. Coates, *World Affairs and U.S.S.R.*, p. VI.
- ³⁴ R. Rayner, *The twenty years Truce, 1919—1939*, p. 235; K. Ingram, *Years of Crisis*, p. 192.
- ³⁵ L. Namier, *Diplomatic Prelude, 1938—1939*, p. 288.
- ³⁶ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 327, 351; H. Macmillan, *Winds of Change, 1914—1939*, p. 594.
- ³⁷ I. Colvin, *Vansittart in Office*, pp. 329—331.
- ³⁸ См. «Earl of Birkenhead, Halifax. The Life of Lord Halifax», L., 1965, p. 444.
- ³⁹ См. P. Reynolds, *British Foreign Policy in the Inter-War Years*,

- p. 161; E. Carr, *German-Soviet Relations between the Two World Wars, 1919—1939*, Baltimore, 1951, p. 136.
- ⁴⁰ G. Cole, *A History of the Labour Party from 1914*, p. 370; M. Gilbert, *The European Powers 1900—1945*, p. 234.
- ⁴¹ A. Taylor, *Englishmen and the Others*, L., 1956, pp. 157—158, 154; его же, *The Origins of the Second World War*, pp. 246, 227, 231, 241, 262—263.
- ⁴² См. В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.)*, стр. 361—364; В. И. Попов, *Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.)*, стр. 494—495; Ф. Д. Волков, *СССР—Англия. 1929—1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны*, М., 1964, стр. 263—274.
- ⁴³ См. «Всемирная история», т. IX, М., 1962, стр. 517.
- ⁴⁴ M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 136; P. Reynolds, *British Foreign Policy in the Inter-War Years*, pp. 164—165.
- ⁴⁵ A. Taylor, *Origins of the Second World War*, p. 11.
- ⁴⁶ См. D. Thompson, *England in the Twentieth Century 1914—1963*, p. 148.
- ⁴⁷ См. «The Background and Issues of the War», Oxford, 1940, pp. 95—96; «The Eve of War, 1939», ed. by A. Toynbee, p. 2; H. Butler, *The Lost Peace*, pp. 168—169.
- ⁴⁸ A. Rowse, *Appeasement*, p. 18; «The Eve of War, 1939», ed. A. Toynbee, p. 12.
- ⁴⁹ См. N. Henderson, *Failure of Mission*, p. 294; N. Angell, *For what do we fight?* p. 250; Дж. Батлер, *Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941*, М., 1958, стр. 24.
- ⁵⁰ A. Taylor, *Origins of the Second World War*, pp. 106, 218—219.
- ⁵¹ G. Catlin, *One Anglo-American nation*, L., 1941, p. 25; H. Butler, *The Lost Peace*, p. 187; G. Armstrong, *Why another World War*, pp. 108—111, 172; N. Angell, *Let the People know*, p. 84; G. Gathorne-Hardy, *A Short History of International Affairs, 1920—1939*, p. 522.
- ⁵² См. W. Medlicott, *The Origins of the Second Great War*, p. 5; «The World in March 1939», ed. A. Toynbee, p. VII.
- ⁵³ «The Background and Issues of the War», pp. 13, 16.
- ⁵⁴ Ch. Mowat, *Britain between the Wars, 1918—1940*, p. 557.
- ⁵⁵ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. X, 16, 37; N. Angell, *Peace with the Dictators?* p. 328; V. Gollanz, *Is Mr. Chamberlain Saving Peace?* p. 7; «*Diplomaticus*» (K. Ziliacus), *Can the Tories win the peace and how they Lost the last one*, p. 101; V. Gollanz, *Russia and Ourselves*, p. 22.
- ⁵⁶ См. D. Cooper, *The Second World War. First Phase*, p. 338; P. Matthews, *European balance*, pp. VII, 83.
- ⁵⁷ См. S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, p. 188.
- ⁵⁸ «*Labour Monthly*», 1939, Jan., No 1, p. 133; Lord Halifax, *Fulness of Days*, p. 211; I. Macleod, *Neville Chamberlain*, p. 257; Lord Vansittart, *Lessons of my Life*, p. 57.

Часть III, глава 1

- ¹ «*Survey of International Affairs 1939—1946*». *The Initial Triumph of the Axis*, ed. by A. Toynbee and V. Toynbee, L., 1958, p. 259.
- ² Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 586; A. Rowse, *Appeasement*, p. 85; H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 274; «The Eve

- of War, 1939», ed. A. Toynbee, p. 41; A. Wood, *The True History of lord Beaverbrook*, L., 1965, p. 253.
- ³ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, pp. 376, 428—429.
 - ⁴ Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 587.
 - ⁵ H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 278.
 - ⁶ R. Clark, *Battle for Britain. Sixteen Weeks That changed the Course of History*, L., 1965, p. 18; A. Taylor, *The Origins of the Second World War*, p. 178.
 - ⁷ A. Eden, *The Reckoning*, p. 72.
 - ⁸ См. K. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, p. 418; «Секретные миссии», стр. 101—103, 120; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, p. 251; I. Macleod, *Neville Chamberlain*, p. 281; «D.G.F.P.», Serie «D», vol. VIII, L., 1954, pp. 134, 224—225, 261—262, 364, 367.
 - ⁹ «The Ironside Diaries 1937—1940», ed. R. Macleod and D. Kelly, L., 1963, pp. 78—79, 85.
 - ¹⁰ «The Ironside Diaries 1937—1940», p. 190.
 - ¹¹ Д. М. Проэктор, *Война в Европе 1939—1941 гг.*, М., 1963, стр. 149.
 - ¹² См. E. Holt, *The World at War 1939—45*, L., 1956, p. 38; A. Taylor, *English History 1914—1945*, p. 460; Д. Ричардс и Х. Сондерс, *Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне 1939—1945 гг.*, М., 1963, стр. 91, 96.
 - ¹³ B. Montgomery, *The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein*, L., 1961, p. 58.
 - ¹⁴ См. R. McCallum, *England and France 1939—1943*, L., 1944, p. 134; E. Holt, *The World at War 1939—45*, p. 27; «The Initial Triumph of the Axis», p. 21.
 - ¹⁵ W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 400; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 7.
 - ¹⁶ См. P. Jordan, *Russian Glory*, L., 1942, p. 20; G. Keeton and R. Schlesinger, *Russia and her western Neighbours*, p. 16; M. Beloff, *The Foreign Policy of Soviet Russia*, vol. II, p. 304.
 - ¹⁷ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 415; «The Ironside Diaries 1937—1940», p. 84.
 - ¹⁸ «Survey of International Affairs 1939—1946». *The War and the Neutrals*, ed. A. Toynbee and V. Toynbee, L., 1956, p. 15; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 16; Дж. Батлер, *Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941*, стр. 116; E. Turner, *The phony war on the home front*, L., 1961, p. 182.
 - ¹⁹ L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 20; «The Initial Triumph of the Axis», p. 79.
 - ²⁰ См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 20; «The Ironside Diaries 1937—1940», pp. 213—214; W. Churchill, *The Second World War*, vol. I, p. 496.
 - ²¹ См. Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 605; M. Beloff, *The Foreign Policy of Soviet Russia*, vol. II, p. 312.
 - ²² См. M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 138; A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 155; S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, p. 193; H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 293; Viscount Templewood, *Nine Troubled Years*, p. 427; R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, p. 291; L. Macfarlane, *British Politics, 1918—64*, L., 1965, p. 80; «The Initial Triumph of the Axis», p. 78.
 - ²³ В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии в период*

- второй мировой войны (1939—1945), стр. 96; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. 2, М., 1967, стр. 22.
- ²⁴ См. «The War and the Neutrals», p. 16; I. Playfair, G. Stitt, S. Toomer and C. Molony, *The Mediterranean and Middle East*, vol. I, L., 1954, p. 90.
 - ²⁵ См. Дж. Батлер, *Большая стратегия*. Сентябрь 1939 — июнь 1941, стр. 497.
 - ²⁶ Цит. по A. Bryant, *Turn of the Tide*, p. 90.
 - ²⁷ M. Schulman, *Defeat in the West*, L., 1947, pp. 43, 51.
 - ²⁸ См. B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill. Germans generals — their rise and fall with their own account of military events 1939—1945*, L., 1951, pp. 197, 200—201.
 - ²⁹ W. Churchill, *The Second World War*, vol. II, L., 1954, pp. 68—86.
 - ³⁰ B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, pp. 200—201.
 - ³¹ B. Liddel Hart, *Strategy*, N. Y., 1956, p. 248.
 - ³² См. D. Divine, *The Nine Days of Dunkirk*, N. Y., 1959, pp. 228—231.
 - ³³ S. King-Hall, *Our Times. 1900—1960*, p. 197; H. Alexander, *Memoirs 1940—1945*, ed. by J. North, L., 1962, p. 75.
 - ³⁴ См. Lord Halifax, *Fulness of Days*, p. 227; «За рубежом», 1966 г., № 40, стр. 11.
 - ³⁵ D. Divine, *The Nine Days of Dunkirk*, p. 279.
 - ³⁶ «The Testament of Adolf Hitler. The Hitler — Bormann Documents February — April 1945», ed. F. Genoud, L., 1961, pp. 96—97.
 - ³⁷ B. Collier, *Barren Victories*, p. 169; A. Taylor, *English History 1914—1945*, p. 486; A. Eden, *The Reckoning*, p. 112.
 - ³⁸ И. М. Майский, *Воспоминания советского посла. Война 1939—1943*, М., 1965, стр. 82.
 - ³⁹ Д. М. Проэктор, *Война в Европе 1939—1941 гг.*, стр. 349.
 - ⁴⁰ B. Collier, *Barren Victories*, p. 174; A. Clark, *Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941—1945*, L., 1965, p. 19.
 - ⁴¹ P. Fleming, *Invasion 1940. An account of the German preparations and the British countermeasures*, L., 1957, pp. 198—200, 214.
 - ⁴² P. Goodhart, *Fifty Ships that Saved the World*, L., 1965, pp. 3—4, 73—75; W. Churchill, *The Second World War*, vol. II, p. 200.
 - ⁴³ W. Churchill, *The Second World War*, vol. II, p. 246; «Secret Session Speeches», L., 1946, p. 52; F. Williams, *A Prime Minister Remembers*, p. 39.
 - ⁴⁴ B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, p. 213; Ch. Wilmoth, *The struggle for Europe*, pp. 23—24.
 - ⁴⁵ См. «D.G.F.P.», Serie «D», vol X, Wash., 1957, pp. 49—50; P. Fleming, *Invasion 1940*, p. 115; L. Thompson, 1940, N. Y., 1966, pp. 150—154; W. Churchill, *The Second World War*, vol. II, p. 229; W. Shirer, *The Rise and Fall of Third Reich*, pp. 747—754.
 - ⁴⁶ «D.G.F.P.», Serie «D», vol. X, p. 378.
 - ⁴⁷ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. II, pp. 266—300; R. Wheatley, *Operation Sea Lion*, Oxford, 1958; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, pp. 142—243; P. Fleming, *Invasion 1940*.
 - ⁴⁸ M. Schulman, *Defeat in the West*, p. 50; B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, p. 215; G. Reitlinger, *The House built on Sand*, L., 1960, p. 50; S. King-Hall, *Our Times 1900—1960*, p. 201.

- ⁴⁹ См. «Секретные миссии», стр. 124; B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, p. 212; P. Fleming, *Invasion 1940*, p. 42.
- ⁵⁰ H. Greiner, *Die Oberste Wehrmachtführung, 1939—1943*, Wiesbaden, 1952, S. 290; «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 2, стр. 67.
- ⁵¹ P. Fleming, *Invasion 1940*, pp. 243—244, 250; R. Wheatley, *Operation Sea Lion*, p. VII.
- ⁵² Цит. по Р. Палм Датт, *Интернационал*, стр. 278.
- ⁵³ См. «British security. A Report by a Chatam House Study Group», L., 1946, p. 57; P. Goodhart, *Fifty Ships that Saved the World*, pp. 124—133.
- ⁵⁴ J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III (June 1941—August 1942), part. I, L., 1964, pp. 53—56.
- ⁵⁵ Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 18; «The Initial Triumph of the Axis», ed A. Toynbee, p. 249; J. Jeasor, *War at the Top*, p. 100.
- ⁵⁶ «New York Times Magazine», June 6, 1965, p. 90; R. Clark, *Battle for Britain. Sixteen Weeks that changed the Course of History*, L., 1965, p. 160.
- ⁵⁷ См. F. Hinsley, *Hitler's Strategy*, Cambridge University Press, 1951, p. 89; A. McKee, *Strike from the Sky*, L., 1960, p. 284.
- ⁵⁸ См. Дж. Батлер, *Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941*, стр. 338; B. Liddel Hart, *This Expending War*, L., 1942, p. 71; его же, *Strategy*, p. 254.
- ⁵⁹ I. Kirkpatrick, *The Inner Circle*, pp. 169—184; W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, L., 1950, pp. 45—49.
- ⁶⁰ A. Eden, *The Reckoning*, pp. 256—257; H. Trevor-Roper, *The last days of Hitler*, L., 1958, p. 14.
- ⁶¹ L. Paul, *The annihilation of Men. A study of the Crisis in the West*, L., 1945, p. 34; K. Ingram, *Years of crisis*, pp. 197—198.
- ⁶² И. М. Майский, *Воспоминания советского посла. Война 1939—1943*, стр. 134.
- ⁶³ *Альбрехт Гаусгофер* — сын известного немецкого геополитика, доверенное лицо Риббентропа.
- ⁶⁴ См. G. Reitlinger, *The House built on Sand*, pp. 63—64.
- ⁶⁵ J. Leasor, *Rudolf Hess. The Uninvited envoy*, L., 1962, pp. 76, 125.
- ⁶⁶ *Ibid.*, pp. 163, 165.
- ⁶⁷ См. В. Г. Трухановский, *Новейшая история Англии*, М., 1958, стр. 359—361; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. 2, М., 1967, стр. 93—95.

Часть III, глава 2

- ¹ См. H. Butler, *The Lost Peace*, p. 205; H. Nicolson, *Why Britain is at war*, p. 117; B. Liddel Hart, *This Expending War*, p. 70; H. Allen, *Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations (1783—1952)*, p. 818; W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, L., 1950, p. 350.
- ² Lord Ismay, *The memoirs of Lord Ismay*, L., 1960, pp. 223—224.
- ³ J. Kennedy, *The Business of War*, p. 147; Lord Ismay, *The Memoirs of Lord Ismay*, p. 225; J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol III, pp. 1, 90; B. Collier, *Barren Victories*, p. 195.
- ⁴ J. Kennedy, *The Business of War*, pp. 147—148.

- ⁵ E. Estorick, Stafford Cripps: Master Statesmen, p. 254.
- ⁶ См. J. Gweyr and J. Butler, Grand Strategy, vol. III, p. 156.
- ⁷ W. McNeill, America, Britain and Russia. Their Cooperation and conflict 1941—1946, p. 52; Ch. Wilmot, The struggle for Europe, p. 72; R. Seth, Operation Barbarossa. The Buttle for Moscow, L., 1964, p. 32.
- ⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 6, М., 1965, стр. 287—288; «Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией», Книга первая. Общие проблемы, М., 1966, стр. 23, 381—382; В. Л. Израэлян, Антигитлеровская коалиция 1941—1945, стр. 117.
- ⁹ D. Crisp, Why we lost Singapore, L., 1944, p. 26; J. Leasor, War at the Top, pp. 157—158.
- ¹⁰ W. Churchill, The Second World War, vol. III, p. 402; L. Broad, The War that Churchill Waged, p. 108. Генерал Окинлек в 1941 году командовал английскими войсками в Египте.
- ¹¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., 1946, стр. 131—132; В. Л. Израэлян, Антигитлеровская коалиция 1941—1945, стр. 54; Л. В. Поздеева, Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1939—1941 гг., стр. 304.
- ¹² A. Eden, The Reckoning, pp. 274—275; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 2, М., 1961, стр. 365.
- ¹³ W. Churchill, The Second World War, vol. III, p. 403.
- ¹⁴ P. Jordan, Russian Glory, p. 68; P. Matthews, European balance, L., 1945, p. 116; A. Werth, The Year of Stalingrad, L., 1946, p. V.
- ¹⁵ L. Woodward, British Foreign Policy in the Second World War, p. 751.
- ¹⁶ См. J. Fuller, The Conduct of War 1789—1961, pp. 266—267.
- ¹⁷ См. W. McNeill, America, Britain and Russia, pp. 118, 223; Ch. Wilmot, The Struggle for Europe, p. 149; M. Foot, British Foreign Policy since 1898, p. 150; A. Bryant, Triumph in the West 1943—1946, L., 1959, p. 149; В. Л. Израэлян, Антигитлеровская коалиция 1941—1945, стр. 80—82, 164, 168—173.
- ¹⁸ См. Б. Миллер-Гиллербрандт, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, М., 1958, стр. 152; B. Collier, Barren Victories, p. 194.
- ¹⁹ «Переписка...», т. I, стр. II.
- ²⁰ См. В. М. Кулиш, Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе, стр. 62—63; И. Н. Ундасынов, Рузвельт, Черчилль и второй фронт, стр. 14—15.
- ²¹ См. Л. В. Поздеева, Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1939—1941 гг., стр. 277; «Переписка...», т. I, стр. 9, 20.
- ²² См. W. Churchill, The Second World War, vol. III, p. 339.
- ²³ Ch. Wilmot, The Struggle for Europe, p. 128; M. Foot, British Foreign Policy since 1898, p. 147; A. Bryant, The Turn of the Tide, pp. 223—259; J. Leasor, War at the Top, p. 172; L. Broad, The War that Churchill Waged, p. 107.
- ²⁴ См. L. Woodward, British Foreign Policy in the Second World War, p. 155; J. Gwyer and J. Butler, Grand Strategy, vol. III, p. 97; B. Collier, Barren Victories, p. 196; A. Taylor, English

- History 1914—1945, p. 529; E. Holt, *The World at War 1939—45*, p. 122.
- ²⁵ W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, p. 616; «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 374, Jan. 27, 1942, col. 599.
- ²⁶ S. Hoare, Ambassador of Special Mission., L., 1946, pp. 189—194; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 53.
- ²⁷ См. J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III, part I, pp. 209—210; «Переписка...», т. I, стр. 29—30.
- ²⁸ J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III, part. I, p. 216.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 221.
- ³⁰ См. В. М. Кулиш, *Раскрытая тайна*, стр. 80—84.
- ³¹ См. T. Higgins, *Winston Churchill and the Second Front 1940—1943*, N. Y., 1957, p. 166; «International Affairs», vol. 34, 1958, Oct., No 4, p. 509; vol. 35, 1959, Apr., No 2, pp. 278—279.

Часть III, глава 3

- ¹ См. W. McNeill, *America, Britain and Russia*, pp. 94, 187—188; J. Leasor, *War at the Top*, pp. 189—239; R. Thompson, *The Price of Victory*, L., 1960, pp. 47—59, 101—102; его же, *The Yankee Marlborough*, L., 1963, p. 343.
- ² См. Дж. Батлер, *Большая стратегия*, Сентябрь 1939 — июнь 1941 г., стр. 212.
- ³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 6, стр. 522.
- ⁴ A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 222.
- ⁵ R. Thompson, *The Price of Victory*, p. 19.
- ⁶ A. Bryant, *The Turn of the Tide*, pp. 204, 223.
- ⁷ См. «The Alexander Memoirs 1940—1945», p. 31; W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, pp. 479, 561.
- ⁸ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, pp. 574—578, 582—585.
- ⁹ «Новый мир», 1965 г., № 7, стр. 186.
- ¹⁰ См. T. Higgins, *Winston Churchill and the Second Front 1940—1943*, pp. 84—85.
- ¹¹ L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 148; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 104.
- ¹² М. Мэтлофф и Э. Снелл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, М., 1955, стр. 124.
- ¹³ Там же, стр. 215—216; Р. Шервуд, *Рузвельт и Гопкинс*, т. II, М., 1958, стр. 120.
- ¹⁴ A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 280; R. Thompson, *The Price of Victory*, p. 47; J. Leasor, *War at the Top*, p. 189; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 176.
- ¹⁵ J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III, part 2, p. 575.
- ¹⁶ W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, L., 1950, pp. 288—289; A. Eden, *The Reckoning*, p. 325; A. Bryant, *The Turn of the Tide*, pp. 287—288.
- ¹⁷ L. Broad, *Winston Churchill: The Years of Achievement* p. 193; A. Wood, *The True History of Lord Beaverbrook*, p. 282.
- ¹⁸ W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, pp. 304—305; A. Eden, *The Reckoning*, p. 330.

- ¹⁹ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, p. 305.
- ²⁰ См. A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 315; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 189; J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III, part I, p. 621.
- ²¹ См. L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 187; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 197; «International Affairs», 1958, Oct., p. 509; 1959, Apr., pp. 179—180; W. Neumann, *Making the Peace, 1941—1945*, Wash., 1950, pp. 51—52; H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin. The War they Waged and Peace They Sought*, Princeton, 1957, pp. 51—52 (далее: H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin...*); T. Higgins, *Winston Churchill and the Second Front 1940—1943*, pp. 119—120, 173.
- ²² См. J. Gwyer and J. Butler, *Grand Strategy*, vol. III, part 2, p. 627.
- ²³ См. A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 340; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 209.
- ²⁴ «Переписка...», т. I, стр. 54; «История внешней политики СССР», стр. 401.
- ²⁵ См. A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 347; R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, pp. 341—343; B. Montgomery, *Normandy to the Baltic*, L., 1947, p. 1; М. Мэтлофф и Э. Снелл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, стр. 320.
- ²⁶ См. W. McNeill, *America, Britain and Russia*, pp. 187—188; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, pp. 185—187, 189; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 195—198.
- ²⁷ H. Allen, *Great Britain and the United States*, p. 867; Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 305.
- ²⁸ См. «The Atlantic», July 1954, pp. 24—27; J. Kennan, *American Diplomacy (1900—1950)*, Chi., 1952, p. 88; H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin...*, p. 37; J. McCloy, *The Challenge to American Foreign Policy*, N. Y., 1953, p. 53.
- ²⁹ Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, pp. 141—142; J. Leasor, *War at the Top*, p. 285; R. Thompson, *The Price of Victory*, p. 59; его же, *The Yankee Marlborough*, p. 341.
- ³⁰ См. L. Broad, *The War that Churchill Waged*, pp. 320—321; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, p. 275; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 249, 487.
- ³¹ J. Leasor, *War at the Top*, p. 239.
- ³² W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 268; Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 636.
- ³³ H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin...*, p. 107; М. Мэтлофф, *От Касабланки до «Оверлорда»*, М., 1964, стр. 236.
- ³⁴ R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, pp. 339—341.
- ³⁵ A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 54.
- ³⁶ Дж. Эрман, *Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944*, стр. 141; R. Thompson, *The Price of Victory*, p. 101.
- ³⁷ Дж. Эрман, *Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944*, стр. 138; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 342.
- ³⁸ См. Э. Рузвельт, *Его глазами*, М., 1947, стр. 161.
- ³⁹ А. Брайант, *Triumph in the West 1943—1946*, pp. 103, 143—145; Дж. Эрман, *Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944*, стр. 237, 260—264; J. Kennedy, *The Business of War*, p. 305.

- ⁴⁰ См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», М., 1960, стр. 170.
- ⁴¹ В. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, p. 393; М. Мэтлофф и Э. Снелл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, стр. 447; «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», стр. 170—171.
- ⁴² В. М. Кулиш, *Раскрытая тайна*, стр. 269.

Часть III, глава 4

- ¹ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, p. 409.
- ² См. R. Umiastowski, *Poland, Russia and Great Britain 1941—1945*, L., 1946, pp. 199—200; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, pp. 53, 168.
- ³ *Ibid.*, p. 169.
- ⁴ См. R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, pp. 333—334.
- ⁵ См. F. Jones, H. Borton and B. Pearn, *The Far East 1942—1946*, O.U.P., 1955, p. 114; L. Kochan, *The Struggle for Germany 1914—1945*, Edinburgh University Press, 1963, p. 96.
- ⁶ A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 436; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 444.
- ⁷ См. Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 313; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, pp. 275—276; R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, pp. 319—321; H. Dalton, *The Fateful Years*, p. 407; «The War and the Neutrals», p. 354; A. Eden, *The Reckoning*, pp. 345—346; «The Alexander Memoirs 1940—1945», p. 30; B. Montgomery, *Normandy to the Baltic*, p. 2.
- ⁸ См. «The Alexander Memoirs 1940—1945», p. 28; W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, pp. 528, 534, 537—538.
- ⁹ B. Montgomery, *The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein*, London and Glasgow, 1961, pp. 126—146; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3, М., 1961, стр. 65.
- ¹⁰ D. Weaver, *Front page Europe*, L., 1947, p. 238; C. Falls, *The Second World War. A Short History*, L., 1948, pp. 139, 291; J. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power*, p. 537; S. King-Hall, *Our Times. 1900—1960*, p. 209.
- ¹¹ См. R. Seth, *Stalingrad — Point of Return*, L., 1959, p. 7; A. Clark, *Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941—1945*, p. 219.
- ¹² W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, p. 225.
- ¹³ L. Broad, *Winston Churchill: The Years of Achievement*, p. 331; P. Fleming, *Invasion 1940*, p. 302; A. Bryant, *The Turn of the Tide*, p. 265.
- ¹⁴ A. Bryant, *The Turn of the Tide*, pp. 198, 296, 529; Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 143; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6, стр. 25—29.
- ¹⁵ A. Werth, *Moscow'41*, p. 261; его же, *Russia at War 1941—1945*, N. Y., 1964, pp. XIV—XVI.
- ¹⁶ W. McNeill, *America, Britain and Russia*, pp. 220—221.
- ¹⁷ Ch. Wilmot, *The Struggle for Europe*, p. 130.

- ¹⁸ Ibid., p. 636; «Conservative and Unionist Central Office. All Answers for the Election», L., 1950, p. 154.
- ¹⁹ См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 435.
- ²⁰ A. Eden, *The Reckoning*, pp. 318—320.
- ²¹ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, p. 717; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 442.
- ²² См. J. Kennedy, *The Business of War*, pp. 304—305; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 463—478.
- ²³ R. Umiastowski, *Poland, Russia and Great Britain 1941—1945*, pp. 204—206; Д.ж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 370.
- ²⁴ Ch. Wilmot, *The Struggle for Europe*, p. 141; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 366.
- ²⁵ Lord Ismay, *The Memoirs of Lord Ismay*, p. 340.
- ²⁶ J. Leasor, *War at the Top*, pp. 283, 286; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 297; A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 93; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 249.
- ²⁷ B. Collier, *Barren Victories*, p. 216; L. Macfarlane, *British Politics 1918—64*, p. 86; R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, p. 344.
- ²⁸ См. R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, p. 347; «United States Army in World War II», vol. II, Wash., 1951, p. 90; H. Stimson and M. Bundy, *On Active Service in Peace and War*, N. Y., 1948, pp. 434—439.
- ²⁹ См. A. Taylor, *English History 1914—1945*, p. 587; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 755; A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 225.
- ³⁰ См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 250—251; «Международная жизнь», 1961 г., № 8, стр. 158.
- ³¹ A. Eden, *The Reckoning*, p. 422.
- ³² W. Churchill, *The Second World War*, vol. V., L., 1951, p. 354; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 447; L. Broad, *Winston Churchill: Years of Achievement*, p. 354.
- ³³ См. «Международная жизнь», 1961 г., № 8, стр. 157—158.
- ³⁴ См. «Международная жизнь», 1955 г., № 5, стр. 43.
- ³⁵ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. III, p. 559; vol. VI, L., 1954, pp. 494—495.
- ³⁶ Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 446; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 320.
- ³⁷ См. В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945)*, стр. 504—518; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 464—465, 469.
- ³⁸ A. Eden, *The Reckoning*, p. 494.
- ³⁹ Ibid., p. 352; McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 524.
- ⁴⁰ A. Werth, *Russia at War 1941—1945*, p. 971.
- ⁴¹ См. K. Ingram, *Years of Crisis*, p. 439; H. Butler, *Peace of Power*, L., 1947, p. 166; Lord Ismay, *The Memoirs of Lord Ismay*, p. 388; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 352.

- ⁴² См. Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 632; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 564; A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 404; B. Collier, *Barren Victories*, p. 237; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, p. 294; L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, p. 487; J. Leasor, *War at the Top*, p. 283; F. Williams, *A Prime Minister Remembers. The War and Post War Memoirs of Earl Attlee*, pp. 51—52; A. Eden, *The Reckoning*, p. 513.
- ⁴³ E. Holt, *The World at War, 1939—45*, p. 238.
- ⁴⁴ Lord Halifax, *Fulness of Days*, pp. 301—302; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 352.

Часть III, глава 5

- ¹ B. Montgomery, *The Memoirs of Field — Marshal the Viscount Montgomery of Alamein*, p. 210 (далее: B. Montgomery, *The Memoirs...*).
- ² См. Дж. Эрман, *Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944*, стр. 357; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 55—56, 663—664.
- ³ A. Eden, *The Reckoning*, p. 467; L. Broad, *Winston Churchill: Years of Achievement*, p. 380.
- ⁴ См. Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, pp. 453—455.
- ⁵ Ibid., pp. 133—134.
- ⁶ W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 137. *Александр* — английский генерал, впоследствии фельдмаршал, командовавший союзными войсками в Италии. *Кессельринг* — гитлеровский фельдмаршал, командовавший немецкими войсками в Италии.
- ⁷ «Драгун» — новое название плана «Энвилл», принятое в июле 1944 года.
- ⁸ B. Montgomery, *The Memoirs...*, p. 342; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, p. 292; F. Williams, *A Prime Minister Remembers*, p. 51.
- ⁹ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 140—141; A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 304.
- ¹⁰ B. Montgomery, *The Memoirs...*, p. 342.
- ¹¹ B. Liddel Hart, *The Other Side of the Hill*, p. 444.
- ¹² «Переписка...», т. I, стр. 298.
- ¹³ См. B. Montgomery, *The Memoirs...*, pp. 316—325; Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 456; Дж. Эрман, *Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945*, стр. 78; Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, pp. 587—591; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, pp. 520—522; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 243.
- ¹⁴ Дж. Эрман, *Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945*, стр. 94—95; B. Gardner, *The Wasted Hour. The Tragedy of 1945*, L., 1963, p. 88; Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 468.
- ¹⁵ См. Дж. Эрман, *Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945*, стр. 97, 147.
- ¹⁶ W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 199—400, 402—409. В телеграмме от 28 марта 1945 г. Д. Эйзенхауэр сообщал, что намерен осуществить разгром немцев путем окружения и изоляции Рура, после чего рассчитывает встретиться с советски-

- ми войсками на линии Эрфурт — Лейпциг — Дрезден, то есть к юго-западу от Берлина (см. Д ж. Эрм ан, Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 134—140).
- ¹⁷ W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 400.
 - ¹⁸ *Ibid.*, pp. 406—408; Д ж. Эрм ан, Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 146.
 - ¹⁹ E. Holt, *The World War 1939—45*, p. 245; B. Collier, *Barren Victories*, p. 238; «*The Alexander Memoirs 1940—1945*», pp. 43—44; F. De Guingand, *Generals at War*, L., 1964, p. 202.
 - ²⁰ Цит. по Ф. С. Погью, Верховное командование, М., 1959, стр. 458—459.
 - ²¹ D. Eisenhower, *Grusade in Europe*, Carden City, 1948, p. 402.
 - ²² *Ibid.*, p. 396; Д ж. Эрм ан, Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 136—139.
 - ²³ Д ж. Эрм ан, Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 143, 150; О. Брэдли. Записки солдата, М., 1957, стр. 576.
 - ²⁴ B. Montgomery, *The Memoirs...*, p. 386; A. Eden, *The Reckoning*, p. 530.
 - ²⁵ A. Eden, *The Reckoning*, pp. 532—533; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 422.
 - ²⁶ «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». М., 1958, стр. 731—734.
 - ²⁷ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 499—501; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 394; H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin...*, pp. 651—652.
 - ²⁸ Lord Ismay, *The Memoirs of Lord Ismay*, p. 392.
 - ²⁹ B. Montgomery, *The Memoirs...*, p. 389; Lord Strang, *Britain in World Affairs*, L., 1961, p. 339; «*International Affairs*», 1955, July, p. 283.
 - ³⁰ См. S. King-Hall, *Britain's Third Chance*, L., 1944, p. 75; P. Matthews, *European balance*, L., 1945, p. 154; K. Ziliacus, *Britain, USSR, and World Peace*, L., 1946, p. 3; K. Middleton, *Britain and Russia*, L., 1947, p. 193.
 - ³¹ См. Д ж. Фуллер, Вторая мировая война 1939—1945, стр. 340—341, 466—467; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, pp. 279—303.
 - ³² См. B. Montgomery, *The Memoirs...*, p. 365; Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 142; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 634; S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, p. 215; R. Thompson, *The Price of Victory*, p. 65; его же, *The Yankee Marlborough*, p. 326; «*Hitler's Europe*», pp. 37—38; B. Gardner, *The Wasted Hour*, p. 83; B. Collier, *Barren Victories*, p. 212.
 - ³³ См., например, «*The Atlantic*», July 1954, p. 23; J. Pratt, *A History of United States Foreign Policy*, N. Y., 1955, p. 681.
 - ³⁴ J. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945*, pp. 559, 692—693.

Часть III, глава 6

- ¹ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 495, 498; «Вопросы истории», 1966 г., № 7, стр. 128—129.
- ² См. Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 108; «*The Realignment of Europe*», ed. A. Toynbee and V. Toynbee, O.U.P., 1955,

- p. 19; L. Broad, *Winston Churchill: Years of Achievement*, pp. 448—449, 470; B. Collier, *Barren Victories*, p. 239.
- ³ См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 509, 515, 527; H. Allen, *Great Britain and the United States*, p. 884.
 - ⁴ A. Eden, *The Reckoning*, p. 523.
 - ⁵ K. Middleton, *Britain and Russia*, p. 188.
 - ⁶ A. Taylor, *English History 1914—1945*, pp. 577, 593—594.
 - ⁷ См. Ch. Wilmoth, *The Struggle for Europe*, p. 708; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 624; «The Realignment of Europe», p. 118; L. Broad, *The War that Churchill Waged*, p. 407.
 - ⁸ См. «Международная жизнь», 1966 г., № 1, стр. 157.
 - ⁹ См. «Международная жизнь», 1966 г., № 7, стр. 153—154.
 - ¹⁰ См. B. Gardner, *The Wasted Hour*, p. 236; «Международная жизнь», 1966 г., № 1, стр. 158—159; № 3, стр. 152—153; W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, pp. 571—572, 582; A. Werth, *Russia at War 1941—1945*, pp. 1024—1025.
 - ¹¹ См. П. А. Николаев, *Политика США, Англии и Франции в германском вопросе 1945—1954*, М., 1964, стр. 74.
 - ¹² L. Broad, *Winston Churchill: Years of Achievement*, p. 490; H. Allen, *Great Britain and the United States*, pp. 883—884.
 - ¹³ V. Gollanz, *Our threatened Values*, L., 1946, p. 95; J. Leasor, *War at the Top*, p. 292; L. Macfarlane, *British Politics 1918—64*, p. 92.
 - ¹⁴ L. Broad, *The War that Churchill Waged*, pp. 391—392; R. Thompson, *The Yankee Marlborough*, p. 351.
 - ¹⁵ См. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*, pp. 568—569.
 - ¹⁶ См. «Atlantic», 1946, Dec., p. 54; «Foreign Affairs», 1947, Oct., pp. 85—87; R. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, Stanford, 1954, p. 11; J. Rae and T. Mahoney, *The United States in World History*, N. Y., 1955, p. 713.
 - ¹⁷ Д. ж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 515; J. Fuller, *The Conduct of War 1789—1961*, p. 303.
 - ¹⁸ См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 553; S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, pp. 235—236; A. Werth, *Russia at War 1941—1945*, pp. 1041—1043.
 - ¹⁹ H. Truman, *Memoirs*, vol. I, N. Y., 1955, p. 265.
 - ²⁰ H. Stimson and M. Bundy, *On Active Service in Peace and War*, p. 618.
 - ²¹ G. Alperovitz, *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The use of the Atomic bomb and the american confrontation with soviet power*, N. Y., 1965, p. 188; H. Truman, *Memoirs*, vol. I, p. 411; «Congressional Record», vol. 97, No 158, p. 6.
 - ²² См. W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 558; W. McNeill, *America, Britain and Russia*, p. 637; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 159; J. Biggs-Davison, *The Uncertain Ally*, L., 1957, p. 100; F. Williams, *A Prime Minister Remembers*, p. 74; L. Broad, *Winston Churchill: Years of Achievement*, p. 506; D. Thompson, *England in the Twentieth Century 1914—63*, p. 168.
 - ²³ См. R. Jones, H. Borton and B. Pearn, *The Far East 1942—1946*, p. 141; B. Gardner, *The Wasted Hour*, p. 270; Д. ж. Эрман, *Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945*, стр. 293—294.

- ²⁴ См. F. Jones, H. Borton, and B. Pearn, *The Far East 1942—1946*, pp. 104, 111—113.
- ²⁵ См. Киёси, О. Синдзабуро, С. Сёси, *История современной Японии*, М., 1955, стр. 263—264, 248.
- ²⁶ A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, p. 478; W. Churchill, *The Second World War*, Abridged one—volume edition with a new Epilogue on the Years 1945 to 1957, L., 1957, p. 954; A. Werth, *Russia at War 1941—1945*, p. 1042.
- ²⁷ L. Macfarlane, *British Politics 1918—64*, p. 87.
- ²⁸ См. P. Matthews, *European balance*, p. 157; S. King-Hall, *Britain's Third Chance*, p. 81; E. Culbertson, *Total Peace. What makes Wars and how to Organize Peace*, L., 1944, p. 114.
- ²⁹ См. H. Butler, *Peace or Power*, L., 1947, p. 162.
- ³⁰ J. Burnham, *The struggle for the World*, L., 1947, p. 188.
- ³¹ K. Middleton, *Britain and Russia*, p. 189.
- ³² «United Kingdom Policy: Foreign, Strategic, Economic», L., 1950, p. 12; M. Foot, *British Foreign Policy since 1898*, p. 160; B. Collier, *Barren Victories*, p. 179; L. Macfarlane, *British Politics 1918—64*, p. 87.
- ³³ См. Дж. Фуллер, *Вторая мировая война 1939—1945*, стр. 526; F. Grenfell, *The Inconditional Hatred*, L., 1952, pp. 132, 94.
- ³⁴ См. Ch. Wilmot, *The struggle for Europe*, p. 717; B. Collier, *Barren Victories*, p. 268; S. King-Hall, *Our Times, 1900—1960*, pp. 239—240; B. Gardner, *The Wasted Hour. The Tragedy of 1945*, p. VII; R. Thompson, *The Price of Victory*, pp. 257—258.
- ³⁵ См. B. Liddel Hart, *Strategy*, N. Y., 1956, p. 16, «Survey of International Affairs 1947—1948», by P. Calvocoressi, L., 1952, p. 1; Lord Strang, *Britain in World Affairs*, p. 339.
- ³⁶ A. Taylor, *English History 1914—1945*, p. 601.

Заклучение

- ¹ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 51.

- Л е н и н В. И., О лозунге Соединенных Штатов Европы, Полное собрание сочинений, т. 26.
- Л е н и н В. И., Крах II Интернационала, Полное собрание сочинений, т. 26.
- Л е н и н В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27.
- Л е н и н В. И., Тетради по империализму, Полное собрание сочинений, т. 28.
- Л е н и н В. И., Военная программа пролетарской революции. Полное собрание сочинений, т. 30.
- Л е н и н В. И., Империализм и раскол социализма, Полное собрание сочинений, т. 30.
- Л е н и н В. И., Внешняя политика русской революции, Полное собрание сочинений, т. 32.
- Л е н и н В. И., Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г., Полное собрание сочинений, т. 36.
- Л е н и н В. И. Письмо к американским рабочим, Полное собрание сочинений, т. 37.
- Л е н и н В. И., Письмо к английским рабочим, Полное собрание сочинений, т. 41.

- «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV (1935—июнь 1941 г.), М., 1946.
- «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», тт. I—III, М., 1946—1947.
- «Документы и материалы кануна второй мировой войны», тт. I—II, М., 1948.
- «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1958.
- «Нюрнбергский процесс», тт. I—VI, М., 1957—1961.
- «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», тт. 1—2, М., 1957.
- «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г., № 2—3.
- «Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов», М., 1967.
- «Фальсификаторы истории. (Историческая справка)», М., 1948.

- «The British Blue Book. Documents concerning German — Polish Relations and the Outbreak of Hostilities between Great Britain and Germany», L., 1939.
- «Documents on British Foreign Policy (1919—1939)», Second Series (1930—1938), vol. I—IX, L., 1946—1965; Third Series (1938—1939), vol. I—X, L., 1949—1961.
- «Documents on International Affairs 1938», vol. I—II, L., 1942—1943.
- «Documents on International Affairs 1939—1946», vol. I. March—September, 1939, ed. A. Toynbee, vol. II. Hitler's Europe, ed. M. Carlyle, L., 1951—1954.
- «Political and strategic interests of the United Kingdom. An outline», L., O. U. P., 1939.
- «Survey of International Affairs, 1933—1937», ed. A. Toynbee, O. U. P., 1938.
- «Survey of International Affairs, 1938», vol. I, O. U. P., 1941; vol. II, R. Laffan, The Crisis over Czechoslovakia. January to September 1938, O. U. P., 1951.
- «Survey of International Affairs 1939—1946», vol. I, The World in March 1939, O. U. P., 1952; vol. II, The Eve of War, 1939, O. U. P., 1958; vol. III, The Initial Triumph of the Axis, O. U. P., 1958; vol. IV, Hitler's Europe, O. U. P., 1954; vol. V, W. McNeill, America, Britain and Russia. Their cooperation and conflict, 1941—1946; O. U. P., 1953; vol. VI, G. Kirk, The Middle East in the War, O. U. P., 1953; vol. VII, The War and the Neutrals, O. U. P., 1956; vol. VIII, F. Jones, H. Borton and B. Pearn, The Far East, 1942—1946; O. U. P., 1955; vol. IX, The Realignment of Europe, O. U. P., 1955; vol. X, M. Balfour and J. Mair, Four — power control in Germany and Austria, 1945—1946, O. U. P., 1956; vol. XI, G. Kirk, The Middle East, 1945—1950, O. U. P., 1953.

- Бережков В., С дипломатической миссией в Берлин 1940—1941, М., 1966; его же, Тегеран 1943, М., 1968.
- Майский И. М., Воспоминания советского посла в Англии, кн. 2-я, М., 1964, его же, Воспоминания советского посла. Война 1939—1943, М., 1965.
- Трухановский В. Г., Уинстон Черчилль. Политическая биография, М., 1968.
- Alexander H., The Alexander memoirs 1940—1945, L., 1962.
- Amery L., My political life, vol. 1—2, L., 1953—1955.
- Birkenhead F., Halifax: the life of Lord Halifax, L., 1965.
- Broad L., Winston Churchill, L., 1941; его же, Sir Anthony Eden, L., 1956; его же, Winston Churchill: The Years of Achievement. A biography, vol. II, N. Y., 1963.
- Bryant A., The Turn of the Tide. A history of war years. Based on the diaries of field — marshal lord Alanbrooke, chief of the Imperial general Staff, N. Y., 1957; его же, The Triumph in the West 1943—1946, L., 1957.
- Churchill R., The Rise and Fall of Sir Anthony Eden, L., 1959.
- Churchill W., The Second World War, vol. I, The Gathering Storm, L., 1948; vol. II, Their Finest Hour, L., 1949; vol. III,

- The Grand Alliance, L., 1950; vol. IV, The Hingle of Fate, L., 1950; vol. V, Closing the Ring, L., 1951; vol. VI, Triumph and Tragedy, L., 1953.
- Cooper D., The Second World War. First phase, N. Y., 1939; его же, Old Men Forget, L., 1954.
- Dalton H., The Fateful Years 1931—1945, L., 1957.
- Eden A., The Eden memoirs. Facing the Dictators, L., 1962; его же, The Reckoning, L., 1965.
- Eisenhower D., Crusade in Europe, N. Y., 1948.
- Estorick E., Stafford Cripps: Master Statesman, N. Y., 1949.
- Feiling K., The Life of Neville Chamberlain, L., 1946.
- Lord Halifax, Fullness of Days, N. Y., 1957.
- Henderson N., Failure of Mission. Berlin 1937—1939, L., 1940; его же, Water under the Bridges, L., 1945.
- Hoare S., Ambassador on special mission, L., 1946.
- Johnson A., Viscount Halifax, L., 1941.
- Jones T., A Diary with Letters, 1931—1950, L., 1954.
- «The Ironside Diaries 1937—1940», ed. R. Macleod and D. Kelly, L., 1963.
- «The Memoirs of General the Lord Ismay», L., 1960.
- Kennedy J., The Business of War, L., 1957.
- King-Hall S., Our Times, 1900—1960, L., 1961.
- Kirkpatrick I., The Inner Circle, L., 1959.
- Leason J., War at the Top, L., 1959, его же, The Clock with Four Hands, L., 1959.
- Liddel Hart B., The Memoirs of Captain Liddell Hart, vol. 1—2, L., 1965.
- Lord Lothian (Philip Kerr), 1882—1940, ed. by D. Butler, L., 1960.
- Macleod I., Neville Chamberlain, L., 1961.
- Macmillan H., Winds of change, 1914—1939, L., 1966; его же, The Blast of War, 1939—1945, L., 1967.
- Minney R., Private Papers of Hore — Belisha, N. Y., 1961.
- Montgomery B., El Alamein to River Sangro, L., 1945; его же, Sangro to Gatiliano, L., 1946; его же, Normandy to Baltic, L., 1948; его же, The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein, L., 1958.
- Nicolson H., Diaries and Letters 1930—1939, L., 1966.
- Simon J., Retrospect: The Memoirs of Viscount Simon, L., 1952.
- Lord Strang, Home and Abroad, L., 1956; его же, Britain in World Affairs. Henry VII — Elizabeth II, L., 1961.
- Viscount Templewood (S. Hoare), Nine Troubled Years, L., 1954.
- Lord Vansittart, Lessons of My Life, L., 1944; его же, The Mist Precision. The Autobiography, L., 1958.
- Williams F., The Prime Minister Remembers. The War and Post War Memoirs of Rh. Hon. Attlee, L., 1961.

- Баратынский С., Дипломатия периода второй мировой войны, М., 1959.
- Волков Ф. Д., СССР — Англия, 1929—1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны, М., 1964.
- «Вторая мировая война, 1939—1945», М., 1958.
- Деборин Г. А., Вторая мировая война, М., 1958.

- Жилин П. А., Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз, М., 1966.
- Израэлян В. Л., Антигитлеровская коалиция 1941—1945, М., 1964.
- «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», тт. 1—6, М., 1960—1965.
- «История дипломатии», изд. 2-е, т. III, М., 1965.
- «История второй мировой войны», М., 1957.
- Крамин Д. Ф., Правда о втором фронте, М., 1958.
- Кулиш В. М., Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе, М., 1965.
- Майский И. М., Проблема второго фронта в англо-американской историографии, «Вопросы истории», 1958 г., № 1, его же, Борьба за второй фронт, «Новый мир», 1965 г., № 7; Мюнхенская драма, «Новое время», 1966 г., № 42—44, 46—49.
- Матвеев В. А., Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.), М., 1955.
- Мэтлофф Э., От Касабланки до «Оверлорда», М., 1964.
- Мэтлофф Э., Снелл Э., Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., М., 1955.
- Поздеева Л. В., Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936, М., 1956; ее же, Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1939—1941 гг., М., 1964.
- Поляков В. Г., Англия и мюнхенский сговор, М., 1960.
- Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.), М., 1965.
- «Против фальсификаторов истории второй мировой войны», М., 1959.
- «Против фальсификации истории второй мировой войны», М., 1964.
- Проэктор Д. М., Война в Европе 1939—1941 гг., М., 1963.
- Реутов Г. Н., Английская буржуазная историография внешней политики Великобритании кануна второй мировой войны, «Вопросы истории», 1964 г., № 12; его же, Правда и вымысел о второй мировой войне (Английская буржуазная историография о происхождении второй мировой войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939—1945 гг.), М., 1967.
- Ротштейн Э., Мюнхенский сговор, М., 1959.
- Трухановский В. Г., Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.), М., 1962; его же, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945), М., 1965.
- Ундасынов И. Н., Рузвельт, Черчилль и второй фронт, М., 1965.
- Фуллер Дж., Вторая мировая война 1939—1945 Стратегический и тактический обзор, М., 1956.
- Штейн Б. А., Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939), М., 1951.

- Allen H., Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations (1783—1952), L., 1954.
- Armstrong G., Why another world war? How we missed collective security, L., 1941.
- Beloff M., The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929—1941, vol. II, 1936—1941, O. U. P., 1955.
- Butler J., Grand Strategy, vol. 2, September 1939 — June 1941, L., 1957; J. Gwyer, J. Butler, vol. 3, June 1941 — August 1942,

- L., 1964; J. Ehrman, vol. 5, August 1943 — September 1944, L., 1956; J. Ehrman, vol. 6, October 1944 — August 1945, L., 1956.
- Carr E., The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939, L., 1939; еро же, International Relations since Peace Treaties, L., 1941; еро же, Conditions of Peace, L., 1942; еро же, International Relations between the Two World Wars (1919—1939), L., 1948; еро же, German-Soviet Relations between the Two World Wars, 1919—1939, Baltimore, 1951; еро же, The twenty years crisis, 1919—1939. An introduction to the study of international relations, N. Y., 1964.
- Clark A., Barbarossa. The Russian — German Conflict 1941—1945, L., 1965.
- Coates W. and Z., World Affairs and the U.S.S.R., L., 1939; A History of Anglo-Soviet Relations, vol. 1—2, L., 1945—1958.
- Collier B., Barren Victories (1918—1956), L., 1964; еро же, A short history of the Second World War, L., 1967.
- Colvin I., Vansittart in Office. A Historical Survey of the Origins of the Second World War based on the Papers of Sir Robert Vansittart, L., 1965.
- Fleming P., Invasion 1940. An account of the German preparations and the British counter — measures, L., 1957.
- Foot M., British Foreign Policy since 1898, L., 1956.
- Fuller J., The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon history, vol. III, L., 1956; еро же, The Conduct of War 1789—1961. A Study of the Impact of the French, Industrial and Russian Revolution on War and its conduct, L., 1961.
- Gardner B., The Wasted Hour. The tragedy of 1945, L., 1963.
- Gathorne-Hardy G., A Short History of International Affairs, 1920—1939, L., 1950.
- Gilbert M. and Gott R., The Appeasers, L., 1963.
- Higgins T., Winston Churchill and the Second front 1940—1943, N. Y., 1957.
- Holt E., The World in the War 1939—1945, L., 1956.
- Hutt A., Schaffer G., Darling G., Peace for our Times. Mr. Chamberlain and Munich: the Truth about a Policy, L., 1938.
- Falls C., The second world war. A short history, L., 1948.
- Ingram K., Years of Crisis. An outline of international history 1919—1945, L., 1946.
- King-Hall S., Britain's Third Chance, L., 1944.
- Leason J., Rudolf Hess. The uninvited Envoy, L., 1962; еро же, Singapore. The battle that changed the world, L., 1968.
- Liddel Hart B., The way to win wars. The Strategy of the indirect approach, L., 1952; еро же, The Other Side of the Hill, L., 1951.
- Mackintosh J., The Paths that led to war. Europe 1919—1939, L., 1940.
- Macfarlane L., British politics 1918—64, L., 1965.
- Majdalany F., The Battle of El Alamein, L., 1965.
- Marriott J., Anglo-Russian relations 1689—1943, L., 1944.
- McKee A., Strike from the sky. The story of the battle of Britain, L., 1960.
- Medlicott W., The Origins of the Second Great War, L., 1940; еро же, British Foreign Policy since Versailles, L., 1942; еро же, The Economic Blockade, vol. I—II, L., 1952—1959; еро же, The coming of War in 1939, L., 1963.

- Middleton K., Britain and Russia. A Historical Essay, L., 1947.
- Mowat Ch., Britain between the Wars. 1918—1940, L., 1955.
- Namier L., Diplomatic Prelude. 1938—1939, L., 1948; *еро же*, Europe in Decay. A Study in Desintegration, 1936—1940, L., 1950; *еро же*, In the Nazi Era, L., 1952.
- Nicolson H., Why Britain is at War, Harmondsworth, 1940.
- Playfair J. and Stitt G., The Mediterranean and Middle East, vol. I, L., 1954.
- Pritt D., They helped Hitler, L., 1936; *еро же*, Light on Moscow, L., 1939; *еро же*, Must the War Spread? N. Y. — L., 1940; *еро же*, Together against Hitler, L., 1941.
- Rayner R., The twenty years Truce, 1919—1939, L., 1943.
- Reitlinger G., The House built on Sand, L., 1960.
- Reynolds P., British Foreign Policy in the Inter — War Years, L., 1954.
- Robertson E., Hitler's Pre — War Policy and Military Plans, 1933—1939, L., 1963.
- Rowse A., All Souls and Appeasement. A contribution to contemporary history, L., 1961; *еро же*, Appeasement. A study in political decline 1933—1939, N. Y., 1961.
- Schulman M., Defeat in the West, L., 1947.
- Seth R., Stalingrad — Point of Return, L., 1959; *еро же*, Operation Barbarossa: The Battle for Moscow, L., 1964; *еро же*, The day war broke out. The story of the 3-rd september 1939, L., 1963.
- Seton — Watson R., Britain and the Dictatos. A Survey of Post War Policy, Cambr., 1938; *еро же*, From Münich to Danzig, Cambr., 1943.
- Taylor A., Rumours of War, L., 1952; *еро же*, Englishmen and the Others, L., 1956; *еро же*, The Troublemakers. Dissent over Foreign Policy. 192—1939, L., 1957; *еро же*, Munich. Twenty Years After, «Manchester Guardian weekly», Sept. 30, 1958; *еро же*, The Origins of the Second World War, L., 1961, *еро же*, Politics in wartime and other essays, L., 1964; *еро же*, English History 1914—1945, Oxford, 1965.
- Thompson R., The Price of Victory, L., 1960; *еро же*, The Yankee Marlborough, L., 1963; *еро же*, The Montgomery legend, L., 1967.
- Trevor-Roper H., Munich. Its lessons Ten Years Later, «The New York Times Magazine», Aug. 8, 1948; *еро же*, Why Hitler did not invade England, «The New York Times Magazine», June 6, 1965.
- Umiastowsky R., Poland, Russia and Great Britain 1941—1945, L., 1946.
- Watkins K., Britain Divided. The Effect of the Spanish civil war on British Political Opinion, L., 1963.
- Werth A., Moscow' 41, L., 1942; *еро же*, Moscow war diary, N. Y., 1942; *еро же*, Leningrad, L., 1944, *еро же*, The Year of Stalingrad, L., 1946; *еро же*, Russia at War 1941—1945, L., 1964.
- Wheeler-Bennett J., Munich. Prologue to Tragedy; *еро же*, The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945.
- Wilmot Ch., Struggle for Europe, L., 1953.
- Wiskemann E., Undeclared war, L. — N. Y., 1967.
- Woodward L., The Origins of the war, Oxford, 1940; *еро же*, British Foreign Policy in the Second World War, L., 1962.

Введение	3
Часть I. Основные направления английской буржуазной историографии второй мировой войны	7
Глава 1. Публикации дипломатических документов. Мемуарная литература	7
Глава 2. Официальные и полуофициальные издания. Издания «Чатам хауз»	28
Глава 3. Исследования, монографии и публицистические работы буржуазных историков	41
Часть II. Канун второй мировой войны	64
Глава 1. Буржуазные историки и мемуаристы Англии о внешней политике и международных отношениях 1933—1937 годов	64
Глава 2. Аншлюс Австрии. Судетский кризис и мюнхенский сговор	93
Глава 3. Внешняя политика Англии накануне войны (март — август 1939 г.)	121
Часть III. Внешняя политика Англии и международные отношения в период второй мировой войны	145
Глава 1. Первый период войны (1 сентября 1939 г.—22 июня 1941 г.). «Странная война» и «битва за Британию»	145
Глава 2. 1941 год: нападение фашистской Германии на СССР; образование антигитлеровской коалиции	178
Глава 3. Проблема второго фронта (1942—1943 гг.)	194
Глава 4. Правда и вымысел о Тегеранской и Крымской конференциях	212
Глава 5. Англия и разгром фашистской Германии (1944—1945 гг.)	235
Глава 6. «Триумф» или «трагедия»?	250
Заключение	267
Примечания	271
Библиография	298

1 р. 20 к.

Г. Н. РЕУТОВ ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ